

ЛЮБОВЬ
ВЪ ЖИЗНИ

ЖЕНЩИНЫ
НАПОЛЕОНА

Серия «Любовь в их жизни»

Борис Грибанов

ЖЕНЩИНЫ НАПОЛЕОНА

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2000

ББК 84 Р7
Г 82

Исключительное право публикации книги Бориса Грибанова «Женщины Наполеона» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Художник С. МОРОЗОВ

Грибанов Б.

Г 82 Женщины Наполеона. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 367 с. — (Любовь в их жизни).
ISBN 5-224-00750-X

Наполеон Бонапарт — само воплощение эпохи великих революций. Он вызывал восхищение и ненависть, зависть и презрение. Талантливый полководец и жестокий тиран, он был исключительной личностью. В книге рассказывается о личной жизни французского императора и о женщинах, всегда окружавших его. Что привлекало их в этом человеке — обаяние его личности или сияние его славы? Читателю предстоит решить это самому.

ББК 84 Р7

ПРОЛОГ,

он же эпилог, поскольку речь идет о бесславном конце этой необыкновенной, блистательной жизни. И о женщинах, которые сопровождали этот печальный закат. И о тех, чьи тени являлись Наполеону в последние годы и дни его жизни

Остров Святой Елены. Вулканическая скала, затерянная в водах Южной Атлантики. Вся площадь — всего сто двадцать два квадратных километра. Самый высокий пик Дианы достигает восьмисот восемнадцати метров. Владение Великобритании.

Забытая Богом точка на поверхности земного шара. Но эта одинокая скала вошла в историю, потому что сюда после поражения в знаменитой битве при Ватерлоо и своего отречения от императорского престола Франции (вторичного, первый раз он отрекался после разгрома Великой армии в России, когда союзные войска подошли к Парижу) был сослан Наполеон I. Здесь, фактически в заточении, он прожил последние шесть лет своей жизни, одинокий, всеми покинутый бывший всемогущий повелитель почти всей Европы, от взгляда которого трепетали императоры, короли, принцы.

С этим островом связана еще и таинственная загадка, разрешить которую не смог никто за минувшие с тех пор два столетия. В 1788 году девятнадцатилетний лейтенант Наполеон Бонапарт служил в полку Ла Фере, расквартированном в заброшенном бургундском городишке Валансе, все свое свободное время он посвящал занятиям историей и географией, делал многочисленные выписки. Так вот, на чистой странице одной

из записных книжек осталась запись, сделанная его рукой: «Св. Елена, маленький остров». Что это было — озарение, предчувствие или простая случайность? Трудно, просто невозможно допустить, что это была случайность. Но объяснить этот факт не мог никто, и, вероятно, он так и останется неразгаданной тайной.

Когда 15 октября 1815 года корабль военно-морского флота Британии «Нортумберленд» в сопровождении конвоя в составе фрегата, двух транспортов и нескольких бригов, доставивший Наполеона и его свиту на Святую Елену, бросил якорь в единственной гавани острова, население этого крохотного владения британской короны, включая военный гарнизон, насчитывавший более тысячи солдат и офицеров, составляло около четырех тысяч человек. Из них только 776 были белые, остальные были негры, китайцы и ласкары. Три четверти из более чем 1800 негров были рабами.

Здесь необходимо сказать и о климате Святой Елены. Французы из свиты бывшего императора называли этот остров «тропической Сибирью». Действительно, смертность среди населения Святой Елены была намного выше европейской. Статистикой среди гражданского населения тогда никто не занимался, но армейские архивы хранят некоторые цифры: если в Англии смертность в армии составляла семнадцать человек на тысячу, то в гарнизоне, базировавшемся на Святой Елене, она составляла сорок человек на тысячу. Причинами столь высокой смертности были такие заболевания, как дизентерия, воспаление кишечника и лихорадка, и все это в очень тяжелой форме. Причина эпидемий крылась в том, что воду для питья брали из ручьев, протекавших по лугам, где пасся скот.

Когда Наполеона доставили на Святую Елену, помещение для него еще не было готово, и бывший французский император два месяца жил в торговом павильоне неподалеку от гавани. Павильон этот находился в распоряжении Уильяма Болкомба, управляю-

щего местной лавкой Вест-Индской компании, человека доброго, отзывчивого, глубоко сочувствовавшего тому плачевному состоянию, в котором оказался величайший человек Европы. Приветливая жена Болкомба тоже отнеслась к изгнаннику с сочувствием и симпатией. Наполеона к тому же приятно поразило сходство миссис Болкомб с Жозефиной — такие же волосы, покорный рот, высокие скулы, нежное лицо. Но более всего душу Наполеона согревала четырнадцатилетняя дочь Болкомбов Бетси, веселая хохотушка, которая с первых же дней подружилась с бывшим императором. Они вместе гуляли, болтали, много смеялись.

Дружба с Наполеоном обернулась для семейства Болкомбов серьезными неприятностями. Английский губернатор Святой Елены генерал Хадсон Лоу, тупой солдафон, с первого дня возненавидевший Наполеона и с упоением осуществлявший за ним слежку, устанавливавший для бывшего императора всяческие ограничения — в прогулках по острову, во встречах с другими людьми, — с большим подозрением отнесся к теплым отношениям Наполеона с Болкомбами. Ему в голову пришла мысль, что Наполеон через Болкомбов отправляет письма во Францию своим сторонникам. Дело дошло до того, что, когда Наполеон послал в подарок Бетси коробку шоколадных конфет, Лоу приказал разрезать каждую конфету, чтобы убедиться, что в них нет никакой записки. В конце концов Лоу добился того, что Вест-Индская компания отозвала Болкомба со Святой Елены. А Наполеон лишился милых и бескорыстных друзей.

После двух месяцев ожидания дом для изгнанника был готов. В этом доме он проведет последние годы своей жизни. По жестокой иронии судьбы бывшему повелителю Европы, перед которым раскрывались двери самых роскошных дворцов Парижа, Вены, Рима, Милана, германских городов, теперь в качестве резиденции был предоставлен Лонгвуд-хаус. В свое время это помещение строилось не для жилья, а как коровник

и сарай. Потом его перестроили под жильё. Бывший сарай оборудовали для графа Монтонола с супругой. Он сменил на посту церемониймейстера графа Бертрана.

Лонгвуд-хаус отнюдь не отличался комфортом. Под комнатами не было подвалов, так что помещения никак не проветривались, что при тамошнем климате делало воздух в доме влажным и нездоровым.

Личные апартаменты Наполеона состояли из двух комнат — кабинета и спальни. В обеих комнатах стояли металлические складные койки, которые сопровождали императора во всех его походах. Их прикрывали зеленые шелковые занавески. Рядом со спальней находилось нечто вроде чуланчика, где плотник с «Нортумберленда» смастерил ванну — длинный деревянный ящик, обитый изнутри оловянными листами. В этой ванне Наполеон часами лежал в горячей воде, диктуя, разговаривая, размышляя.

В спальне был камин, над которым висело зеркало, на каминной полке стояли миниатюры Марии Луизы, его второй жены, его сына — Римского короля, и первой жены Жозефины.

Кроме того в доме имелась гостиная, где бывший император принимал посетителей, здесь он и его свита проводили вечера, читая, беседуя, играя в карты или шахматы. В гостиной были устроены деревянные полки для двух тысяч книг, которые Наполеон привез с собой и которые регулярно пополнялись. Здесь же стоял и бильярд, на котором любил играть бывший император.

Наполеона сопровождало в ссылку более тридцати человек. Среди них: генерал граф Эммануэль де Лас Казес с сыном, барон Гаспар Жорго, граф Тристан де Монтолон с женой, граф Анри Гратье Бертран, бывший церемониймейстер двора в Тюильри, его жена Фанни и двое детей. Наполеона обслуживали метрдотель, три камердинера, священник, врач, привратник, сторож, два повара, кондитер, кучер и грум.

Распорядок дня этой маленькой колонии (Наполеон предпочитал именовать ее по-прежнему императорским двором) был установлен с обычной для Наполеона четкостью. Он диктовал или, правильнее сказать, произносил свой нескончаемый монолог каждое утро, усаживаясь под деревом в саду. Как это было заведено в свое время в Тюильри, Наполеон завел здесь строгий этикет. Обеденный стол освещался императорским канделябром, обслуживали официанты в зеленых livreeх с серебряными кружевами, в каких они служили в Тюильри. Четверо офицеров являлись к столу в военной форме, а их жены в вечерних туалетах, их платья император критиковал так же сурово, словно они все еще находились при императорском дворе.

Весь день, во всяком случае до того, как здоровье Наполеона стало ухудшаться, строился по неизменному распорядку. После того как камердинеры опрыскивали его одеколоном и одевали, император (иначе окружение Наполеона его не называло) принимался диктовать, шагая взад и вперед, по очереди каждому офицеру историю своих военных кампаний, своей внешней и внутренней политики, посвящая их в свою политическую философию.

На Святой Елене не только климат был гнилой, гнилой была атмосфера, окружавшая Наполеона. Этот замкнутый мирок, состоявший из считанного количества придворных и слуг, был изолирован от всего остального мира, все они варились в собственном соку, завидовали друг другу, ненавидели, сплетничали, ссорились, интриговали. Их всех волновало одно — какое место каждый из них займет в завещании бывшего императора. Все они, вернувшись со Святой Елены во Францию после смерти Наполеона, издали свои воспоминания, которым, по оценке историков, верить нельзя. Эти мемуары полны противоречий, просто выдумок, большое место в них занимает сведение счетов.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что не слишком достоверными оказались и «Воспоми-

нения», которые Наполеон ежедневно по несколько часов диктовал, и стенографические записи генерала Бертрана, дотошно фиксировавшего все, что говорил Наполеон. А бывший император, надо отдать ему должное, говорил почти безостановочно. Это был нескончаемый монолог. Наполеон излагал свои мысли, воспоминания и версии, лежа в ванне или на своей походной койке за зелеными занавесками, не отпуская своих слушателей до полуночи.

Можно себе представить, какой психологический перелом переживал Наполеон, оказавшись на Святой Елене. Он, человек действия, человек неумной энергии, привыкший делать несколько дел одновременно — вершить дела всей Европы, разрабатывать законодательные акты, этикет своего двора и властелинов целой кучи европейских государств, решать, какие туалеты должны носить придворные дамы, готовить военные кампании, — был лишен всякого поля деятельности.

Но его неутомимый ум не мог смириться с таким положением. И Наполеон задумал последнюю кампанию в своей жизни. Он решил обеспечить себе пристойное место в истории. Теперь, имея возможность живописать свою жизнь так, как ему хочется, он полагал, что выиграет это последнее сражение — то, которое определит приговор вечности. Однажды он заметил, что «нет иного бессмертия, как только остаться в памяти людей».

Он хотел остаться в памяти потомков благородным государственным деятелем, не завоевателем, залившим кровью всю Европу, а миротворцем, не тираном, уничтожившим Республику, а непоколебимым республиканцем. При этом он без зазрения совести искажал исторические факты, подтасовывал, просто лгал, желая обелить себя. Так, например, он сказал Бертрону: «Я был либеральным правителем. Это Талейран и Фуше настаивали на введении цензуры, на удушении прессы и преследовании инакомыслящих».

Он пытался уверить потомков, что похищение и убийство герцога Энгийенского было совершено не по его инициативе. Иногда он доходил до полного абсурда. Всем было известно, как настойчиво Наполеон добивался руки сестры русского императора Александра I, желая таким образом закрепить союз с Россией. Если бы он женился на русской великой княжне, говорил он Бертрону, не было бы экспедиции в Россию: «русские не бросают своих союзников по семье». Теперь он придумал совершенно новую версию сцены, имевшей место в Эрфурте при его свидании с Александром. Теперь он утверждал, что там, к его изумлению, император Александр предложил ему руку своей сестры. «Это было *его* предложение. Я ответил, что не собираюсь разводиться и что я люблю свою жену». Как будто не сразу же после того, как его домогательства руки русской великой княжны были отвергнуты, он поспешно договорился с австрийским императором о женитьбе на его дочери Марии Луизе и развелся со своей первой женой Жозефиной. Таких примеров в его «Воспоминаниях» множество.

Наполеон был уверен, что, сочиняя о себе такую грандиозную легенду, он обеспечивает себе бессмертие. «Моя судьба противоположна судьбе других людей, — говорил он на Святой Елене. — Других людей падение принижает, моя же слава всегда будет на высоте. Каждый день освобождает меня от моего обличья тирана и жестокого человека». «Я выживу», — уверял он Бертрона.

И все-таки в «Воспоминаниях» Наполеона и в его разговорах с Бертронам из-под личины, которую он с таким тщанием вырисовывал, то и дело проглядывает его подлинное лицо. Он повторял слова, высказанные им в 1813 году: «То, что мои враги называют всеобщим миром, это моя гибель». Он не отказывается от заявления, сделанного им во время Ста дней: «Я хотел править миром, а для этого мне необходима была неограниченная власть... Я жаждал быть власти-

телем мира». А чего стоит такое его признание: «Я сожалею, что не начал в стране террор после возвращения с Эльбы».

Характерно, что, выстраивая свой образ в глазах потомков, Наполеон в своих «Воспоминаниях» почти не говорит о женщинах, с которыми его связала судьба. Есть редкие упоминания о Марии Луизе и еще меньше воспоминаний о Жозефине, его первой жене, с которой он прожил тринадцать лет, сделал ее императрицей Франции, развелся с ней, потому что она не могла родить ему наследника, а его обуревала идея утверждения династии, и сочетался браком с дочерью австрийского императора Марией Луизой.

Однако в своих бесконечных разговорах с генералами Бертраном и Гуржо Наполеон часто и охотно говорил о своих женах и любовницах. Эта тема его волнует, ему приятно вспоминать о женщинах, с которыми он спал в течение своей бурной жизни. Иногда он задним числом сводит с ними счеты, зачастую говорит о них весьма необъективно.

«Я никогда не любил, не любил по-настоящему, не считая, наверное, Жозефину, — немного, — потому что мне было двадцать семь лет, когда я встретил ее», — говорил он. Наполеон в этих разговорах старался убеждать своих собеседников, что он женился на Жозефине только потому, что она намекала на большое состояние, которым владеет на Мартинике, но когда он начал расследовать эти намеки, то, дескать, выяснилось, что все это вранье. «Я действительно любил ее; но не уважал. Она была большой лгуней, но обладала некими качествами, перед которыми устоять было невозможно».

Рассказывая генералу Гуржо о всех подробностях своей первой ночи с Марией Луизой, Наполеон добавил: «Я уважал Марию Луизу гораздо больше, хотя, вероятно, любил ее меньше, чем Жозефину, чье поведение не всегда бывало приличным. Но она была очень привязана ко мне и никогда не выражала желания

бросить меня». Он, ничуть не стесняясь, признавался генералу Бертрону, что тайком читал корреспонденцию Жозефины: «В итальянской армии я вскрывал ее письма, — как вы знаете, я частенько занимался этим, — и узнал, что она посылала чеки на три или четыре тысячи экю, чтобы оплачивать свои долги. Она обкрадывала меня... Всю жизнь она занималась этим, вечные долги, она всегда скрывала их, всегда отрицала».

Жалобы на мотовство Жозефины, всплывшая в его памяти фигура любовника Жозефины молодого лейтенанта Ипполита Шарля («Я думаю, это правда, — сказал он Гуржо. — Она наставляла мне рога?» Гуржо уклончиво ответил: «Так говорят, сир»), все это переплетается с самыми сладкими воспоминаниями о Жозефине. Он с удовольствием описывал генералу Гуржо Жозефину, какой она была, когда он впервые увидел ее, как «самую обаятельную женщину — женщину в полном смысле этого слова». И тут же ворчание: «Ее первой реакцией всегда было сказать «нет», чтобы иметь время подумать... Не обязательно солгать, скорее это была мера предосторожности, защитная реакция. Она почти все время лгала, но лгала с умом».

Собственно говоря, только эти две женщины, две его жены, и волновали память Наполеона. Жозефина умерла 29 мая 1814 года, вскоре после ссылки Наполеона на Эльбу. Незадолго до смерти она с отчаянием воскликнула: «Зачем я согласилась тогда на развод? Зачем? Наполеон несчастен, и я не могу быть около него! Его обвиняют несправедливо. Кто может судить об этом лучше меня?»

О последних годах жизни Жозефины после развода с Наполеоном будет рассказано отдельно. Здесь же только следует отметить, что последними словами Жозефины перед смертью были слова: «Эльба! Наполеон!»

Когда Наполеон вернулся во Францию с Эльбы, он говорил секретарю кабинета Флери де Шабулону:

«Жозефина была чуждая женщина и очень умная. Я горячо оплакивал ее потерю. День, когда я узнал о ее смерти, был несчастнейшим днем моей жизни».

На Святой Елене Наполеон часто возвращался мыслями к Жозефине, не раз говорил окружавшим его, что она всегда приносила ему удачу, и, как только он расстался с ней, удача изменила ему. При этом он не уставал повторять, что развод с Жозефиной и женитьба на Марии Луизе были продиктованы исключительно государственными интересами, заботой о будущем Франции, его убеждением, что он должен основать династию, которая будет править страной.

В конце апреля 1821 года, за неделю до смерти, ему на рассвете привиделась Жозефина. «Она не поцеловала меня, — рассказывал он Монтолону, — она ускользнула в тот самый момент, когда я хотел обнять ее... Она ничуть не изменилась, все такая же, все так же предана мне. Она сказала, что мы снова увидимся, чтобы больше никогда не расставаться».

И опять разночтения в воспоминаниях очевидцев. Генералу Бертрону показалось, что последними словами императора были: «Кто отступает? Во главе армии!» А генералу Монтолону послышалось, что император прошептал: «Жозефина...»

Любопытно отметить, что Наполеон на Святой Елене бывал весьма непоследователен в своем отношении к разным женщинам, с которыми был близок. Так, к примеру, когда до него дошло известие о том, что Мария Валевская вышла замуж, он пришел в ярость и поносил ее последними словами. А на вполне достоверные слухи, что его вторая жена Мария Луиза, ставшая волей ее отца, австрийского императора, герцогиней Пармской, держит в своих любовниках камергера, которого ей подсунул Меттерних и от которого она без конца рождает детей, Наполеон никак не отреагировал. Возможно, потому, что она была матерью его сына, Наполеона II. Знал бы он, что Мария Луиза не желает видеть сына, никогда не приглашает его

в Парму, не назначает его наследником герцогства Пармского!

Демонстрируя свое уважение и привязанность к Марии Луизе, Наполеон приказал врачу Антомарчи после своей смерти вырезать его сердце и отослать в серебряном ларце Марии Луизе. Интересно, как отреагировал бы Наполеон, если бы знал, что Антомарчи сам повез этот ларец в Парму, но Мария Луиза отказалась принять его?

Однако пришла пора рассказать и об интимной жизни Наполеона на Святой Елене.

Благодаря атмосфере бесконечных ссор почти невозможно с полной уверенностью установить, что на самом деле происходило на Святой Елене. Ни одно описание, а их были дюжины, нельзя считать беспристрастным, каждое полно сплетен, взаимных обвинений, а иногда и просто вранья.

Ни один из тех, кто прожил на острове те шесть лет, что провел здесь Наполеон, не обладал незапятнанной репутацией. Сплетни и скандалы изливались с этой скалы как ведра с отравленной жидкостью. Говорили, что вражда, более смертельная, чем возникающая на поле боя, разрасталась, как опухоль, в удушливой атмосфере императорского двора, резиденции английского губернатора и в казармах. Связи Наполеона с несколькими женщинами, жившими на острове, и более конкретно — с двумя француженками, которые последовали со своими мужьями в добровольное изгнание, трудно установить. Об этих отношениях писали многие, но никому из них нельзя доверять.

Обстоятельства любовных связей Наполеона, если их можно назвать любовными связями, туманны и полны противоречий.

Среди придворных, последовавших за своим господином на Святую Елену, не было выдающихся лиц, известных в Париже во времена Империи. В этой группе было пять офицеров, трое из них генералы.

Наиболее известным из этой группы был генерал

Бертран, который служил Наполеону всю свою жизнь и был главным церемониймейстером двора, сменив на этом посту Дюрока.

Следующим после него по рангу был граф Монтолон. Оба этих преданных офицера привезли с собой жен. Граф Монтолон, занявший должность церемониймейстера после графа Бертрана, поселился в пристройке Лонгвуд-хауса. Жене Монтолону Альбине исполнилось тридцать пять лет, когда они с мужем прибыли на Святую Елену. Она была женщиной заносчивой, весьма сексуальной, обладавшей большим опытом по этой части. Первые два ее брака распались из-за того, что она беспардонно изменяла своим мужьям. Граф Монтолон был ее третьим мужем и женился на ней вопреки мнению высшего света.

Граф Монтолон был беззаветно предан императору, он просто боготворил его, и когда Альбина залезла в постель Наполеона — не без приглашения владельца этой постели, — граф Монтолон не увидел в этой ситуации ничего постыдного. Этот роман без любви — Наполеон отдавал дань своей похоти — длился до тех пор, пока Альбина не родила дочь, окрещенную Наполеоной, и вынуждена была покинуть Святую Елену в июле 1819 года в результате разразившегося скандала.

Наполеон и в этом случае остался верен своему принципу — не оставлять бывших любовниц и уже тем более матерей своих внебрачных детей без богатых даров. Графу Монтолону он оставил два миллиона франков «как доказательство моего удовлетворения его сыновней привязанности ко мне в течение шести лет... и в виде возмещения тех потерь, которые он понес в результате пребывания на Святой Елене». Не приходится сомневаться в истинном характере «потерь» графа Монтолону.

Это становится тем более ясным, если вспомнить, что генералу Бертрану, своему верному спутнику на протяжении почти всей жизни, он оставил всего лишь пятьсот тысяч франков.

А дело заключалось в том, что после отъезда Альбины Монтолон со Святой Елены Наполеон предложил жене генерала Бертрана Фанни занять освободившееся в его постели место, но она наотрез отказалась.

Характерно для нравов, царивших при этом маленьком дворе, что Наполеон укоряет генерала Бертрана, что тот не может убедить свою жену, что ее патриотический долг спать с бывшим императором. И Бертран, который каждый вечер перед сном заносил в свой дневник все, что происходило в течение дня, записывает каждое слово Наполеона и, не мысля проявить хоть какую-то критику в адрес Наполеона, бесстрастно фиксирует: «Его Величество объявил, что весь остров знает, что мадам Бертран шлюха и спит в каждой канаве с английскими офицерами».

Здесь следует отметить, что Фанни Бертран, дочь ирландского эмигранта, обладала весьма живым и независимым характером. Когда «Нортумберленд» еще не вышел из Плимутской бухты и мадам Бертран узнала, что им предстоит плыть на Святую Елену и жить там неизвестно сколько лет, она пыталась выброситься из иллюминатора корабля, но муж успел удержать ее, схватив за ноги.

На Святой Елене она вела себя тоже независимо, в частности не подчинилась диктату Наполеона, требовавшего, чтобы к обеду все приближенные являлись без опоздания, принимала приглашения английских высоких чинов на ужины, что весьма не нравилось бывшему императору, всегда ненавидевшему англичан.

Впрочем, роман между Наполеоном и Фанни Бертран вряд ли мог состояться и по другой причине — физическое состояние Наполеона резко ухудшилось. Мы узнаем об этом из бесстрастных записей генерала Бертрана, который записывал все, что происходило вокруг бывшего императора, — о людях и событиях, не отраженных в официальных воспоминаниях, которые диктовал Наполеон, о ссорах и ревности при ма-

леньком дворе, о погоде, пикниках, о достоинствах шампанских и бургундских вин, подаваемых к обеду, о содержании английских газет, приходивших из Лондона, о здоровье Фанни Бертран и главное — о состоянии здоровья Наполеона. В последние годы Бертран записывал во всех подробностях, как рвало императора, как его пучит, как ему очищают желудок.

Наполеон умирал в страшных мучениях, поскольку малокомпетентный доктор Антомарчи поставил неправильный диагноз и прописывал бывшему императору лекарства, которые только усугубляли болезнь и усиливали боли. Врач давал Наполеону рвотный камень, а Наполеон умирал от рака желудка.

Он лежал, мучаясь от боли, умоляя дать ему хоть ложку кофе, который был запрещен ему.

Свое завещание он составил давно. Теперь сделал только некоторые дополнения. Поскольку силы его убывали и среди обитателей острова разнесся слух, что жить ему осталось дни, а может, и часы, среди его придворных началась суматоха — все волновались, что отписал каждому из них бывший император.

Перед тем как он потерял способность говорить и стал терять сознание, присутствовавшие англичане и французы гадали о ходе его мыслей. Снова и снова он бормотал: «Маленький король, маленький король...»

Его мысли были о сыне. Это были горькие мысли. Возможно, Наполеон и не знал во всех подробностях, что происходит с его сыном.

А происходило нечто ужасное. Наполеон II, титулованный королем Римским, жил в Вене в качестве пленника. Красивый отзывчивый мальчик был надеждой всех бонапартистов, и поэтому его сторожили словно преступника.

Его австрийские учителя старались заставить его забыть родной французский язык и разговаривать только по-немецки, но мальчик проявлял упрямство, и оказалось, что из его памяти не так легко изгнать представление о его происхождении.

Его мать, Мария Луиза, не обращала на сына никакого внимания, наслаждаясь жизнью с Ниппергом. Она не видела своего сына до того дня, когда он в возрасте двадцати одного года лежал на смертном одре.

А Наполеон умирал, уже и мысли о сыне оставили его, и его сознанием завладела главная идея всей его жизни. Он уже не бормотал имя сына, не вспоминал ни Жозефину, ни свою мать, ни свою австрийскую жену, ни какую-нибудь из женщин, обнимавших его когда-то. В три часа ночи 5 мая 1821 года он прошептал последние слова: «Во главе армии...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается о корсиканских корнях Наполеона Буонапарте, о первой юношеской влюбленности, о том, как он потерял невинность с проституткой в садах Пале-Рояля, и о том, как нищий лейтенант искал невесту с хорошим приданым или богатую вдову, на которой можно жениться

Маленькому Наполеоне (он тогда произносил свое имя Напойоне, чем вызывал насмешки соучеников) было девять лет, когда его в 1779 году привезли во Францию, в городок Бриенн в Шампани, и определили в Королевскую военную школу, где воспитывались сыновья благородных родителей, которым предназначена была военная карьера.

Позади осталось детство в родном доме семейного клана Буонапарте (так произносили на Корсике эту фамилию) в Аяччо, столице Корсики, где все благосостояние семьи основывалось на редкой роще оливковых деревьев, тощем винограднике и маленьком стаде коз, которые обеспечивали пропитание семьи.

Отец его, Карло Буонапарте, человек легкомысленный и легковесный, самовольно добавил к своей фамилии аристократическую частицу «де».

Как писал в своей книге «Жизнь Наполеона» великий Стендаль, сведения которого представляют тем большую ценность, что он знал Наполеона, служил интендантом в Великой армии, — Карло Буонапарте, унаследовавший скромное состояние, изучал право в итальянском городе Пизе. «Вернувшись на родину, он женился на Летиции Рамолини, слывшей самой обворожительной девушкой на острове. Он и сам был

очень красив и весьма любезен». А Летицию Рамолини в молодости называли «маленьким корсиканским чудом». Женщина с сильным характером, она тем не менее всегда подчинялась своему мужу. А Карло Буонапарте был человеком непостоянным и легко менял свои политические взгляды.

Здесь надобно заметить, что Корсика, этот вроде бы дикий и мало населенный остров, переживала в те времена большие катаклизмы. В течение двух веков Корсика принадлежала Генуэзской республике. Но в 1757 году народный вождь Паскуале Паоли поднял восстание против генуэзцев, изгнал их и в течение десяти лет управлял островом. Но в 1767 году Генуя продала свои права на Корсику французскому королю, и французские войска вторглись на остров. Национальное сопротивление, возглавляемое Паоли, продолжалось целый год. В этой войне принял участие и Карло Буонапарте. Его молодая и красивая жена следовала за ним. Как писал Стендаль, «среди всех бедствий злосчастных походов (речь идет о войне корсиканцев против итальянских, а потом и французских захватчиков. — Б. Г.) юная и прекрасная супруга Карло Буонапарте неизменно сопровождала его; она не страшилась опасностей войны и разделяла все лишения повстанцев, действовавших в самых диких горных местностях, среди крутых скал. Думая, как и ее муж, лишь о том, чтобы избавить свою родину от ига чужеземцев, г-жа Буонапарте стойко переносила невзгоды, чрезмерные для ее пола и положения. Она упорно отказывалась от убежища, которое ей предлагал французский полководец, завоеватель острова».

«Положение», на которое деликатно намекает Стендаль, заключалось в том, что она в то время была беременна Наполеоном.

Надо заметить, что судьба складывалась так, что вся жизнь Наполеона являла собой цепь драматических, ярких, почти театральных событий. Первым таким событием стало то, что Летиция Буонапарте ощу-

тила родовые схватки на мессе в церкви в Аяччо. Она самостоятельно добралась до дома и родила будущего французского императора без чьей-либо помощи.

Она последовала за своим мужем, ни в чем его не обвиняя, и после того, как Карло Буонапарте предал Паскуале Паоли и переметнулся к новым хозяевам страны — французам.

Остаток своей недолгой жизни — он умер в возрасте тридцати девяти лет — Шарль де Буонапарте, как он стал себя именовать, провел в приемных Парижа и Версаля, выпрашивая милости: пенсию для себя и возможность для своих трех старших детей учиться бесплатно в королевских школах. В результате этих его происков Наполеон Бонапарт в возрасте девяти лет был принят в Королевскую военную школу в Бриенне.

Летиция Буонапарте для своего сына Наполеона навсегда осталась идеалом, хранительницей семейного очага, воплощением суровых корсиканских семейных традиций — уважения к родителям, обостренного чувства ответственности перед семейным кланом. На Святой Елене Наполеон вспоминал, что мать внушила ему не только преклонение перед этими корсиканскими добродетелями, но и корсиканскую склонность к кровной мести — вендетте, которая может продолжаться «до седьмого колена». Наполеон называл свою мать «сильным мужчиной в семье».

Влияние Летиции и корсиканских традиций сказались прежде всего в отношении Наполеона к женщинам, особенно в первый период его жизни. Он говорил, что уважает «только тех женщин, которые рожают много детей». Эта его одержимость чисто корсиканской традицией продолжения рода, впоследствии трансформировавшаяся в идею создания и упрочения династии Бонапартов, во многом предопределила его жизнь.

Ощущение своего долга перед семьей владело На-

полеоном всегда. Когда в 1785 году умер его отец, Наполеон, который был еще кадетом военной школы, сообщил матери, что вопреки жесткой корсиканской традиции, когда после смерти отца место главы семьи занимает старший сын, он, считая своего старшего брата Жозефа легкомысленным и нерешительным, берет на себя обязанности главы семьи и всю ответственность за своих братьев и сестер.

Действительно, став властелином Франции и почти всей Европы, Наполеон тянул всех своих родственников, раздавая им королевские короны, герцогские и иные титулы. А так как его братья, а тем более сестры не обладали его государственным умом, то эта верность семье послужила причиной немалого количества бед для императора Наполеона. Как метко заметил Стендаль, «для Наполеона было бы гораздо лучше не иметь семьи».

Годы, проведенные Наполеоном в Королевской военной школе в Бриенне, наложили на его характер заметный отпечаток. Как писал все тот же Стендаль, великий знаток человеческой души, «в Бриеннской военной школе характер Наполеона закалился под влиянием того, что для гордых, пылких и застенчивых душ является великим испытанием: общения с враждебными чужеземцами». Соученики по школе издевались над его именем, непривычным для французского уха (именно тогда он отбросил последнюю букву «е» в своем имени Наполеоне), смеялись над его внешностью — большая голова и короткие тонкие ноги, над его корсиканским акцентом. Он страдал от непривычной еды и холодного, туманного климата Северной Франции. Он остро ощущал свое одиночество.

Здесь уместно отметить одну весьма характерную для Наполеона черту характера — гибкость, чтобы не сказать беспринципность, его взглядов. В ходе дальнейшего повествования немало внимания будет уделено трансформации политических взглядов Наполеона Бонапарта — в молодости ярого республиканца, а впо-

следствии деспота, объявившего себя императором, уничтожающего Республику самодержца.

Точно так же претерпели радикальное изменение его национальные привязанности. В Бриеннской военной школе он демонстрировал свою ненависть ко всему французскому. Своему единственному другу тех лет Луи Бурьену он говорил, что презирает своего отца за то, что тот не последовал за Паоли в эмиграцию, и никогда не простит ему участия в присоединении Корсики к Франции. Судя по воспоминаниям Бурьена, Наполеон говорил ему тогда, что «сам он принесет вашей Франции какой только сможет вред». И это говорил юноша, который в скором времени заявит себя рьяным французским националистом, деятелем, стремившимся утвердить величие Франции за счет других наций.

В Бриеннской военной школе Наполеон Бонапарт учился весьма посредственно, за исключением математики, предмета, в котором он выказывал недюжинные способности. Класс артиллерии он закончил предпоследним, и тем не менее ему предоставили стипендию для продолжения учебы в Королевской военной школе в Париже. Ему тогда исполнилось пятнадцать лет.

В 1784 году вместе со всем классом он отправился по Сене в двухдневное плавание до Парижа. Маленькая группа во главе с одним из старшин Бриенна высадилась на набережной Святого Павла в Маре, и юный провинциал впервые увидел столицу своей будущей Империи, огромный, шумный город с населением 600 тысяч человек. Мальчики поужинали в харчевне на Левом берегу, помолились в церкви Сан-Жермен-дю-Пре (Наполеон одолжил несколько су, чтобы купить на книжном развале роман «Жиль Блаз» Лесажа) и к ночи добрались до величественного здания на Марсовом поле — Королевской военной школы.

Учащиеся Королевской военной школы в Париже мало видели жизнь столицы, их дни были заполнены занятиями. Кадет Бонапарт подвергался здесь новым

унижениям: богатые и титулованные его соученики давали почувствовать нищему выходцу с Корсики, что такое социальное неравенство. Это способствовало развитию в нем высокомерия, презрения к окружающим, страстной надежды, что когда-нибудь он им всем докажет, чего он стоит.

Как и в Бриенне, он выражал свое презрение ко всему французскому, что усиливало нелюбовь к нему соучеников.

В октябре 1785 года Наполеон Бонапарт окончил Парижскую военную школу. Из пятидесяти восьми выпускников он был выпущен сорок вторым — достижение не блестящее. Но при этом он за год освоил курс, на который у других уходило два или три года.

В характеристике Бонапарта отмечалось: «Сдержан и трудолюбив... Молчалив, своенравен, горд и с большим самомнением... Обладает большим чувством собственного достоинства... Чрезвычайно честолюбив». И далее: «Корсиканец по нраву и национальности, этот молодой человек пойдет далеко, если обстоятельства будут тому благоприятствовать».

Бонапарту было присвоено звание младшего лейтенанта, и он получил назначение в артиллерийский полк Ла Фере, расквартированный в городе Валансе, в Бургундии.

Первой остановкой, где меняли лошадей по дороге в Бургундию, был Фонтенбло, и молодые офицеры поспешили поскорее покончить с ужином, чтобы посмотреть сквозь железные ворота на замок, в котором через тридцать лет император Франции Наполеон будет подписывать отречение от престола. По странному совпадению, тогда же, в сентябре 1785 года, Роз де Богарне, будущая жена Бонапарта, переехала в Фонтенбло и праздновала там свою обретенную от первого мужа свободу.

Сохранились воспоминания одного из спутников лейтенанта Бонапарта по этому путешествию. Он записал, что во время их следующей остановки в Лионе

Бонапарт, единственный из всей группы, не отпраздновал свободу посещением местного борделя. Однако во время этого путешествия на юг он, следуя примеру своего отца, заехал к знакомому их семьи с просьбой дать ему рекомендательные письма к именитым гражданам Валанса.

Здесь, в Валансе, Наполеон пережил свою первую юношескую влюбленность.

Вообще-то этот молодой офицер был чрезвычайно застенчив, а в отношениях с прекрасным полом даже робок. Наполеона сковывало сознание того, что у него весьма невыразительная внешность, бедная одежда, смущал корсиканский акцент.

В отличие от большинства молодых офицеров, которые напропалую ухаживали за местными красавицами, младший лейтенант Бонапарт все свободное время отдавал чтению. Он буквально вгрызался в исторические сочинения, книги по военному искусству, географии, делал выписки, комментировал. Именно тогда в одной из его тетрадей появилась загадочная запись о маленьком острове Святой Елены в Атлантическом океане.

Он читал книги по законоведению, политической экономии, увлекался античной историей, особенно походами Александра Македонского, книгами об Индии, Египте, Турции. Все, о чем читал, оседало навечно в его памяти. Читал он и модные романы. Любимым романом был «Поль и Виргиния», слезливое создание Бернардена де Сен-Пьера. Но главным его кумиром был Жан-Жак Руссо. На Святой Елене он заметит: «До того как мне исполнилось шестнадцать, я готов был сражаться до смерти за Руссо». Он принял к сердцу идеи Руссо о добродетели, о естественной жизни.

Из записей Наполеона того времени явствует, что он, подобно герою греческой мифологии Ипполиту, влюблен больше в славу, чем в женщин. Чего стоит такая, например, запись: «Если бы мне пришлось сравнивать века Спарты и Рима с нашими теперешними

временами, я сказал бы: здесь царствует любовь к женщинам, там — любовь к родине. Противоположное действие этих страстей, несомненно, позволяет нам считать их несовместимыми. Верно, во всяком случае, то, что народ, всецело отдавшийся волокитству, утратил степень мужества, необходимую для того, чтобы было мыслимо самое существование патриотов. Таково состояние, до которого мы дошли теперь».

Однако, несмотря на столь возвышенные мысли, молодость брала свое, и младший лейтенант Бонапарт влюбился.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Среди рекомендательных писем, которые Наполеон привез с собой в Валанс, было письмо от знакомых его семьи по Аяччо его преосвященству де Тардивону, аббату в Сен-Рюфе, человеку влиятельному в местном обществе. И он ввел застенчивого лейтенанта Бонапарта в лучшие дома Валанса, в том числе в дом мадам Грегуар де Коломбье, у которой была юная дочь Каролина.

Мать Каролины довольно настороженно относилась к молодым офицерам, увивавшимся вокруг ее хорошенькой дочери, но ей было жалко этого худенького бледного молодого человека, который шесть лет оторван от родного дома и семьи. Она чувствовала, что он очень одинок и застенчив, и не препятствовала его общению с ее дочерью.

А Бонапарт увлекся Каролиной, но при этом его ухаживания носили совершенно целомудренный характер, вполне в духе любимого им Руссо. Каролина охотно принимала ухаживания этого скромного молодого офицера. Быть может, в глубине души Наполеона и тлея мысль о женитьбе — он воспринял корсиканскую традицию ранних браков, и его не остановило бы то обстоятельство, что Каролина была гораздо старше его, но он понимал всю разницу их социального положения: Коломбье принадлежали к довольно зажиточному среднему дворянству, входили в местную элиту,

а младший лейтенант Бонапарт существовал только на свое скудное армейское жалованье и перспектив у него не было никаких: продвижение по службе в королевской французской армии было весьма медленным, если, конечно, вы не располагали состоянием и связями. Поскольку Бонапарт не располагал ни тем, ни другим, то мог рассчитывать годам к двадцати пяти стать лейтенантом, к тридцати (если повезет) получить звание капитана. Так что Наполеон никак не мог представлять собой выгодную партию для Каролины Коломбье.

Тем не менее платонический роман между ними продолжался. И следует отметить, что Наполеон сохранил о Каролине Коломбье и ее матери самую добрую память. Уже будучи на Святой Елене, Наполеон сделал такую запись: «Нельзя было вести себя более невинно, чем вели себя мы. Мы частенько устраивали тайные свидания, и я особенно хорошо помню одно — ранним утром в разгар лета. Трудно поверить, что единственное наслаждение, которое мы испытывали в то утро, состояло в том, что мы срывали вишни и ели их вместе».

Впрочем, Каролина Коломбье, вышедшая замуж за господина де Брессье, который увез ее в свой замок близ Лиона, однажды напомнила Бонапарту о себе. Прошло двадцать лет с того времени, как Бонапарт уехал из Валанса, и, находясь в Булонском лагере, он получил от Каролины письмо, в котором она просила помочь ее брату. Наполеон сразу же откликнулся. «Я всегда хранил память о Вашей матери и о Вас, — писал он. — Из Вашего письма я вижу, что Вы живете близ Лиона; должен упрекнуть Вас за то, что Вы не приехали туда, когда я там был, ведь мне всегда очень приятно видеть Вас».

Каролина не преминула воспользоваться этим намеком. В апреле 1806 года Бонапарт проезжал через Лион, направляясь в Милан на свою коронацию. Каролина приехала в Лион и оказалась в числе пригла-

шенных на аудиенцию. Придворные уже пронюхали об интересе, который проявил император к своей первой любви, и Лаура Жюно, в будущем герцогиня д'Абрантес, записала в своих мемуарах: «Я нашла ее остроумной, приятной, кроткой и доброжелательной, некрасивой, но сохранившей изящную фигуру. Я вполне представляю себе, что Наполеон испытывал удовольствие, собирая с ней вместе вишни без всяких неподходящих мыслей».

Наполеон был неприятно поражен тем, какой отпечаток наложило время на лицо Каролины. Тем не менее он удовлетворил все просьбы Каролины — ее муж был исключен из списка эмигрантов, ее брат получил чин поручика. Спустя два года император назначил Каролину придворной дамой в свите своей матери, ее мужа, мсье де Брессье, сделал председателем Избирательного собрания в Изере, а еще через два года даровал ему титул барона Империи.

Однако после этой встречи в Лионе Наполеон и Каролина больше не встречались. Вероятно, он не хотел видеть ее стареющей.

Впрочем, Каролина Коломбье была не единственной девушкой, на которой младший лейтенант Бонапарт готов был жениться. Он ухаживал и за мадемуазель де Лобери де Сен-Жермен. Однако она предпочла ему некоего мсье Башассона де Монталиве, как и она, уроженца Валанса, связанного дальними узами родства с Бонапартами.

Наполеон не чувствовал себя оскорбленным. Более того, он и впоследствии, став властелином Франции, не забыл эту семью. Башассона де Монталиве он назначил префектом Ла-Манша и Сены-и-Уазы, потом главным директором ведомства путей сообщения, позже министром внутренних дел, графом Империи, подарил ему 80 тысяч франков.

Что же касается мадам де Монталиве, о которой Наполеон говорил, что «некогда высоко ценил ее добродетель и восхищался ее красотой», то он назначил ее

в 1806 году придворной дамой императрицы. Но она поставила ему условия: «Вашему Величеству известны мои взгляды на назначение женщины. Милость, которую вы были столь добры оказать мне и которой позавидовал бы всякий, станет несчастьем для меня, если я буду вынуждена отказаться ухаживать за моим мужем, когда у него бывают приступы подагры, и кормить детей, когда провидение пошлет их мне». Император наморщил было брови, но потом, поклонившись, ответил: «А, вы мне ставите условия, мадам Монталиве, я не привык к этому. Но все равно я подчиняюсь. Будьте же придворной дамой. Все будет устроено так, чтобы вы могли быть супругой и матерью, как хотите».

Мадам де Монталиве никогда никакой службы не несла, но это несколько не мешало Наполеону относиться к ней с особым вниманием. Он любил эту семью: «Она отличается строгой честностью, это люди, способные искренне любить; я твердо верю в их привязанность».

Но все это еще впереди, а сейчас надо вернуться во времена его молодости.

Очень важно еще отметить, что в Валансе Бонапарт вступил в якобинский клуб и заявил себя неистовым республиканцем. В его конспектах тех лет можно встретить такие, например, высказывания: «В Европе остается очень мало королей, которые не заслуживают быть низложенными». Он ставит под сомнение сам институт монархии и заявляет, что в двенадцати королевствах Европы монаршие троны находятся в руках узурпаторов. В его записях то и дело попадаются такие выражения, явно позаимствованные им у Руссо, как «общественный договор», «естественные законы», «всеобщая воля». Вот такой длинный путь проделает Наполеон Бонапарт — от убежденного республиканца до императора Франции и властителя почти всей Европы.

В октябре 1785 года Бонапарт уехал из Валанса на

Корсику и только осенью 1787 года вернулся во Францию и отправился в Париж; чтобы выколотить свое задержанное офицерское жалованье.

Вот здесь и произошло грехопадение Бонапарта. В тот холодный ноябрьский вечер Бонапарт был в театре. Здесь следует отметить, что всю свою жизнь Наполеон искренне и беззаветно любил театр. Вероятно, эта страсть к лицедейству была заложена в его натуре. Не случайно он, уже будучи у власти, дружил с великим актером Тальма, у которого даже брал уроки декламации. Так вот, в тот вечер молодой лейтенант вышел из театра и оказался в садах Пале-Рояля. А сады эти традиционно славились в Париже как центр проституции. Более дорогие шлюхи селились в мезонинах над аркадами, откуда они могли высовываться из высоких сводчатых окон, принимая соблазнительные позы и зазывая клиентов. Некоторые из самых процветающих «жриц любви» посылали мальчишек, которые раздавали прохожим листовки с описанием специальности шлюхи и указанием цены за предлагаемые услуги. Проститутки подешевле занимались своим ремеслом в садах Пале-Рояля. Вот с одной из таких девиц и столкнулся лейтенант Бонапарт в тот вечер. Он записал в своем дневнике все подробности этой встречи, и эта запись заслуживает того, чтобы воспроизвести ее полностью.

«Париж, четверг 22 ноября 1787 г.

Отель «Шербург», улица дю Фор, Сент-Оноре.

Выйдя из Итальянской оперы, я зашагал по аллеям Пале-Рояля. Душа моя была взволнована бурными чувствами, весьма характерными для нее, и поэтому я не замечал холода. Но постепенно я успокаивался и, почувствовав осеннюю стужу, направился к Галереям. Я уже стоял у одной из железных дверей, когда заметил особу женского пола. Поздний час, ее молодость, костюм не оставляли сомнений, что это проститутка. Я посмотрел на нее. Она остановилась. Ее поза не была вызывающей, а соответствовала ее облику. Это

поразило меня, застенчивость особы ободрила, и я заговорил с ней... Я, более чем кто-либо чувствующий отвращение к ее ремеслу, считающий себя загрязненным одним только взглядом. Но ее бледность, хрупкое телосложение и приятный голос не позволили колебаться ни минуты. Или это та, сказал я себе, которая нужна мне для наблюдений, или это какая-нибудь дубина...

— Вам, наверное, очень холодно, — обратился я к ней, — как вы могли решиться выйти?

— О, мсье, надежда придает мне бодрости...

Безразличие, с которым она произнесла эти слова, прямота ответа подкупили меня, и я пошел с ней.

— У вас, по-видимому, слабое здоровье, меня удивляет, как ваше ремесло не утомляет вас.

— А! Что поделаешь! Надо же чем-нибудь заниматься.

— Конечно, но разве нет ремесла более подходящего для вас?

— Нет, мсье, а голод не тетка.

Я был в восторге. Она мне по крайней мере отвечала — успех, которым увенчивались не все мои попытки.

— Вы, должно быть, откуда-нибудь с севера, раз не боитесь холода.

— Я из Бретани, из Нанта.

— Я знаю эти края. Мне интересно узнать вашу историю. Расскажите, как вы потеряли девственность...

— Один офицер лишил меня ее.

— Это вас огорчает?

— О да, уверяю вас. — Голос ее сделался выразительным: — Уверяю вас. А вот сестра моя живет теперь хорошо, почему бы и я не могла жить также?

— Как вы попали в Париж?

— Офицер, который обесчестил меня — я ненавижу его, — бросил меня. Мать очень рассердилась, пришлось бежать от нее. Тогда мне попался другой, повез меня в Париж, но и он бросил, его заменил третий,

с которым я прожила три года. Француз, но дела держат его в Лондоне, и теперь он там. Пойдем к вам.

— Но что мы будем у меня делать?

— Пойдем погреемся, а вы будете довольны.

Я был далек от того, чтобы стать святошей. Нарочно завлекал ее, чтобы она, когда я начну расспрашивать ее, не убежала от меня якобы из целомудрия, отсутствие которого у нее я хотел ей доказать».

В этой дневниковой записи самой, пожалуй, примечательной фразой является вопрос молодого лейтенанта: «Но что мы будем у меня делать?» Впрочем, девица без особого труда увлекла его в отель, где наглядно разъяснила ему, чем им надлежит заниматься.

Таков был первый сексуальный опыт Наполеона Бонапарта. А впереди его ожидала такая насыщенная любовная жизнь...

Последующие два года оказались переломными в истории Франции, страну сотрясала Революция. Наполеон Бонапарт был захвачен революционными событиями. Он успел завоевать репутацию ярого якобинца. Этому в немалой степени способствовала сочиненная им брошюра «Ужин в Бокере», весь пафос которой вполне соответствовал устремлениям якобинского правления.

Однако в характере Наполеона, как всегда, уживались самые противоречивые взгляды. Этот убежденный республиканец презирал толпу и боялся ее. В июне 1792 года Бонапарт вместе со своим давним приятелем по военной школе Луи Бурьеном оказались невольными свидетелями штурма дворца Тюильри. Они сидели в кафе и видели, как толпа, вооруженная пиками и мушкетами, шла, выкрикивая ругательства, как описывал Наполеон в письме брату Жозефу, от секции Галле к дворцу Тюильри. Когда же они увидели, как король Людовик XVI, перепуганный, показался в окне и нацепил красный бант, Наполеон бросил Бурьену:

«Дурак! — По-итальянски это прозвучало гораздо крепче. — Он должен расстрелять из пушек несколько сот этой дикой черни и покончить с ними».

А потом в ночь с 9 на 10 августа он услышал набатный колокол и поспешил к Тюильри. Там он стал свидетелем кровавой расправы толпы над швейцарскими гвардейцами и надругательства над их трупами, бегства королевской семьи в расположенное поблизости Собрание, и этот пламенный республиканец написал брату Жозефу: «Если бы король оседлал коня, победа была бы за ним».

Тем временем республиканские армии терпели поражение на всех фронтах. После капитуляции при Лонгви путь на Париж был открыт. Правительство мобилизовало все силы, полк Ла Фере (теперь переименованный в Четвертый артиллерийский) вошел в состав армии Юга, а недавно произведенный в капитаны Бонапарт попросил отпуск и отправился на Корсику под тем предлогом, что должен сопровождать свою сестру.

Корсику в то время раздирали политические страсти, и Бонапарт окунулся в этот кипящий котел политической борьбы. Смысл этой борьбы сводился к тому, что народный кумир Паоли, который был символом не только сопротивления захватчикам-генуэзцам в 1720-х годах и французам в 1768 году, но и выдающимся либеральным деятелем, — учредил на Корсике Конституционное собрание и дал корсиканцам демократическую конституцию, — понял, что революционная Франция вовсе не намерена предоставить Корсике независимость, и возлагал свои надежды на извечного врага Франции — Англию.

Поначалу капитан Бонапарт пишет льстивые письма Паоли, надеясь заручиться его расположением. Но Паоли не торопится принять в свои ряды сына Карло Буонапарте, помня его предательство.

Тогда Бонапарт и его братья стали заигрывать с Народной партией, возглавляемой Кристофом Анту-

аном Саличетти, который представлял Корсику в Национальном собрании в Париже. Человек мрачной внешности, очень высокий, с длинным лицом, испещренным оспинами, он считался самым умным политиком на Корсике. Ему суждено было сыграть очень важную роль в судьбе Наполеона Бонапарта.

На Корсике три старших Бонапарта и Саличетти оказались замешанными в сомнительную историю с выборами в Национальное собрание и в похищении судьи, которого они считали противником избрания Жозефа Бонапарта депутатом Собрания в Париже. Кроме того, в апреле 1792 года Наполеон в качестве полковника местной Национальной гвардии повел корсиканские силы против французских войск в Аяччо, и его за одно это могли отдать под военный трибунал. Его могли обвинить и в дезертирстве, потому что вопреки приказу военного министерства о немедленном возвращении офицеров в свои части он не подчинился этому приказу.

Однако ловкий Наполеон Бонапарт, приехав в Париж, умудрился не только выколотить все свое жалование, хотя на самом деле его должны были судить за то, что он возглавил выступление корсиканцев против французской армии, но и получить повышение в звании, как если бы он все это время находился в своем полку.

А на Корсике обострилось противостояние сторонников Паоли и компании Саличетти — Бонапартов. Конвент издал указ — сместить Паоли и его сторонников со всех их постов и арестовать по подозрению в измене.

И тут как на грех полиция Паоли перехватила письмо из Тулона, написанное младшим братом Наполеона Люсьеном, в котором он хвастался, что указ Конвента дело его рук, что это он разоблачил Паоли как предателя Республики. Письмо было предано огласке, и на клан Бонапартов обрушилась вся ярость сторонников Паоли. Члены семьи Бонапартов были прокляты, и за ними началась охота.

Наполеон понял, что надо спасаться бегством. Дальше события развивались по всем законам авантюрного жанра. Бонапарт тайно бежал из Аяччо, намереваясь пробраться в Бастиа под защиту могущественного Саличетти. Он шел горными тропинками, скрывался в хижине пастуха, продирался сквозь лесные заросли. Но его все-таки выследили и схватили. Ему удалось бежать из места своего заключения через окно. Он тайно вернулся в Аяччо, прятался в доме своего кузена, но его и там нашли жандармы, тем не менее он сумел бежать через сад. Преодолевая тысячи препятствий, он добрался до моря, на лодке доплыл до Макинаджио и верхом через горы добрался до Бастиа. Оттуда он послал записку матери, предупреждая, что ей с детьми надо бежать. Летиция последовала его совету и, как выяснилось, вовремя: через несколько часов после ее бегства в дом Бонапартов ворвалась разъяренная толпа сторонников Паоли, они разграбили и сровняли с землей дом Бонапартов, их родовое гнездо, виноградник был уничтожен, козы вырезаны.

Выручил Бонапартов Саличетти: он вывез на маленьком суденышке Наполеона, потом взял на борт Летицию с тремя детьми и доставил их в Тулон.

Теперь Летиция с детьми, потеряв все свое имущество — дом, виноградник, стадо коз, — целиком зависела от Наполеона. А он, верный традициям семейной солидарности, высылал матери значительную часть своего скудного офицерского жалованья. Сам он вернулся в Четвертый артиллерийский полк, вошедший в состав Итальянской армии со штаб-квартирой в Ницце, и получил назначение командовать одной из батарей, которые должны были оборонять средиземноморское побережье Франции от британского флота.

Раз уж зашла речь о материальном положении Наполеона Бонапарта, то надо признать, что Революция пока что ничего Бонапарту не принесла. Его продвижение по военной службе шло черепашьям шагом. Многие из его сверстников, начинавших военную карьеру

еру одновременно с ним, успели отличиться на фронтах, щеголяли в генеральских мундирах, разбогатели, пользовались успехом у женщин, а он все еще прозябал в чине капитана.

Верил ли он тогда в свою звезду? Вряд ли. Как отмечала хорошо знавшая его Лаура д'Абрантес, он обретал мужество и силу духа, одерживая победы, неудачи же ввергали его в состояние паники. В 1793 году ни о каких победах и речи не было.

И тем не менее его звездный час приближался.

Когда обнищавшие Бонапарты в июне 1793 года оказались в Тулоне, ситуация во Франции была поистине катастрофической. Республиканская армия терпела поражение на всех фронтах. В апреле в Париже был провозглашен террор. По всей столице был объявлен призыв в армию.

В июне якобинцы добились изгнания жирондистов из Конвента, и это послужило сигналом к восстанию более чем в половине провинций Франции против диктатуры якобинского меньшинства. Роялистски настроенные Вандея и Бретань уже были охвачены восстанием, теперь вся юго-восточная часть Франции оказалась в состоянии гражданской войны. Тулон, важнейший стратегический пункт на средиземноморском побережье, тоже восстал против якобинцев. Правительство в Париже пригрозило мятежному городу «казнью». Что это означало, нетрудно было догадаться. Взбунтовавшийся Лион представитель Конвента Жозеф Фуше предал огню и мечу. В Бордо комиссар Конвента Тальен установил гильотину, а Марсель потопили в крови.

Тулон обратился за помощью к командующему британским военным флотом адмиралу Худу за помощью. Таким образом взятие Тулона становилось не только военной, но и политической задачей. На средиземноморское побережье Конвент направил группу полномочных комиссаров из числа своих членов с самыми широкими полномочиями. В эту группу вошли

такие видные деятели, как Саличетти, Огюстен Робеспьер — младший брат Максимилиена Робеспьера, Поль Баррас, Станислав Фрерон.

А дальше Бонапарту помог случай. Командующий артиллерией республиканской армии был ранен, и Саличетти рекомендовал Огюстену Робеспьеру, Полю Баррасу и Станиславу Фрерону капитана Бонапарта. Они согласились, и новый командующий артиллерией немедленно приступил к разработке собственного плана взятия Тулона. Комиссары Конвента этот план одобрили, и Бонапарт начал реализовывать свой замысел.

В холодную декабрьскую ночь, в грозу и ливень, пушки Бонапарта открыли сильнейший огонь по укреплениям Тулона, на штурм пошли четыре колонны, одну из них возглавлял капитан Бонапарт. Он проявил недюжинную личную храбрость — под ним была убита лошадь, ему прокололи штыком ногу, он получил контузию, но не оставил ряды атакующих.

Его полководческий талант и личное мужество не остались незамеченными. В восторженном донесении комиссаров Конвента отмечалась его неутомимая деятельность и подчеркивалось то обстоятельство, что он ни разу не оставил свои батареи и спал рядом с ними, завернувшись в плащ.

Взятие Тулона принесло свои плоды: по ходатайству Поля Барраса Бонапарту было присвоено звание бригадного генерала, а в Тулоне совершилось массовое убийство мирных жителей. Жозеф Фуше, которого Наполеон сделает своим министром полиции, спешил из Лиона в Тулон, чтобы принять участие в массовой резне. Этот сентиментальный убийца написал тогда одному из своих коллег в Париж: «Сегодня мы казним 1213 восставших. Прощай, друг, слезы радости льются из моих глаз и осушают мою душу».

Только что произведенный в генералы Бонапарт был назначен командующим артиллерией Итальянской армии. Его штаб размещался в Марселе. Там он

познакомился с семейством Клари, и там начался его роман с Дезире Клари. Но об этом романе чуть позже, а пока что следует сказать, что генерал Бонапарт уже не вел жизнь монаха.

В сентябре 1794 года Конвент командировал одного из своих влиятельных членов Луи Тюрро в Пьемонт, где находился Бонапарт. Тюрро взял с собой жену Фелицату. Она, безусловно, вызывала интерес: «Приятные лицо и голос, белокурые волосы, умница, патриотка, философ». Молодой генерал понравился мадам Тюрро, да и ее муж был им очарован. Она вообще была большой ветреницей. Бонапарт даже устроил для ее развлечения маленькое сражение. Впоследствии на Святой Елене он расскажет генералу Бертрану, что это развлечение стоило жизни четырем или пяти солдатам.

Надо сказать, что эта связь принесла Бонапарту не только удовольствие, но и пользу. 13 вандемьера, когда Конвент оказался в опасности, Тюрро, не менее настойчиво, чем Баррас, предлагал Конвенту доверить командование войсками именно Бонапарту.

Бонапарт не забыл об этой услуге. Став командующим Итальянской армией, Бонапарт взял с собой и Тюрро. Но Тюрро и на этот раз сопровождала жена, которая и здесь пустилась во все тяжкие. На этой почве между супругами происходили постоянные сцены, и кончилось тем, что Тюрро умер, как говорили, измученный горем.

Жена его вернулась в Версаль, свой родной город. В годы Империи она жила очень бедно, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание, но так и не нашла себе покровителя. Как-то на охоте Наполеон упомянул ее имя в присутствии Бертье, который знал ее с детских лет, будучи, как и она, родом из Версаля. До сих пор он отказывал ей в протекции, теперь же поспешил представить ее ко двору. «Император сделал для нее все, что она просила: он осуществил все ее мечты, и даже больше того». Ее мечта — это пенсия в шесть

тысяч франков, которая и была ей пожалована в сентябре 1810 года.

Однако надо вернуться в 1793 год.

Тулон стал переломным моментом в военной карьере Наполеона Бонапарта. Но не решающим. Имя его по-прежнему оставалось малоизвестным. Да и финансовое положение было далеко не блестящим. А стремление разбогатеть обуревало Наполеона с самых юных лет. Не случайно он впоследствии не раз повторял: «Есть только одно дело, которое нужно делать в этом мире, — это добывать деньги, и побольше денег, власть, и как можно больше власти. Все остальное не имеет значения». Как видно, идея власти была в нем столь же сильна, как и жажда разбогатеть.

Пока что единственный способ разбогатеть, который маячил в сознании молодого генерала, это женитьба на богатой невесте. Пример был у него, можно сказать, перед глазами. Его старший брат Жозеф весьма удачно женился на старшей дочери богатого марсельского негодяя Клари. Когда Наполеон узнал, что приданое Жюли Клари составляет 132 тысячи франков, он воскликнул, имея в виду Жозефа: «Ну и повезло же этому плуту!» А когда Бонапарт узнал, что такое же приданое дают и за младшей дочерью, шестнадцатилетней хорошенькой Дезире-Евгенией, он стал постоянным гостем в доме Клари. Наполеон теперь занимался укреплением французского побережья Средиземного моря и постоянно разъезжал, посещая Ниццу, Тулон, Марсель. Особенно привлекал его Марсель, он откровенно ухаживал за Дезире, которую называл Евгенией. Девушка всерьез влюбилась в молодого генерала. Между ними завязалась любовная переписка, длившаяся довольно долго.

Дезире была девушкой романтической. Лаура д'Абрантес впоследствии вспоминала: «Когда я впервые познакомилась с Дезире, она была необыкновенно склонна к меланхолии и всему романтическому». Это настроение явно проступает в ее письмах Наполеону.

«О мой друг, — писала она, — заботься о себе для твоей Евгении, которая не могла бы жить без тебя. Исполни так же хорошо клятву, данную тобою мне, как я исполняю клятву, данную мною тебе». В другом письме: «Люби меня всегда, все остальные несчастья для меня ничто!»

В первых письмах Бонапарта к Дезире звучат те же лирические нотки. «Ваше очарование, Ваш характер, — пишет он, — незаметно завоевали сердце вашего возлюбленного». Или еще один пример такой сентиментальности: «Вы всегда в моих мыслях, я никогда не сомневался в Вашей любви, моя сладкая Евгения, как Вы можете подумать, что моя любовь к Вам может иссякнуть?»

Можно ли сомневаться в искренности его чувств к Дезире Клари? Скорее всего нет. Просто и в этой ситуации проявлялась двойственность его характера. Влюбленность в Дезире прекрасно уживалась в нем с откровенно меркантильными устремлениями — жениться на ней и получить богатое приданое. Уезжая из Марсея, Наполеон бомбардирует своего брата Жозефа письмами, в которых требует, чтобы Жозеф и его жена Жюли, старшая сестра Дезире, ускорили бы завершение «этого дела», как он называет возможность женитьбы на Дезире Клари. Проблема заключалась в том, что мать и брат Дезире (ее отец умер незадолго до их знакомства) были категорически против этого брака. Они считали, что одного Бонапарта в их семье более чем достаточно. А Наполеон настаивает, чтобы Жозеф твердо переговорил с братом Дезире: «Сообщи мне результаты — тогда все будет ясно». Вслед за этим письмом Наполеон посылает новое письмо: «Надо ли закончить это дело, или все порвать? С нетерпением жду ответа»:

Когда Бонапарт уехал в Париж, Дезире была безутешна. Не успел затихнуть топот лошадей почтовой кареты, в которой Бонапарт в сопровождении двух своих приятелей — Андоша Жюно и Августа Мар-

мона — отбыл из Марселя, как Дезире, обливаясь слезами, побежала в свою комнату, чтобы написать ему вдогонку письмо: «Вы уехали всего полчаса назад... Одна только мысль, что Вы останетесь навсегда верны мне, утешает меня».

Письма Наполеона к Дезире из Парижа становились все более холодными, а когда Дезире узнала, что ее нареченный женился, она была в отчаянии. Она написала ему: «Вы сделали меня несчастной на всю жизнь, а я еще имею слабость все прощать Вам. Вы, значит, женаты! И отныне бедной Евгении не будет позволено любить Вас, думать о Вас... Единственное, что остается мне в утешение, это знать, что Вы уверены в моем постоянстве; помимо этого я не желаю ничего, кроме смерти».

Однако прошло не так много времени, и Дезире утешилась, вышла замуж за генерала Бернадотта, соперника Бонапарта по военной карьере, которого впоследствии судьба сделала королем Швеции; а Дезире соответственно стала королевой и прародительницей длинной череды европейских коронованных особ.

Будучи на Святой Елене, Наполеон сказал генералу Бертрону: «Я сделал Бернадотта маршалом, а потом королем только потому, что в Марселе я лишил Дезире невинности». Типичное для Наполеона желание свести счеты и исказить истину. Во-первых, Наполеон не только не делал Бернадотта шведским королем, а более того — сопротивлялся этому изо всех сил. Во-вторых, в Марселе его отношения с Дезире ограничивались долгими прогулками по городу и нежными пожиманиями рук. В ином случае тональность ее писем Наполеону была бы совершенно иной. Женщины ведь ничего не забывают.

До самого конца своей императорской власти Наполеон выказывал величайшее расположение к своей бывшей нареченной. Он согласился стать крестным отцом ее сына. Ради Дезире Наполеон прощал Бернадотту очень многое. «Если Бернадотт был француз-

ским маршалом, князем Понтекорво и королем, то причина этому его брак, — сказал Наполеон. — Все его ошибки за годы Империи были прощены ему благодаря этому браку».

Наполеон в данном случае излишне деликатен. Речь ведь шла не об «ошибках», а о прямых актах предательства со стороны Бернадотта. И тем не менее Наполеон продолжал покровительствовать Дезире. Он, например, откупил у генерала Моро все его имения, земли в Гробеза, отель на улице д'Анжу. За этот отель он заплатил четыреста тысяч франков и подарил его Бернадотту. Он сделал его маршалом Империи, главой Восьмой когорты Почетного легиона, пожаловал Бернадотту триста тысяч ежегодного дохода и двести тысяч франков наличными, не говоря уже о княжестве Понтекорво. И все это делалось ради Дезире, потому что Бернадотта Наполеон не любил, чтобы не сказать — ненавидел. Что же касается Дезире, то, надо думать, его всю жизнь мучили угрызения совести. При каждом удобном случае он посылал ей — сама она из ненависти к Жозефине никогда не появлялась при императорском дворе — ценные подарки, севрские вазы, гобелены. После встречи в Эрфурте с Александром I, когда российский император подарил ему три собольих шубы, одну из них Наполеон послал в подарок Дезире.

Однако пора вернуться в Париж лета 1795 года. Молодой и нищий бригадный генерал Бонапарт не отказывается от своих планов женитьбы на богатой вдове. В Париже он частенько навещал дом Панории Пермон. Эта уже немолодая дама — ей было уже за сорок, хотя выглядела она гораздо моложе и обладала весьма привлекательной внешностью, — знала семейство Бонапартов еще по Корсике, и когда юный Наполеон учился в Парижской военной школе, то, получая увольнительную в город, он обычно отправлялся в дом Пермонов, где его кормили обедом.

Вот и теперь, в 1795 году, бригадный генерал на

половинном жалованье, Бонапарт получал в месяц восемь ливров и рацион на двоих. Часть жалованья он отсылал матери, а с «хлебным довольствием» приходил обедать к мадам Пермон. Там его встречала Лаура, смешливая девочка девяти лет, которая потешалась над неказистой внешностью генерала, а из-за его тонких ног, обутых в слишком большие сапоги, называла его Котом в сапогах. Наполеона это раздражало, но зла на девочку он не затаил. Лаура Пермон вырастет, выйдет замуж за Жюно, боевого сподвижника Бонапарта, а когда император сделает ее мужа герцогом д'Абрантес, она станет герцогиней д'Абрантес, придворной дамой при императорском дворе и оставит живые и интересные воспоминания.

Но все это дело будущего. А пока что в голове генерала зреет несколько странный замысел. Бонапарт приглашает мадам Пермон в театр и там делает ей ошеломительное предложение: он взлелеял план тройственного союза между семьями Пермон и Бонапарт. Он предлагал, чтобы сын мадам Пермон женился на его сестре Полине, дочь Панории Пермон Лаура (о которой речь шла выше), вышла бы за одного из его младших братьев — подойдет любой! — а сам Наполеон готов жениться на мадам Пермон. От удивления мадам Пермон потеряла дар речи, а потом разразилась таким неудержимым хохотом, что упала на барьер театральной ложи. Наполеон был оскорблен в своих лучших чувствах и заметил ей, что «хотя ее сыну двадцать семь, сама она выглядит не больше чем на тридцать». Панория Пермон была польщена таким комплиментом, однако предложение Бонапарта отвергла.

Генерал на этом не успокоился, а начал обдумывать вариант женитьбы на еще более пожилой даме, скандально известной госпоже Монтанье, владелице театра «Пале-Рояль». Свидетельств этого проекта не так много, однако Поль Баррас в своих «Мемуарах», на которые, впрочем, полагаться трудно, намекает на

то, что именно он познакомил Бонапарта с Монтанье, имея в виду перспективу их брака. Баррас утверждал, что хотя веселой хозяйке театральной труппы было уже за шестьдесят, она отнюдь не выглядела старухой. У Барраса были основания для такого утверждения, так как незадолго до этого он сам переспал с ней.

Перспективы для Наполеона Бонапарта в Париже оставались весьма туманными.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

повествующая о том, как встретил послетермидорианский Париж Наполеона Бонапарта, бригадного генерала без должности

Теплыми июньскими днями 1795 года на парижских улицах, бульварах, в садах Пале-Рояля и Люксембургского дворца можно было встретить трех молодых офицеров, слонявшихся явно без всякого дела, болтавших о чем-то своем, разглядывавших и живо обсуждавших встречных женщин.

Старшему из них было двадцать пять лет, он обладал довольно приметной внешностью — маленького росточка, с худым, можно даже сказать изможденным лицом, с длинными волосами, которые производили впечатление давно немытых и падали на воротник поношенного генеральского мундира. Однако на этом смуглом лице, выдававшем южное происхождение, выделялись глаза — живые, выразительные, приковывавшие к себе внимание. Это был Наполеон Бонапарт (он предусмотрительно придал своей корсиканской фамилии Буонапарте более французское звучание).

Бонапарта сопровождали двое его преданных друзей — капитаны Жюно и Мармон, оставившие, между прочим, свою воинскую часть без разрешения командования. (Император Наполеон впоследствии будет жесточайшим образом карать за подобное нарушение армейской дисциплины.)

Минуло восемь лет с той поры, когда юный лейтенант французской армии Наполеон Бонапарт окан-

чивал здесь Парижскую военную школу, отдавая особое предпочтение науке об артиллерии, зачитываясь произведениями Руссо, призывая Революцию, мечтая сыграть в ней выдающуюся роль. Но что это были за годы!

Над страной пронесся шквал Великой Революции, сметая на своем пути феодальные привилегии, власть аристократии, разрушая привычный уклад жизни. Потом на страну обрушился беспощадный и бессмысленный якобинский террор. В каждом городе устанавливались адские изобретения доктора Гильотена, ежедневно отрубавшие головы десяткам ни в чем не повинных людей. В одном только Париже с помощью гильотины каждый день казнили до шестидесяти человек. Парижские тюрьмы были битком набиты несчастными, ожидавшими своей очереди на казнь.

Менее чем за год до того, как Наполеон летом 1795 года появился в Париже, в июле 1794 года 9 термидора, был осуществлен переворот, покончивший с правлением якобинцев и террором. Максимильен Робеспьер и его ближайшие соратники сложили свои головы под ножом гильотины.

За три месяца, прошедшие после 9 термидора, Париж изменился до неузнаваемости. Сбросив с себя оковы страха за свою жизнь и за жизнь своих близких, парижане вздохнули полной грудью. Естественной реакцией на освобождение от леденящего ужаса стало неудержимое стремление развлекаться, пользоваться радостями жизни, наслаждаться. Повсюду открывались десятки танцевальных залов, ресторанов, кафе, театров. Люди танцевали и просто на улицах и площадях. Вспыхивали и распадались кратковременные любовные связи.

Парижские бульвары и парки были заполнены молодыми женщинами — хорошенькими, веселыми, раскованными, жаждущими любви, пусть и мимолетной, облаченными в легкие полупрозрачные одежды, не скрывавшие их гибких прелестных тел, так много обещавших.

Для молодого генерала Бонапарта, выросшего в патриархальной атмосфере Корсики, которая не так уж далеко ушла от дремучего Средневековья, это зрелище было почти нестерпимым — оно одновременно привлекало его и отталкивало. Ведь он воспитывался в твердом убеждении, что единственное призвание женщины — рожать детей, и как можно больше. А тут его взору открывалась совершенно иная и, надо сказать, весьма соблазнительная картина.

У юного Бонапарта отношения с женщинами вообще складывались довольно сложно. Как признавался впоследствии сам Наполеон, он стеснялся женщин, робел перед ними, остро ощущая всю непривлекательность своей внешности.

На светских красавиц столицы Бонапарт взирал с восхищением и... опаской. Брату Жозефу он писал: «В Париже ты повсюду видишь прекрасных женщин. Это единственное место на земле, где они управляют правительством, а мужчины ведут себя по отношению к ним как дураки, думают только о женщинах и живут только ради них... Женщине достаточно приехать в Париж на шесть месяцев, чтобы осознать свою роль и свою власть».

Но о том, чтобы быть представленным какой-либо из этих светских львиц, он не мог и мечтать.

Впрочем, гораздо больше, чем женщины, генерала Бонапарта волновали перспективы продвижения по военной службе. Ведь он сознательно посвятил свою жизнь армии. Однако именно сейчас, летом 1795 года, его военная карьера висела на волоске. Ради нее он и приехал в Париж.

В его активе имелась только одна военная победа — взятие Тулона. Небольшой, но все-таки козырной картой, которая до поры до времени пряталась глубоко в колоде, было то обстоятельство, что его заметил и запомнил один из тогдашних комиссаров Конвента на юге Франции Поль Баррас, человеку, которому суждено будет сыграть столь значительную роль в судьбе Наполеона.

Один из главных организаторов заговора, приведшего к Термидору, Баррас сейчас стал одним из самых влиятельных членов Директории, нового правительства Франции. Знакомство с ним могло сильно помочь Бонапарту.

Однако пассив генерала Бонапарта был гораздо больше. За ним утвердилась, и не без оснований, репутация ярого якобинца. Этому способствовали и слухи — вполне справедливые — о его близости с Огюстеном Робеспьером, который не так давно — еще и года не прошло — лег под нож гильотины вслед за своим братом Максимилиеном.

Не способствовала продвижению генерала Бонапарта по военной службе и хранившаяся в его досье в военном министерстве — о чем Наполеон понятия не имел — характеристика: «Бонапарт воплощает собой интриганство и хитрость... Он слишком честолюбив и любит махинации, чтобы продвигаться по службе».

Вот с таким багажом генерал Бонапарт приехал в Париж и направил свои стопы в военный отдел Комитета общественного спасения, где его принял депутат Конвента Франсуа Обри, ненавидевший якобинцев всеми фибрами души. Он встретил Бонапарта более чем прохладно и предложил молодому генералу отправиться в мятежную Вандею и принять там командование пехотной дивизией — для артиллерийского офицера худшего оскорбления нельзя было придумать! Кроме того, Наполеон прекрасно понимал, что служба в Вандее отнюдь не будет способствовать его военной карьере. Он отказался от предложенного ему Обри назначения и продолжал слоняться по Парижу, мучительно обдумывая, как переломить сложившуюся неблагоприятно для него ситуацию.

Выход был один — надо было искать сильного покровителя. Как рассказывал впоследствии своей жене его тогдашний спутник капитан Жюно, Бонапарт тратил свое время «на посещение всех тех, кто пользовался влиянием. Он стучался во все двери».

Толкнулся он и в кабинет Поля Барраса. На Святой Елене Наполеон вспоминал: «В Париже я никого не знал, кроме Барраса. Я связал себя с Баррасом».

Здесь следует подробнее рассказать о Поле Баррасе, поскольку он сыграл весьма значительную роль и в истории Франции тех бурных лет, и в жизни Наполеона Бонапарта и Жозефины Богарне.

Виконт Баррас принадлежал к французской аристократии, он служил во французской армии в Индии, где прославился своей храбростью и, как поговаривали некоторые его недоброжелатели, своими «сомнительными вкусами». Он вынужден был уйти из армии и последующие десять лет увлекался женщинами и картами. Его враги утверждали, что Баррас в картах нечист на руку. Это никем не было доказано, но ходили упорные слухи, что он не особенно щепетилен в отношении источников своих доходов.

У Барраса был свой счет к королевскому режиму, заставившему его уйти с военной службы. Вряд ли приходится сомневаться, что эта горечь способствовала его республиканским настроениям. Во всяком случае, он одним из первых вступил в Якобинский клуб, стал депутатом Конвента. Он голосовал за казнь короля и впоследствии оказался одним из немногих, кто никогда в этом не каялся. Единственное, что он сказал впоследствии по этому поводу, сводилось к тому, что он действовал согласно своим убеждениям, хотя теперь считает, что это была ошибка. К этому он добавил весьма справедливую мысль: «Мы не были хозяевами ни над событиями, ни над людьми. Мы должны были быть смелыми и ужасными, как того требовала Революция».

Баррас оказался одним из первых полномочных представителей Конвента, направленных в действующие армии. Вместе с Фрероном он был направлен в армию, осаждавшую мятежный военный порт Тулон. Когда благодаря капитану Бонапарту, которого Баррасу рекомендовал Саличетти, Тулон был взят, Баррас

и Фрерон продемонстрировали жестокость, «которую требовала Революция». Как они докладывали Комитету общественного спасения, за три дня было казнено шестьсот человек. Правда, впоследствии Фрерон утверждал, что они преувеличили эту цифру на две трети.

Тем временем в Париже колесо Фортуны стало поворачиваться в невыгодную для Барраса сторону. На него, Фуше и Тальена стали поступать доносы, в которых они обвинялись в издоимстве. Робеспьер, более всего гордившийся своим прозвищем «Неподкупный», решил избавиться от них. Когда Фуше попытался оправдаться перед Конвентом, его не стали слушать, а приняли решение без обсуждения передать его дело в Комитет общественной безопасности. Его исключили из Якобинского клуба, что было равносильно смертному приговору, и Фуше ушел в подполье.

О Тальене будет рассказано особо. А вот Баррас решил выяснить свою судьбу в личном разговоре с Робеспьером и отправился на улицу Сент-Оноре в дом плотника Дюпле, где жил Робеспьер. Он взял с собой Фрерона, который утверждал — без достаточных для того оснований, — что он в хороших отношениях с Робеспьером.

Робеспьер, который в это время одевался, не проронил ни слова, пока Баррас излагал историю своего проконсульства в Тулоне. Одевшись, Робеспьер принялся чистить зубы и сплюнул порошок рядом с туфлями своих посетителей, потом стряхнул на них пудру для волос, продолжая молчать.

Баррас понял, что он обречен и для спасения собственной жизни надо предпринять решительные действия. Чтобы сохранить собственную шкуру, надо свергнуть Робеспьера. И Баррас принялся плести заговор.

Тем временем маховик Великого террора раскручивался все сильнее. 10 июня Конвент принял так называемый Закон прериаля, который предоставлял Комитету общественной безопасности и Комитету обществен-

ного спасения, в которых заседали приверженцы Робеспьера, право отсылать любого «врага народа», включая членов Конвента, в Революционный трибунал, который был разделен на четыре подгруппы, заседавших для быстроты вынесения приговоров одновременно. Этот закон фактически ликвидировал депутатскую неприкосновенность.

Депутатов Конвента охватила паника. Многие из них, опасаясь ареста, не ночевали дома. В зале заседаний Конвента депутаты старались занять места поближе к выходу и, как только на трибуне появлялся Робеспьер, выбегали из зала, чтобы не попасться ему на глаза. Многие искали повод уехать из Парижа.

Среди простых парижан террор тоже начал вызывать опасения. Парижане стали протестовать против «ручейков крови, бегущих по улицам», против переполненных кладбищ, в результате чего жертв хоронили на глубине всего в несколько дюймов. Трупы раздувались, вылезали на поверхность и разлагались под летним солнцем, распространяя жуткую вонь. Боялись возникновения эпидемий.

В такой обстановке Баррасу и другим заговорщикам не составляло большого труда привлечь на свою сторону колеблющихся и нерешительных членов Конвента. Немало способствовал этому Фуше, который по ночам посещал дома депутатов и показывал им список тех, кого должны были арестовать. Он сообщал: «Вы в следующем списке Робеспьера» или предупреждал: «Вы будете в следующей партии».

Теперь пришла пора рассказать, хотя бы вкратце, о Тальене, который сыграл свою роль в событиях Термидора. Сын дворецкого графа Бреси, Тальен с юных лет восхищался своими господами и завидовал им. Революция открыла перед ним широкую дорогу. Он был красноречив, беспринципен, жесток. Когда Конвент послал Тальена в готовый восстать Бордо, он проявил такую жестокость, которая потрясла даже издавших виды жителей города. Скоро стало известно,

что за большие деньги можно избежать тюрьмы и гильотины. Посредницей в этих сделках выступала любовница Тальена Терезия Кабаррюс, о которой надлежит сказать особо — она оказала большое влияние на судьбу и Наполеона Бонапарта, и Роз де Богарне, будущей императрицы Франции Жозефины.

Дочь испанского банкира, обосновавшегося в Бордо, она отличалась редкой красотой, умом и сильным характером. Четырнадцать лет вышла замуж за дельца, выдававшего себя за маркиза, но он оказался совершенно недееспособным в постели, и Терезия развелась с ним. А тут как раз разразилась Революция, и в полумятежный Бордо в качестве комиссара Конвента приехал Жан Ламбер Тальен. Терезия Кабаррюс стала его любовницей. Она разъезжала с ним в открытом экипаже, держа в руке пику, а голову ее украшал красный фригийский колпак — символ Революции. Тальен целиком подпал под ее влияние, и она широко пользовалась своим влиянием, подсовывая ему ходатайства о помиловании многих своих друзей. Поговаривали, что таким образом в ее кошельке накопилось немалое количество денег и драгоценностей.

Когда Тальена отозвали в Париж, Терезия поехала вместе со своим любовником. Узнав об этом, Робеспьер распорядился арестовать ее и бросить в одиночную камеру.

В те дни, когда готовился заговор против Робеспьера, Тальен, человек трусливый, колебался, присоединиться ли ему к заговорщикам. И тут сыграла свою роль Терезия — из тюрьмы она прислала Тальену кинжал и письмо, в котором с презрением писала, что совершила ошибку, поверив в мужество своего любовника. «Я умираю от отчаяния, что принадлежала такому трусу, как ты», — писала она. Это ли письмо подействовало на Тальена, но он примкнул к заговорщикам.

В тот исторический день 27 июля 1794 года (9 термидора), когда Робеспьер шел к трибуне под крики

разъяренных депутатов, Тальен, размахивая кинжалом, выкрикивал: «Долой тирана, долой диктатора!» А Поль Баррас взял на себя командование боевыми силами заговорщиков. Его солдаты окружили Отель де Виль, где укрылись Робеспьер и его сторонники, и арестовали их.

10 термидора все крыши и балконы вдоль улиц, по которым обычно везли телеги с осужденными на казнь, были черны от скопища людей. Лица многих горожан, выглядывавших из окон, были бледны, оттого что люди месяцами сидели взаперти, не решаясь выйти из дома. А теперь, похоже, весь Париж высыпал на улицы. В первый раз за много месяцев целые семьи вышли на улицы в самых нарядных одеждах, чтобы посмотреть на телеги, увозившие объявленных вне закона.

В ту ночь гильотину вернули на ее старое место на площади Революции. Скопление народа на улицах было таково, что телегам потребовалось полтора часа, чтобы добраться от тюрьмы Консьержери до площади Согласия. Толпа была настроена безжалостно, со всех сторон неслись оскорбления в адрес Робеспьера. Казнь состоялась. «Отныне, — писал историк Мишле, — нечто высокомерное, бесчеловечное, ужасное ушло из Революции».

А Поль Баррас стал одним из пяти членов Директории — нового правительства Франции, причем самым влиятельным из директоров.

Вот к нему и направился безработный генерал Бонапарт.

Наполеону повезло, Баррас его принял, узнал и, более того, решил, что этот нищий корсиканец, который проявил себя таким умелым воякой при взятии Тулона, может ему пригодиться. Жизнь показала, что в этом Баррас оказался прав, но допустил ошибку, недооценив Бонапарта. Но об этом будет рассказано в дальнейшем.

А пока что Бонапарта по рекомендации Барраса

взяли в Топографическое бюро Военного комитета, где он принялся разрабатывать оперативные планы Итальянской армии. План этой военной кампании стал его любимым детищем, он любовно вынашивал совершенно новую с точки зрения тогдашней военной науки стратегическую операцию против австрийских армий в Италии. Но шансов на то, что ему поручат возглавить Итальянскую армию и он сможет осуществить свои дерзкие планы, не было никаких.

Однако генерал Бонапарт верил в свою звезду, верил, что его час придет.

В своем благорасположении к генералу Бонапарту Поль Баррас оказал ему неоценимую услугу: он ввел Бонапарта в модные парижские салоны.

Ах эти парижские салоны послетермидорианской поры! О них так много написано и в мемуарной литературе, и в романах. Это был особый, совершенно неповторимый мир, небосвод со своими звездами, со своими негласными законами вращения планет.

Бонапарт знал об этих салонах, презирал людей, которые были завсегдатаями таких сборищ, и в то же время остро им завидовал. Но никаких надежд попасть в круг избранных у нищего генерала без должности не было. Пока ему не помог Баррас. Как вспоминал Баррас в своих «Мемуарах», «в то лето я стал привозить генерала Бонапарта в салоны мадам Тальен, мадам де Сталь и в некоторые другие дома, где я обедал и где меня принимали».

Самым блистательным и самым влиятельным из парижских салонов тех лет, безусловно, был салон Терезии Тальен. Она стала самой знаменитой женщиной Парижа. После своего отважного поступка накануне Термидора, когда она подвигла Тальена принять участие в перевороте, Терезия Тальен стала фигурой почти легендарной, символом женственности и мужества, женщиной, которая положила конец Террору. Парижане считали, что своим поступком, рискуя своей головой, Терезия спасла множество жизней. Они были

уверены, да и сама Терезия тоже, что она «спасла Революцию». Ее стали называть не иначе как «Божья Мать Термидора».

Когда Терезия вышла из тюрьмы, ее ожидала восторженная толпа парижан, которые на плечах пронесли ее до дома. С тех пор каждое ее появление на публике превращалось в триумф. Канцлер Паскье, недавно тоже освобожденный из тюрьмы, оставил запись об одном своем посещении театра «Одеон». У театра Терезию и Тальена шумно приветствовала толпа, а в зале все встали на кресла и скамейки, «была долгая овация, аплодисменты и крики с выражением любви».

Вскоре распространилось известие, что эта необычная, красивая и женственная героиня поклялась положить «конец всей ненависти и залечить все раны». Разделенная и потрясенная событиями последних лет Франция почувствовала, что эта женщина воплощает надежду на объединение страны.

24 декабря 1794 года Терезия, будучи уже на четвертом месяце беременности, сочеталась браком с Тальеном, а вечером того же дня отпраздновала открытие своего салона в построенном по ее плану роскошном особняке неподалеку от Елисейских полей, который она несколько претенциозно назвала «Хижиной». Она встречала своих гостей в расцвете женской красоты, одетая в греческую тунику и сандалии — мода, введенная ею. Рядом с ней в таком же одеянии стояла ее ближайшая подруга Роз де Богарне, будущая жена Наполеона Бонапарта и императрица Франции.

«Хижина» мадам Тальен на многие годы станет политическим центром новой Франции. Здесь будут создаваться и рушиться репутации, возникать новые огромные состояния, в этом салоне будут сходиться старый мир и новый, здесь будут бывать члены Конвента, офицеры республиканской армии, финансисты, журналисты, хорошенькие женщины, аристократы, вернувшиеся из эмиграции, спекулянты и поставщики

армии. Здесь старались не вспоминать о войне, бушующей последние четыре года на всех границах страны. Все были заняты игрой на бирже, заключением крупных контрактов. Торговали всем — ружьями, сапогами для армии, овсом для кавалерии.

Но более всего гости мадам Тальен были увлечены другим. После ледяного ужаса Террора все жаждали наслаждений, развлечений, все хотели вкусно есть, пить, заниматься любовью. Как вспоминал впоследствии Наполеон на Святой Елене, «госпожа Тальен в то время была поразительно красива; все охотно целовали ей руки и все, что было возможно».

Рядом с хозяйкой блистали такие выдающиеся женщины, как Жюльетта Рекамье, скандально известная Фортуне Гамелен, про которую рассказывали, что она прошла по всем Елисейским полям с обнаженной грудью, Жермена де Сталь, недавно вернувшаяся из Швейцарии, и, конечно, Роз де Богарне.

Греческие туники женщин имели разрез до бедер, тело смазывали ароматными маслами, и оно просвечивало сквозь прозрачные ткани, и, как писал один изумленный наблюдатель, «два резервуара материнства были видны сквозь платье и возбуждали мужчин».

Роялистский шпион Эспинхол докладывал своим хозяевам, бежавшим в Лондон: «Невероятная роскошь, концерты, театры и прекрасная гражданка Кабаррюс занимают здесь все умы гораздо больше, чем рационирование продуктов и судьба наших армий».

Вот в эту атмосферу лихорадочного веселья, в праздник наслаждения жизнью, свободной от страха, окунулся нищий генерал Бонапарт, которого в модных салонах стали называть не иначе как «маленьким корсиканским протезе Барраса». А вообще он не привлекал особого внимания, не отличаясь ни яркой внешностью, ни сколько-нибудь заметным положением в обществе.

О внешности генерала Бонапарта в тот год и о его политических убеждениях оставила любопытные вос-

поминания некая Викторина де Частене, умная и интеллигентная женщина, с которой Бонапарт столкнулся в доме родителей Мармона в Бургундии, когда Бонапарт, Жюно и Мармон ехали в Париж. Она отметила его поразительную бледность, худобу, ввалившиеся щеки, обрамленные длинными сальными волосами, напряженное лицо, отрывистость его ответов (а они разговаривали в течение четырех часов). Он выложил ей все свои литературные и политические взгляды, восхищался поэмами Оссиана, которые на самом деле были подделкой, литературной мистификацией некоего Макферсона, высказал свое отвращение к произведениям со счастливым концом, свое неприятие Шекспира — «Ни одну из его пьес невозможно досмотреть до конца, они пустые».

Что касается политических взглядов Бонапарта, то Викторине стало ясно, что «Бонапарт немедленно эмигрировал бы, если бы у эмиграции оказались хоть какие-то шансы на успех». Как вспоминала Викторина, она не обнаружила у него хоть «малейших следов республиканских убеждений» и вообще каких-либо убеждений. Она высказала весьма примечательное наблюдение: «Тулон мог обрести в нем защитника, если бы поражение города не входило в его планы... Он авантюрист и никогда не сделает ни шага, если он не ведет к успеху».

Между тем звездный час, которого так ждал генерал Бонапарт, приближался. К сентябрю 1795 года политическая атмосфера в Париже накалилась до предела. Заговор роялистов набирал силу. Расклад сил оказался явно неравным: по подсчетам Наполеона, они располагали не менее чем сорока тысячами солдат — в четыре раза больше, чем было в распоряжении Директории. Генерал Мену, которому Директория поручила восстановить порядок в столице, вел себя двусмысленно — вступил в переговоры с мятежниками, отдал приказ своим войскам отступить, что дало серьезное преимущество роялистам. Ситуация требовала

немедленных решений. Директория отстранила генерала Мену и арестовала его. Командующим вооруженными силами Конвента был назначен Баррас. Как человек умный, Баррас понимал, что в военном деле он смыслит мало и что командовать войсками должен профессионал. И тут, вспомнив о генерале Бонапарте и Тулоне, он назначил Бонапарта начальником артиллерии.

Гениальный тактик Бонапарт моментально оценил ситуацию и понял, что при таком перевесе сил противника решить исход сражения можно только с помощью артиллерии. Но пушки находились в нескольких километрах от Тюильри, в Саблонском лагере.

Бонапарт вызвал командира конного эскадрона Иоахима Мюрата, приказал ему взять триста лошадей и доставить в Тюильри пушки. Лихой рубака Мюрат вихрем промчался под проливным дождем по ночным парижским улицам, разметал колонну роялистских войск, подоспевших ранее него в Саблонский лагерь, припряг лошадей к лафетам пушек и успешно доставил их в распоряжение Бонапарта. А Бонапарт выждал, пока мятежники сконцентрируют свои силы у церкви святого Роха, и отдал приказ открыть огонь из пушек. Противник был рассеян, на парижских мостовых остались сотни убитых и раненых.

В награду за эту операцию Бонапарт был произведен в дивизионные генералы и назначен главнокомандующим внутренней армией Парижа, а парижане дали ему прозвище «генерал Вандемьер». Впоследствии Наполеон будет сожалеть и об этом прозвище, и о той роли, которую сыграл в тот день. «Я отдал бы несколько лет жизни, — говорил он Бурьену на Святой Елене, — чтобы стереть эту страницу из истории моей жизни».

С этого дня мало кому известный генерал Бонапарт стал заметной фигурой. Его материальное положение значительно улучшилось. Ежегодное жалованье Бонапарта как командующего внутренней армией Парижа

составляло сорок восемь тысяч франков. Впервые он отправил госпоже Летиции сумму, превышающую его прежнее годовое жалованье.

Такой взлет карьеры, столь стремительное восхождение поразило современников даже в ту пору, когда это было обычным явлением. Барон Файн, который впоследствии станет одним из самых верных слуг императора Наполеона, вспоминал, что в то время «мы спрашивали друг друга, откуда он появился, что он такого сделал, за какие выдающиеся заслуги он так награжден?»

Сам Бонапарт воспринял свое новое положение как нечто само собой разумеющееся. Он стал устраивать завтраки на двадцать персон в своем штабе на Вандомской площади, «на которых присутствовали и дамы», приглашал гостей в свою ложу в театре. Он изменился и внешне, стал следить за своей одеждой, обильно поливал себя одеколоном. Не остался незамеченным и тот факт, что генерал Бонапарт стал постоянным посетителем приемов у Поля Барраса.

Неизвестно, на одном ли из таких приемов или на каком-нибудь вечере в «Хижине» мадам Тальен генерала Бонапарта представили Роз де Богарне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой описывается жизнь Роз Таше де Ла Пажери; в замужестве виконтессы де Богарне, до ее знакомства с генералом Бонапартом

Жизнь этой легендарной женщины поистине являет собой чистую фантазмагорию. Никакие приключенческие романы не могут идти в сравнение с потрясающими событиями ее биографии. Достаточно сказать, что судьба привела ее на самый край могилы, а точнее сказать, к революционной гильотине, а потом вознесла так высоко, как не возносилась, пожалуй, ни одна женщина в Европе.

Ее полное имя, данное ей при крещении, было Мари Жозефа Роз Таше де Ла Пажери. В детстве ее называли Йеттой, потом она стала именоваться Роз и оставалась Роз до того утра, когда молодой генерал Бонапарт прислал ей письмо, начинавшееся словами: «Сейчас семь утра, сладкая, несравненная Жозефина, я проснулся полный воспоминаниями о тебе и нашей опьяняющей ночи...» С тех пор и до конца своей жизни она будет Жозефиной и под этим именем войдет в историю.

Родилась она 23 июня 1763 года на острове Мартиника, который называли жемчужиной колониальной империи Франции в Вест-Индии. Впрочем, следует отметить, что Мартиника, как и все Наветренные острова, была объектом бесконечных войн между Францией и Великобританией за владение этими стратегическими крепостями и золотыми кладовыми.

Достаточно сказать, что всего за три месяца до рождения Роз Мартиника вернулась под власть Франции, так что вопрос подданства оказался делом случая — Роз вполне могла оказаться подданной Великобритании, а не Франции, и вся ее жизнь пошла бы по-другому. Впрочем, ведь и Наполеон Бонапарт мог запросто родиться на Корсике подданным Генуэзской республики, и его судьба — и судьба Европы — сложилась бы совершенно иначе.

Дед Роз Гаспар Таше де Ла Пажери в 1726 году уехал из Франции на Мартинику, как и многие молодые французские дворяне, ослепленные перспективой сказочно разбогатеть на Вест-Индских островах. Действительно, здесь в короткое время создавались огромные состояния. Из Вест-Индии во Францию вывозили сахар, кофе и индиго, но главным источником обогащения был, конечно, сахар. Один только остров Санто-Доминго, самый богатый из всех Наветренных островов, поставлял три четверти всего мирового производства сахара и был настолько важен для Франции, что французский король решил, как писал Вольтер, «пожертвовать несколькими акрами снега в Канаде» в обмен на эту «жемчужину Антильских островов». В восемнадцатом веке во Франции, Англии, Голландии и Дании, во всех странах, обладавших сахарными плантациями в Карибском бассейне, было расхожим выражение «богат, как креол».

Помимо плодородной земли источником богатства белых плантаторов были чернокожие рабы. Маршруты торговых судов, совершавших рейсы между Францией и Вест-Индией, проходили примерно по одному и тому же маршруту. Во Францию купцы везли сахар, табак, кофе, какао. В французских портах Бордо, Нант и Шербур их ожидали торговцы живым товаром — неграми, захваченными в Экваториальной Африке охотниками за рабами. Здесь негров грузили на корабли и отправляли в Вест-Индию вместе с другими товарами.

Гаспар де Ла Пажери оказался ленивым и никчемным плантатором, он не только не сумел разбогатеть, но влез в такие долги, что вынужден был наниматься управляющим к другим плантаторам. Он был не в состоянии обеспечить свою жену и пятерых детей. Ему удалось благодаря своему брату, который служил при французском королевском дворе, устроить своего сына Жозефа, будущего отца Роз, пажом при дворе матери короля Людовика XVI.

Пять лет, которые Жозеф Таше де Ла Пажери провел в Версале в королевских покоях, на всю жизнь отравили его душу. После той веселой, развратной жизни Жозеф не мог смириться с провинциальной скукой колониального существования. Он тут же влез в долги и покатился по наклонной плоскости. Выручила Жозефа его сестра Дезире, отличавшаяся сильным характером, решительностью и привязанностью к семье.

Дезире решила, что единственный выход для брата — это выгодная женитьба. Со свойственной ей энергией она взялась за дело и нашла для своего бездельного брата подходящую невесту. Семья невесты Розы-Клер де Верже де Сануа, одна из самых старинных и уважаемых на островах, была отнюдь не в восторге от такого брака. Но невесте исполнилось уже двадцать пять лет, и на Мартинике, где дочерей выдавали замуж уже в тринадцать — четырнадцать лет, она была явным перестарком.

В приданое за своей женой Жозеф получил плантацию «Три острова». Имение располагалось на берегу широкой бухты, по водной глади которой было разбросано три маленьких острова. От них плантация и получила свое название.

Жозеф оказался еще худшим плантатором, чем его отец. Он с тоской вспоминал о годах, проведенных им в Версале, и проклинал судьбу, которая занесла его в эту провинциальную глушь. Большую часть своего времени он проводил в столице острова Форт Рояле,

пьянствуя и играя в карты в обществе своей любовницы-негритянки.

Относительное благосостояние семьи рухнуло в кошмарную ночь 13 августа 1766 года, когда на Мартинику налетел ураган разрушительной силы, какого еще не знали Наветренные острова. Плантация была уничтожена, господский дом снесен с лица земли.

Ураган и обрушившиеся вслед за ним на остров гигантские волны потопили сорок восемь судов, погубили четыреста сорок человек. В имении «Три острова» все хижины, в которых жили рабы, больница и даже мельница, построенная на крепких сваях, были разрушены, плантации сахарного тростника опустошены.

Семейство Ла Пажери осталось без своего большого деревянного дома, окруженного верандами. Пришлось всем поселиться на втором этаже заводика по переработке сахарного тростника, который благодаря его стенам в восемь футов толщиной оказался единственным уцелевшим зданием на целые мили вокруг. Жилые комнаты устроили над шумным машинным отделением, где огромное колесо и большие барабаны крушили сахарный тростник.

Семья надеялась отстроить новый дом, как только будет собран хороший урожай, но всем членам семьи, которые остались на Мартинике, суждено было до конца своих дней жить над заводиком. Все они, за исключением Роз, так и умрут в этих стенах.

Хотя имение так и не было восстановлено после урагана, стиль жизни не изменился. Расслабляющий климат, долгие сиесты, медлительность жизни — все это сказалось на характере Роз: она росла девушкой изнеженной, неторопливой, томной. Она любила играть со своими сестрами и детьми рабов, прислуживавших в доме, в тени яблонь, манговых и хлебных деревьев. Роз на всю жизнь сохранила любовь к прекрасным птицам, к роскошным цветам — жасмину и орхидеям, и потом старалась разводить их в своих оранжереях и вольерах.

Когда Роз исполнилось десять лет, ее отправили в столицу острова Форт Рояль. В монастырской школе, куда ее определили, обучение сводилось к светскому образованию: хорошие манеры, чистописание, музыка, пение, танцы и умение вести себя при королевском дворе — вот все, что считалось необходимым для дочерей плантаторской аристократии.

В четырнадцать лет Роз вернулась в имение «Три острова» — она была уже в том возрасте, когда многие девушки из высшего общества островов уже выходили замуж. Роз выросла прелестной девушкой — с изысканными манерами и очаровательной внешностью. Кроме того, она была весьма благородного происхождения.

Однако при том финансовом положении, в котором очутилась семья де Ла Пажери, Роз оказалась девушкой на выданье, но без приданого. В такой ситуации найти хорошего жениха было непросто. А Роз лелеяла одну мечту — поехать в Париж и блистать там в высшем свете. В этом вопросе она проявляла твердость, вообще-то несвойственную ее пассивной натуре.

Доброй феей для Роз оказалась ее тетка Дезире, о которой уже упоминалось. Дезире Таше де Ла Пажери была личностью неординарной, женщиной решительной, с сильным характером и практичным умом.

Ей было девятнадцать лет, когда она попала в дом только что назначенного губернатора «островов Мартиника, Гваделупа, Мари Галант, Сент-Мартин, Сент-Бартелеми, Ла-Дезираде, Доминика, Сент-Люси, Ла-Гранада, Лес-Гренадино, Тобаго, Сент-Винсент, Кайенна и Навстренных островов» в качестве компаньонки его супруги.

Маркиз де Богарне, сорока двух лет, с большим опытом любовных связей за плечами, влюбился в молоденькую Дезире и затащил ее, конечно, в свою постель. По обычаям того времени губернатор должен был выдать свою любовницу замуж. Подходящий жених был найден в лице одного из помощников губер-

натора Алексиса Ренодена из королевских мушкетеров, который совсем недавно приплыл на Мартинику и ничего не знал о том, о чем знала вся Мартиника — о связи между губернатором и Дезире. Дело осложнилось тем, что отец Алексиса Ренодена, плантатор с острова Санта-Лючия, воспротивился этому браку.

Тем временем у берегов Мартиники появился английский военный флот, но нападение было отбито, и англичане отплыли к берегам соседнего острова Гваделупа. Королевский лейтенант, командовавший гарнизоном на Гваделупе, просил губернатора де Богарне о помощи, но тот сохранял непонятное спокойствие. Гарнизон Гваделупы в течение трех месяцев сражался с англичанами, а губернатор Мартиники, в распоряжении которого имелся один военный корабль, восемь судов береговой охраны и три фрегата, не отдавал приказа об оказании помощи Гваделупе.

Ларчик открывался просто: все эти три месяца шли переговоры о браке Дезире де Ла Пажери с Алексисом Реноденом, и губернатор был слишком поглощен этими делами. Наконец 18 апреля состоялось бракосочетание лейтенанта Ренодена и девицы Дезире. И облегченно вздохнув, маркиз де Богарне 23 апреля вывел свой флот в море. 27 апреля они подплыли к Гваделупе и узнали, что командир французского гарнизона накануне капитулировал перед англичанами. Маркиз повернул свои корабли обратно к Мартинике.

Когда вся эта история стала известна в Париже, маркиза де Богарне отозвали. Но он еще год тянул время и не уезжал с Мартиники, объясняя задержку беременностью своей жены.

Между тем Алексис Реноден узнал о связи своей жены с губернатором, пришел в ярость, избил жену и отплыл во Францию, чтобы оформить там развод «в связи с непристойным поведением жены».

Дезире, теперь уже носившая фамилию Реноден, отплыла вслед за своим мужем, чтобы предъявить претензии на состояние Ренодена. Но до этого она

успела женить своего беспутного брата и присутствовать при крещении сына маркиза де Богарне и его супруги, который получил имя Александр. Вот этому мальчику и суждено было стать мужем Роз де Ла Пажери.

Маркиз де Богарне с супругой отплыли во Францию, а трехмесячного Александра оставили на Мартинике на попечении матери Дезире, так как сочли морское путешествие слишком опасным для ребенка.

До пяти лет маленький Александр жил у своей бабушки, потом его отправили в Париж. После того как мать мальчика умерла, его растила любовница его отца Дезире Реноден, которую он очень любил и о которой говорил: «Она была мне как родная мать».

Когда Александр достиг совершеннолетия, у Дезире Реноден зародился хитроумный план — женить Александра на одной из своих племянниц. Этим она помогла бы своему брату Жозефу. Не следовало забывать и то обстоятельство — весьма немаловажное, — что Александр должен был получить от своей умершей матери довольно крупное наследство — сорок тысяч ливров. Дезире Реноден была женщина умная и прекрасно разбиралась в ситуации. Она знала, что девочки из колоний не могут конкурировать — даже при том, что креолки отличались «завлекательной томностью походки, естественной элегантностью, изяществом», — с девушками, выросшими при королевском дворе или около него. Девушкам из колоний не хватало придворного лоска, им не хватало образования, они не обладали модной манерой разговора и поведения. Поэтому Дезире настаивала, чтобы брат прислал одну из своих дочерей поскорее, чтобы она успела пообщаться в парижском обществе.

Однако финансовое положение семьи де Ла Пажери было таково, что они не могли себе позволить такие расходы. Мать Дезире вынуждена была прямо написать ей: «Ты спрашиваешь про мою старшую внучку, но у меня нет возможности отправить ее».

В октябре 1777 года Дезире Реноден начала торопиться. Одна из ее племянниц, писала она, должна быть немедленно отправлена во Францию с тем, чтобы получить соответствующее образование и стать молодой женой двадцатилетнего сына маркиза Александра, которого любовница его отца изображала обладателем всех талантов и добродетелей.

Роз жила надеждой, что ее выдадут за воспитанника тети Дезире и она будет жить в Париже, вращаться в высшем свете. Однако эта ее надежда рухнула, когда пришло письмо от маркиза де Богарне, в котором он просил для своего сына Александра руки Кэтрин, младшей дочери Ла Пажери, которой исполнилось двенадцать лет. Он писал, что Александр считает, что Роз, которой уже четырнадцать с половиной, слишком близка ему по возрасту. Но получилось так, что Кэтрин умерла от туберкулеза за неделю до того, как пришло это письмо. Речь могла идти о самой младшей дочери Манетт. Но обычно послушная и пассивная Роз на этот раз взбунтовалась. «Старшая девочка, — писал Жозеф де Ла Пажери, — которая часто просила меня взять ее во Францию, боюсь, будет потрясена предпочтением, которое оказано ее младшей сестре. У нее прекрасная кожа, замечательные глаза, красивые руки и поразительные способности к музыке. Она мечтает увидеть Париж, у нее очень хороший характер». Тем временем Дезире торопила своего брата: «Мы должны иметь здесь одну из ваших дочерей. Приезжайте с одной из них или с обеими, но поторапливайтесь». Вслед за этим письмом пришло другое, в которое было вложено объявление о предстоящем бракосочетании. В этот документ было вписано имя Александра и оставлено пустым место для имени невесты.

Таким образом, после череды случайностей и колебаний Роз в конце концов оказалась единственной кандидатурой для поездки в Париж.

Наконец, в сентябре 1779 года, в разгар сезона

ураганов, Жозеф де Ла Пажери купил проезд для себя, Роз и вольноотпущенницы Эвфемии на корабле «Иль де Франс».

Их плавание через Атлантический океан длилось три месяца и оказалось сплошным кошмаром из-за непрекращающихся штормов и страха быть захваченными британскими кораблями. Существовала и другая опасность — всего за год до этого кузина Роз Эми де Бак де Ривери, которая возвращалась на Мартинику после окончания школы во Франции, была захвачена в открытом море пиратами.

Когда они наконец доплыли до Бреста, Жозеф де Ла Пажери чувствовал себя настолько плохо, что не смог сразу ехать дальше в Париж. Узнав об этом, Дезире Реноден с Александром де Богарне немедленно выехали в Брест.

Роз влюбилась в своего будущего мужа с первого же взгляда, она была поражена внешностью этого лихого офицера в белой форме с серебряными кантами, элегантного, с припудренными светлыми волосами.

Совсем иной была реакция Александра де Богарне на свою невесту. Отцу он деликатно написал, чтобы не травмировать его: «Мадемуазель де Ла Пажери, возможно, не так красива, как ты ожидаешь, но думаю, что могу заверить тебя, что ее доброжелательность и мягкость ее характера превосходят даже то, что тебе говорили».

На самом же деле Александр де Богарне испытал ужасное разочарование, увидев эту пухленькую провинциалочку с неуклюжей фигурой, вздернутым носиком, лицом, лишенным всякого выражения. Того очарования, которым она потом славилась всю жизнь, заметно пока не было.

Александр де Богарне был глупым и тщеславным молодым человеком, снобом, для которого главной целью в жизни было блистать в высшем обществе. А посмотрев на эту провинциальную девицу, он понял,

что не сможет ввести ее в общество, на которое он мечтал произвести впечатление.

Но, хотя он загодя потребовал от отца обещание, что он «не обязан будет жениться на этой девице, если она и я будем испытывать друг к другу взаимное отвращение», почтение, которое Александр де Богарне испытывал к Дезире Реноден, воспитавшей его, было столь сильным, что он не стал возражать против бракосочетания.

Правда, в течение месяцев, пока шли переговоры о бракосочетании с девицей Ла Пажери, Александр находился со своим полком в Бретани, где он продолжал активно соблазнять местных аристократок. Он, как оказалось, вел запись своих побед над светскими дамами, обязательно указывая в нем титул соблазненной им женщины. При этом он не забывал хвастаться своими победами в письмах к Дезире Реноден и дошел до того, что вложил в одно из своих писем записку от своей последней любовницы, «чтобы Дезире могла судить о выборе, который я сделал». В этом же письме он упоминает, что эта дама ожидает ребенка, отцом которого является он. Родилась девочка, которая получит титул графини Лауры де Ла Туше де Лонгпре. Ей будет суждено сыграть некоторую роль в жизни Роз.

Судьбе было угодно распорядиться так, что в юности у Александра и племянника герцога де Ларошфуко был общий учитель, и поэтому он немало времени проводил в доме этого либерального, просвещенного вельможи. Ларошфуко был идеалистом, воспитанным на идеях эпохи Просвещения, на принципах энциклопедистов, веривших в общество, в котором будет установлено равенство и демократия. Вокруг Ларошфуко собирался кружок либерально настроенных молодых аристократов. Вращаясь в этом кругу, Александр де Богарне воспринял кое-какие передовые идеи и в первую очередь усвоил политическую терминологию, что в скором времени ему весьма и весьма

пригодилось. Конечно, далеко не все идеи хозяина дома пришлись ему по нутру. Так, к примеру, он отнюдь не разделял и не собирался осуществлять на практике в унаследованных им на Санто-Доминго плантациях идеи Общества друзей чернокожих, основанного Ларошфуко, провозглашавшие ликвидацию рабства.

Пока Александр де Богарне занимался тем, что совращал в Бретани местных аристократок, Дезире Реноден со своей племянницей Роз разъезжала по парижским лавкам, подбирая для Роз подвенечный туалет и знакомя свою провинциальную племянницу с Парижем. Роз полюбила этот город с первого же дня и пронесла эту любовь через всю жизнь. Ничто, никакая роскошь других столиц и дворцов, не могло заменить ей неповторимую прелесть Парижа. Она не скучала по Мартинике с ее многоцветными красками, шумом, преувеличенными эмоциями. Казалось бы, после напоенного солнцем чистого воздуха Наветренных островов, ярких цветов, которые она так любила, щебетанья экзотических птиц узкие улицы Парижа, куда не заглядывало солнце, с лужами зловонной грязи и крови, стекающей из лавок мясников, должны были вызывать у нее чувство отвращения, но нет, она свыклась с парижской грязью и вонью, и они ее совершенно не беспокоили.

Она чувствовала себя счастливой: у нее был красивый муж, которого она обожала, он подарил ей на свадьбу браслет, серьги и часы, вокруг были лавки, полные дамских туалетов и драгоценностей, ими всегда можно было полюбоваться, если не было денег, чтобы купить.

Ей нравились шум и суматоха парижских улиц. С утра здесь раздавался стук колес телег, привозивших продукты на Центральный рынок, потом улицы оглашались криками женщин, предлагавших прохожим кофе, и посвистыванием парикмахеров, перебежавших из дома в дом с горячими щипцами для завивки волос.

Попозже дома сотрясались от грохота пыльных карет, набитых пассажирами из провинции, за ними следовали экипажи аристократов и финансистов, потом неторопливо проезжали кареты врачей и адвокатов, наемные кареты. Молодые модники мчались в своих двухколесных экипажах с такими огромными колесами, что их головы оказывались на уровне окон второго этажа. Иногда экипажам приходилось прокладывать себе путь между гуртами скота, который гнали на рынок, а порой движение останавливалось из-за схваток собак или столкновений экипажей. Раздавались крики кучеров, щелканье их бичей, стук колес по мостовой. Пешеходы в вечном страхе попасть под колеса жались к стенам домов или укрывались в подворотнях.

Жизнь парижских улиц стала главным развлечением для Роз, не считая поездок с тетей Дезире по магазинам. В глубине души Роз надеялась, что ее пригласят в Версаль и она будет представлена ко двору. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Согласно жестким правилам Версаля самозванный «виконт» Богарне не мог претендовать на такую честь. Для Александра де Богарне это был болезненный удар по самолюбию. Один из его друзей отмечал, что чувство мести по отношению к Людовику XVI и Марии Антуанетте руководило им, когда во время Революции он недолгое время был облечен властью. Так что у Роз было больше оснований претендовать на то, чтобы быть представленной ко двору, чем у ее супруга, — Ла Пажери принадлежали к мелкой, но все же настоящей аристократии.

Светский говорун, волокита и позер, Александр Богарне редко бывал дома. Жена просто раздражала его, он не мог простить ей отсутствия светскости, недостаток образования, провинциальность. Он жаловался мадам Реноден, что все попытки обучить чему-нибудь Роз бесполезны, — «она ничего не может сказать мне».

А Роз ничего не замечала, она была ослеплена

своей любовью к мужу. Она бывала счастлива, когда Александр изредка ласкал ее в постели. Правда, Александр ее не баловал, он все свое время проводил либо в полку, либо в имениях своих друзей, где не переставал волочиться за красивыми женщинами, но обязательно аристократками. Тем не менее за свои редкие посещения он успел сделать жене двух детей — сына Евгения и дочь Гортензию.

Когда Роз поняла, что «обязанности по гарнизону» ее мужа сводятся к вечеринкам, балам и пикникам в имениях его друзей и к уходу за женщинами, она стала устраивать ему сцены ревности, и это привело Александра в ярость.

Жизнь показала, что Александр де Богарне сильно заблуждался в отношении своей жены. Человек недалекий и самовлюбленный, он не замечал, как она меняется, как впитывает столичные манеры, перенимает стиль поведения светских дам.

Ей удалось даже в значительной степени изменить свою внешность. На смену девичьей неуклюжести пришла ни с чем не сравнимая грация движений, которой поражались многие знаменитые мужчины. У нее были некрасивые зубы, но она приучила себя улыбаться, не разжимая губ.

Но самое, пожалуй, главное, что приобрела Роз де Богарне, так это ясное представление о том, что законодателями в политике, в формировании общественного мнения, в создании и уничтожении репутаций являются женщины. В салонах избранных парижских дам можно было встретить финансиста Дюпона де Немура, оратора Мирабо, аббата Съейеса, которому впоследствии суждено будет прославиться как «кроту революции», хромого аббата Шарля Мориса Талейрана, пользовавшегося славой самого умного человека и самого большого распутника. Заметное место занимали «американцы» — молодые французские добровольцы, воевавшие в Америке за свободу этой далекой страны. Первое место среди них занимал, безусловно,

маркиз де Лафайет, популярностью пользовались Рошамбо, герой Саратоги, шведский граф Ферзен, о котором было известно, что он любовник королевы Марии Антуанетты.

Собирались в основном в двух салонах — в Пале-Рояле и в шведском посольстве. В эти два салона Александр де Богарне привозил свою молодую жену.

Фелисия де Жанлис устраивала свои «вторники» в Пале-Рояле, великолепной резиденции ее любовника герцога Орлеанского, первого принца крови, кузена короля. Она была женщиной тщеславной, холодной и красивой. Ее преувеличенная строгость вопиюще противоречила ее любовной связи с герцогом Орлеанским.

В ее салоне царила циничная насмешливость, навеянная модным тогда романом «Опасные связи», автор которого Шодерло де Лакло был ближайшим другом герцога Орлеанского. В Пале-Рояле строились планы создания конституционной монархии во главе с герцогом Орлеанским.

Другой салон, в шведском посольстве, был центром политической жизни, местом встреч либералов всех оттенков. Здесь царила Жермена де Сталь, дочь Жака Неккера, финансового эксперта из Швейцарии, надежды реформаторов и любимца двора.

В семнадцать лет Жермена отказалась обсуждать возможность ее брака с Уильямом Питтом, двадцатичетырехлетним премьер-министром Англии: она не могла себе даже представить, что можно переехать из Парижа в Лондон. В страну, где, как ей было известно, женщины удаляются после обеда, а мужчины начинают разговаривать о политике. «Настоящее удовольствие для себя, — писала она впоследствии, — я могла найти только в любви, в Париже или во власти».

Финансовая мудрость Неккера столь ценилась при отчаянном экономическом положении в стране, что Людовик XVI сам занимался подыскиванием жениха для Жермены. После семи лет переговоров служащий

шведского посольства в Париже Эрик Магнус де Сталь был возведен шведским королем в дворянство, получил пост посла Швеции, а чтобы дочь Неккера не покидала Парижа, в брачном контракте было записано, что шведский король никогда не отзовет своего посла из Франции.

Эрик Магнус де Сталь был счастлив, что может заплатить свои немалые долги из приданого, которое Неккер дал за своей дочерью, а Жермена так определила свои отношения с мужем: «Из всех мужчин, которых я никогда не могла бы полюбить, он нравился мне больше всех». На следующий день после бракосочетания двадцатилетняя жена посла объявила, что «политика и любовь» две ее страсти. «Вторники» в салоне мадам де Сталь стали центром политической жизни Парижа.

По канонам того времени она была лишена привлекательности: коренастая, с крупными чертами лица, но с прекрасными глазами и великолепной грудью. Но главная сила обаяния мадам де Сталь, как признавали самые выдающиеся мужчины того времени, была в очаровании ее разговора.

В тот век, когда беседа стала искусством, когда так высоко ценились непосредственность, веселость и юмор, Жермена де Сталь очаровывала своих слушателей блеском ума, воодушевлением, силой интеллекта. И хотя, как она впоследствии заметила герцогу Веллингтону, «разговоры о политике — это вся моя жизнь», в шведском посольстве говорили в основном о литературе, истории, философии, театре и обсуждали светские сплетни.

На «вторниках» мадам де Сталь блистали такие люди, как Талейран, Лафайет, Луи де Нарбонн — блестящий покоритель сердец и первый любовник Жермены, Томас Джефферсон, Томас Пейн — автор знаменитого памфлета «Права человека», поэт и политик Андре Шенье, писатели, знаменитые иностранцы.

На Роз де Богарне общество таких женщин, как

мадам де Жанлис и мадам де Сталь, произвело очень сильное впечатление. Она поняла, каким влиянием пользуются эти женщины. Она захотела быть такой, как они, иметь влияние на мужчин, обладающих властью.

Своего супруга Роз все больше раздражала. В одном из писем мадам Реноден Александр жаловался: «Когда мы вместе, она полагает, что я должен уделять внимание только ей одной. Она становится ревнивой и хочет знать, что я делаю, что я пишу...»

В сентябре 1782 года Александр уехал из Парижа в Брест, чтобы отплыть на Мартинику, где он намеревался сражаться с англичанами, которые собирались напасть на этот остров. В последнем письме из Бреста мадам Реноден он сообщал, что его бывшая любовница Лаура де Лонгпре отплывает на Мартинику тем же кораблем, что и он. На Мартинике мадам де Лонгпре и Александр Богарне поехали на плантацию «Три острова» и пытались найти там порочащие Роз сведения о ее прошлом. 8 июля Александр написал своей жене резкое письмо, начинавшееся словами: «Мадам, если бы я писал Вам в первом припадке ярости, мое перо сожгло бы бумагу... В моих глазах Вы самое низкое существо». Он писал, что узнал, будто поведение Роз, когда она была девочкой, было совершенно скандальным, что в день ее отъезда с Мартиники ее нашли в объятиях любовника.

«Что я должен думать о последнем ребенке, о девочке, которая родилась через восемь месяцев и несколько дней после того, как я вернулся из Италии? Я клянусь небесами, что это не моя дочь... Будьте так добры и отправляйтесь в монастырь, как только получите это письмо».

27 ноября 1784 года Роз переехала в монастырь и начала судебный процесс о разводе. Направляемая тетей Дезире, которая в свое время провела такой процесс против собственного мужа, Роз выстроила сильную оборону, изложив все детали заговора против

нее, затеянного ее мужем на Мартинике. Теперь это была уже не та робкая провинциалочка, которую Александр де Богарне стеснялся вывозить в свет. Об этом, в частности, свидетельствует письмо секретаря королевского советника. Он писал своей жене, что мадам Богарне «дама достойная и элегантная, с отличными манерами, очень изящная и обладающая самым прелестным голосом».

В марте 1785 года состоялся судебный процесс. Александр, будучи не в состоянии представить хоть какие-то доказательства, вынужден был отказаться от всех своих обвинений, принес Роз свои извинения, обаялся выплачивать ей пять тысяч ливров в год и официально признал Гортензию своей дочерью.

Пребывание Роз в монастыре в Пентемонте, где жили аристократки, оказавшиеся в таком же положении, что и Роз, принесло ей несомненную пользу. Она перенимала манеры этих аристократок, их произношение, интонации, но при этом сохранила пленительный тембр своего голоса, который стал ее отличительной чертой. Теперь она поражала изяществом движений и жестов, соблазнительной походкой. Но главным ее достоинством стал завлекательный голос с легким креольским акцентом, низкий и серебристый, «ласкающий слух», как скажет впоследствии Наполеон.

В сентябре 1785 года Роз де Богарне выехала из Пентемонта и поселилась в Фонтенбло; в доме своей тетки Дезире Реноден и маркиза де Богарне. Вместе с ней там поселилась и ее дочь Гортензия.

Жизнь в Фонтенбло означала известную близость к королевскому двору. Здесь устраивалась охота на оленей и медведей. Александр де Богарне в этом же году нанес визит своему отцу в Фонтенбло, надеясь, что ему предложат следовать за охотой хотя бы на расстоянии. Ему отказали. «Он был невероятно обижен, — заметил его отец, — и тут же уехал». А вот его бывшей супруге Роз разрешили принять участие в охоте, до того как прибудет король. «Виконтесса, — писал

маркиз мадам Реноден, — вчера участвовала в охоте на медведя. Она промокла до костей, но была совершенно счастлива».

После того как ее унизительно отверг муж, Роз де Богарне отнюдь не вела жизнь монашенки. Чувственная, кокетливая, она привлекала мужчин постарше, женатых, обладающих влиянием при дворе. Говорили про ее любовную связь в Фонтенбло с герцогом де Лорджем. В числе ее поклонников называли и шевалье де Коиньи, модного мужчину сорока лет.

Далее в жизни Роз де Богарне оказывается «черная дыра». В июне 1788 года она неожиданно уезжает из Франции на Мартинику. О причинах, побудивших ее совершить это плавание, она никогда не говорила.

На Мартинике Роз застала мать, изнемогающую в неравной борьбе с нищетой на развалившейся плантации, младшую сестру, умирающую от цинги... Роз любила своих близких, но все-таки больше времени проводила в Форт-Рояле, чем в «Трех островах». Столица острова служила базой французского флота, и Роз де Богарне была непременной участницей балов и ужинов, устраиваемых офицерами. Она танцевала и флиртowała напропалую. Из дома своего дяди барона Таше, коменданта порта, она писала тете Дезире, прося прислать ей пять пар подвязок, дюжину вееров и муслиновое бальное платье. Молва приписывала ей в это время роман с графом Сципионом дю Руром, молодым морским офицером. Сохранился отзыв одного из морских офицеров о том времени: «Эта дама, которую нельзя было назвать красивой, тем не менее очень привлекательна своим стилем, веселостью и добросердечием. Она открыто пренебрегает общественным мнением... Поскольку ее доходы весьма ограничены, а она обожает тратить деньги, она вынуждена заимствовать их из кошельков своих поклонников».

По всей видимости, у Роз не было денег, чтобы оплатить плавание через Атлантику, и она прожила на Мартинике два года. За это время во Франции пала

Бастилия, а на Антильских островах произошло восстание рабов. В июне 1790 года часть французских войск в Форт-Рояле взбунтовалась и присоединилась к восставшим.

Кончилось дело тем, что Роз с Гортензией, бросив все, без денег и без багажа, побежали в порт и поднялись на борт фрегата «Ла Сенсиль», на котором служил дю Рур. Как вспоминала Гортензия, артиллерийский снаряд упал в нескольких футах от них, когда они бежали к порту.

В ту ночь восставшие открыли огонь по кораблям, стоявшим на якоре в гавани, и «Ла Сенсиль» вместе с другими судами еле успел выйти из зоны огня. Три дня они стояли под парусами и, не получив никаких сообщений из Форт-Рояля, отплыли во Францию. Плавание продолжалось пятьдесят два дня. В Тулоне Роз одолжила у дю Рура денег на дорогу и выехала дилижансом в Париж. Это был октябрь 1790 года.

За те два года, которые Роз провела на Мартинике, Париж, конечно же, изменился. Повсюду кипели политические страсти, кофейни стали центрами дискуссий, политические симпатии людей определялись тем, какое кафе они посещали: в кафе «Мео» собирались радикально настроенные либералы, а в кафе «Де ла Редженс» более умеренные сторонники Лафайета. Особенно шумно бывало под сводами Пале-Рояля, где помещалось множество ресторанов и кафе. Посетители читали вслух газеты, часто между ними вспыхивали споры.

Подлинная жизнь революционного Парижа была сосредоточена вокруг Национального собрания, которое было занято подготовкой Конституции. В его стенах, в частности, во всю силу развернулась страсть Александра Богарне к ораторствованию. Он не только был избран депутатом Собрания, но и целый месяц в 1790 году был очередным председателем Собрания. Его страсть к речам не знала границ. Он выступал с трибуны по любому поводу.

Национальное собрание перебралось из Версала в Париж и разместилось в Королевской школе верховой езды во дворце Тюильри, поспешно приспособленной для заседаний: там были установлены скамьи, обитые зеленым бархатом, и прилажены барельефы, изображающие различные сцены из римской истории.

Места на галерее для гостей достать было не так-то просто — за них платили дороже, чем за кресло в театре, — пятьдесят ливров. Роз де Богарне использовала свое имя и получала место на галерее.

Роз увидела своими глазами, какое огромное влияние приобрели салоны, и стала непременной гостьей и в салоне мадам Жанлис в Пале-Рояле и Жермены де Сталь в шведском посольстве. Депутаты Национального собрания по дороге на заседания заглядывали к мадам де Сталь, чтобы посоветоваться о содержании своей речи, здесь решались вопросы правительственных назначений, читали новые памфлеты и горячо обсуждали последние новости.

Постоянным посетителем салона мадам де Сталь был хромой и высокомерный Шарль Морис де Талейран, который, желая во что бы то ни стало быть избранным депутатом, порвал со своей официальной любовницей Адель де Флао и начал усиленно ухаживать за Жерменой де Сталь. Его победоносная избирательная кампания подтвердила его веру в политическое влияние женщин, всю свою жизнь он истово верил в то, что «ни один мужчина не может сравниться с женщиной, когда она защищает интересы друга или любовника».

Адель отомстила ему тем, что упала в объятия американского посла Говернера Морриса, который был непременным посетителем шведского посольства, где он узнавал последние новости, чтобы отправить их в Вашингтон. Но самым почетным гостем здесь был аристократ граф Луи де Нарбонн, красивый, блестящий и надменный любовник Жермены де Сталь, на которого она возлагала самые честолюбивые надежды.

Среди гостей салона Жермены де Сталь Роз де Богарне особенно подружилась с немецким принцем Фридрихом Салм-Кирбургом и его сестрой, яркими поклонниками конституционалистов, и стала постоянной посетительницей их дома, где господствовали более левые взгляды, чем в шведском посольстве.

В этом кипящем море политических и социальных перепалок Роз де Богарне не определилась со своими симпатиями. «Ты знаешь, — писала она тетушке Дезире, — я слишком ленива, чтобы примыкать к кому-то».

Надо честно признать, что политические споры весьма мало интересовали Роз. Впоследствии одна из ее придворных дам отметит: «Ее внимание отключалось, как только разговор заходил о чем-либо серьезном. Ее совершенно не интересовали абстрактные политические теории. Она всю жизнь хотела быть поближе к власти и сейчас жаждала быть желанной и влиятельной в мире власть имущих. Кто-то в то время отозвался о ней как «о самом пустом маленьком создании, какое только можно встретить». Между тем у Роз де Богарне имелись свои достоинства: она знала, как слушать собеседника, как использовать свое обаяние, и, как заметил впоследствии Талейран, была достаточно умна, чтобы понимать, когда следует молчать.

Париж в начале 1791 года, казалось, расцветал радужными надеждами. «Похоже, что в этом году Революция остановится», — заметил барон де Френильи. Действительно, в обществе все были уверены, что Революция завершена. «Весна 1791 года, — продолжал Френильи, — была прекрасной и жаркой, множество людей отправлялись на Елисейские поля и в сады Тюильри. Год обещает быть хорошим, с пикниками на природе, балами, оперой и верховыми прогулками по Булонскому лесу».

Светская жизнь Роз Богарне казалась прекрасной. Она появлялась в салонах, на галерее Собрания, в залах Академии. Она жила на широкую ногу, деля дом

на улице Сен-Доминик со своей подругой Дезире Хостен, влезая в долги, ибо ее финансовые обстоятельства оставляли желать лучшего. Ее отец и младшая сестра умерли в 1790 году, а британская блокада островов мешала мадам де Ла Пажери высылать дочери деньги. А Роз Богарне умела и любила тратить деньги, причем делала это с большим размахом. Александр Богарне сохранял со своей бывшей женой хорошие отношения, но деньги на ее содержание выплачивать не торопился. Более того, он угрожал ей судом, требуя вернуть драгоценности и мебель.

Летом 1791 года Роз с детьми проводила лето в Фонтенбло, когда наступил звездный час Александра Богарне. 21 июня он в очередной раз исполнял обязанности председателя Собрания, и на его долю выпало сообщить Собранию о бегстве короля и его семьи из дворца Тюильри, где они содержались под стражей восемнадцать месяцев. Эта новость поразила и Собрание, и весь Париж. Богарне послал отряд в погоню за громоздким экипажем, в котором королевская семья медленно двигалась от столицы, произнес несколько речей и предложил Собранию заседать непрерывно до тех пор, пока беглецы не будут арестованы. В течение двадцати шести часов Александр Богарне представлял собой верховную власть во Франции.

25 июня огромная запыленная карета вернулась из Варенна в Париж с измученным королем, королевой и двумя их детьми. Александр Богарне, памятуя, конечно, как его отказались принимать в Версале, высокомерно допрашивал беглецов, а потом отдал приказ об их аресте.

После бегства королевской семьи в Варенн Александр Богарне примкнул к крайней левой группе монтаньяров. Вожди монтаньяров — Марат, Дантон и холодный интриган адвокат Максимильен Робеспьер — опирались на поддержку политического клуба якобинцев, мощной группы, обладавшей сильной пропагандистской машиной.

Однако в сентябре Александр уже не был депутатом. После того как король одобрил новую конституцию, Конституционное собрание объявило о самороспуске, был издан декрет, по которому депутаты Конституционного собрания не имели права быть переизбранными.

В ходе борьбы за власть в Собрании жирондисты в апреле 1792 года объявили войну Австрии, а спустя месяц и Пруссии; война длилась двадцать два года и изменила большую часть Европы. Короля и королеву подозревали в сношениях с ее братом, австрийским императором, французские эмигранты в Кобленце, их главном центре, подталкивали довольно пассивных немецких князей спасти французскую королевскую семью.

В Париже только король и якобинцы были против войны; якобинец Робеспьер точно предсказал исход борьбы, хотя диктатора он видел в лице не Бонапарта, а Лафайета. «Вы понимаете, — обращался он к Собранию, — что самым опасным для свободы людей является военный деспотизм? Что судьба Революции определяется теми, кто контролирует армию? Мы гигантскими шагами движемся к военному правительству».

И, наконец, войны хотела Жермена де Сталь. Она была убеждена, что ее любовник Луи де Нарбонн способен привести нацию к победе. Она осаждала всех, имеющих влияние, и благодаря этому бесконечному давлению добилась того, что Нарбонна назначили военным министром. Мария Антуанетта с горечью писала своему любовнику Акселю Ферзену: «Какая честь для мадам де Сталь, какая для нее радость иметь армию в своем распоряжении».

Когда началась война, Александр Богарне получил назначение отправиться в Северную армию в качестве начальника штаба в чине бригадного генерала. Правда, на фронт он не спешил и пробыл в Париже до февраля следующего года.

В жизнь Роз Богарне война не внесла больших перемен. Ее стремление к обожанию со стороны мужчин и желание обрести влияние никогда не ослабевали. Война стала для Роз Богарне реальностью летом 1792 года. После ряда поражений французской армии на северо-восточном фронте австрийские и прусские войска продвигались к Парижу. На заседании Коммуны — нового революционного правительства Парижа — была назначена на август дата восстания. В газетах стали появляться призывы выявлять «предателей в нашей среде». Якобинцы Марат, Дантон, Ролан обратились с призывом покончить со всеми контрреволюционерами. В сентябре в течение пяти дней в Париже происходила кровавая резня — более тысячи двухсот беззащитных мужчин, женщин и детей были разорваны на части, порублены саблями, заколоты пиками, головы разбивали топорами и лопатами. Ярость якобинцев была направлена против бывших конституционалистов. Покровитель Александра Богарне герцог де Ларошфуко был разорван на части, его девяностотрехлетней матери, арестованной вместе с ним, швырнули в лицо мозги сына. Его племянник, товарищ Александра по школе, был забит до смерти.

Новое Собрание приступило к своей деятельности в конце сентября 1792 года и приняло название Национального Конвента. Одним из первых декретов Конвента было постановление о суде над Людовиком XVI. Когда состоялось голосование о судьбе короля, Александр Богарне, находившийся на северо-восточном фронте, поторопился прислать в Конвент свой голос — «смерть тирану».

Роз Богарне сумела приспособиться и к этим новым условиям жизни. Все ее усилия были направлены на приобретение полезных связей. Обладая невероятной способностью приспособливаться, умея использовать любые возможности и извлекая выгоду из революционной репутации своего бывшего мужа, она находила пути в сложной паутине радикальных

революционеров, финансистов, тайных агентов Бурбонов и могущественной агентуры вест-индских плантаторов.

Она забрасывала новых политиков письмами с просьбами о протекции, о своих друзьях, которым угрожал арест. Конечно, ею двигала жалость, но она извлекала и пользу из своего покровительства. «Она была поглощена, — писал один современник, — помощью большому количеству людей, и хотя ее репутация оказывалась под вопросом, никто не ставил под сомнение ее привлекательность, грацию, мягкость ее манер». А другой современник, более прямой, записал: «Она могла помочь множеству людей благодаря своей дружбе с теми, кто обладал тогда властью, а свободная мораль мадам Богарне, ее любовные связи и прирожденная доброта делали ее весьма популярной без всякой опасности для нее, во всяком случае на тот момент».

События на фронтах летом 1793 года сильно изменили положение Александра Богарне. Его несостоятельность как командующего Рейнской армией привела к потере Майнца на северо-восточной границе. Его бесконечные послания Конвент встречал со все большим безразличием, а потом и с подозрением. В 1793 году Конвент направил в действующие армии своих «чрезвычайных представителей». Эти проконсулы, приехавшие в Рейнскую армию, информировали Конвент, что, хотя они приветствуют тесные связи Богарне с местным якобинским клубом, возмущены публичным скандалом, вызванным тем, что он «проводит свои дни, гоняясь за проститутками и устраивая по ночам балы для них».

Дело осложнилось, когда французский гарнизон Майнца, удерживавший город целый месяц, потребовал от Рейнской армии прислать подкрепление, а генерал Богарне, под командованием которого было шестьдесят тысяч человек, не двинулся с места. В июле Майнц пал, и Богарне скомандовал отступление, а по-

том вообще бросил армию под предлогом плохого состояния здоровья.

Чрезвычайные представители при Рейнской армии отменили приказ Богарне об отступлении, а один из комиссаров приписал на полях донесения Конвенту: «По моему мнению, Богарне должен быть арестован».

Эти события совпали с началом Большого Террора. Власть Конвента была передана двум комитетам — Комитету общественного спасения и Комитету общественной безопасности. Был создан Революционный Трибунал, в котором обвиняемые были лишены права на защиту, а единственным приговором была смерть.

Александр Богарне не мог поверить, что ему, в прошлом звезде Конституционного собрания, бывшему командующему республиканской армии, может грозить какая-то опасность. Он засыпал Комитет общественной безопасности меморандумами о своих заслугах перед Революцией.

Его бывшая жена Роз гораздо яснее представляла себе ситуацию и бросилась к своим влиятельным друзьям, умоляя их защитить Александра.

К этому времени она с детьми по приглашению своей подруги Дезире Хостен поселилась в ее доме в Круасси, в шести милях от Парижа. Благодаря Дезире Роз завела новые полезные знакомства, в частности, мадам Хостен представила Роз Жану Ламберу Тальену. В Круасси Роз подружилась с людьми, которым суждено будет сыграть известную роль в ее жизни, в том числе с семьей Верженов, дочь которых, Клэр, была на несколько лет старше Гортензии. Впоследствии Клэр станет придворной дамой императрицы Жозефины и оставит потомкам воспоминания о личной жизни императорской семьи. Ей было четырнадцать лет, когда она впервые увидела Роз Богарне и была поражена ее обаянием. «У нее была совершенная фигура, — вспоминала она, — руки тонкие и нежные, все ее движения непринужденны и элегантны...

Она была не столько красива, сколько полна грации и невыразимой безмятежности».

Роз решила просить аудиенции у Гийома Вадье, председателя Комитета общественной безопасности, и написала ему откровенно подхалимское письмо.

«Привет, уважение, доверие и братство, — так оно начиналось. — Я ставлю себя на ваше место; вы должны сомневаться в патриотизме всех бывших, но Александр всегда был верным другом свободы и равенства... Если бы он не был республиканцем, он никогда не заслужил бы моего уважения и моей дружбы... Я американка. Мой дом республиканский, до Революции мои дети ничем не отличались от санкюлотов... Я пишу вам откровенно, как санкюлотка...»

Через несколько недель Александр был арестован.

Кровавая рука Террора не миновала и Роз. В Комитет общественной безопасности из Круасси пришел анонимный донос, заканчивавшийся словами: «Берегитесь даму из бывших, виконтессу де Богарне, у которой тайные дела в правительственных учреждениях».

22 апреля 1794 года Роз арестовали. «Мама, — писала Гортензия в своих «Мемуарах», — не стала будить нас, так как не могла видеть наши слезы».

Первая тюрьма, в которую привезли Роз, оказалась переполненной, и в конце концов она попала в ту же тюрьму, где содержался и Александр, — в бывший монастырь кармелитов.

Из всех парижских тюрем монастырь кармелитов пользовался самой дурной славой. Полтора года назад во время сентябрьской резни сто пятнадцать заключенных здесь священников были растерзаны и забиты до смерти. В камерах до сих пор сохранились следы их крови. В когда-то безупречно чистых помещениях расплодились всевозможные насекомые. Влажность здесь была такая, что заключенным каждое утро приходилось выжимать одежду. Количество заключенных доходило до семисот человек, теснота была невозможная.

Роз нашла своего мужа поглощенным страстной любовью к красавице Дельфине де Жюстен. Ее муж был гильотинирован в тот самый день, когда Александра привезли в монастырь кармелитов.

Наступало жаркое лето — лето Большого Террора.

Утром 22 июля Александр де Богарне, обвиненный в заговоре, отправился на гильотину. Он попрощался с Дельфиной, надел ей на палец свое кольцо и оставил записку бывшей жене, заверяя ее в «братском сочувствии».

«Богарне был очень приятным мужчиной, — писала подруга Роз по заключению англичанка Грейс Эллиот. — Мадам де Богарне плакала безутешно, когда ее мужа гильотинировали, однако, — добавила Грейс, — она французенка, и ее слезы быстро высыхают. Он не был очень внимателен к ней. Что касается другой дамы (имеется в виду Дельфина Жюстен. — Б. Г.), то я никогда не видела, чтобы после его смерти она улыбалась». Тем не менее Роз действительно плакала по Александру и, когда одна из соседок по камере спросила ее, как она может так горевать по мужчине, который заставлял ее страдать, пробормотала сквозь слезы: «Я была привязана к моему мужу».

Впрочем, эта привязанность к бывшему мужу не помешала Роз завести в тюрьме жгучий роман.

То, что творилось в парижских тюрьмах, под которые были приспособлены бывшие монастыри, дворцы, иначе как «любовным безумием» нельзя было назвать. Ведь каждое утро тюремщики выкликали имена тех, кому надлежало отправиться в революционный трибунал, откуда путь был только один — на гильотину. И все эти смертники были охвачены безумным желанием получить в оставшиеся дни — а может, и часы — максимум наслаждений. Этому способствовало и то, что женщины в тюрьмах содержались вместе с мужчинами.

В эту «пляску смерти» была тут же вовлечена и Роз де Богарне. В тюрьме начался ее страстный роман

с двадцатилетним генералом Лазаром Гошем, героем революционных войн. Грейс Эллиот описывала генерала Гоша как «красивого, с военной выправкой, остроумного и галантного». Шрам на лбу от сабельного удара только подчеркивал мужественность его лица.

Лазар Гош всего за месяц до ареста женился на шестнадцатилетней девушке, которую в письмах из тюрьмы называл не иначе как «ангел моей жизни», но и он поддался эротической лихорадке, царившей в тюрьме, и очарованию гражданки Богарне. Она влюбилась в него до умопомрачения. Кроме всего прочего, его энергия и уверенность в себе вселяли и в нее надежду, оптимизм Гоша и его способность радоваться жизни поддерживали дух и Роз де Богарне.

После того как Гоша увезли в революционный трибунал (все были уверены, что оттуда он, как и другие, отправится на гильотину), Роз впала в отчаяние. Она жила в постоянном страхе, плакала при всех не стесняясь. Одна из ее сокамерниц вспоминала: «Отсутствие у нее всякого мужества приводило всех в смущение. Она была подвержена немислимому страху, но при этом оставалась такой естественной, такой занятой, ее внешность, манеры и умение разговаривать придавали ей особое очарование».

Соседкам по камере Роз рассказывала, что на ее родном острове гадалка предсказала ей, что ее первый муж умрет насильственной смертью, а сама она возвысится «выше, чем королева». Сейчас она хотела одного — узнать, переживет ли она эту кровавую бойню.

Спас Роз де Богарне термидорианский переворот. Всего через пять ночей после казни Александра де Богарне заключенные в бывшем кармелитском монастыре услышали колокольный звон, бой барабанов, топот марширующих людей, крики и призывы и решили, что это предисловие к новой массовой резне заключенных. Однако утром 27 июля толпа друзей и род-

ственников сообщила им о событиях минувшего дня. С якобинским террором было покончено.

Роз де Богарне вышла из тюрьмы одной из первых. Она поспешила найти Лазара Гоша, который чудом избежал гильотины, и тут же одолжила у него довольно крупную сумму денег. Генерал вел себя несколько двусмысленно — писал своей молодой жене в Эльзас письма, исполненные любви, но всячески отговаривал ее от поездки в Париж. На самом деле он был не в силах разорвать свою связь с Роз де Богарне. А она все надеялась, что он разведется с женой и женится на ней. Но кончилось все тем, что в конце августа Гош был назначен командующим армией, которой надлежало подавить восстание в Вандее и Бретани. Он тут же вызвал жену в Париж и вместе с ней выехал к своей армии.

Надежда Роз обрести в генерале Гоше мужа и защитника рухнула.

Роз де Богарне предстояло возобновить поиск, длившийся всю ее жизнь, — поиск безопасности, влияния, денег и развлечений. Площадкой для этих поисков стала «Хижина» Терезии Тальен. Здесь Роз обратила внимание на Поля Барраса, который унаследовал от Тальена пост председателя Национального собрания. Зимой 1795 года она послала ему записку под тем предлогом, что хочет обратить его внимание на одного «добровольца-санкюлота», раненного в боях за отчизну. Но главное в этом письме заключалось в приписке, где она отмечала, что уже долгое время не имела удовольствия видеть Барраса, ненавязчиво предлагала возобновить старое знакомство и приглашала его навестить ее на улице Университе.

«Где-то в мае или июне, — писал в 1795 году один из современников, — Роз де Богарне была допущена в гарем Барраса».

В то лето Баррас был председателем Национального Комитета, членом Комитета общественной безопасности и командующим Внутренней армией Па-

рижа — возможно, самым влиятельным человеком в Париже.

Казалось бы, стремления Роз де Богарне осуществились: она стала официальной любовницей такого человека, как Поль Баррас, выступала в роли хозяйки на приемах в его резиденции во дворце Эгалите и в загородном имении Шалло неподалеку от «Хижины». Она обрела не только прекрасного любовника, но и могущественного покровителя, обеспечивающего ей безопасность и беспечную жизнь. Парижские лавочники открыли ей практически неограниченный кредит.

По темпераменту она и Баррас очень подходили друг другу, они оба были созданы для этого мира, утвердившегося во Франции в 1795 году, когда все жаждали только наслаждений. Роз де Богарне представляла собой именно тот тип женщин, которые нравились Баррасу, потому что, хотя он не возражал против грубоватости окружавших его мужчин, от женщин своего круга он требовал безукоризненных манер, предпочитая, чтобы у них не было никаких связей со старым режимом.

К своим связям с женщинами он относился легко, никогда не требуя верности. Циничный и нетребовательный, он был известен добрым отношением к своим как прежним, так и настоящим любовницам, всегда готовый дать совет, помочь деньгами — как государственными, так и собственными, организовать полезное знакомство с банкирами и спекулянтами, кишевшими вокруг правительства.

Роз была счастлива возобновить свое любимое занятие — писать рекомендательные письма для друзей, знакомых и для себя самой. Пробуя свою новую силу и используя своих влиятельных друзей, она теперь вознаграждала себя за все лишения в годы Революции, поскольку все знали, что она находится под покровительством самого влиятельного во Франции человека.

Когда Поль Баррас писал в своих «Мемуарах», что он представил Бонапарта «в домах мадам Тальен,

мадам де Сталь и в других», то «эти другие» не включали дом мадам де Богарне, которая была постоянной гостьей в «Хижине», но не имела своего дома, где могла бы устраивать приемы.

Предполагалось — и Баррас подтверждал это, — что он оплачивал аренду дома в Круасси, который тем летом Роз вновь сняла у Дезире Хостен. Их тамошний сосед, будущий канцлер Паскье, обнаружив, что в деревне инфляция меньше, чем в городе, незадолго до описываемых событий переехал со своей семьей в Круасси. Там они нашли решение некоторых продовольственных проблем, выращивая собственные овощи, но банкеты, устраиваемые в доме Роз с гостями из Парижа, вызывали некоторые пересуды в маленькой деревне, где чтобы купить кусок хлеба, обычный житель должен был выстоять несколько часов в очереди.

«Мадам де Богарне, — писал Паскье в своих «Мемуарах», — была нашей соседкой; приезжала она сюда довольно редко, возможно, раз в неделю, чтобы устроить прием Баррасу и его большой свите. Уже рано утром мы видели, как привозили корзины с продуктами, потом конная полиция начинала расчищать дорогу от Нантера до Круасси. Дом мадам де Богарне, как у многих креолов, отличался роскошью. Там было много всякой всячины, но недоставало некоторых необходимых вещей. Птица, всевозможная дичь и редкие фрукты сваливались на кухне — и это в то время, когда царил голод, — но у нее не хватало кастрюль, стаканов и тарелок, которые она одалживала в нашем скромном доме».

Вечное стремление Роз обладать «влиянием», или его видимостью, было удовлетворено, долги не надо было отдавать немедленно. И хотя было известно, что Баррас никогда не бросал женщин, которые играли какую-то роль в его жизни, Роз не могла не беспокоиться о своем будущем. Ее положение могло быть только временным. Ее не оставляло постоянное беспокойство — ей необходимо было иметь покровителя,

который обеспечит ей тот образ жизни, к которому она привыкла.

Она еще не оставила надежду на то, что Лазар Гош разведется со своей женой, и когда узнала, что Адель Гош беременна, то настояла, чтобы ее сын Евгений Богарне оставил свою должность адъютанта генерала Гоша. Тем не менее она была не из тех женщин, которые умеют любить отсутствующего мужчину, и, хотя их переписка еще какое-то время оставалась весьма страстной, Гош вскоре стал жаловаться на отсутствие писем из Парижа и даже обвинял ее в том, что она закрутила роман с одним из его адъютантов, который привозил ей его письма. Но Гош все еще был без ума от нее. В мае генерал Гош писал одному своему другу, что услышал, будто Роз стала «модной чудесницей». «Тщеславие сменило в ее сердце дружбу, — писал он, и дальше шел рефрен всех мужчин, занимавших какое-то место в ее жизни: — Я в отчаянии, что не имею писем от женщины, которую люблю, от вдовы, сына которой я привык считать собственным сыном. На земле нет для меня счастья. Как ты знаешь, я не могу уехать в Париж, чтобы повидать женщину — причину моего горя. Долг службы и война, которая снова должна вспыхнуть здесь, удерживают меня».

В ту пору Роз де Богарне и Терезия Тальен были неразлучны. Казалось, между ними никакого соперничества быть не может. Хотя в пользу Терезии говорило то, что она на десять лет моложе Роз, а также ее красота, богатство, громкая историческая роль, которую она сыграла в дни термидора, ее необыкновенная популярность в народе.

У этих двух женщин было много общего? Они обе отличались добротой, готовностью помогать людям, во время террора обе рисковали своими головами, стараясь спасти других. Обе они сидели в тюрьме, ожидая казни. Обе эти красивые и незаурядные женщины стремились забыть ужасы недавнего прошлого и насладиться жизнью.

В «Мемуарах» Барраса сохранилось довольно не-

лестное сравнение, которое он проводит между этими двумя женщинами. Правда, есть подозрение, что этот кусок текста вставлен душеприказчиком Барраса, который готовил рукопись к изданию и у которого были свои причины не любить мадам Бонапарт.

«Хотя связи мадам Тальен, — написано там, — поистине радовали благодаря страстности ее натуры, сердце мадам Богарне никогда не участвовало в этих отношениях. Мужчины, которые обладали ею, могли льстить себе, хвастаясь ее страстностью, однако сладострастная креолка никогда ни на секунду не забывала о делах. Ее сердце не играло никакой роли в ее физических развлечениях... Мадам Тальен была тогда в самом расцвете своей красоты, мадам же Богарне начинала увядать. Это не прозвучит преувеличением для тех, кто знал ее в те годы и кто понимал, что в ней нет ничего естественного, а все достигнуто благодаря искусству, такому же тонкому и совершенному, как те приемы, к которым прибегали куртизанки Греции и Рима».

А маркиз де Сад, который в тот период знал и Роз, и Терезию, писал: «Мадам Богарне жаждет наслаждений в сто раз больше, чем мадам Тальен».

Вероятно, Роз не сомневалась, что Баррас будет все более тяготеть к Терезии, его женскому двойнику в термидорианском Париже. И хотя все преимущества были на стороне Терезии, Роз все же чувствовала себя привлекательной, даже несмотря на таких соперниц, как Терезия и мадам Рекамье. Она обладала бесконечным обаянием, она так искусно накладывала грим, ее веселость была такой заразной, что ею в «Хижине» восхищались больше, чем иными молодыми дамами.

Кроме того, она служила ярким подтверждением издавна существующей у французов убежденности в особом шарме креольских женщин. Она была томной и соблазнительной, как и полагалось женщине с Антильских островов. «Она все еще была восхити-

тельна, — писал один из тех, кто бывал в те годы в «Хижине», — с этой гибкой и сладострастной фигурой, свойственной креольских женщинам, и все это сочеталось с достойными манерами старого режима. Голос у нее был таким трогательным, а выражение лица таким нежным».

Это чисто женское обаяние дополнялось широко распространенным убеждением, что креольские женщины обладают большими состояниями — огромными плантациями и армией рабов. И хотя Роз не опровергала этих разговоров и даже намекала на деньги, поступающие к ней из колонии, она продолжала жить в долг.

В то лето Роз и Терезия Тальен были просто неразлучны, они даже одеваться старались одинаково. «Надень сегодня на бал твое платье персикового цвета, — писала Роз Терезии, — а я надену мое и креольский тюрбан. Наши одинаковые костюмы приведут в уныние наших английских соперниц».

Эти две красавицы подражали друг другу, изобретая все новые экзотические моды. Когда Терезия отказалась от пудренного парика и сменила его на синий и фиолетовый, Роз тут же последовала ее примеру.

В мае 1795 года Терезия Тальен, возвращаясь из театра, почувствовала родовые схватки. Крестной матерью девочки стала Роз де Богарне, окрестили девочку Роз Термидор в ознаменование «события, которому она вдвойне обязана жизнью».

Оправившись от родов, Терезия Тальен вместе с Роз Богарне с радостью предалась прелестям модной жизни на природе. Все увлекались тогда спортом и атлетическими состязаниями. Устраивались «античные» игры, на Марсовом поле проходили скачки — результат английского влияния, привнесенного возвращающимися эмигрантами. В Булонском лесу играли в мяч, мадам Тальен выступала судьей и для этой роли одевалась соответствующим образом. «Как и многие другие, — писал Виктор де Брольи, — я видел прекрасную

мадам Тальен, одетую как Диана — грудь наполовину открыта, на ногах сандалии — в тунику, не доходившую ей до колен».

В августе того же года Роз Богарне, хотя и сидела по уши в долгах, взяла в аренду дом на улице Шантерен. Арендная плата была весьма высокой — четыре тысячи франков, но дом был расположен в «той части Парижа, где в тот год снять дом было труднее и дороже всего». Из-за отсутствия экипажей поездки за город были затруднены, и светская жизнь сосредоточилась в нескольких кварталах. «Дом на улице Шантерен стоит в самом избранном квартале, — сообщал Мерсье, — поскольку он расположен вблизи наиболее важных мест — дворца Эгалите, Тюильри, Конвента и главных театров».

Этот район считался фешенебельным и по другой причине. Поблизости от дома номер шесть по улице Шантерен стоял дом Терезии Тальен, спрятанный среди садов Елисейских полей, недалеко находился и дом Барраса.

Дом номер шесть по улице Шантерен войдет в историю как «Дом брюмера», поскольку именно здесь находился штаб Наполеона Бонапарта, когда он готовил государственный переворот 18 брюмера 1799 года.

Дом был выстроен в новогреческом стиле и расположен в маленьком саду. По обе стороны мощенного булыжником двора размещались конюшни и каретный сарай. Въездные ворота были почти разрушены, от них вглубь вела узкая незамощенная дорожка, окаймленная деревьями. Каменные ступени вели к полукруглому вестибюлю, за которым находился салон. Камин в нем располагался между двумя высокими окнами, выходившими в сад, далее помещался маленький кабинет. Узкая лестница вела наверх в спальню и гардеробную. Этажом выше была мансарда, а внизу, в подвале, кухня.

Арендовав этот дом, Роз немедленно распорядилась обить четыре кресла красного дерева синей китай-

кой, простеганной красным и желтым. Хотя мебель была весьма скромной, но выдержана в строгом стиле Директории, подражавшем античным образцам. Рисунок из лиловых и зеленовато-желтых роз на стенах, оставшийся с дореволюционных времен, был заменен яркой красно-фиолетовой росписью, как на стенах зданий, обнаруженных при раскопках в Геркулануме. Стены спальни окаймлял фриз, на котором были изображены черные фигуры на кроваво-красном фоне — все это напоминало роспись греческих ваз. На первом этаже была установлена серебряная «этрусская» ваза, а в салоне на камине стоял бюст Сократа.

Все знали, что Баррас дает Роз Богарне большие деньги на содержание этого дома. Мадам де Ла Пажери не смогла прислать своей дочери никаких денег с Мартиники, а пятьдесят тысяч ливров, одолженные у тетушки Дезире, давно были истрачены. По всей видимости, Баррас оплачивал и обучение детей Роз — Евгения и Гортензии.

К концу сентября дом был готов, но, поскольку Баррас предупредил Роз о вероятных бунтах в месяце вандемьера, она решила провести неделю у своей тети в Фонтенбло.

О событиях 13 вандемьера писалось выше. Как и о том, насколько изменилось положение генерала Бонапарта.

Впрочем, надо отметить, что репутация Наполеона в глазах многих выглядела несколько сомнительной. Во-первых, почти никто не знал, откуда взялся этот человек, спасший Директорию. Неизвестно было, и что он из себя представляет.

Конечно, никто не мог знать, что Бонапарт накануне 13 вандемьера колебался, на чью сторону встать. Он говорил Жюно: «Ах, если бы только парижане называли меня своих вождем, я бы постарался, чтобы Тюильри был взят в течение двух часов, и мы вышвырнули бы этих несчастных депутатов оттуда».

Впоследствии, на Святой Елене, бывший император

Наполеон со свойственным ему цинизмом рассказывал генералу Бертрону, что в ночь накануне Вандемьера он взвешивал все «за» и «против» обеих сторон и решил поддержать восстание «монархистов», если оно пойдет удачно, «и изменил свое решение только тогда, когда Баррас поручил ему командование артиллерией».

Самую точную оценку дал ему агент роялистов Малле, который знал всех в Париже. Он написал о Бонапарте в своем донесении в Вену, охарактеризовав его как «корсиканского террориста по имени Буонапарте, профессионального мерзавца и правую руку Барраса».

Вот где-то в это время Баррас и представил Роз де Богарне генерала Бонапарта. Надо сразу же отметить, что внешность Бонапарта не произвела на Роз сильного впечатления (тем более после рослого красавца Гоша), но, верная своему инстинкту отличать мужчин либо уже обладающих властью, либо перспективных в этом плане, она стала уделять ему некоторое внимание.

А вот на Бонапарта очаровательная креолка, которая, между прочим, была на шесть лет его старше, произвела огромное впечатление. Она воплощала все то прекрасное, что он мечтал найти в женщине, — женственность, мягкость, хорошие манеры, аристократизм, умение слышать, проявлять интерес к собеседнику. Не случайно на Святой Елене Наполеон продиктовал для своих «Мемуаров» такое весьма примечательное признание: «Я не был нечувствительным к женским чарам, но я вряд ли был испорчен ими, я был застенчив с женщинами. Мадам Бонапарт была первой, кто придал мне уверенность». Там же он оставил такую запись: «Мадам де Богарне всегда с интересом слушала о моих планах. Однажды, когда я сидел за обедом рядом с ней, она стала говорить мне комплименты, восхищаясь моим военным талантом. Ее похвалы вдохновили меня. С этого момента я разговаривал только с ней и не отходил от нее».

Можно даже сказать, что в известной мере она поощряла его. В первом известном письме Роз Наполеону, помеченном «Вечер 6-го», она писала: «Вы больше не приезжаете навестить Вашего друга, который скучает без Вас, Вы просто забыли его. Это ошибка, так как он нежно к Вам относится. Приезжайте ко мне завтра. Я хочу видеть Вас и поговорить с Вами о делах, которые Вас интересуют. Покойной ночи, мой друг, обнимаю Вас». Подписывалась она: «Вдова Богарне».

Ответ не заставил себя ждать. В тот же вечер Бонапарт пишет ей: «6-го брюмера. Я не могу понять причин, вызвавших такой тон Вашего письма. Прошу Вас верить, что никто не жаждет Вашей дружбы так, как я, и никто не готов доказать это. Если бы мои обязанности позволяли, я бы сам привез Вам это письмо. Бонапарт».

Наполеон повел атаку на Роз де Богарне энергично и напористо, как вел впоследствии свои военные операции. В своих «Мемуарах», говоря о себе в третьем лице, он отмечал: «Когда мадам Богарне пригласила его навестить ее, он был поражен ее необыкновенным изяществом и ее манерами, которыми нельзя было не восхищаться. Знакомство быстро переросло в интимную связь».

Да, осада продолжалась недолго — Роз довольно быстро уступила домогательствам генерала.

На него эта первая ночь любви произвела ошеломляющее впечатление. Об этом убедительно говорит следующее письмо: «Семь часов утра. Я проснулся полный тобой... Воспоминания о вчерашнем пьянящем вечере не дают успокоиться моим чувствам». Верный своей привычке придумывать женщинам новые имена, он из ее имени Мари Жозефа Роз выбрал новое имя — Жозефина и дальше писал: «Сладкая и несравненная Жозефина, я упиваюсь пламенем твоих губ, твоего сердца, огнем, который сжигает меня... Тысяча поцелуев, но не возвращай мне даже одного, ибо они горят в моей крови».

Была, правда, одна маленькая деталь, чуть подпортившая ликование Наполеона. Любимый мопс Жозефины, привыкший спать в постели своей хозяйки, совсем не желал уступать свое тепленькое местечко какому-то незнакомому мужчине и укусил его за ногу.

На генерала Бонапарта очень сильное впечатление произвела спокойная элегантность дома Жозефины. Здесь ничто не напоминало ни провинциальной обстановки дома мадам Клери, ни вызывающей модности «Хижины» Терезии Тальен. Его неискушенному взгляду представлялось, что атмосфера дома Роз де Богарне напоминает атмосферу версальского двора.

На Святой Елене Наполеон скажет генералу Гуржо, что окружение Жозефины состояло «из самых выдающихся людей Парижа», демонстрируя полное непонимание существа дела. Отсутствие у него какого-либо светского опыта мешало ему заметить, что посетители гостиной Жозефины в основном немолодые мужчины, кое-кто из них давние поклонники мадам де Богарне со времени ее жизни в Фонтенбло, которые не считают возможным привозить своих жен в очаровательную гостиную любовницы Барраса. Их привлекала близость мадам де Богарне к власти, возможность извлечь из этого некую выгоду.

В глубине души этого «неистового республиканца», каким он себя в свое время заявлял, жило преклонение перед аристократией. Будучи представленным мадам де Богарне, Бонапарт решил, что она принадлежала к околдворцовым кругам старого режима. Он никогда не отказывался от своего первого ощущения, что ему невероятно повезло и что он обретает для себя «настоящую виконтессу». «Бонапарт воображал, что вступает в брачный союз с настоящей дамой», — писала мадам де Ремюза. А когда Жозефина согласилась наконец выйти замуж за Бонапарта, та же мадам де Ремюза заметила очень точно, что «Наполеон в то время почти наверняка был уверен, что делает самый серьезный шаг наверх, ему мнилось, что он женился на дочери Цезарей».

Мармон, который был несколько удивлен тем, что Жозефина нашла что-то привлекательное в Бонапарте, и относил это за счет того, что мадам Богарне «перешагнула свой расцвет», утверждал, что причиной гордости генерала этим союзом было его пристрастие к аристократии, хотя «его частые речи по этому поводу показывали его полное неведение насчет французского общества накануне Революции».

Но, конечно, в гамме чувств Бонапарта к мадам Богарне главным было не тщеславие, а ее сексуальная привлекательность. Она обладала качествами, которые Наполеон считал весьма существенными. Она всегда оставалась для него «настоящей женщиной». Лазару Карно он будет описывать ее как «женщину в полном смысле этого слова».

Прошло то время, когда Бонапарт заявлял, что любовь — это не что иное, как «социальное чувство», утверждал, что французы «погрязли в эротизме», и который всего год назад писал, что мечтает о простенькой жене. Теперь он был захвачен чувствами, в существование которых он раньше не верил.

А ведь не так давно он писал своему брату Жозефу, что «женщинам придается во Франции слишком большое значение. Их нельзя рассматривать как равных с мужчинами, в действительности они только машины для того, чтобы делать детей».

Теперь же он сходил с ума от ее ласк в постели, чувствовал себя на вершине блаженства. Вот эту силу сексуальной привлекательности Жозефины не учитывали братья Наполеона, с тревогой наблюдавшие за тем, как их опора и надежда семьи Бонапартов путается с любовницей Барраса. Жозеф делал ему осторожные намеки, Люсьен называл мадам де Богарне «увядающей креолкой». Да и Летиция не хотела бы иметь эту женщину своей невесткой.

Бонапарт не хотел никого слушать. Он хотел обладать Жозефиной. Почти сразу же после первой ночи любви он стал уговаривать Жозефину выйти за него замуж.

Были, правда, намеки на то, что, помимо пылкой страсти, в матримониальных планах Бонапарта была некоторая доля корыстного расчета. На Святой Елене Наполеон обронил фразу, которую генерал Бертран тут же записал: «Я действительно любил Жозефину, но я не испытывал к ней уважения. У нее была самая прелестная маленькая... в мире, там помещалось имение «Три острова» на Мартинике. На самом деле я женился на ней только потому, что думал, будто у нее большое состояние. Она говорила об этом состоянии, но все оказалось неправдой».

Горячие от страсти любовные письма Бонапарта делают это заявление неубедительными, хотя можно предположить, что намеки Жозефины на большое состояние в Вест-Индии могло оказать некоторое влияние («Она упоминала один или два миллиона, принадлежащие ей на Мартинике, и собственность на Санто-Доминго».)

Однако на эту тему было одно столкновение, «огорчительная сцена, имевшая место за две недели до нашего бракосочетания, — упоминал Наполеон в письме. — Вы подумали, что я люблю вас не ради вас самой». Что он имел в виду? Ее вымышленное состояние или ее влияние через Директора Барраса? Жозефина узнала, что Бонапарт посетил ее нотариуса, чтобы навести справки о ее состоянии в Вест-Индии...

Разговор мог также касаться ее отношений с Баррасом. Она могла обманывать Наполеона и заставить его поверить, что физической связи с Баррасом у нее не было. Впрочем, Наполеон и сам мог убедить себя в этом. В это верится с трудом. Бонапарт не мог не знать того, что знал весь Париж. Баррас в своих «Мемуарах» логично поясняет, что, поскольку Жозефина была его официальной любовницей и поскольку генерал Бонапарт весь тот год находился рядом с ним, «он более чем кто-либо другой знал об этом факте».

Некоторые биографы высказывают даже убеждение, что именно связь Жозефины с Баррасом и под-

толкнула Бонапарта на брак с ней — он был убежден, что это самый быстрый путь к достижению его военных и политических целей.

Баррас записывал, что в ту зиму, когда бы Наполеон ни просил его о каком-нибудь одолжении, он всегда заезжал с Жозефиной или просил ее ходатайствовать за него. Одна из этих услуг заключалась в том, что Баррас предложил Бонапарта на пост военного министра. Директора отказались рассматривать это предложение, а Лазар Карно, который продолжал руководить военным планированием, по-прежнему враждебно относился к разработанному Бонапартом плану итальянской кампании.

Неистовство страстных писем Наполеона после его женитьбы доказывают, что ни амбиции, ни надежда на состояние Жозефины не могли быть единственным или главным мотивом. Даже генерал Мармон писал, что, «когда генерал Бонапарт влюбился в мадам Богарне, это была любовь во всей силе этого понятия. Повидимому, это была его первая страсть, и он отдавался ей со всей мощью своей натуры».

Представляет немалый интерес и история того, как отнеслась Жозефина к настоятельным предложениям Бонапарта выйти за него замуж. В ту зиму она даже отказывалась обсуждать это предложение. Но и совсем отвергнуть домогательства генерала Бонапарта не хотела.

У нее были на то свои соображения.

С одной стороны, у нее было завидное положение. Все знали, что она официальная любовница Барраса. Это обеспечивало ей влияние, возможность покровительствовать нужным людям, способствовать заключению выгодных военных контрактов, одалживать деньги и тратить их не считая.

Но, с другой стороны, связь с Баррасом не гарантировала ей безопасности, стабильности, к обретению которых она стремилась всю жизнь. Она не могла забывать и того, что ей уже тридцать два года —

возраст немалый для «прелестницы». В конце концов Баррас когда-нибудь ее бросит, и, хотя было известно, что Баррас и после разрыва продолжает помогать своим бывшим любовницам, ее положение будет совершенно иным.

Мадам де Богарне и впрямь ощущала некоторое охлаждение со стороны Барраса, замечала, что ее постепенно начинает вытеснять Терезия Тальен. Роз, конечно, знала, что, когда Бонапарт спросил у Барраса совета, жениться ли ему на ней, тот поощрил его. Это, безусловно, был для нее тревожный сигнал.

Беда была в том, что генерал Бонапарт никак не соответствовал ее представлению о том, каким должен быть муж или любовник.

Физически он не был привлекателен. Роз де Богарне предпочитала мужчин высоких, красивых, таких как Александр Богарне, Баррас, генерал Гош. Она могла согласиться стать женой или любовницей богатого банкира вроде Уврара, могущественного политика, каким был Баррас, красавца вроде Гоша. Серьезным препятствием для нее было и то обстоятельство, что у генерала Бонапарта не было никакого состояния, кроме армейского жалованья.

Смущала Жозефину и напористость Бонапарта. По своему темпераменту она не была склонна принимать радикальные решения. А тут на нее оказывалось мощное давление.

Она советовалась со своими друзьями. Ее нотариус Рагидо был категорически против этого брака. «Вы должны выйти замуж не за мужчину, у которого за душой нет ничего, кроме шпаги. Вам нужен поставщик армии, который даст вам все деньги, какие вы только захотите».

А маркиз де Богарне, муж ее тетушки Дезире, напротив, советовал ей выйти замуж за генерала.

Окончательно убедил Жозефину принять предложение Бонапарта разрыв с Гошем. Гражданская война в Вандее считалась завершенной, после того как гене-

рал Гош разбил восставших. Армия Запада была сформирована, а Гош в ноябре отозван в Париж. 26 декабря 1795 года он получил назначение командующим армией Западного побережья, готовящейся к предполагаемой высадке в Ирландии.

Хотя Гош знал, что его жена, беременная на восьмом месяце, ждет его в Лотарингии, он задерживался в Париже и не сразу сообщил ей о своем новом назначении.

В ту зиму, как писал Баррас, «мадам де Богарне, чтобы снова завлечь Гоша, сказала, что может помочь ему в продвижении по службе с моей помощью, поскольку, сказала мадам Богарне, она обладает на меня определенным влиянием. Но Гош был слишком горд, чтобы быть обязанным своей славой кому бы то ни было, кроме самого себя, и отказался разговаривать на эту тему».

Гош знал о том, что мадам Богарне любовница Барраса, но делал вид, что его это не касается. А вот когда он услышал, что у нее появился новый поклонник — тот самый генерал, который изобретал всяческие уловки, ссылаясь на якобы плохое здоровье, только чтобы не служить под командованием Гоша в Вандее, и этот генерал, никогда не воевавший, оказался равным ему по званию и пользуется покровительством Барраса, Гош пришел в ярость.

По словам Барраса, Гош отозвался тогда о мадам Богарне чрезвычайно резко: «В тюрьме совершенно естественно взять шлюху в любовницы, но это не значит, что ее следует делать законной женой». Впоследствии он писал одному своему другу: «Я просил мадам Бонапарт вернуть мне мои письма. Я не хочу, чтобы ее муж читал мои любовные письма к женщине... которую я презираю».

И тем не менее вплоть до начала января он задерживался в Париже и, по мнению некоторых его друзей, все еще был не уверен, должен ли он порвать с мадам де Богарне. И только когда он получил известие, что у него родилась дочь, уехал из Парижа.

После отъезда Гоша события стали разворачиваться быстрее. Роз де Богарне посоветовалась с Баррасом, он сказал, что, по его мнению, ей следует принять предложение Бонапарта.

Бонапарт тоже обратился к Баррасу за советом. «Баррас дал мне хороший толчок, — вспоминал Наполеон на Святой Елене. — Баррас подчеркнул, что она принадлежит и к старому режиму, и к новому, что женитьба даст мне более прочное положение, заставит людей забыть мое корсиканское имя, сделает меня целиком французом».

Баррас не ограничился советом Бонапарту жениться. Он дал за Жозефиной такое приданое, о котором Бонапарт мог только мечтать. Баррас добился назначения генерала Бонапарта командующим Итальянской армией. Как недвусмысленно заметил брат Наполеона Люсьен, «верховное командование Итальянской армией было свадебным подарком Барраса».

Продумать это даже Баррасу было весьма не просто. Слухи о назначении генерала Бонапарта командующим Итальянской армией вызвали в газетах бурю возмущения. Газеты обвиняли Директорию в том, что у нее нет никаких оснований для такого назначения, что у генерала Бонапарта нет достаточных боевых заслуг. Тулон и уличное сражение в вандемьере нельзя считать военными достижениями Бонапарта. Его вообще рассматривали как иностранца. Его имя, его сильный итальянский акцент и то обстоятельство, что он был неизвестен в военных кругах, — все говорило против него. «Быть назначенным командующим в то время значило невероятно много, — писал Лакретьель, — когда все признавали, что генералы обогащаются за счет грабежа во время военных кампаний».

Легенда о «приданом» будет долго еще преследовать Наполеона, и он будет обвинять Жозефину в том, что она дала повод для подобных сплетен. Общее мнение о назначении Бонапарта выразила одна английская газета, поместившая такую карикатуру:

Бонапарт из-за занавески подсматривает, как перед Баррасом танцуют две обнаженные женщины, обозначенные в подписи как Жозефина де Богарне и Терезия Тальен.

Жозефина еще какое-то время продолжала колебаться. Во всяком случае еще 14 февраля 1796 года она выступала официальной хозяйкой в доме Барраса и рассылала приглашения на обед у всемогущего Директора. По утверждению Барраса, сексуальные отношения между ним и Роз де Богарне продолжались вплоть до ее бракосочетания с Бонапартом в марте 1796 года.

В конце концов Жозефина дала согласие. Два события последовали одно за другим — 2 марта 1796 года Бонапарт был назначен командующим Итальянской армией, а 8 марта в парижской мэрии был зарегистрирован брак Роз де Богарне и Наполеона Бонапарта.

Церемония бракосочетания была гражданской. Свидетелями со стороны новобрачной выступали супруги Тальены, Баррас и ее нотариус, свидетелем со стороны жениха был восемнадцатилетний капитан Ле Маруа.

Им пришлось целых три часа ожидать жениха. О причине такого опоздания говорили разное: одни предполагали, что Бонапарт задержался, разрабатывая планы итальянской кампании, другие утверждали, что он был занят тем, что подделывал свое свидетельство о рождении.

Действительно, Бонапарт заявил, что не может раздобыть свидетельство о рождении, и совершил подлог — назвал датой своего рождения день рождения своего старшего брата Жозефа, прибавив себе таким образом лишние семнадцать месяцев. Кроме того, он указал местом своего рождения Париж вместо Аяччо. Не уступала ему в подлоге и новобрачная — она сообщила, что британская оккупация Наветренных островов лишила ее возможности получить свидетельство о рождении и сбросила себе четыре года.

Мэр не стал дожидаться Бонапарта и ушел, и процедуру оформления брака совершил его заместитель, который не имел на это права. Обо всем этом следует упомянуть, потому что эти обстоятельства будут использованы при оформлении развода между Жозефиной и Наполеоном.

Через несколько минут все было кончено, и новобрачные отбыли в свой дом на улице Шантерен.

«Молодой герой, — писала одна парижская газета, — женился на мадам Богарне, молодой вдове, которой сорок два года, но она не так уж плохо выглядит, пока у нее есть один зуб в ее хорошеньком маленьком ротике». А барон Френильи писал впоследствии: «Мадам Богарне, имея двух детей и не имея денег, опасаясь голода и в силу своего любвеобильного темперамента, стала официальной любовницей Барраса. Остальное хорошо известно. Баррасу она надоела, и он избавился от нее, дав в приданое командование Итальянской армией. Маленький генерал «Вандемьер» принял приданое и любовницу и сделал ее императрицей Франции».

Их медовый месяц продолжался всего два дня. Уже на третий день после свадьбы генерал Бонапарт скакал, меняя лошадей и экипажи, на юг, в Ниццу, где располагался штаб Итальянской армии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой повествуется о блистательных победах на полях сражений в Италии и о предательстве в тылу (семейном)

11 марта 1796 года Бонапарт выехал из Парижа в Ниццу, где находился штаб Итальянской армии, командование которой было вверено ему. Перед самым отъездом он написал письмо Летурнеру, тогдашнему главе Директории: «Я просил гражданина Барраса известить Исполнительную Директорию о моем браке с гражданкой Богарне. Доверие, которое Директория оказывала мне при любых обстоятельствах, заставляет меня сообщать ей обо всех моих действиях. Это новая нить, которая соединяет меня с отчизной; более того; это свидетельство моего твердого решения найти спасение только в Республике. Спасение и почет».

Бонапарта сопровождали его адъютант Жюно и интендант Шове. При себе командующий Итальянской армией имел сорок восемь тысяч золотом и сто тысяч франков в векселях. Не очень большие ресурсы, чтобы отправляться с ними завоевывать Италию.

Но генерала занимали и другие мысли. Между Парижем и Ниццей одиннадцать почтовых станций. И почти на каждой станции, сидя за грязным столом постоянного двора, Бонапарт пишет письма Жозефине, отправляя их с курьерами.

14 марта с почтовой станции Шансо он отправил ей второе письмо: «Я написал тебе из Шатийона и отправил тебе доверенность, чтобы ты распорядилась

некоторыми суммами, которые мне причитаются. С каждым мгновением я удаляюсь от тебя, мой обожаемый друг, с каждым мгновением мне все труднее выносить эту разлуку с тобой. Ты постоянно в моих мыслях, мне не хватает воображения представлять, что ты делаешь. То я представляю тебя грустной, и мое сердце сжимается от усиливающейся боли. То ты весела, развлекаешься с друзьями, и я упрекаю тебя, что ты так быстро забыла о мучительном расставании, значит, ты легкомысленна и, следовательно, не способна на сколько-нибудь глубокое чувство. Как видишь, мне трудно угодить; но, мой друг, это совсем другое, ведь я боюсь, как бы не пошатнулось твое здоровье или как бы у тебя не появилось причин быть грустной, и я тогда сожалею о том, что обстоятельства так быстро оторвали меня от моей любви. Я чувствую, что ты не добра ко мне, я же могу радоваться, лишь уверившись, что с тобой не случилось ничего плохого. Когда меня спрашивают, хорошо ли я спал, я чувствую, что прежде чем ответить, мне нужно было бы получить письмо с сообщением, что ты хорошо отдыхала. Болезни, приступы ярости людей волнуют меня только тогда, когда они могут затронуть тебя, мой друг. Пусть мой гений, мой ангел-хранитель, всегда поддерживавший меня в самых больших опасностях, окружит тебя, укроет тебя, а меня оставит. О! Не будь печальной, а лишь слегка меланхоличной, и главное, пусть твоя душа будет без грусти, а тело без болезней; вспомни, что по этому поводу говорит Оссиан. Пиши мне, мой нежный друг, почаще. И получи тысячу и один поцелуй от самого верного и нежного друга».

Армию свою новый главнокомандующий нашел в самом плачевном состоянии. Солдаты ходили оборванные, босые, голодные. Обмундирование свое они продавали, чтобы разжиться табаком и хоть каким-то пропитанием. Как писал генерал Сегюр, «многие были даже без штыков. За ними следовало только 60 пушек,

не укомплектованных боеприпасами, которые тащили искалеченные и пораженные чесоткой мулы и сопровождали босые канониры и никчемные кавалеристы, больше тянущие своих лошадей, нежели едущие на них».

На бумаге в армии числилось сто шесть тысяч солдат, на самом же деле их было всего тридцать восемь тысяч, из которых восемь тысяч входили в гарнизоны Ниццы и прибрежной зоны, так что повести в сражение Бонапарт мог всего лишь тридцать тысяч.

А в Италии, по ту сторону Альп, ему противостояли австрийская армия и войска Сардинского королевства, насчитывавшие восемьдесят тысяч человек и двести пушек.

В Ницце в штабе Итальянской армии нового главнокомандующего встретили не слишком приветливо.

Генералы, командовавшие отдельными корпусами Итальянской армии, Массена, Дезе и Ожеро, ветераны революционных войн, поднявшиеся из младших чинов, все красивые и отчаянные, каждый ростом более шести футов, казались еще выше благодаря высоким трехцветным плюмажам на шляпах, которые они и не подумали снять, когда Бонапарт вошел в помещение.

Они знали, что до сих пор он никогда не командовал в серьезных сражениях. До них, конечно, дошли скандальные слухи о приданом госпожи Богарне, и они заранее приклеили ему прозвища «политический генерал», «протеже Барраса и женщин». Внешность Бонапарта, на их взгляд, тоже оставляла желать лучшего, «низкорослый, болезненного вида», — вспоминал впоследствии Массена. А когда Бонапарт начал разговор с того, что показал им миниатюру с изображением Жозефины, то окончательно упал в их глазах.

Однако когда Бонапарт перешел к положению дел в армии, генералы почувствовали в нем железную хватку: он уже успел разобраться в обстановке и проявил твердую решимость переломить ситуацию. И действительно, в течение сорока восьми часов он

обеспечил армию хлебом и мясом на неделю вперед, не говоря уже о том, что добыл для солдат двенадцать тысяч пар сапог. Когда генералы расходились после этого первого совещания, Массена пробормотал: «Ну и нагнал же на меня страху этот малый!»

Здесь очень важно заметить, что Бонапарт разработал новую концепцию содержания армии. Еще перед отъездом из Парижа он убеждал правительство разрешить французским армиям «содержать себя, воюя за счет других стран». Подразумевался организованный массовый грабеж. Его армия будет проводить в завоеванных странах политику реквизиций под угрозой штыка, приставленного к горлу, взятия заложников и расстрела их. Впервые в полную силу эта политика организованного грабежа была применена в Италии.

Но Бонапарт пошел дальше — он утвердил свой безусловный авторитет в войсках тем, что разрешил солдатам и офицерам грабить население. Он знал, как завоевывать сердца солдат. Бонапарт начал с того, что перед выступлением в поход обратился к армии со знаменитым воззванием:

«Солдаты, вы голодны и почти раздеты. Правительство вам очень задолжало, но оно ничего не может сделать для вас. Ваше терпение, ваша отвага облагораживают вас, но не дают вам ни преимуществ в силе, ни славы. Я поведу вас в самые плодородные земли в мире, там вы увидите большие города, богатые села, там вас ждут слава и трофеи».

Уже здесь обнаружился поразительный дар Бонапарта — его умение руководить людьми, привлекать их сердца, манипулировать не только отдельными людьми, но и целыми армиями. Он знал, как надо разговаривать с солдатами на поле боя, и колдовская сила его речей никогда не изменяла ему. Для окружающих эта его способность всегда будет оставаться таинственной и демонической.

Магнетизм его личности вдохновлял офицеров и солдат, вселял в них веру в него. Маршал Мармон

будет вспоминать спустя много лет после краха Империи: «Мы маршировали, окруженные неким сиянием, теплоту которого я ощущаю, как и пятьдесят лет назад».

Здесь необходимо подчеркнуть, что новый главнокомандующий Итальянской армией совсем иначе представлял себе стоявшую перед ним боевую задачу, нежели Директория. Лазар Карно, который уже не был военным министром, но как член Директории отвечал за армию, предполагал, что две французские армии, стоявшие на Рейне, должны двинуться на Австрию с севера, тогда как Итальянская армия должна вторгнуться в Пьемонт, союзник Австрии, сковать часть австрийской армии и при возможности, пройдя через Тироль, соединиться с французскими армиями на Рейне. Действия Итальянской армии рассматривались как второстепенные по сравнению с операциями рейнских армий под командованием опытных военачальников Жордана и Гоша. Конечно, целью всех этих операций было заключение мирного договора с Австрией, который обеспечил бы Франции «естественные границы по Рейну».

Генерал Бонапарт видел свою задачу иначе. Недаром он в течение двух лет разрабатывал оперативные планы итальянской кампании, тщательно изучал театр возможных военных действий. По выражению военного историка Клаузевица, он «знал Апеннины как собственный карман».

Его тактический план отличался смелостью и даже дерзостью. Бонапарт решил повести свою армию не через Альпы, а в обход этой горной цепи — самым опасным, но и самым коротким путем. Этот путь пролегал по прибрежной кромке приморских Альп, по так называемому Карнизу. Эта дорога простреливалась с моря и армия могла оказаться мишенью для британского военного флота, но Наполеон решил рискнуть.

Он с лихорадочной поспешностью готовил свою

армию к этому походу, а мысли его не могли оторваться от Жозефины. Перед тем как выступить в поход, Бонапарт писал Жозефине из Ниццы: «Не проходит и дня, когда бы я не любил тебя, или ночи, чтобы я не держал тебя в объятиях... Я проклинаю мое стремление к славе, мои амбиции, которые держат меня вдали от сердца моей жизни. В разгар работы, находясь во главе моих войск, я знаю одно — Жозефина одна в моем сердце, она вытесняет все иные мысли... Когда я среди ночи сажусь работать, то это только в надежде ускорить хоть на несколько часов приезд моей любимой». А заканчивается это письмо мольбой: «Я не прошу вечной любви, не прошу верности, только правдивости, безграничной искренности». А вот как раз на это Жозефина была неспособна.

На следующий день он отправляет ей новое письмо: «Помни то, что я говорил тебе однажды: природа сделала меня сильным и решительным, а тебя сотворила из паутины и кружев». В этом письме обращает на себя внимание постскрипtum, содержащий редкое для Бонапарта упоминание о его повседневных заботах и влиянии на настроение солдат: «Я распределяю хлеб, мясо и фураж. Моя кавалерия скоро будет готова. Мои солдаты верят в меня. Только ты огорчаешь меня, наслаждение и терзание моей души!». А все потому, что он несколько дней не получал от нее писем.

3 апреля, перед тем как выступить из Порт-Морица, он пишет ей: «Моя единственная Жозефина, вдали от тебя нет веселья, вдали от тебя мир — пустыня, где я одинок, и мне не на кого излить свою нежность. Ты отняла у меня больше чем душу, ты — единственный смысл моей жизни. Когда я устаю от хлопот, когда я испытываю страх перед исходом сражения, когда люди раздражают меня, когда я готов покончить с жизнью, я кладу руку на сердце — туда, где твой портрет, я смотрю на него и чувствую, что любовь для меня абсолютное счастье, и все не имеет смысла, когда я без моего друга».

5 апреля 1896 года французская армия под командованием генерала Бонапарта выступила в поход. Впереди шел главнокомандующий в сером походном мундире, без перчаток. Надо ли говорить о том, как он этим завоевывал сердца своих солдат и офицеров?

На рассвете апрельского дня армия Бонапарта вышла на вершину горы Земоло, перед солдатами открылась сказочная по красоте картина долин и городов Ламбардии, позолоченных весенним солнцем, и они разразились криками восторга.

Чтобы рассказать об итогах итальянской кампании, достаточно привести следующее обращение генерала Бонапарта к армии:

«Солдаты, за две недели вы одержали шесть побед, захватили двадцать одно знамя, шестьдесят орудий, множество укреплений, завоевали самую богатую часть Пьемонта; вы взяли в плен пятнадцать тысяч человек. Убили и ранили десять тысяч. Лишенные всего, вы выиграли сражения без пушек, форсировали реки без мостов, делали марш-броски босыми, на бивуаках часто обходились без хлеба. Только республиканские фаланги способны на столь великие подвиги. За это вам огромная благодарность, солдаты!»

Итальянцы встречали французскую армию восторженно. Ломбардию охватило всеобщее ликование. Наконец-то кончилось время австрийского гнета, забрехала заря свободы.

Стендаль в романе «Пармская обитель» так описывал происходившее: «Вместе с оборванными бедняками-французами в Ломбардию хлынула такая могучая волна счастья и радости, что только священники да кое-кто из дворян заметили тяжесть шестимиллионной контрибуции, за которой последовали и другие денежные взыскания. Ведь эти французские солдаты с утра до вечера смеялись и пели, все были моложе 25 лет, а их главнокомандующему недавно исполнилось 27, и он считался в армии самым старым человеком».

Любопытно привести и впечатления очевидца и да-

же участника событий. Один из адъютантов Бонапарта, Мармон, будущий герцог Рагуз, писал своему отцу: «Мой милый отец, сегодня мы в Милане. Наше триумфальное вступление в город напоминало мне вхождение в Рим древних полководцев, когда они были вполне достойны своей отчизны. Я сомневаюсь, что когда-либо перед моим взором предстанет более прекрасное и восхитительное зрелище. Милан очень красивый город, очень большой и многолюдный. Его жители любят французов до безумия, и невозможно передать все знаки преданности, которые они нам выражают... Наши успехи действительно невероятны. Они навсегда увековечивают имя генерала Бонапарта, и не нужно строить иллюзии — своими победами мы обязаны только ему».

Действительно, въезд Бонапарта в Милан превратился в небывалый триумф. Вдоль всего пути его следования была выстроена национальная гвардия Ломбардии. Толпы миланцев, улыбающиеся женщины, посылавшие воздушные поцелуи освободителю от австрийского ига, радостные лица детей, крики «виват!».

В сопровождении полка пехоты и своей гвардии конных гусар Бонапарт проследовал до площади перед дворцом эрцгерцога. Там был накрыт стол на двести персон. Вечером состоялся грандиозный бал, на который многие миланские красавицы явились в туалетах, отделанных национальными цветами Франции.

Казалось бы, Наполеон должен был чувствовать себя счастливым. Стендаль писал: «Глядя на этого молодого генерала, проходящего под великолепной аркой Римских ворот, даже самому опытному философу было бы трудно догадаться о двух страстях, снедавших его сердце». Главной страстью, терзавшей его, была любовь к Жозефине, тоска по ней. Он умоляет ее немедленно выехать к нему в Милан.

За три дня до подписания перемирия с Пьемонтом, согласно которому, в частности, будет открыта прямая и более короткая дорога для его курьеров, Напо-

леон послал в Париж кружным пока еще путем полковника Андоша Жюно, который вез с собой двадцать два неприятельских знамени для представления их Директории, послание парламенту и строгий приказ привезти в Милан Жозефину.

Наполеон писал жене: «Ты должна приехать с Жюно, ты слышишь меня, моя обожаемая, он будет видеть тебя, дышать воздухом твоего храма. Возможно, ты даже разрешишь ему поцеловать тебя в щечку... ты ведь приедешь, да? Ты будешь со мной, в моем сердце, в моих объятиях, я буду целовать твои губы... Целую тебя в то место, где у тебя сердце, потом немного ниже, еще ниже, гораздо ниже...» Последние два слова были подчеркнуты с такой силой, что перо разорвало бумагу.

А на следующий день полковник Иоахим Мюрат был отправлен через Турин более короткой дорогой. Он скакал через альпийские перевалы, не слезая с коня с рассвета и до ночи, меняя каждый день по дюжине лошадей. Утром 6 мая он доскакал до Парижа, вручил послания генерала Бонапарта директорам Карно и Баррасу в Люксембургском дворце и поспешил на улицу Шантерен с письмом, которое должен был вручить Жозефине в собственные руки.

Он опередил Жюно на несколько часов. Письмо, которое привез Мюрат еще больше, чем все предыдущие, было взволнованным и бессвязным. «Целую твои губы, твое сердце. Там ведь никого нет, никого, кроме меня?.. Целую твою грудь. Счастливый Мюрат!»

Но при всей бессвязности этого письма в нем содержались весьма жесткие инструкции — она должна выехать вместе с Мюратом.

Между тем покоритель Ломбардии оказался в Милане объектом сексуальных атак со стороны самых красивых женщин Италии. Первой повела наступление блистательная мадам Грассини, лучшее контральто Европы, звезда миланской оперы «Ла Скала». Она была не только потрясающей певицей (а Наполеон

очень любил музыку, тонко ее чувствовал и легко поддавался под обаяние такого необыкновенного голоса, каким обладала Грассини), но и выдающейся красавицей. Она откровенно предлагала себя Бонапарту. Одной из штук, которыми она привлекала мужчин, была ее манера нежным голоском говорить скабрёзности и тут же извиняться, ссылаясь на плохое знание французского языка.

Однако все ее старания успеха не имели. Бонапарт аплодировал ей, говорил комплименты, но торопился в свой кабинет, чтобы писать очередное письмо своей обожаемой Жозефине.

Другой прекрасной женщиной, пытавшейся завоевать покорителя Италии в ту весну его необыкновенного взлета, была мадам Висконти, вдова итальянского графа, вторично вышедшая замуж за видного дипломата. Она не была певицей, но славилась своей красотой. Не было ни одного мемуариста того времени, который не отмечал бы ее необыкновенную кожу, классические черты лица, соблазнительное изящество ее фигуры. Ее называли итальянской мадам Рекамье, но более доступной. Ее атака на генерала Бонапарта оказалась еще менее удачной, чем у мадам Грассини.

Впрочем, Висконти оказалась гораздо более практичной, чем оперная дива. Потерпев поражение в своей попытке соблазнить главнокомандующего, она обратила свою благосклонность на его начальника штаба генерала Бертье. Бывший роялист, Бертье был блестящим штабным офицером и вносил весомый вклад в военные победы Бонапарта.

Сорокадвухлетний Бертье, маленького роста, с вечно взлохмаченными волосами, представлял редкий контраст с молодыми красивыми офицерами. И тем не менее самая красивая женщина в мире предпочла его. Он был совершенно ошеломлен выпавшим на его долю счастьем, настолько, что однажды послал кавалерийский резерв не туда, куда требовалось.

Любовная связь Бертье и Висконти длилась до

конца его дней. Когда императору Наполеону взбрело в голову женить Бертье на баварской принцессе, тот сумел уговорить жену, чтобы его любовница жила в их доме, и они счастливо жили втроем.

А в Париже на улице Шантерен Иоахим Мюрат, красавец, покоритель женских сердец, славившийся своей беззаветной храбростью, передавал Жозефине все инструкции, полученные им от Бонапарта. Верный своей дотошности, Наполеон расписал предстоящее путешествие жены до мельчайших деталей — горничная, кучер, лошади, торжественная встреча.

Между прочим, этот визит к Жозефине мог иметь для Мюрата самые пагубные последствия. Дело было в том, что Мюрат после своего возвращения в Италию, выпивая в компании друзей-офицеров, стал бахвалиться, что «очаровательная креолка» в Париже научила его приготавливать пунш по вест-индски и «многим другим вещам тоже... Детали вряд ли можно считать приличными, разве что для ужина гусарских офицеров». Далее он намекнул, что обедал и ужинал «с самыми прекрасными женщинами Парижа и самыми красивыми». Офицеры-собутельники решили, что Мюрат имел в виду мадам Тальен и мадам Бонапарт.

И хотя друзья Мюрата подозревали, что он со своей гасконской склонностью к бахвальству преувеличивал свои успехи у парижских красавиц, точно известно, что не прошло и суток, как главнокомандующий уже знал об этой похвальбе и о «вест-индском пунше». Вдобавок следует упомянуть, что подверженный всю жизнь предрассудкам Наполеон не забыл, что в тот самый день, когда Мюрат прискакал в Париж и явился на улицу Шантерен, лопнуло стекло на миниатюрном портрете Жозефины, с которым Наполеон не расставался. Он побледнел и сказал: «Мармон, моя жена или очень больна, или изменила мне». Как известно, Жозефина в те дни не болела.

Она читала письма Наполеона, выслушивала инструкции, привезенные Мюратом, и испытывала страш-

ное смятение. Она согласилась выйти замуж за генерала Бонапарта, не слишком задумываясь о том, каким окажется этот брак, каковы будут последствия этого шага. Меньше всего она хотела менять стиль своей парижской жизни. А теперь этот неистовый любовник-муж требует, чтобы она бросила Париж, своих друзей, званые обеды и ужины, театры, своих портных и любимые ею лавки.

Вообще эту женщину, которая, как говорилось выше, «боялась сильных чувств», несколько пугала страстность его любви, ее беззаботная чувственность не могла соответствовать такому накалу страстей.

Однако в то же время Жозефина начала вполне осознавать, какие преимущества приносит ей положение жены генерала-победителя. В театре ее тут же узнавали, и, как только она появлялась в своей ложе, весь зал вставал и аплодировал ей. Всевозрастающая популярность Бонапарта обеспечивала ей почетное место на приемах в Люксембургском дворце, на вечерах в «Хижине», на всех балах, куда съезжались избранные. Надо ли говорить о том, что победы ее мужа в Италии весьма способствовали увеличению ее кредита у торговцев.

Нельзя не отдать должное Жозефине — она с необычайной простотой и естественностью принимала лесть и низкопоклонство. Тем, кто ее поздравлял с победами мужа, она отвечала: «Ну да, я знаю, что Бонапарт очень хороший парень».

Конечно, она испытывала естественное чувство гордости и удовлетворения, когда 9 мая Директория устроила торжественную церемонию в Люксембургском дворце, на которой Жюно передавал директорам боевые трофеи Итальянской армии — вражеские знамена, захваченные войсками генерала Бонапарта.

Жозефина вместе с Терезией Тальен и Жюльетой Рекамье сидела на возвышении рядом с директорами. Ее друг, поэт и драматург Антуан Арно, описывал это торжество следующими словами: «В один из прелест-

нейших дней мая каждая из этой троицы была одета так расчетливо, чтобы туалет подчеркивал особую красоту каждой. На всех трех были венки из цветов, они выглядели, как три весенних месяца, собравшихся вместе, чтобы отпраздновать нашу победу». Толпа, собравшаяся у дворца, приветствовала более всех именно Жозефину. «Да здравствует гражданка Бонапарт!» — раздавались крики, а одна торговка рыбой завопила: «Она наша Дама Победа!».

И тем не менее, как заметил адъютант Бонапарта Мармон, «она больше стремилась наслаждаться триумфом своего мужа в центре Парижа, чем отправляться к нему в Италию». Ей так не хотелось оставлять своих детей, свои связи, всю эту суматошную и фривольную жизнь Парижа, так подходившую ее легкомысленному характеру.

Жозефина не вполне серьезно воспринимала пыльные излияния своего супруга. Арно вспоминал: «Мюрат передал мадам Бонапарт письмо, в котором молодой победитель торопил ее приехать к нему. Это письмо, которое она мне показала, а также и другие, которые Бонапарт писал ей со времени своего отъезда, носили отпечаток самой безумной страсти. Она читала мне отрывки, принижая те мысли, которые так мучили его: „Если это правда... бойся кинжала Отелло!“ Я вспоминаю, как она произносила с милым креольским акцентом: „Как он забавен, этот Бонапарт!“»

А Бонапарт безумствовал, требуя, чтобы она немедленно выехала к нему в Италию. Мармон писал в своих мемуарах: «Как бы ни был Бонапарт занят заботами о своем величии, военными задачами, которые стояли перед ним, и своим будущим, он находил время отдаваться и другим чувствам: он без конца думал о своей жене. Он желал ее, он ждал ее с нетерпением. Он часто говорил мне о ней, о своей любви к ней с таким пылом, с излияниями и иллюзиями молодого человека. Постоянные отговорки, задерживавшие ее отъезд из Парижа, доставляли ему большие мучения,

и он поддавался чувству ревности и пристрастности, свойственным его натуре».

Между прочим, основания для ревности у Бонапарта действительно были, но тогда он не знал об этом. Дело в том, что тогда, в начале мая 1796 года, в жизнь Жозефины ворвалась большая и настоящая любовь.

Всего за несколько дней до приезда в Париж Мюрата навестить мадам Бонапарт на улице Шантерен приехал полковник Леклерк из Итальянской армии. Его сопровождал адъютант лейтенант Ипполит Шарль.

И Жозефина чуть ли не с первого взгляда влюбилась. Она спала со многими мужчинами, но никто из них не затрагивал сокровенных струн ее сердца. А тут неожиданно вспыхнула страсть.

Ипполит Шарль вовсе не был писанным красавцем. И тем не менее он был очень привлекателен. Он был невысокого роста — пять футов два дюйма, — но в своем небесно-голубом мундире с гусарским ментиком через левое плечо был просто очарователен. Веселые голубые глаза, ямочки на подбородке и шелковистые черные волосы сводили женщин с ума.

К этому следует добавить, что Ипполит Шарль любил жизнь, любил женщин, любил армейскую службу. И вдобавок ко всему этому у него была отличная боевая биография. Ему было девятнадцать лет, когда он вступил в Национальную гвардию и участвовал в знаменитой битве при Вальми. Товарищи по армии его любили. «Я никогда не знал, — писал один из современников, — лучшего и такого веселого товарища». «В молодости, — вспоминал другой, — он был остроумен и полон обаяния».

В отличие от Наполеона, человека не улыбочивого, Ипполит искрился юмором, был мастером на всякие шутки. Лейтенант Шарль заставлял Жозефину «смеяться до тех пор, пока у нее слезы не выступали на глазах, хотя она всегда держала носовой платочек у рта, чтобы прикрывать свои зубки». Талейрану, который только что вернулся во Францию из изгнания, Жозефина немедленно написала: «Вы будете от него

в восторге. А его голова так прекрасна! Я думаю, что никто до него не знал, как повязывать кушак».

Ну как ей было при таких обстоятельствах уезжать из Парижа, трясись сотни лье по дорогам Франции и Италии, жить на солдатских бивуаках? Надо было придумать весомый предлог для того, чтобы задержаться в Париже. Просто объявить о каком-нибудь недомогании было явно маловато, вряд ли это могло убедить Бонапарта. И Жозефина придумала.

Она попросила Мюрата написать ее мужу, что она беременна и слишком плохо себя чувствует, чтобы писать ему самой, и что врачи категорически возражают, чтобы она отправлялась в столь длительное и трудное путешествие.

Это письмо возымело магическое действие. Наполеон пишет ей о своем беспокойстве за состояние ее здоровья: «Я только об этом и думаю, день и ночь. Нет аппетита, не сплю, не испытываю интереса к дружбе, славе или к стране... Магнетические флюиды протекают между людьми, которые любят друг друга... Тысячу раз целую твои глаза, твои губы, твой язычок, все, что у тебя есть... Дела здесь идут хорошо», — это единственное упоминание о боевых операциях. Далее он сожалеет, что не может «видеть маленький живот, который придаст тебе величие и респектабельность».

Тем временем полковник Леклерк вернулся в Итальянскую армию, но Жозефина попросила оставить в Париже его адъютанта Ипполита Шарля, чтобы он вместе с Жюно сопровождал ее в путешествии через Альпы в Италию. А Бонапарт, возвращаясь из очередного военного похода, надеялся, что во дворце Сербеллони, в котором он поселился, его встретит любимая жена. И каждый раз его постигало разочарование. Он шлет в Париж письма, исполненные тревоги. Брату Жозефу он пишет: «Я в отчаянии. Успокой меня насчет здоровья моей жены. Ты знаешь, что Жозефина первая женщина, которую я обожаю... Я люблю ее до безумия и не могу дольше оставаться без нее».

Сообщая Баррасу о подписании перемирия с Папским государством, он делает приписку: «Я ненавижу всех женщин. Я в отчаянии. Моя жена не приедет. У нее, должно быть, есть любовник, который удерживает ее в Париже».

Он пытается разбудить в Жозефине ревность: «Пять или шесть сотен самых красивых женщин Милана пытались развлечь меня, но я вижу тебя одну, думаю только о тебе... Тысячу раз целую твои глаза, твои губы, твой язычок, твою...».

Ознакомившись с некоторыми письмами Наполеона, знаменитый писатель Проспер Мериме сказал его племяннику, императору Наполеону III: «Он не мог говорить ни о чем другом, кроме как о поцелуях, поцелуях повсюду и, в частности, в такие места тела, названия которых не найти ни в одном словаре Французской Академии».

Баррас и остальные члены Директории всерьез заволновались, что если мадам Бонапарт не выедет в Милан к мужу, то главнокомандующий Итальянской армией бросит свой пост, бросит армию и умчится в Париж. Все завоевания французской армии на Апеннинском полуострове окажутся тогда под угрозой. Баррас чуть ли не силой заставил Жозефину отправиться в путешествие в Милан. Он устроил для нее в Люксембургском дворце прощальный ужин, после чего всплакнувшую Жозефину усадили в карету. «Она плакала так, — вспоминал один из очевидцев, — словно ее отправляют в камеру пыток, а не в Италию, где она будет правительницей».

В карете ее поджидали мопс Фортюне в новом кожаном ошейнике с двумя серебряными колокольчиками и биркой, на которой было написано: «Я принадлежу мадам Бонапарт», брат Наполеона Жозеф, Андош Жюно и Ипполит Шарль. В пяти каретах, сопровождавших их, ехали князь Сербеллони, владелец дворца в Милане, где обосновался Наполеон и где предстояло жить и Жозефине, Николас Клари, брат

Дезире, Луиза, горничная Жозефины, двое слуг и огромный багаж. Караван сопровождал кавалерийский конвой.

Финансист Антуан Гамелен, присоединившийся к кортежу в Фонтенбло, отметил, что на всех постоянных дворах, где они останавливались на ночлег, спальни Жозефины и Ипполита Шарля оказывались рядом. Впрочем, Жюно тоже не терял времени, и его комната всегда соседствовала с комнатой горничной Луизы. Один Жозеф Бонапарт ночевал в одиночестве, поскольку после последней интрижки в Париже не мог заниматься любовью.

Ехали не спеша, Жозефина не торопилась к конечной цели путешествия. Только на восемнадцатый день после отъезда из Парижа добрались до Милана, где у городских ворот их встретил главнокомандующий Итальянской армией и повез по улицам, забитым восторженной толпой, к дворцу Сербеллони, который весь был заставлен корзинами с цветами.

Лейтенант Ипполит Шарль немедленно отбыл в штаб армии в Брешию, а Наполеон и Жозефина провели вместе третью ночь своей супружеской жизни. Через сорок восемь часов генерал Бонапарт вернулся к своим войскам.

Пребывание Жозефины в Милане превратилось в бесконечную череду праздничных приемов, обедов, балов. В отсутствие Бонапарта Жозефина как бы представляла его персону, она сидела на почетном месте на всех торжествах, принимала делегации и отдельных именитых гостей и выступала в этой роли весьма достойно. Ей нравилось поклонение, которым ее окружали, нравились дорогие подарки, которыми ее осыпали знатные и богатые люди, надеявшиеся на ее протекцию перед всемогущим командующим французскими войсками, хозяином почти всей Италии. Ей дарили драгоценности, мозаику, мрамор, бронзу. Герцог Модены, например, предлагал тридцать миллионов франков, чтобы у него не отбирали в порядке

контрибуции картину Корреджо, король Неаполитанский преподнес Жозефине ожерелье из великолепного жемчуга. Папа римский прислал ей коллекцию античных камней.

Несмотря на весь блеск этой жизни Жозефина писала своей ближайшей подруге Терезии Тальен в Париж: «Я умираю здесь от скуки. В самый разгар празднеств, устраиваемых в мою честь, я никогда не перестаю ощущать отсутствие моих друзей по «Хижине» и моего друга в Люксембургском дворце (имеется в виду Баррас. — Б. Г.). Мой муж не просто любит меня, он меня боготворит. Я думаю, это кончится тем, что он сойдет с ума. Я его вижу только моментами; он очень занят осадой Мантуи».

Примечателен конец этого письма: «Завтра вечером я выеду в Брешию. Таким образом я буду ближе к главному штабу». Читай: к лейтенанту Ипполиту Шарлю.

В августе Жозефина в сопровождении Гамелена выехала в Брешию для встречи с Наполеоном. Когда они туда прибыли, их ждало распоряжение Бонапарта ехать еще двадцать пять миль — в его полевой штаб. Гамелен готов был выполнить приказ, но Жозефина объявила, что устала и никуда не поедет. Она пригласила Гамелена отужинать в отведенных для нее покоях. Когда Гамелен вошел в ее комнату, то увидел, что стол накрыт на троих. Третьим был лейтенант Шарль. Когда ужин закончился, мужчины встали, чтобы удалиться, но «томный голос», как вспоминал Гамелен, позвал Шарля назад. Через несколько минут Гамелен обнаружил, что забыл в комнате Жозефины свою шляпу и пистолеты. «Я вернулся за ними, — писал Гамелен, — но гренадер, стоявший у дверей, не разрешил мне войти».

Бонапарт продолжает сражаться. В ноябре, казалось, военное счастье начинает изменять Наполеону. Австрийская армия почти в два раза превосходила по численности войска Бонапарта. Шестидесятитысячной армии Австрии Бонапарт мог противопоставить только тридцать шесть тысяч изнуренных солдат, и это

число ежедневно сокращалось из-за лихорадки, свирепствовавшей в Ломбардии. Положение казалось безнадежным. 5 ноября Бонапарт писал Директории: «Все изнурены, а перед нами неприятель! Малейшее промедление может стать для нас гибельным. Мы накануне великих событий. Но промедление может обернуться для нас огромным несчастьем. Все войска Империи прибыли на место с поразительной быстротой, а мы предоставлены самим себе. Прекрасные обещания и жалкая кучка корпусов — вот все, что нам дали».

Армия Бонапарта терпит одно поражение за другим. Солдат охватывает чувство безнадежности. Дело зашло так далеко, что Бонапарт сообщает Директории: «Мы на грани того, чтобы потерять Италию». Он даже начинает обдумывать план отступления.

И тем не менее даже после поражения при Калдиеро 13 ноября Наполеон пишет Жозефине из Вероны, которая вот-вот подвергнется штурму австрийцев: «Я тебя больше совсем не люблю, наоборот, я тебя ненавижу; ты лгунья, плохая, глупая, дурная. Ты мне совсем не пишешь, ты не любишь своего мужа, ты же знаешь, какое удовольствие доставляют ему твои письма, а не пишешь ему даже каких-то шести строк! Что же Вы делаете весь день, мадам? Какое же важное дело отнимает у Вас время и не позволяет Вам написать вашему возлюбленному? Какая привязанность отняла и отбросила в сторону любовь, нежную и постоянную любовь, которую Вы мне обещали? Кто этот прелестник, этот новый любовник, который отнимает все Ваши мгновения, заполняет Ваши дни и мешает Вам заниматься своим мужем? Жозефина, поостерегитесь, однажды ночью двери откроются, и я тут как тут. В самом деле я обеспокоен, мой милый друг, не получая известий от Вас. Напишите мне быстрее четыре странички о тех милых штучках, которые наполняют мое сердце страстью и удовольствием. Надеюсь, что скоро я сожму тебя в своих объятиях и покрою тебя миллионами поцелуев, жарких, как на экваторе».

Нелишне отметить, что мадам Ремюза, которая склонна была считать, что Бонапартом движут не веления сердца, а только расчет и разум, познакомившись с письмами Наполеона к Жозефине, была поражена страстью, переполнявшей эти письма. «Я видела письма Наполеона, написанные мадам Бонапарт во время первой итальянской кампании... Они весьма своеобразны: почерк трудно расшифровывается, ошибки в орфографии, стиль странный и сбивчивый. Но в них такой необычный тон, в них мы находим такие сильные чувства, такие живые, резкие и в то же время такие поэтические выражения, такую непохожую на все другие любовь, что не найдется ни одной женщины, которая бы не оценила по достоинству тот факт, что они адресованы ей. Они резко контрастировали с изысканной и сдержанной любезностью писем госпожи де Богарне. Впрочем, сколь лестно для женщины (в период, когда политика определяла действия мужчин) оказаться как бы одной из движущих сил триумфального шествия целой армии».

Между тем положение армии Бонапарта становилось все более угрожающим. Спустя много лет Жозефина рассказывала генералу Сегюру, что незадолго до битвы при Арколе она получила от Бонапарта письмо, в котором он уверял, что у него нет больше надежды, что все потеряно, что повсюду неприятель выставил бóльшие силы, чем у него, Бонапарта, и не остается ничего, кроме отваги, что, вероятно, ему придется отступить от Адидже, что затем он попытается сражаться за Мантую и что после потери этой последней позиции, если будет жив, присоединится к Жозефине в Женеве, куда он советует ей уехать.

Перед лицом солдат и офицеров Бонапарт демонстрирует свою уверенность в победе. А на самом деле его душу терзают страх и беспокойство. Он пишет Директории почти безнадежное письмо: «Граждане директорá, я должен дать вам отчет о проведенных операциях. Если он неудовлетворительный, вы не можете

обвинять армию. Ее слабость, изнуренность при том, что она состоит из самых мужественных людей, внушают мне страх за нее. Возможно, мы накануне потери Италии!»

Но звезда Бонапарта не обманула его. Сначала при Риволи, потом при Арколе Наполеон наносит сокрушительное поражение превосходящим силам австрийцев. Он снова на вершине славы!

Радостное возбуждение Наполеона от этих блестящих побед было так велико, что он вопреки своему обыкновению в письме Жозефине, написанном ночью в походной палатке, описал свои действия на поле боя. Но уже через два дня им опять овладел эротический настрой, и он писал ей: «Я ложусь в постель, и сердце мое полно твоим обожаемым образом... Я не могу дождаться, когда смогу дать тебе доказательства моей страстной любви... Как бы я был счастлив, если бы мог присутствовать при том, как ты раздеваешься, эти маленькие тугие белые груди, обожаемое лицо, волосы, перевязанные шарфом по манере креолок. Ты знаешь, что я никогда не могу забыть короткие посещения твоего маленького черного лесочка... Я целую его тысячу раз и с нетерпением жду того момента, когда окажусь в этих зарослях. Оказаться внутри Жозефины равносильно жизни на Елисейских полях. Целую твой рот, твои глаза, твои груди, целую всюду, всюду».

27 ноября Бонапарт вернулся в Милан, взбежал по лестнице дворца Сербеллони в свою спальню и не нашел там Жозефину. Она уехала в Геную почти на верняка к лейтенанту Шарлю.

Потрясение было таким сильным, что Бонапарт потерял сознание. Потом он девять дней ждал ее возвращения, писал ей гневные, жалкие письма.

В мае 1797 года Наполеон перевел свой штаб и свое семейство в Момбелло, сельскую местность неподалеку от Милана. Там был огромный дворец в стиле барокко. После этого Жозефина перестала настаивать на своем отъезде в Париж: в Момбелло она могла

каждый день видеть Ипполита, хотя и никогда наедине — женщины клана Бонапартов ревниво следили за каждым ее шагом. Кстати сказать, в то лето лейтенант Шарль был отмечен в донесении за храбрость и произведен в капитаны гусарского полка.

Ипполит подарил Жозефине нового щенка, который заменил ее любимого мопса Фортюне. Дело было в том, что однажды утром, когда Фортюне бегал по парку, его загрызла собака повара. Жозефина была в отчаянии, Наполеон же в душе был даже доволен: он не мог простить Фортюне, что в первую ночь любви с Жозефиной мопс тянул его за ногу.

Через несколько дней Наполеон, прогуливаясь по парку, заметил повара, который пытался спрятаться в кустах, подозвал его и спросил в чем дело. Повар сказал, что его мучает совесть за то, что сотворила его собака, и он клянется, что она никогда больше не появится в парке. «Верни ее сюда, — сказал Бонапарт. — Может быть, она освободит меня и от новой собаки тоже».

В Момбелло Жозефина впервые смогла удовлетворить свою любовь к животным и растениям. Наполеон распорядился построить для нее оранжереи и клетки для птиц, и она заполнила огромный парк цветами, а озеро — водоплавающим птицами. Именно тогда она избрала своей эмблемой изображение лебедя, и с тех пор лебедь фигурировал на всей мебели в ее резиденциях во времена консульства и Империи.

В то лето Жозефина собирала в Момбелло большое общество и царила в нем, очаровывая мужчин и вызывая зависть женщин. Один из гостей Момбелло вспоминал, что нашел ее тогда «бесконечно привлекательной»: «Ангельское лицо... совершенная фигура... Во всех ее движениях была гибкость, невероятная легкость». Он был в восторге от ее походки — «одновременно легкой и величественной», от ее потрясающей кожи, очаровательного голоса и более всего от ее глаз — «темно-синих, всегда полуприкрытых веками

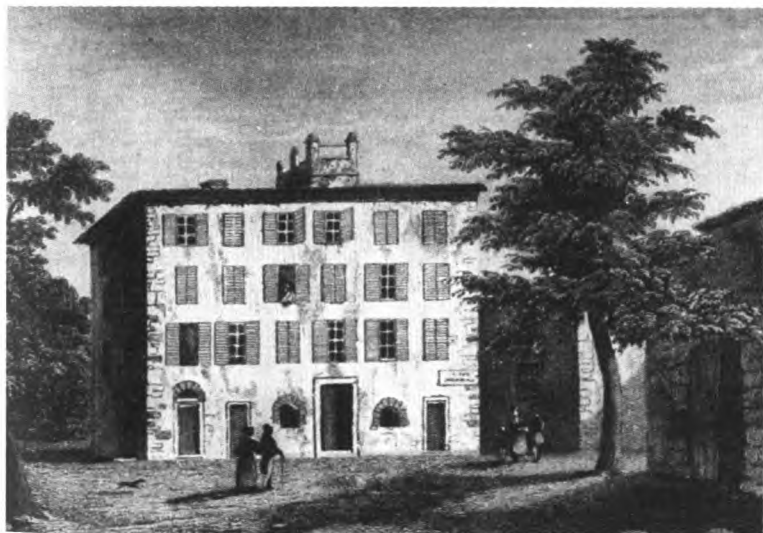

Карло Бонапарт,
отец Наполеона

Летиция Рамолини,
мать Наполеона

Дом в Аяччо, в котором родился Наполеон

Первый достоверный портрет Наполеона в юности. Рисунок, сделанный его земляком.

Лейтенант артиллерии Бонапарт. Август 1792 г.

Наполеон в мундире Первого консула, выполненном по эскизу Давида. Музей Иностранного легиона.

Поль Баррас. С картины Давида.

Об этом портрете Жозефины, написанном Жераром в 1803 г., говорили, что художник «польстил модели» и «омолодил» ее. Музей Мальмезон.

Мальмезон, вид со стороны парка. Музей Мальмезон.

Виконт Александр де Богарне,
первый муж Жозефины

Императрица Жозефина.
С картины Приюдона. Лувр.

Гортензия, дочь Жозефины, жена
Людовика Бонапарта

Евгений де Богарне,
сын Жозефины

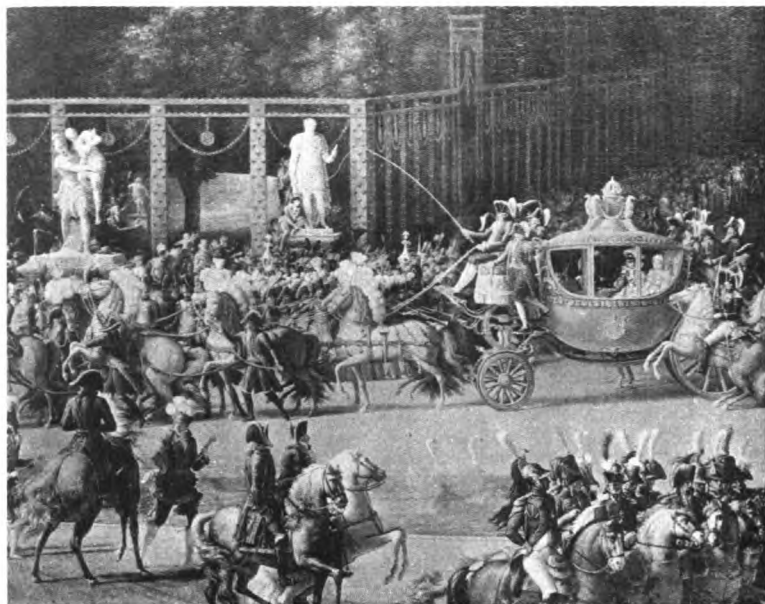
Портрет императрицы Жозефины. С картины Жерара.

Коронование Жозефины. С картины Давида. Лувр.

Наполеон объявляет Жозефине о разводе. Гравюра с картины Шасла.

Свадебный кортеж Наполеона и Марии Луизы

Парижские моды времен Империи

Император Наполеон. С картины Жерара.

Императрица Мария Луиза. С картины Жерара.

Мария Луиза с новорожденным сыном
Наполеоном Жозефом Франсуа Шарлем Бонапартом.
Музей в Версале.

Наполеон II,
король Римский

Мария Луиза

Императорская семья

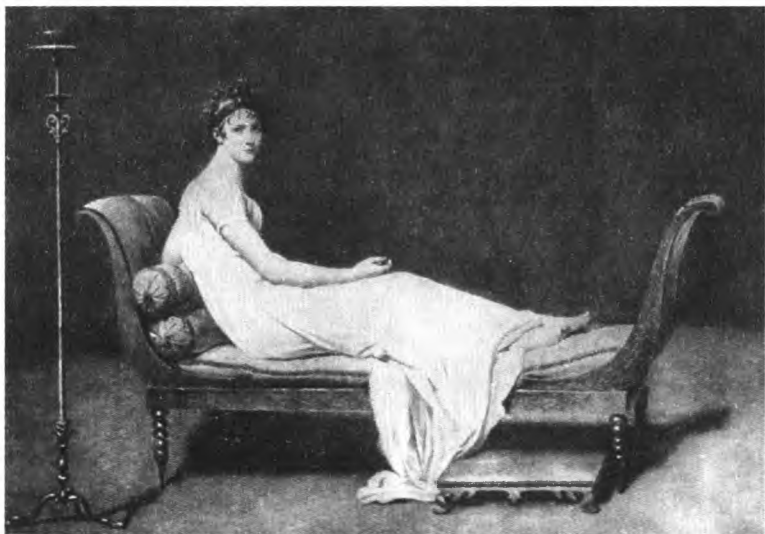

Герцогиня д'Абрантес,
жена генерала Жюно,
подруга Жозефины.

Мадам де Ремюза

Жюли Рекамье. С картины Давида. Лувр.

Мадам де Сталь.
С картина Жерара.

Шарль Морис Талейран

Бенжамин Констан, камердинер
Наполеона.

Жозеф Фуше

Александр Бертье, начальник
штаба Наполеона. С картины Гро.

Андош Жюно, герцог д'Абрантес, генерал-аншеф португальской армии. С картины Давида.

Портрет Иоахима Мюрата. С картины Жерара.

Император Наполеон I

Герцог Веллингтон

Генерал-фельдмаршал Блюхер

Кавалерист французской армии

и самыми длинными в мире ресницами, с непередаваемым выражением приветливости».

В сентябре 1797 года Жозефину постигли два огорчения. Из Милана до нее дошли слухи, что Ипполит Шарль крутит роман с одной миланской дамой. Ее не утешил даже рассказ, что эта дама поразительно похожа на нее. А в конце сентября пришло известие, что генерал Гош в возрасте двадцати девяти лет после двух блистательных побед на Рейне умер в своей постели — как говорили, от пневмонии. Узнав об этой смерти, Жозефина горько плакала.

В ноябре дворец Сербеллони гудел, как растревоженный улей. Бонапарт наконец принял решение возвращаться в Париж. Его политическое чутье подсказывало ему, что далее тянуть нельзя — он должен явиться Франции как человек, обеспечивший ей мир.

Самые большие хлопоты были с багажом Жозефины. Тщательно упаковывались ценные подарки, полученные ею от больших и малых государей Италии, от поставщиков армии, от различных господ, — картины, бронза, статуи, драгоценности. Впрочем, шкатулку с драгоценностями Жозефина не доверила никому, она всегда была при ней.

Неожиданно перед самым отъездом Жозефина объявила мужу, что хочет посетить Рим. Наполеон свой отъезд откладывать не мог, и они договорились, что Жозефина вскоре присоединится к нему в Париже.

Однако стоило кортежу Бонапарта выехать из дворца Сербеллони, как Жозефина изменила свои планы и решила отправиться в Венецию. Там ее встречали с королевскими почестями. На всех празднествах, в опере, на балу во Дворце дождей Жозефина появлялась в сопровождении генерала Мармона и некоего молодого французского офицера. Можно не сомневаться, что это был капитан Шарль.

Слух об Ипполите Шарле настиг Наполеона в Паштадте, где он вел переговоры с австрийцами. Жюно впоследствии расскажет своей жене Лауре, что в Мила-

не в штабе Итальянской армии разнесся тогда слух, что Бонапарт приказал арестовать капитана Шарля и что тот вскоре будет расстрелян. На самом же деле приказ был подписан генералом Бертье, начальником штаба, и предписывал капитану Шарлю немедленно выехать из Милана в Париж, где дожидаться очередных инструкций.

Судьбе было угодно, чтобы Жозефина и Бертье встретились на почтовой станции в Альпах, где им меняли лошадей. Жозефина ехала в Париж, а Бертье возвращался в Милан, где должен был сменить Бонапарта на посту командующего Итальянской армией. Бертье был многим обязан Жозефине — она была поверенной его романа с красавицей Висконти, — и ей не составило большого труда убедить Бертье изменить текст приказа. Теперь приказ разрешал капитану Шарлю отправиться в Париж в трехмесячный отпуск «по семейным делам».

А Шарль тем временем скакал сломя голову и догнал Жозефину на ее следующей остановке в Невере. Далее они не торопились, они хотели вместе встретить Новый год. В результате оставшаяся до Парижа дорога — всего сто сорок пять миль — заняла целых пять дней.

Бонапарт прибыл в Париж 5 декабря 1797 года и направился в свой дом на улице Шантерен. Здесь его ожидали два неприятных сюрприза — во-первых, Жозефина, которая должна была вернуться в Париж еще неделю назад, пока не появлялась. Во-вторых, Бонапарта ждали счета за переделки в доме. Жозефина еще из Италии послала знаменитым мебельным мастерам братьям Жакоб указание заново обставить их дом и в качестве аванса отправила им сто двадцать тысяч франков. «Я хочу, — писала она, — чтобы все было в высшей степени элегантно».

Что касается местонахождения Жозефины, то ничего не было известно. Наполеон предполагал, что к 10

декабря, дню, на который назначена торжественная церемония чествования победоносного генерала Бонапарта Директорией, она обязательно приедет. Однако Жозефина не приехала. Не появилась она и в следующие дни. Ее отсутствие вызвало некоторое смятение.

Министр иностранных дел Талейран, великий интриган и льстец, сделавший ставку на генерала Бонапарта, назначил на 24 декабря бал в своем роскошном особняке в честь супруги генерала. Разосланы были приглашения пятистам гостям — самым влиятельным, самым знаменитым людям Парижа. Однако к этому дню мадам Бонапарт не объявилась. Бал пришлось перенести на 28 декабря и разослать новые приглашения. Но и к этому дню Жозефина не приехала. Теперь Талейран назначил бал на 3 января. На этот раз ему повезло: 2 января Жозефина появилась в доме на улице Шантерен, и 3 января бал у министра иностранных дел состоялся.

Хитрейший льстец Талейран сделал все, чтобы чету Бонапартов принимали на этом балу, как царствующих особ. Ему это удалось. Жозефина выглядела великолепно и держалась, как королева, но добрая и открытая для общения. Правда, люди, хорошо ее знавшие, отметили, что она была в дурном настроении. Возможно, она грустила из-за расставания с Ипполитом Шарлем.

Единственным нарушителем этикета в тот вечер оказалась неугомонная Жермена де Сталь. Она в буквальном смысле слова загнала Бонапарта в угол, где их окружила толпа других гостей, и, возвышаясь над ним на целую голову, принялась обстреливать его вопросами. Он отказывался ей отвечать, пока она не спросила его:

— Генерал, какую женщину вы могли бы любить больше всего?

— Мою жену, — ответил Бонапарт.

— Конечно, но какую бы вы оценили выше всего?

— Ту, которая лучше всего умеет заниматься хозяйством.

— Это я понимаю. Но все же какой должна быть, по-вашему, лучшая женщина?

— Та, которая рождает больше детей, мадам, — отрезал Наполеон и двинулся прочь, оставив мадам де Сталь окаменевшей от изумления.

В том же январе Жозефине пришлось отвечать на весьма неприятные для нее вопросы мужа. Как вспоминал Наполеон на Святой Елене, к нему явилась Луиза, горничная Жозефины, которую та уволила. Луиза сказала генералу, что ее уволили за то, что она спала с Андошем Жюно. Но, главное, она рассказала, продолжал Наполеон, что лейтенант Шарль на пути в Италию ехал в одном экипаже с мадам Бонапарт и ночевал на том же постоялом дворе, что и она.

Наполеон рассказывал, что пытался заставить Жозефину признаться: «В конце концов мужчина и женщина могут провести ночь на одном и том же постоялом дворе, и ничего дурного в этом нет». Однако она разразилась потоком слез и только повторяла: «Нет! Нет!».

Чтобы достойно завершить эту главу, надо процитировать два письма Жозефины Ипполиту Шарлю, найденные только в 1950-х годах. Дело в том, что Ипполит Шарль перед смертью приказал своей племяннице сжечь у него на глазах все письма Жозефины к нему. Однако эти два письма оказались среди его деловых бумаг и избежали уничтожения. Они чрезвычайно важны, ибо в них не только раскрывается истинная картина любви Жозефины к Ипполиту, но и приоткрывается занавес над финансовыми операциями мадам Бонапарт. Здесь следует заметить, что после того, как Бонапарт уволил Шарля из армии, Жозефина пристроила его на весьма прибыльное место в фирме Бодена, поставщика армии, с которым у нее были тесные деловые отношения.

Вот что писала Жозефина 19 марта 1798 года Ипполиту Шарлю:

«Вчера Жозеф (Бонапарт. — Б. Г.) имел долгий разговор с Бонапартом, и после этого Бонапарт спросил меня, знаю ли я гражданина Бодена и правда ли, что я устроила ему контракт на поставки Итальянской армии, и действительно ли Шарль жил в доме гражданина Бодена под номером 100 в округе Сент-Оноре, и действительно ли я приезжала туда каждый день. Я сказала, что не знаю, о чем он говорит, и что, если он хочет развода, ему надо только сказать, и нет необходимости прибегать к такой тактике, и что я самая несчастная женщина на свете.

Да, мой Ипполит, я их всех ненавижу. К тебе одному обращена моя нежность, моя любовь... Они должны видеть отчаяние, в котором я пребываю из-за того, что не могу видеть тебя так часто, как мне хотелось бы. Ипполит, я убью себя! Я предпочитаю умереть, чем жить жизнью, которая без тебя будет только бременем. Увы, что плохого я сделала этим чудовищам?

Пожалуйста, скажи Бодену, чтобы он говорил, что не знаком со мной, что не через меня он получил контракт на поставки Итальянской армии... Неважно, сколько они будут мучить меня, они никогда не разлучат меня с тобой, мой Ипполит!

Я сделаю все возможное, чтобы увидеть тебя сегодня... Я пошлю Бодена сообщить тебе, в какое время я смогу встретиться с тобой в парке Монсо. До свиданья, мой Ипполит, тысяча поцелуев, таких же страстных, как моя любовь...»

И второе коротенькое письмо, скорее записка:

«Я уезжаю в деревню, мой дорогой Ипполит. Вернусь в пять часов и в половине шестого или в шесть буду у Бодена, чтобы увидеть тебя. Да, мой Ипполит, моя жизнь — это постоянные терзания. Только ты можешь возродить меня к счастью. Скажи мне, что любишь меня, любишь меня одну!

Пришли мне 50 тысяч ливров с Боденом из наличных денег. Колло просит у меня деньги.

До встречи, я шлю тебе тысячу нежных поцелуев — и я вся твоя, вся твоя».

Жозефина называла 19 марта «днем катастрофы». Тем не менее ей и в голову не приходило развестись с Бонапартом и выйти замуж за Ипполита Шарля. Она трезво рассудила, что Шарль человек бедный, а она уже привыкла к роскошной жизни во дворцах, к всеобщему поклонению.

Что же касается Наполеона, то его нежелание придать значение разоблачениям Жозефа можно объяснить тем, что он по-прежнему горячо любил Жозефину, и еще тем, что все его мысли были поглощены планами египетского похода.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

посвященная египетской экспедиции Бонапарта, «маленькой французской Клеопатре», тому, как Наполеон чуть было не развелся с Жозефиной, а также перевороту 18 брюмера

Находясь в Италии, Бонапарт внимательно следил за событиями в Париже. А ситуация там становилась угрожающей: нарастала антиреволюционная волна, готовая смести Директорию. Выборы в мае 1798 года принесли победу роялистам и их сторонникам. Правые депутаты нащупали слабое место Директории и требовали, чтобы директора отчитались в расходах. Куда ушло золото, поступившее из Италии? Почему в казне нет денег? На эти вопросы даже изворотливый Баррас не мог дать внятных ответов. А главное — законодатели не скрывали своего намерения вышвырнуть из правительства Барраса и других деятелей, голосовавших в свое время за казнь Людовика XVI.

Но Баррас был не из тех политиков, которые так просто сдаются. Он был готов бороться за свою власть, которая давала ему огромные деньги, почет, роскошь Люксембургского дворца. Ему стало ясно, что остановить наступление роялистов можно только штыками армии. Тем более что новая законодательная власть не скрывала своего намерения заключить мир с воюющими против Франции государствами. Командующим армиями это не нравилось. Они хотели и дальше воевать и обогащаться.

Вопрос стоял один — кого из трех генералов избрать на роль «шпаги» — Бонапарта, Гоша или Бер-

надотта. Первым делом трое «левых» директоров решились прощупать Бонапарта.

А у Бонапарта уже была выработана позиция — совершенно независимая от всех политических направлений и преследующая только его собственные амбициозные цели. Как отмечал его секретарь Бурьен, «Наполеон не сомневался в том, где лежит его собственный интерес».

Бонапарт опасался, что вновь избранные депутаты, объявившие, что их цель — достижение мира, сформируют стабильное правительство раньше, чем он сможет реализовать свои политические цели. «Я хочу ослабить республиканскую партию, — сказал он в частном разговоре, — но только ради собственной выгоды». Директорию следует защищать, заявил он, как «силу, чье единственное оправдание заключается в том, что они открыли место для моего возвращения».

Бонапарт ответил на призыв Директории, сообщив, что он гарантирует поддержку их переворота силами Итальянской армии под командованием одного из его офицеров — генерала Ожеро. Таким образом, он сам уклонился от непосредственного участия в этой акции, когда будет использована военная сила против парижан.

В ночь на 3 сентября (17 фрюктидора) улицы Парижа опустели, горожане прятались в своих домах за закрытыми дверями. Тишину нарушал только грохот колес по камням мостовой — это подвозили и устанавливали пушки вокруг Тюильрийского дворца, где заседало Собрание. Город замер в ожидании кровавого столкновения. Из уст в уста передавали слова генерала Пишегрю, одного из руководителей роялистов: «Ваш Люксембургский дворец — это не Бастилия; я сяду на лошадь, и через четверть часа все будет кончено». Баррас, Ребель и Ларевельер с ужасом ожидали, когда наступят эти «последние четверть часа».

Но офицер Бонапарта генерал Ожеро, солдафон и рубака, прямо заявил Баррасу: «Я прибыл, чтобы

убить роялистов». Карно не мог преодолеть отвращения к Ожеро и сказал: «Какой отъявленный разбойник!».

Разбойник не разбойник, но в три часа ночи парижан разбудил гром пушек. По этому сигналу Ожеро с двумя тысячами солдат ворвался в зал заседаний Собрания в Тюильри и арестовал всех недавно избранных депутатов, которые были срочно вызваны на внеочередное заседание. После этого солдаты Ожеро отправились в Люксембургский дворец арестовывать «несогласных» директоров. Один из них, Лазар Карно, бежал через сад в одной ночной рубашке, другой, Бартелеми, был схвачен в своей постели. Вот тогда-то один из офицеров Ожеро, имя которого осталось неизвестным, произнес знаменитые слова: «Закон? Это сабля!»

Сто шестьдесят три гражданина различных политических убеждений были отправлены в железных клетках в Гвиану, славившуюся как «сухая гильотина», поскольку редко кто возвращался из этой колонии-тюрьмы. Результаты последних выборов были аннулированы, тридцать газет были закрыты, были приняты новые свирепые законы, угрожавшие казнью нелегально возвращающимся эмигрантам и всем, кто будет признан виновным в стремлении восстановить монархию или конституцию 1793 года.

События 18 фрюктидора оказали немалое влияние и на взаимоотношения Бонапарта с Директорией и непосредственно с Баррасом. Как известно, политики никогда не бывают благодарны тем, кто помогал им в критические минуты их карьеры. Баррас стал побаиваться усиления авторитета Бонапарта. Генерал, который уже дважды спасал Директорию, явно становился опасен.

Ну а для Бонапарта переворот 18 фрюктидора означал, что убраны депутаты, выступавшие за мир, что Директория теперь его должник и у него развязаны руки. В интимных беседах с близкими ему людьми он

иногда чуточку раскрывался. Так, граф Миот де Мелито в своих «Мемуарах» записал, что однажды в итальянском имении Монтебелло Бонапарт разоткровенничался.

«Однажды в Монтебелло Бонапарт пригласил меня и Мелди прогуляться по обширным садам этой великолепной резиденции. Прогулка продолжалась около двух часов, в течение которых генерал говорил почти не переставая. Он нам сказал: „То, что я делал здесь до сих пор, это еще ничто. Это лишь начало моей карьеры. Вы полагаете, что ради величия адвокатов Директории я одерживаю победы в Италии? Для создания Республики? Что за идея! Республика в тридцать миллионов человек! Разве это возможно с нашими-то нравами, обычаями и пороками? Это химера, увлекшая французов, но она пройдет, как и все другие. Им нужна слава, удовлетворение тщеславия, а о свободе они и понятия не имеют. Посмотрите на армию! Одержанные недавно победы уже сотворили настоящий характер французского солдата. Я для него — все. Пусть только Директория попробует пожелать отнять у меня командование ими, и она увидит, в состоянии ли это сделать. Нации нужны не теории управления, не трескучие фразы идеологов, в которых французы ничего не смыслят, — нации нужен вождь, увенчанный славой. Французам нужно дать игрушки, они будут забавляться ими и позволят собой руководить, если только, впрочем, от них скроют цель, к которой их поведут... Поднимает голову партия Бурбонов, я не хочу способствовать ее триумфу. У меня есть желание ослабить республиканскую партию, но с выгодой для себя, а не в пользу представителей старой династии. А пока нужно идти с республиканской партией“».

В 1797 году Бонапарт был республиканцем не ради самой Республики, а только ради собственной пользы. Роялисты пугали его не тем, что представляли угрозу Республике, а тем, что могли помешать его далеко идущим амбициозным политическим планам.

Однажды он сказал мадам де Ремюза: «Меня часто упрекали в том, что я способствовал событиям 18 фрюктидора, это равносильно тому, как если бы меня обвинили в поддержке революции. Нужно было воспользоваться этой революцией и извлечь пользу из пролитой крови. Что? Согласиться безоговорочно служить принцам Бурбонского дома, которые попрекали бы нас несчастьями с момента их отъезда и принуждали бы к молчанию, которое нам пришлось бы хранить по необходимости при их возвращении? Сменить наше овеянное славой знамя на этот белый флаг, который не постеснялся присоединиться к штандартам врагов, а мне в конце концов удовлетвориться несколькими миллионами и каким-то герцогством!.. Естественно, я прекрасно бы сумел, если бы было нужно, сбросить Бурбонов с трона во второй раз, и им стоило бы посоветовать отделаться от меня».

Отделаться от Бонапарта пока что жаждали директора. Баррас ненавидел людей, которым был чем-то обязан. Бонапарта необходимо было отправить в какую-нибудь дыру, где он не был бы на виду. Директоров пугало дьявольское умение генерала Бонапарта создавать себе рекламу, воздействовать на чувства народа в нужном ему направлении.

Говоря об этом периоде своей жизни, Бонапарт как-то сказал мадам де Ремюза: «Я проделал великолепную кампанию, я стал личностью для Европы. Своими повседневными делами я поддерживал революционную систему и в то же время тайно поддерживал эмигрантов и позволил им питать некоторые надежды. Очень легко ввести в заблуждение этих людей, потому что они всегда исходят не из того, что есть, а из того, что они хотят, чтобы было... Наконец, я стал влиятельным и опасным, и Директория, которую я беспокоил, не могла в то же время выдвинуть никаких обвинений против меня».

Хитроумный Баррас нашел выход.

10 декабря 1797 года Директория устраивала тор-

жественный прием в честь завоевателя Италии. Огромный двор Люксембургского дворца был украшен знаменами всех армий Республики. На помосте перед Алтарем Родины сидели пятеро директоров в пурпурных тогах, окруженные членами дипломатического корпуса и министрами. Все, кто занимал в Париже хоть какое-то положение, располагались амфитеатром возле помоста. Весь двор, каждое окно и даже крыша дворца были забиты людьми.

Неожиданно тишина взорвалась криками: «Да здравствует Республика!» «Да здравствует Бонапарт!», доносившимися с улицы. Загрохотали пушки, загремела музыка, и появилась хрупкая фигура генерала в простом сером мундире, «он выглядел спокойным и скромным».

«Хотя в этот день все прекрасные женщины Парижа находились во дворе Люксембургского дворца, — писал Поль Тибо, — несмотря на роскошь и элегантность дамских туалетов и пышные одеяния директоров все взгляды были устремлены на худого, с желтоватым лицом, болезненного вида человека в простом мундире, который, казалось, заполнил собой все пространство вокруг».

Стояла тишина, когда Талейран представлял Бонапарта как «сына и героя Революции», как гражданина и миротворца. Бонапарт мог только благодарить Талейрана за великолепное представление, именно такое, какого он хотел.

Поль Баррас, который в тот год был президентом Директории, выступил с исполненной пафосом речью. Он призывал генерала Бонапарта высадиться на берегах Темзы, «чтобы очистить вселенную от чудовищ, которые угнетают и бесчестят ее. Пусть рухнет Сент-Джеймский дворец! Ваша страна желает этого, человечество требует этого, месть требует этого!»

Хитроумие Барраса выразилось в том, что за полтора месяца до возвращения из Италии Директория назначила Бонапарта командующим армией вторжения в Англию.

У Бонапарта были совсем иные, более честолюбивые планы. Он хотел стать одним из директоров, но из этого замысла ничего не получилось. Он оставался одним из многих офицеров, подчиненных Директории, и его могли простым росчерком пера снять с командования армией. Кроме того, Бонапарт понимал, что высадка на берегах Англии предприятие весьма рискованное и славы ему не принесет.

В феврале 1798 года Бонапарт совершил инспекционную поездку на побережье Ла-Манша, чтобы ознакомиться с состоянием армии, предназначенной для высадки в Англии, и французского флота, который должен был перебросить эту армию через пролив. По дороге обратно в Париж секретарь Бурьен спросил Бонапарта: «Итак, генерал, что Вы думаете о нашем путешествии? Вы довольны? Что касается меня, то, уверяю Вас, все, что я увидел и услышал, не вселяет больших надежд». Наполеон отозвался: «Наступление здесь слишком рискованно. Я не могу рисковать. Не хочу таким образом испытывать судьбу прекрасной Франции».

С другой стороны, Бонапарт, очень чутко прислушивавшийся к общественному мнению, понимал, что время для вооруженного переворота и захвата власти еще не пришло. Герцог де Рагуз справедливо отмечал, что если бы Бонапарт в начале 1798 года попробовал свергнуть Директорию, то девять из десяти французов отвернулись бы от него.

Мадам де Сталь вспоминала, как во время одного ужина Бонапарт начал рассказывать Баррасу, что в Италии ему предлагали стать миланским герцогом и итальянским королем. «Но я, — добавил он, — не желаю ничего подобного ни в одной стране». «И правильно делаете, что не желаете этого во Франции, — отозвался Баррас, — потому что, если Директория бросила бы вас в застенки, не нашлось бы и четырех человек, которые воспротивились бы этому».

Было и другое обстоятельство, которое весьма бес-

покоило Бонапарта. Он явственно ощущал, что интерес парижан к его особе заметно падает. Он говорил Баррасу: «В Париже все быстро забывается. Еще немного бездействия, и я потерян. В этом великом Вавилоне слишком быстро одна слава сменяется другой. Увидев меня лишь три раза в театре, толпа перестанет замечать меня, разве что я реже буду ходить туда».

Еще в конце 1798 года он говорил Бурьену: «Я понимаю, что если останусь здесь, то мало-помалу пойду ко дну. Здесь все быстро устаревает, у меня уже больше нет славы. В этой маленькой Европе недостаточно возможностей завоевать славу. Нужно отправиться на Восток — там завоевывается великая слава».

Так родилась идея похода в Египет.

Восток давно привлекал Бонапарта. Он прочитал множество книг по истории и географии Востока. Особенно его интересовали походы Александра Македонского. Еще в Италии он говорил: «Европа — это муравейник, здесь никогда не было таких великих империй и таких великих событий, как на Востоке, где живет шестьсот миллионов человек».

Ему грезились великие походы, грандиозные победы, пирамиды, покоренный Нил, оттуда открывался путь на Индию. Как трезвый политик, Бонапарт считал, что раз ему не удастся высадить свою армию на Британские острова, то можно нанести сильный удар по могуществу Британской империи, перерезав ее пути в Индию, а может быть, вообще отнять у нее эту богатейшую колонию.

Директория и правительственные чиновники с радостью подхватили идею египетского похода. Они ненавидели амбициозного генерала, который не ставил их ни в грош, оказывал им открытое неповиновение. Они были счастливы, что могут отправить Бонапарта куда-нибудь подальше от Парижа, надеялись, что больше не увидят его, что он сгинет на Востоке — либо его убьют турки, а может, он умрет от какой-нибудь тропической заразы или попадет в руки английских

военных моряков и окончит свои дни в портсмутской тюрьме. А если он даже будет одерживать там победы, его тщеславие повлечет его дальше на Восток, в Индию, и он не будет мозолить им глаза в Париже.

Военную экспедицию в Египет Наполеон готовил в глубокой тайне. Об истинной цели экспедиции знало весьма ограниченное число людей. Даже военный министр Шерер до самых последних дней не знал, куда направится французский флот. Тем не менее желающих принять участие в экспедиции оказалось великое множество. В их числе были не только военные, но и люди гражданские — ученые, инженеры, поэты.

Секретарь Бонапарта Бурьен, знавший все, спросил, сколько времени генерал намеревается провести в Египте. «Меньше месяца или шесть лет, — ответил Бонапарт. — Все зависит от того как будут развиваться события. Я захвачу эту страну, я заставлю приехать инженеров, рабочих всех специальностей, женщин, актеров. Нам только двадцать девять лет, нам будет тридцать пять, это еще не возраст. Этих шести лет мне будет достаточно, чтобы дойти до Индии. Всем, кто вас спросит об отъезде, говорите, что вы отправляетесь в Брест, скажите это даже вашей семье».

3 мая 1798 года Бонапарт и Жозефина отобедали у Барраса в Люксембургском дворце в узком кругу, потом поехали во Французский театр, где смотрели «Макбета» с участием великого Тальма. В театре Бонапарта, как всегда, встретили аплодисментами. Из театра они вернулись в свой дом на улице Шантерен, а в полночь Бонапарт скомандовал отъезд. С ним выехали Жозефина, Евгений Богарне, Бурьен, Дюрок и Лавалетт. Никто в Париже не знал о его отъезде, все были уверены, что он спокойно спит на улице Шантерен, а он уже мчался на юг, в Тулон, где его ожидал флот. Бонапарт настолько опасался английских шпионов, что даже не разрешил Жозефине съездить в Сен-Жермен попрощаться с дочерью.

В дороге случилось происшествие, еще раз укре-

пившее веру Бонапарта в его счастливую звезду, которая хранит и оберегает его. Ночью карета, мчавшаяся на большой скорости, вдруг обо что-то ударилась, и лошади остановились. Все проснулись и выскочили из экипажа. Оказалось, что дорогу преградила большая ветвь, отломившаяся от дерева. А в десяти шагах от нее находился мост, который накануне обвалился, и, если бы не эта ветвь, карета неминуемо свалилась бы с моста. Мармон, рассказавший об этом эпизоде в своих мемуарах, заключал: «Не видна ли в этом явная рука Провидения? Разве не должен был Бонапарт теперь поверить в то, что оно его охраняет? И не будь этой ветви, так удачно лежавшей, такой большой и способной остановить карету, что стало бы с завоевателем Египта, с покорителем Европы, с тем, чье могущество пятнадцать лет влияло на судьбы жителей земли?»

Перед тем как уехать из Парижа, Бонапарт тщательно просчитал политическую ситуацию и свои шансы. Он понимал, что время для захвата власти еще не пришло. «Фрукт еще не созрел», — сказал он Бурьену. Бонапарт полагал, что новая антифранцузская коалиция оформится в Европе не раньше чем через четыре месяца, а он надеялся за это время вернуться в ореоле новых побед. «Я пытался сделать все, что в моих силах, — заметил он Бурьену, — но они не хотят меня. Я скину их и буду коронован, но думать об этом еще рано». А обращаясь к Арно, добавил: «Если я сейчас сяду на лошадь, никто не последует за мной. Мы уезжаем завтра».

Пока что перед ним открывалась заманчивая перспектива завоевать Египет.

Когда экипаж Бонапарта въехал в Тулон, перед его пассажирами открылась грандиозная картина. Вся гавань была заполнена судами, «чьи мачты напоминали огромный лес». Море за гаванью еще на три мили было заполнено кораблями. На борту этой армады находилось тридцать семь тысяч солдат сухопутных

войск (многие из них служили под командованием Бонапарта в Италии), моряки и морская пехота, тысяча гражданских лиц и семьсот лошадей.

Когда Бонапарт на борту барки осматривал готовый к отплытию флот и каждая пушка на кораблях и в крепости салютовала ему, наверное, ему вспоминалось, как пять лет назад он прибыл в Тулон после бегства из Аяччо со своей нищей семьей.

Отплытие французского флота задержалось на шесть дней из-за шторма, обрушившегося на побережье Средиземного моря. Впоследствии выяснилось, что и в этом проявилась удача Бонапарта — шторм, который задержал армаду Бонапарта, сильно потрепал флот английского адмирала Нельсона и вынудил его поставить часть своих кораблей на ремонт. В результате Нельсон доплыл до Тулона только 1 июня, когда французский флот был уже далеко.

В один из этих шести дней в ожидании, когда стихнет шторм, Жозефина сопровождала своего мужа при осмотре флагманского корабля «Ориент» со ста двадцатью пушками на борту. Каюты Бонапарта были роскошны. Арно по поручению генерала подобрал для него хорошую библиотеку, в основном там были книги по истории, географии, восточной философии, исламу. Наполеон хотел править Египтом во всеоружии знаний о Востоке. На борту флагманского корабля было восемьсот бутылок лучшего бургундского. Не забыли и городской экипаж, чтобы ездить на нем по Каиру.

Все это время Бонапарт никак не мог решить, брать ли ему в экспедицию Жозефину. Она уговаривала мужа не оставлять ее и взять с собой. Когда генерал Дюма, черный гигант с острова Санто-Доминго, однажды утром приехал в Морское интендантство, чтобы представиться командующему, он застал чету Бонапартов еще в постели. Дюма заметил, что Жозефина лежала под простыней совершенно голая. Она была вся в слезах. Бонапарт объяснил Дюма, что Жозефина плачет потому, что он решил не брать ее с собой

в экспедицию. Он обещал через два месяца, когда обоснуется в Египте, прислать за Жозефиной фрегат, на котором она совершит плавание через Средиземное море.

Трудно сказать, были ли слезы Жозефины искренними. Ей, конечно, не хотелось оставлять любимый Париж, своих друзей и подруг, театры, балы, приемы, где ее встречали как некоронованную королеву. И конечно же, она боялась путешествия по морю, опасалась неудобств походной жизни в пустыне.

С другой стороны, 15 мая она пишет своей дочери Гортензии: «Вот уже пять дней я в Тулоне, моя дорогая Гортензия, я совершенно не устала от дороги, но очень опечалена разлукой с тобой, такой поспешной, без прощания с тобой и моей дорогой Каролиной (речь идет о сестре Наполеона, которая училась в пансионе вместе с Гортензией. — Б. Г.). Но, моя дорогая девочка, я немного утешаюсь надеждой, что скоро обниму тебя. Бонапарт не хочет, чтобы я плыла с ним. Он желает, чтобы я поехала на воды, прежде чем пускаться в путешествие в Египет. Он пришлет за мной корабль через два месяца. Значит, моя дорогая Гортензия, я вновь буду иметь удовольствие прижать тебя к своей груди и уверить тебя, что ты самая любимая. Прощай, моя дорогая девочка».

Бонапарт перед отплытием распорядился, чтобы Жозефина выждала две недели в Тулоне, не будет ли от него каких-либо известий, а потом поехала в Пломбье на воды, за которыми с античных времен была слава, что они излечивают женщин от бесплодия. Там она должна была ожидать, когда он пришлет за ней корабль.

Из Пломбье Жозефина регулярно отправляла письма Баррасу. Тон этих писем обращает на себя внимание. Похоже, что она действительно тоскует по мужу и волнуется за него. Уж перед Баррасом, своим бывшим любовником, ей незачем было притворяться.

«Я писала Вам позавчера, мой дорогой Баррас, но

боюсь, что мое письмо не дошло до Вас, потому что я не знала, куда его адресовать, — писала Жозефина. — В нем я просила Вас сообщить мне Ваши новости и пересылать мне известия о Бонапарте, как только у Вас что-то будет. Они мне очень нужны. Я так расстроена расставанием с ним, что не могу преодолеть грусть. Кроме того, его брат, которому он часто пишет, ведет себя по отношению ко мне так отвратительно, что я всегда чувствую себя неловко, когда я не с Бонапартом».

Несмотря на большой риск, Наполеон решил все-таки послать за Жозефиной корабль, но, когда фрегат «Помона» прибыл в Неаполь, с Жозефиной в Пломбье случилось несчастье. Она выбежала на балкон дома, в котором жила, и он обрушился. В результате травмы Жозефина оказалась частично парализованной, у нее подозревали повреждения внутренних органов.

Но это все еще впереди, а пока что генерал Бонапарт, стоял на палубе флагманского корабля «Ориент», не отрывая глаз от белого платочка, которым машет его жена Жозефина с балкона Морского интендантства. Очень трогательное расставание.

Отплытие эскадры было зрелищем величественным, но не обошлось и без серьезных неприятностей. Перегруженные корабли, выходя из гавани, начали крениться, а флагманский корабль даже на какое-то время сел на мель. (После разгрома флота при Абукире в дельте Нила суеверные моряки говорили, что то было знамение.) В конце концов «Ориент» снялся с мели, и флот вышел в открытое море под залпы пушек и грохот полковых оркестров на кораблях.

Перед отплытием генерал Бонапарт обратился к своим товарищам по оружию: «Солдаты, вы воевали в горах и на равнинах, осаждали города; вам остается война на море. Римские легионеры, на которых вы похожи, но еще не во всем им равны, сражались с Карфагеном то на море, то на равнине. Победа всегда была за ними, потому что у них были храбрость,

терпение, дисциплина и единство. Гений свободы, создавший республику, призывает ее стать арбитром свободы не только Европы, но и морей и далеких народов».

А Жозефина писала Баррасу: «Я вкладываю письмо для Бонапарта, которое прошу немедленно отправить ему. Я буду посылать все письма к нему через Вас и прошу, чтобы их отправляли в Египет как можно быстрее. Вы знаете его и понимаете, как он будет возмущен, если не будет регулярно получать от меня весточек. Последнее письмо, которое я получила, было очень нежным... Он пишет, что я должна присоединиться к нему как можно быстрее, так что я спешу закончить курс лечения, чтобы отплыть к нему поскорее. Я люблю его несмотря на его маленькие недостатки».

В конце сентября 1798 года Жозефина вернулась в Париж. Первое, что она сделала, — купила поместье Мальмезон, которое присмотрела еще до отъезда Бонапарта в Египет, но Наполеон тогда отказался от этой покупки, сочтя ее слишком дорогой. Жозефину же это не смутило — она всю жизнь покупала не торгуясь все, что ей нравилось. А Мальмезон пришелся ей очень по душе. И действительно, самые счастливые годы своей жизни она провела именно в Мальмезоне. Она приобрела это поместье за сто шестьдесят тысяч франков.

Ни один из дворцов, в которых она жила с Наполеоном, — ни Тюильри, ни Сен-Клу, ни Фонтенбло — не носил такой отчетливый отпечаток личности Жозефины, ее вкусов, ее индивидуальности, она вкладывала в убранство дома всю душу. С детства, проведенного на знойной Мартинике, Жозефина сохранила любовь к экзотическим растениям, цветам и птицам. С годами, по мере того как Бонапарт все более возвышался, Жозефина тратила все больше денег на благоустройство поместья Мальмезон, по ее приказу там выкапывали искусственные озера, строили оранжереи, аквари-

умы, устраивали клетки для птиц. Известно, что она тратила безумные деньги на приобретение редких растений. За одну только луковицу тюльпана она заплатила однажды четыре тысячи франков.

Но все это впереди, а пока что осенью 1798 года она обживала Мальмезон. Время для нее было нелегким. Было неизвестно, как сложится военная экспедиция Бонапарта в Египет, не погибнет ли он там, а если и выживает, то кто может сказать, через сколько лет он вернется в Париж. Он сам говорил, что это предприятие может затянуться на пять или шесть лет.

Всем своим существом, всей кожей Жозефина ощущала, как меняется отношение к ней. Великосветские дамы выказывали ей откровенное пренебрежение, а она весьма дорожила отношением к ней обитателей Сен-Жерменского предместья.

Чувствовала Жозефина и охлаждение со стороны некоторых директоров и министров. Достаточно вспомнить, что когда она послала приглашение на обед одному из новых директоров, бывшему аббату Сьейесу, который набирал в правительстве все большую силу, тот не откликнулся.

Правда, ее регулярно навещал новый председатель Директории Жером Гойе. Он приезжал к ней в четыре часа, а иногда заезжал и вечером. Впрочем, его интерес к Жозефине был не совсем бескорыстным. Этот мужчина пятидесяти четырех лет, который был министром юстиции при Терроре, высокий, чрезвычайно респектабельный, на самом деле был тайным сластолюбцем и вел список всех женщин, с которыми переспал. Он явно рассчитывал на то, что дружеские отношения с мадам Бонапарт перерастут в более интимные. Наполеон знал об этом и на Святой Елене сказал: «Гойе ухаживал за моей женой». В дни, предшествовавшие 18 брюмера, Наполеон использует эту привязанность Гойе к Жозефине. Но об этом позднее.

Был еще один член правительства, чья карета то и дело стучала колесами по плохо мощенной дороге

в Мальмезон. Это была карета недавно назначенного министра полиции Жозефа Фуше. Бывший рьяный якобинец, заливший кровью во времена Террора Лион, голосовавший за казнь Людовика XVI, более всего боялся возвращения Бурбонов, понимая, что уж с ним-то они сведут счеты. Он был близким человеком Барраса и Талейрана. Когда якобинцы стали набирать силу, Баррас и Талейран решили, что с ними лучше всего справится бывший якобинец Фуше.

Хитрый и проницательный Фуше видел в Бонапарте человек, который, вернувшись из Египта, может возглавить правительство и железной рукой навести порядок. Во всяком случае он считал полезным поддерживать хорошие отношения с мадам Бонапарт. Кроме того, в доме Жозефины на улице Шантерен, которая была переименована в улицу Победы в честь военных побед генерала Бонапарта в Италии, и в Мальмезоне он узнавал от мадам Бонапарт последние новости, поступающие от ее мужа. Если верить Фуше, то именно тогда он начал регулярно снабжать Жозефину деньгами из фондов полиции. Он утверждал, что это продолжалось на протяжении всех лет Консульства и Империи.

Такие политики, как Гойе, Фуше, не говоря уже о Баррасе, нужны были Жозефине, она надеялась, что дружба с ними, особенно с Гойе и его супругой, придаст ей респектабельности, укрепит ее репутацию порядочной женщины и верной жены генерала Бонапарта.

А ее репутация действительно нуждалась в поддержке. Братья Наполеона, Жозеф и Люсьен, с самого начала возненавидели Жозефину, распускали про нее сплетни, утверждая, что она неверна своему мужу.

Такие подозрения имели место и в высшем обществе. Об этом, в частности, свидетельствует разговор между Жозефиной и Гойе, о котором тот упоминает в своих «Мемуарах». Он советовал ей порвать с Ипполитом Шарлем. Хотя Жозефина уверяла его, что ее

и Ипполита связывает только дружба, Гоше сказал: «Тем не менее это компрометирует вас в глазах общества». Он предупредил ее, что она может разрешить эту ситуацию, только разойдясь с Бонапартом, а потом, если захочет, может выйти замуж за Шарля.

Никакого желания разводиться с Бонапартом у Жозефины не было. Она очень ценила свое положение и тот образ жизни, которые обеспечивал ей Наполеон.

А египетская экспедиция генерала Бонапарта проходила весьма драматично. Ни он сам, ни Нельсон не подозревали, что в ночь на 23 июня их корабли разминутись на расстоянии всего в несколько миль. Нельсон приплыл к берегам Мальты на следующий день после того, как оттуда отошел флот Бонапарта. Нельсон поплыл к Абукиру (остров в дельте Нила) и появился там раньше медлительного, неповоротливого французского флота. Игра в кошки-мышки продолжалась: Нельсон отплыл от Абукира за два дня до того, как там высадилась армия Бонапарта.

Когда французский флот подошел наконец к Абукиру, Бонапарт, опасаясь кораблей Нельсона, приказал войскам высаживаться на берег несмотря на бурное море. Удача и тут не изменила ему, и войска, страдающие от морской болезни, голодные и мучимые жаждой, получили приказ выступить к Александрии уже через несколько часов. Офицеры и солдаты говорили, что их толкает вперед только надежда найти питьевую воду. Александрия сдалась почти немедленно, и на следующий день французские войска двинулись к Каиру. Шли под палящим солнцем, с такой же тяжелой выкладкой, как и во время итальянской кампании, но без фляг с водой, о которых забыли. Командир одной из передовых дивизий докладывал, что когда его части наконец добрались до двух колодцев, то «более тридцати солдат погибли, затоптанные бегущими к воде, несколько человек, обнаружив, что вода иссякла, покончили с собой».

Противника французы встретили только на плоскогорье в десяти милях от Каира. Французы мало что знали об этой отлично подготовленной военной касте, которая управляла турецкими провинциями Египта. Французы увидели перед собой средневековое войско всадников в тюрбанах, оцетинившееся пиками, саблями и пистолетами, сопровождаемое большой армией необученной египетской пехоты.

На рассвете Бонапарт приказал оркестрам играть «Марсельезу». Размахивая саблями, мамелюки с воплями ринулись на французские дивизии, выстроившиеся каре. Первая атака была отбита ружейным огнем. Более двух часов кавалерия мамелюков подвергалась ружейному огню французских войск. Мамелюки отступили, оставив на поле боя убитых, раненых и трофеи, о которых солдаты могли только мечтать, — отделанные жемчугом седла, золоченные шлемы, упряжь, украшенную драгоценностями, фляги для воды. Эти фляги французы наполнили на следующий день, когда вошли в Каир.

Вдали, смутно видны были пирамиды, и Бонапарт приказал именовать эту победу Битвой при пирамидах. Это название всегда будет в сознании французов ассоциироваться с именем Бонапарта и египетской кампанией. Вся Европа была потрясена сообщением об этой битве и знаменитым обращением Бонапарта к войскам, о котором он сообщил в донесении, отправленном в Париж в тот же день. Оно начиналось словами: «Солдаты! Сорок веков истории смотрят на вас с высоты этих пирамид».

При известии о победе Бонапарта в Битве при пирамидах Париж словно с ума сошел от восторга. Люди на улицах обнимались и целовались, повсюду слышались крики: «Да здравствует генерал Бонапарт!» Жозефина снова оказалась в центре внимания, она вновь купалась в лучах славы своего мужа.

За ликованием по поводу победы в Битве при пирамидах осталась почти незамеченной страшная новость,

которую власти постарались скрыть от граждан. По иронии судьбы, это сообщение пришло в Париж в тот же день, что и известие о Битве при пирамидах.

Новость заключалась в том, что 1 августа британский флот под командованием адмирала Нельсона вернулся к Абукиру, обнаружил там стоящий на якорах французский флот и в результате морского сражения, длившегося всю ночь, уничтожил все французские корабли, кроме четырех; были убиты и ранены более трех тысяч моряков. Нельсон при этом не потерял ни одного своего судна.

Такого кровопролития история морских сражений не знала. Пламя озаряло небо на многие мили, а когда флагманский корабль «Ориент» был взорван прямым попаданием снаряда, грохот этого взрыва был слышен в Александрии, находящейся в двадцати пяти милях от места сражения.

В своем донесении Директории Бонапарт возложил вину за это поражение на адмирала Брюэса — совершенно несправедливо, поскольку, как стало известно, адмирал распорядился всем судам встать на якорь по приказу Бонапарта. Тяжело раненный, Брюэс оставался на капитанском мостике, пока его не разорвало английским снарядом.

Армия Бонапарта оказалась отрезанной от Франции. По воле судьбы почти одновременно с разгромом французского флота при Абукире Бонапарта постиг еще один удар. На этот раз дело касалось его семейной жизни.

За два дня до Битвы при пирамидах генерал Жюно, гуляя с главнокомандующим, рассказал ему о связи Жозефины с Ипполитом Шарлем. Неизвестно, что толкнуло Жюно на такой шаг, возможно, причина была в его тесных связях с семейством Бонапартов. Сохранились воспоминания Бурьена об этой сцене: «Когда мы отдыхали среди фонтанов Мессудьяха под Эль-Ариши, я встретил Бонапарта, прогуливающегося вместе с Жюно, как это часто бывало. Я стоял непода-

леку и случайно взглянул на лицо Бонапарта во время их беседы. Обычно бледное лицо генерала стало по непонятной мне причине еще более бледным и конвульсивно подергивалось. После беседы, длившейся примерно четверть часа, он отошел от Жюно и направился ко мне. Я никогда не видел его таким взволнованным, таким озабоченным. „Я разуверился в вашей преданности, — внезапно сказал он тихо и сурово. — Ах, женщины! Жозефина!.. Если бы вы были преданны мне, то сообщили мне то, что я сейчас узнал от Жюно. Вот настоящий друг! Жозефина!.. А я в шестистах лье... Вы должны были мне об этом сказать... Жозефина, так обмануть меня! Она!.. Горе им! Я уничтожу эту породу проходимцев!.. А что до нее — развод! Да, развод, публичный, скандальный! Я должен написать ей! Хватит, я знаю все. Это ваш промах. Вы должны были мне об этом рассказать“».

Бурьен пытался успокоить генерала. Он стал убеждать его, что поведение Жюно недостойно, что неблагородно так легко обвинять женщину, которой здесь нет и которая не может защитить себя. Бурьен говорит Бонапарту о славе, но Бонапарт не успокаивался. «Что мне моя слава! — восклицает он. — Не знаю, что бы я отдал, лишь бы оказалось неправдой то, что сказал мне Жюно, так я люблю эту женщину! А если Жозефина виновата, развод разлучит меня с ней навсегда... Не хочу быть посмешищем для всех бездельников Парижа. Я напишу брату Жозефу, он позаботится о разводе».

Спустя два дня Наполеон написал своему брату Жозефу из Каира, что надеется вернуться во Францию через два месяца. Далее он писал: «Покров сорван... Это очень грустно, когда сердце разрывается от противоречивых чувств к одному и тому же человеку... Найди к моему возвращению для меня дом где-нибудь в сельской местности, либо неподалеку от Парижа, либо в Бургундии. Я намерен запереться там на всю зиму. Мне нужно побыть одному. Я устал от величия,

все мои чувства увяли. Я больше не думаю о своей славе. В двадцать девять лет я исчерпал все. Мне ничего не остается, как только стать полностью эгоистом... Я намерен сохранить за собой мой дом в Париже. Я не допущу, чтобы им владел кто-то другой».

Спустя пять дней это письмо Бонапарта было перехвачено. В руки англичан попало и письмо Евгения Богарне матери, тактичное предупреждение. «Бонапарт в сильной меланхолии в результате разговора с Жюно и Бертье, — писал Евгений. — Все, что я слышал, сводится к тому, что капитан Шарль путешествовал в твоей карете, пока вы не оказались в трех почтовых станциях от Парижа, что ты встречалась с ним в Париже, что ты бывала с ним вместе в театре, что он подарил тебе маленькую собачку, что он и теперь с тобой... Я уверен, что это сплетни, придуманные твоими врагами. Бонапарт любит тебя, как и раньше, и жаждет обнять тебя. Я надеюсь, что, когда ты приедешь сюда, все это будет забыто».

А у Наполеона возникло естественное для всякого обманутого мужчины желание отомстить, отплатить Жозефине той же монетой. Он приказал своему штабу устроить вечер с восточными танцами, пригласить самых красивых женщин Каира. Но ни одна из них ему не понравилась — все они были такие пышнотелые, безвкусно одетые, от них пахло тошнотворно сладкими притираниями. Он приказал поскорее отправить их подальше.

Но мысль о том, чтобы отомстить Жозефине, не оставляла Бонапарта. Сложность* заключалась в том, что Наполеон еще в Тулоне запретил всем женам и любовницам сопровождать солдат и офицеров в этой экспедиции. Поэтому встретить в Каире европейскую женщину было очень трудно. Разве что в каирском саду развлечений, устроенном по образцу парижского Тиволи, — здесь тоже был клуб, всевозможные игры, качели, здесь выступали жонглеры, заклинатели змей, певички и танцовщицы, играли военные оркестры, посе-

тители лакомились мороженым. Заведение это устроил один француз, бывший соученик Бонапарта по Бриеннской военной школе, который добился разрешения присоединиться к военной экспедиции.

Вот здесь, в Тиволи, генерал Бонапарт и заметил прелестную молодую женщину с фиалковыми глазами, ослепительно белой кожей, безупречными зубками. Генералу тут же доложили, что она француженка, зовут ее Маргарита Полина Форе. Незадолго до того как флот отплыл из Тулона, она вышла замуж за лейтенанта Форе из 22-го полка конных егерей.

Маргарита Полина по прозвищу Красотка, родом из Каркассона на юге Франции в долине реки Од, была незаконнорожденной дочерью местного дворянина и кухарки. Начинала она свой жизненный путь ученицей модистки. Маргарита Полина была очень хороша собой — изящная фигурка, прелестный пухленький ротик и пышные белокурые волосы, которые могли укрыть ее с головы до ног. Она пользовалась большим успехом не только у местных молодых людей, но и у пожилых мужчин, проявлявших к ней отнюдь не отеческий интерес. Ее, в частности, опекал каркассонский адвокат, монсеньор де Салье, нанявший ее к своей жене в качестве портнихи. Адвокат увлекался сочинением песен и вскоре обнаружил, что портниха его жены обладает маленьким, но прелестным голоском, и уговорил ее спеть на одном из обедов песню его сочинения. Она очаровала всех присутствующих, и в том числе сына местного процветающего торговца Форе. Он тут же влюбился в нее и предложил выйти за него замуж.

Полина колебалась. Монсеньор Салье уговаривал ее поехать вместе с ним в Париж, где она наверняка найдет себе лучшую партию. Но Полина решила, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, и согласилась стать женой Форе, тем более что он принадлежал к довольно состоятельной семье.

Так она, вероятно, и прожила бы всю свою жизнь в Каркассоне женой и хозяйкой дома, если бы ее муж,

служивший ранее в армии и вышедший в отставку, не откликнулся на призыв генерала Бонапарта к офицерам вернуться в армию и принять участие в предстоящем походе.

Вот тут-то и дал себя знать авантюризм, заложенный, видимо, в Полине от природы. Нарушив строгий приказ командующего всем женам и любовницам остаться на берегу, Полина Форе переделалась в солдатскую форму и с помощью мужа пробралась на корабль. В Каире она вновь облачилась в женское платье и стала предаваться весьма ограниченным развлечениям гарнизонной жизни. Одним из таких развлечений был Тиволи, где ее и заметил генерал Бонапарт.

Полина Форе была женщина умная и не сразу сдалась на милость победителя. Генералу пришлось прибегнуть к уговорам, обещаниям, богатым подаркам. Наконец Полина согласилась капитулировать. Бонапарт немедленно воспользовался своими возможностями командующего и отправил лейтенанта Форе на корабле «Охотник» в Неаполь, а оттуда он должен был следовать в Париж с донесениями Директории.

Сразу же после отплытия «Охотника» Бонапарт устроил у себя во дворце Эльфи-Бей званый обед, на который были приглашены дамы, обитавшие в Каире. Место мадам Форе оказалось рядом с хозяином, который ухаживал за ней в течение всего обеда. Потом якобы нечаянно он опрокинул графин с ледяной водой на платье мадам Форе, после чего ей пришлось проследовать за ним в его апартаменты, чтобы «привести в порядок ее туалет». Они отсутствовали достаточно долго, чтобы остальные гости поняли, чем они там занимались.

Если кто-то и сомневался в характере их отношений, то всякие сомнения улетучились, когда рядом с дворцом Эльфи-Бей срочно меблировали дом, в котором поселилась Полина Форе.

Однако стоило ей въехать в новый дом, как объявился ее муж.

Корабль «Охотник», на котором отплыл лейтенант Форе, на другой же день был перехвачен английским крейсером. Его капитан, до которого доходили слухи о том, что происходит в Каире, решил подложить генералу Бонапарту свинью и отпустил лейтенанта Форе под честное слово, что тот не будет сражаться против англичан. Мармон пытался задержать Форе в Александрии, но тщетно — муж Полины поскакал в Каир и устроил ей грандиозную сцену, после чего она объявила о разводе с ним.

Лейтенанта Форе срочно отправили в военную экспедицию в Сирию, а потом вообще откомандировали во Францию.

Освободившись от мужа, Полина зажила блестящей жизнью богатой куртизанки: она роскошно обставила свой дом, задавала обеды и ужины для наполеоновских генералов, для своих приятельниц-француженок, раскатывала по Каиру в открытом экипаже, сидя рядом с командующим или в сопровождении его молодых красавчиков-адъютантов. Французским солдатам она нравилась, при виде ее они кричали: «Да здравствует маленькая французская Клеопатра!», «Салют нашей генеральше!»

Наполеон не то чтобы влюбился в Полину, но ему было приятно спать с ней, его развлекало ее общество, он даже обещал ей жениться, если она родит ему сына или дочь. Однако Полина не проявляла никаких признаков беременности, и Бонапарт в раздражении бросил такую фразу: «Эта маленькая дурочка не знает, как это делается!» Сплетники немедленно донесли Полине об этой реплике генерала, на что она весело рассмеялась и сказала: «Ну, это уж конечно не моя вина!»

Когда Бонапарт решил бросить свою египетскую армию на произвол судьбы, фактически дезертируя, и намеревался тайно отплыть во Францию, где назревали серьезные политические события, он не хотел брать с собой Полину, ссылаясь на риск, что его судно могут перехватить англичане и взять его в плен. «Тебе

ведь дорога моя честь, — сказал он. — Подумай, что они будут говорить, обнаружив у меня под боком женщину».

Бонапарт, уезжая, распорядился, чтобы Полину отправили во Францию с первым же подходящим кораблем, однако генерал Клебер, принявший на себя командование армией, огромный, грубый солдафон, отнюдь не торопился выполнять приказ Наполеона. Клебер заявил, что раз уж он наследует все опасности и неприятности командующего, то должен получить и все трофеи. Он решил получить Полину Форе в свое пользование и стал чинить всяческие препятствия к ее отъезду. Ее спасло только вмешательство главного врача армии Десченне, который пожалел молодую женщину и убедил Клебера выполнить приказ Бонапарта.

В конце концов она отплыла на корабле под нейтральным американским флагом. Плавание не обошлось без приключений. Корабль был перехвачен британским военным судном, но англичане повели себя как джентльмены и обеспечили Полине безопасное плавание до берегов Франции.

Первое время Полине в Париже пришлось трудно. Она никого здесь не знала, и ее никто не знал. Мужчины, которые заискивали перед ней в Каире, сталкиваясь с ней на улице или в театре, делали вид, что не узнают ее. Наконец ей повезло, и она встретила добрейшего Дюрока, который сказал Бонапарту о ее положении. Как это ни странно, Наполеон просто-напросто начисто забыл об этой своей любовнице. Но когда Дюрок напомнил ему о ее существовании, Бонапарт тут же распорядился выполнить все ее просьбы, послал ей значительную сумму денег, купил ей дом в окрестностях Парижа. Он отказался от встречи с ней, но через некоторое время выдал ее замуж за дворянина Анри де Раншу, служившего в артиллерии. Верный своему правилу дарить тепленькие места мужьям своих бывших любовниц, Наполеон устроил де Раншу

место вице-консула в Сантандере, в Испании. А когда там запахло войной, де Раншу с супругой переехал в Швецию.

Однако Полина не могла быть счастлива нигде, кроме Парижа. Она старалась как можно больше времени проводить в любимом городе. Полина сняла там роскошную квартиру на улице Наполеона и с головой окунулась в омут светской жизни Парижа — она не пропускала ни одного бала, ни одной театральной премьеры или народного гулянья, держала при себе по два, а то и по три любовника. В 1811 году ее любовником был майор Полен и одновременно с ним Пейрюс — брат кассира государственного казначейства. Потом в этой роли выступил Реверон Сен-Сир, который помогал ей писать роман «Лорд Уэнворт», а в паре с ним подвизался корсиканец Лепиди, адъютант герцога Падуанского, очень красивый и очень глупый. Полина говорила о нем: «Люблю красивых животных».

Дело кончилось тем, что де Раншу потребовал развода, и она лишилась своей квартиры, туалетов и денег. Тем не менее она раздобыла деньги на поездку в Верону к Полену, где они наслаждались любовью, пока ему не пришлось уехать в армию. Тогда Полина вернулась в Париж, где снова зажила той же веселой светской жизнью и увлеклась живописью, рисовала она главным образом портреты.

К 1816 году финансовые дела Полины сильно пошатнулись, и она, продав дорогую обстановку, уехала с отставным гвардейским офицером Белляраном в Бразилию. Там она закупала драгоценные породы древесины, привозила ее в Париж, где выгодно продавала. В 1837 году она окончательно вернулась в Париж и благополучно прожила там до девяностодвухлетнего возраста.

Однако пора вернуться в 1799 год.

Этот год поистине можно назвать знаменательным, а может быть, и роковым.

Египетская кампания развивалась совсем не так, так замысливал ее Наполеон. Конечно, он одерживал победы, но какой ценой! Это совсем не было похоже на Италию. Выжженные солнцем пустыни, раскаленный песок, отсутствие воды и дикая, испепеляющая жара — вот что выпало на долю покорителей Италии. Население этой страны не только не приветствовало французскую армию как свою освободительницу, но и повсеместно — в Каире, в разных концах страны — происходили восстания арабов.

Оставаясь наедине с самим собой, Бонапарт предавался грустным мыслям. На помощь со стороны Директории он не рассчитывал. Когда Бурьен сказал, что он надеется на помощь, Бонапарт с раздражением выпалил: «Ваша Директория — это... — Он грубо выругался. — Они мне завидуют и ненавидят меня; они охотно оставят меня здесь погибать...»

Он мучительно искал выход из этой, казалось бы, тупиковой ситуации и принял дерзкое решение — начать поход на Сирию. Его не оставляли грандиозные планы покорения Востока. Во время долгой и безрезультатной осады старинной крепости Сен-Жан-д'Акр, построенной еще крестоносцами, он заявил: «Эта убогая крепостишка стоила мне времени и людей, но все слишком затянулось, я должен пойти на последний штурм. Если он удастся, сокровища и оружие Джебзара, чью жестокость и кровожадность проклинали Сирия, позволят мне вооружить триста тысяч человек. Дамаск зовет меня, друзья ждут меня; я увеличу свою армию, объявлю об упразднении тирании паши, и во главе этих полчищ я прибуду в Константинополь. Таким образом я опрокину Турецкую империю и создам новую великую империю. В результате я войду в историю и, может быть, тогда вернусь в Париж через Вену, уничтожив австрийский императорский дом».

Этим честолюбивым мечтам не суждено было сбыться. Он вынужден был снять осаду и вернуться в Каир.

Бонапарта беспокоит то, что он вот уже шесть месяцев не получает никаких известий из Франции и не знает, что происходит в Париже. Он придумывает такой выход — под предлогом переговоров об обмене пленными посылает на британский военный корабль парламентаря с заданием получить какую-нибудь информацию. Командующий морской дивизией не отказывает себе в удовольствии сообщить Бонапарту довольно много пренеприятнейших новостей. «Зная, что генерал Бонапарт лишен известий, — говорит английский коммодор, — я полагаю, что ему будет приятно получить свежие газеты». 3 августа эти газеты оказываются на столе у Бонапарта, и он всю ночь читает их. Новости совершенно обескураживающие: Англия, Австрия, Россия и Турция атаковали французские армии на аннексированных территориях Италии, Швейцарии, Рейнской области и Голландии. Французы терпели одно поражение за другим. Якобинцы требовали предать суду «предателей в правительстве, ответственных за поражения».

Во Франции назревал кризис власти. Роялисты набирали силу и явно намеревались совершить государственный переворот. В свою очередь умеренные республиканцы во главе в Съейесом втайне готовили свой переворот, намереваясь найти генерала, который станет «шпагой» и, взяв на себя командование внутренними силами, наведет в стране железный порядок. Правда, Съейес рассматривал такого генерала как фигуру временную. Союзниками Съейеса в заговоре были Талейран, Фуше и Люсьен Бонапарт. Вопрос для Съейеса заключался только в том, кого из генералов избрать в качестве «шпаги».

Конечно, всего этого в английских газетах Бонапарт прочитать не мог, но чутье политика подсказывало ему, что надо торопиться в Париж. Фрукт созрел, и надо спешить, пока его не сорвал кто-нибудь другой. В ту ночь Бонапарт принял решение и начал готовиться тайно отплыть во Францию.

Бонапарт в обстановке полной секретности бросал свою армию в Египте. Он взял с собой лучших генералов — Бертье, Бессьера, Дюрока, Ланна, Мармона, Мюрата. Сопровождал его и Евгений Богарне. По этому списку людей, уезжавших из египетской армии, можно прийти к явному выводу, что Бонапарт в глубине души считал кампанию в Египте конченной. Плавание к берегам Франции было долгим и опасным, но в конце концов корабль бросил якорь в бухте Сен-Рафаэль рядом с поселком Фрежюс.

Восторженные толпы встречают Бонапарта на всем протяжении пути до Парижа, а он спешит, не останавливаясь ни днем, ни ночью.

Жозефина узнала, что Бонапарт высадился во Франции 10 октября, когда обедала у тогдашнего председателя Директории Гойе. Последнее время она усиленно добивалась дружбы Гойе, надеясь, что он станет ей опорой и защитой. Дело заключалось в том, что ее отношения с Баррасом сильно испортились. Он перестал отвечать на ее просьбы, не проявлял былого внимания. По всей видимости, он не хотел, чтобы его имя связывали со скандалом вокруг Бодена.

На обеде у Гойе Жозефина заметила, что известие о предстоящем приезде Бонапарта вызывает у присутствующих скорее тревогу, чем восторг. Она сказала: «Не думайте, что Бонапарт едет сюда с намерениями, пагубными для свободы, но мы должны объединиться и помешать тому, чтобы негодяи воспользовались его прибытием. Я отправляюсь навстречу ему. Мне важно, чтобы меня не опередили его братья, которые так ненавидят меня. Правда, — добавила она, глядя на жену Гойе, — мне нечего бояться клеветы. Когда Бонапарт узнает, что вы удостоили меня своим вниманием, он будет польщен и признателен вам за радушие, с которым вы привечали меня в своем доме во время его отсутствия».

Жозефине тем более нужна была поддержка Гойе, что она видела, как холодно относятся к ней другие

влиятельные люди Франции. Она не могла забыть эпизод в Люксембургском дворце, когда Талейран, сидевший между ней и мадам Тальен, повернулся к Жозефине спиной и разговаривал исключительно с Терезией.

Конечно, такой человек как Талейран никогда не стал бы игнорировать жену генерала Бонапарта, если бы был хоть один шанс, что генерал защитит ее. Значит, он знает что-то ужасное, быть может, его уведомили, что Бонапарта уже нет в живых. Жозефина была потрясена и вся в слезах убежала, не дожидаясь конца обеда.

Ее финансовые дела тоже находились в плачевном состоянии. «Она так глубоко завязла в долгах, — вспоминала Клер Ремюза — что не могла оплатить даже самый ничтожный счет. Ожидая в отчаянии возвращения своего мужа, она использовала всех, кто обладал властью».

Жозефина снова и снова обращается к Баррасу, и в ее записках к нему ощущается всевозрастающая паника. Характерно, что она впервые обращается к нему от имени Бонапарта. Вот одна из ее записок: «Мне необходимо поговорить с Вами, мой дорогой Баррас. Я должна увидеть Вас наедине. Во имя нашей дружбы пожертвуйте четвертью часа времени и либо приезжайте ко мне, либо сообщите мне, когда я могу застать Вас одного. Я надеюсь, мой дорогой Баррас, что Вы не откажете жене Вашего друга...»

В другой записке она писала: «Я приехала в Париж, мой дорогой Баррас, надеясь увидеть Вас, но, когда я приехала, мне сказали, что у Вас сегодня большой прием. С тех пор как я живу в деревне, я стала такой застенчивой, что боюсь большого света. Во всяком случае я так несчастлива, что не хочу быть объектом жалости со стороны кого-либо. Вы, мой дорогой Баррас, любите своих друзей даже тогда, когда они в беде. Мне необходимо поговорить с Вами, попросить Вашего совета. Вы обязаны жене Бонапарта и его дружбе с Вами».

Когда на обеде у Гойе Жозефина гордо заявила, что ей нечего бояться клеветы, она сказала неправду. Ей было чего бояться. И не клеветы, а правды. Она последнее время вела себя так, что можно было подумать, будто она вообще забыла, что у нее есть муж. И хотя она знала, что братья Бонапарты ненавидят ее и следят за каждым ее шагом, она вновь стала встречаться с Ипполитом Шарлем, сначала тайно, а потом почти открыто. Сначала она приглашала его в Мальмезон только днем, но вскоре он стал проводить там целые недели.

Узнав, что Бонапарт высадился во Франции и едет в Париж, Жозефина поняла, что единственное ее спасение — перехватить Бонапарта раньше, чем он встретится со своими братьями, которые не замедлят облить ее грязью. «Только бы первой увидеть его — и я спасена», — говорила она себе. Она-то знает, как это сделать, — надо избежать любых объяснений, а поскорее затащить его в постель, обольстить, убогатворить.

Жозефина немедленно заказала почтовую карету и сломя голову помчалась навстречу Бонапарту. Каково же было ее разочарование — более того, отчаяние, — когда в Лионе она узнала, что Бонапарт уже два дня назад как отсюда уехал. Они разминулись. Она ехала через Бургундию, а он через Бурбонне. Казалось бы, ее игра проиграна. Семейка Бонапартов, конечно же, успела рассказать ему все, соответствующим образом настроить его.

Она заторопилась обратно в Париж, в их дом на улице Победы. Бонапарт был там, но его комната была заперта изнутри, и он не отзывался на просьбы Жозефины впустить ее.

Эта трагическая сцена растянулась на целый день. Жозефина рыдала, стоя на коленях. Бонапарт оставался непреклонен и не открывал ей.

Можно себе представить, сколько она передумала, стоя весь день на коленях перед закрытой дверью. Что с нею будет, если Бонапарт разведется с ней?

Возраст у нее уже не тот, чтобы рассчитывать на новый брак или нового покровителя. Годы наложили отпечаток на ее лицо, на кожу, которую уже не спасали притирания. Фигура, правда, оставалась гибкой и изящной. Креолки, как известно, рано созревают, но и увядают рано.

Ее угнетают и мысли о долгах. Одним только поставщикам она должна была миллион двести тысяч франков. Но это еще не самое страшное — она купила на один миллион сто девяносто пять тысяч франков национального имущества, и две трети этой суммы должна была уплатить она, тогда как остальную треть взяла на себя тетка Дезире, у которой не было ни су. Жозефине ничего не принадлежало — даже дом на улице Победы был куплен на деньги Бонапарта. В ее распоряжении оставались только драгоценности. Конечно, они стоили немало, но при ее расточительности их хватило бы ненадолго.

О душевных метаниях Бонапарта лучше всего свидетельствует его разговор с финансистом Колло, одним из самых богатых поставщиков Итальянской армии. Он состоялся на второй день после приезда Бонапарта в Париж и приведен Бурьеном в его мемуарах.

Бонапарт сообщил Колло о своем решении развестись с Жозефиной. По словам Бурьена, Колло даже подпрыгнул.

— Как? Вы собираетесь оставить свою жену?

— А разве она этого не заслуживает?

— Я не знаю, но сейчас не время думать об этом. Вы должны позаботиться о Франции. Она смотрит на вас. Вы видели, как вас приветствовали французы? И если сейчас вы начнете заниматься семейными дрязгами, ваш авторитет будет бесповоротно потерян. Для людей вы сразу станете обманутым мужем, персонажем из комедий Мольера. Перестаньте думать о разводе. Если вы недовольны своей женой, то займитесь этим потом, когда не будет более важных дел. Вы должны поднять страну. И только после этого можете

найти хоть тысячу причин для удовлетворения своих подозрений. Но сегодня во Франции нет никого, кроме вас, а вы слишком хорошо знаете наши нравы, чтобы позволить смеяться над собой с самого начала.

— Нет. Решено. Больше ее ноги не будет в этом доме. Мне все равно, что будут говорить обо мне. О нас уже и так давно болтают. Среди массы слухов и нагромождения подробностей нашего разрыва никто не заметит. Народ и так достаточно знает и не удивится, если мы разведемся.

— Такая жестокость только доказывает, что вы ее по-прежнему любите. И это, пожалуй, оправдывает вас. Вы должны простить ее и успокоиться.

— Я? Простить ее? Никогда! Если бы я не был так в себе уверен, я бы вырвал свое сердце и бросил его в огонь!

Сыграл этот разговор какую-либо роль в дальнейшем развитии событий, сказать трудно, но, надо думать, аргументы Колло не прошли мимо сознания Бонапарта.

Жозефина рыдает, ее рыдания слышны по всему дому. Она просит, умоляет, вспоминает их любовь, не сомневаясь, что там, в комнате, Бонапарт, раздираемый противоречивыми чувствами, тоже плачет. Наконец горничной Агате, которая тоже плакала на лестнице, пришла в голову спасительная мысль — она послала за детьми Жозефины Евгением и Гортензией, чтобы они приехали и попробовали умиловить своего отчима.

Их мольбы достигли цели — Наполеон открыл дверь, на глазах у него были слезы, он протянул им руки. Он простил Жозефину, причем простил безоговорочно, никогда не возвращался к этому тягостному эпизоду их семейной жизни, не попрекал Жозефину, не мстил ее любовнику.

Жозефина торжествовала победу. Когда утром Люсьен, самый заклятый враг Жозефины, который уговаривал своего старшего брата развестись с ней,

приехал в дом на улице Победы, его провели в спальню Жозефины, где Бонапарт лежал с ней в постели.

Семейству Бонапартов не оставалось ничего другого, кроме как скрепя сердце смириться со своим поражением, но только временно, поскольку они тут же занялись поисками какой-нибудь красотки, которая сможет вытеснить из постели Наполеона и из его сердца эту ненавистную обольстительную креолку.

Казалось бы, мир и согласие в семье Бонапарта и Жозефины восстановлен. Но за фасадом семейного благополучия происходили серьезные перемены. Наполеон по-прежнему любил Жозефину, с превеликим удовольствием занимался с ней любовью, нуждался в ее ласках, в ее нежности, в ее заботе о нем, но былая неистовая, пылкая влюбленность, граничившая с идолопоклонством, ушла. Он больше не ощущал себя провинциалом, благодетельствованным снисходительной и влиятельной дамой, которой он был обязан покровительством могущественного директора Барраса.

Еще более заметно изменилось отношение Жозефины к мужу. Если раньше она была к нему только снисходительна, не принимала его уж очень всерьез и вообще не была до конца уверена в том, правильно ли она поступила, согласившись выйти за него замуж, то за те долгие часы, которые она провела на коленях у запертых дверей его кабинета, Жозефина многое передумала. Она представила себе, что будет, если Бонапарт разведется с ней. Она прекрасно понимала, что если о старости говорить еще рановато, то молодость, свежесть уже ушли — она отчетливо видела это, глядя по утрам в зеркало и пересчитывая новые морщинки вокруг глаз. Рассчитывать на то, что она найдет нового могущественного и богатого любовника-покровителя, ей уже трудно. Все имущество — дом на улице Победы, имение Мальмезон, мебель — было записано на Бонапарта, и в случае развода она останется нищей. Ее драгоценностей надолго не хватит.

Конечно, она может выйти замуж за Ипполита

Шарля, но, во-первых, он человек небогатый, а во-вторых, не занимает никакого положения. А Жозефина уже привыкла появляться на приемах, обедах и балах в качестве некоронованной королевы, ей было просто необходимо оказывать покровительство разным людям, в том числе и богатым поставщикам армии — без пользы для себя.

Короче говоря, Жозефине стало ясно, что впредь она должна быть Бонапарту любящей и верной женой, помощницей во всех его замыслах.

А замыслы Бонапарта оказались весьма далеко идущими. Он твердо решил осуществить государственный переворот и захватить власть во Франции. Наполеон с чисто итальянской изворотливостью хитрит, интригует, вербует в свои сторонники одних, старается нейтрализовать других. Впоследствии он будет рассказывать мадам де Ремюза: «Директорию испугало мое возвращение. За мной усиленно наблюдали. Это один из периодов моей жизни, когда я был особенно ловок. Я встречался с аббатом Сьейесом и обещал ему осуществить его многословную конституцию; я принимал руководителей якобинцев, агентов Бурбонов; я не отказывал в советах никому, но давал их только исходя из своих планов».

В этой потаенной деятельности Бонапарта активное участие принимала Жозефина. Она оказалась весьма полезной своему мужу. Жозефина пускает в ход все свои светские связи, очаровывает мужчин, завлекает тех, кого Наполеон еще не успел привлечь на свою сторону. В ее гостиной полно людей, безмятежная и грациозная мадам Бонапарт разливает чай и болтает о всяких пустяках — о модах, о лошадях. Но эта гостиная служит только преддверием к маленькому кабинету Бонапарта в задней части дома, где он по одному принимает генералов, банкиров, депутатов, прощупывая, как они будут вести себя в день переворота. Особое внимание Жозефина по поручению мужа уделяет своему поклоннику Гойе.

Бонапарт отводил Гойе особое место в перевороте. На Святой Елене Наполеон будет вспоминать: «Гойе, этот бонвиван, часто приходил ко мне. Я знаю, что он ухаживал за Жозефиной. Каждый день в четыре часа дня он приезжал к нам... Я хотел, чтобы Жозефина любым способом уговорила его прийти к восьми часам утра. Я заставил бы его, хотел он того или нет, присоединиться ко мне. Он был председателем Директории, и его участие многого стоило».

Но в тот день Гойе не поехал к Бонапартам, а послал к ним свою жену. Та поняла, что здесь готовится западня, и послала мужу записку, чтобы он не приезжал. О том, насколько Жозефина была в курсе замыслов Бонапарта, свидетельствуют ее слова, сказанные мадам Гойе: «По всему тому, что вы видите, мадам, вы должны догадаться о том, что должно неизбежно произойти. Не могу выразить, насколько мне жаль, что Гойе не ответил на мое приглашение. Ведь оно согласовано с Бонапартом, который желает, чтобы председатель Директории стал одним из членов правительства, которое он предлагает создать».

Один из свидетелей тех событий, Филип де Сегюр, утверждает, что Жозефина была посвящена во все детали заговора. «Ее рассудительность, ее изящество, манеры, самообладание, ее остроумие сослужили хорошую службу. Она оправдала возродившуюся веру Бонапарта в нее».

День 18 брюмера стал примечательной датой в истории Франции, да и всей Европы, и заслуживает того, чтобы о нем было рассказано подробнее.

Все началось 9 ноября 1799 года. В половине седьмого утра было еще темно. Вскоре двор и сад, а потом и дом оказались заполнены офицерами, прибывшими по вызову Бонапарта. Жозефина, как гостеприимная хозяйка, встречала приезжавших в дверях. Бонапарт, «мрачный, как в утро перед сражением», уводил некоторых визитеров из числа колеблющихся в свой маленький кабинет и обрабатывал их там. Иногда он

выходил во двор, засыпанный первым снегом, брал кого-нибудь из офицеров под руку и прогуливался с ним. Приехал Бернадотт с Жозефом Бонапартом, причем в гражданском платье. В кабинете Бонапарта произошла бурная сцена. «Вы не в мундире, Бернадотт, — упрекнул его Бонапарт. «Я одеваюсь так всегда, когда я не при исполнении служебных обязанностей». — «Вскоре вы будете выполнять свой долг». — «Я не приму участия в восстании», — заявил Бернадотт. Бонапарт испробовал все — и лесть, и угрозы, убеждая Бернадотта, что его единственное намерение после того, как он «спасет Республику», это уехать в Мальмезон и жить там в уединении, но все, чего он добился от Бернадотта, это обещание соблюдать нейтралитет в предстоящих событиях.

Но один человек, от которого очень многое зависело в этот день, еще не приехал. Бонапарт твердо решил, что Гойе, председатель Директории, должен войти в новое правительство. Столь же важным было участие генерала Лефевра.

Франсуа Лефебр, военный губернатор Парижа, был грубоватым солдатом и убежденным республиканцем, привыкшим говорить правду в лицо. Когда Бонапарт завел его в свой кабинет, подарил ему свою шпагу, сказав: «Она была со мной в Битве при пирамидах», — и призвал его помочь в спасении Республики, Лефебр задал ему один лишь вопрос: «А Баррас?». «Баррас с нами», — слегка покривил душой Бонапарт. Генерал Лефебр выбежал во двор с криком: «Вышвырнем этих мерзавцев-адвокатов в реку!» Таким образом, все войска, находившиеся в Париже, оказались в распоряжении Бонапарта, оставалась неясной только позиция гвардии Директории.

Маневр с Гойе оказался не столь удачным. Напрасно Жозефина убеждала мадам Гойе, что присутствие здесь директора чрезвычайно важно, что она уполномочена передать предложение своего мужа, генерала Бонапарта, чтобы председатель Директории добро-

вольно подал в отставку, с тем чтобы стать членом нового правительства, которое создаст Бонапарт.

Стрелки на часах показывали уже восемь, а из дворца Тюильри не поступали главные новости — Совет старейшин заседал уже целый час, а сообщения о решении назначить Бонапарта командующим военными силами столицы так и не было.

Наконец в половине девятого из Совета старейшин прибыл курьер с указом. В указе говорилось, что обе палаты перебираются во дворец в Сен-Клу. Генерал Бонапарт, на которого возложена ответственность за их безопасность, назначается командующим всеми военными силами Парижа.

Бонапарт унес этот указ к себе в кабинет и подправил текст так, что и гвардия Директории тоже оказывалась под его командованием. С этой бумагой в руках он вышел к собравшимся во дворе офицерам. Генерал Лефебр стоял рядом с ним, как бы удостоверяя законность всего происходящего. Бонапарт зачитал отредактированный им указ Совета старейшин, офицеры приветствовали его криками и салтовали шлягами.

Перед тем как уехать, Бонапарт забежал в дом и крикнул Жозефине: «Гойе так и не приехал, тем хуже для него!» — вскочил на своего вороного коня и возглавил кавалькаду, направившуюся в сторону Тюильри. Из-за туч выглянуло бледное ноябрьское солнце, под лучами которого засверкали эполеты и золотое шитье мундиров. Один только Бонапарт ехал в своем простом сером мундире и слишком большой шляпе.

Части генерала Себастьяни уже были на месте, окружив площадь Революции, сады Тюильри и дворец, где заседал Совет старейшин. Когда Бонапарт вошел в зал в сопровождении дюжины генералов, он понял, что присутствующие охвачены беспокойством. Все были взволнованы тем, что армейские части окружили Тюильри, тем, что многие их коллеги не присутствуют

на заседании, наконец, тем, что вызов на столь раннее заседание не был подписан ни одним из директоров.

Незадолго до этого, в 7 часов утра, председатель комиссии инспекторов открыл заседание. В своей речи он намекнул на некую опасность, на тайные интриги, которые тянутся из-за границы, и призвал старейшин вручить военную власть генералу Бонапарту, «прославленному воину, который отказался от своих наград из приверженности Республике». Указ был поспешно принят, и, кроме того, Совет старейшин по непонятным причинам согласился провести следующее заседание в Сен-Клу.

Примечательно, как вели себя пять директоров. Как только Съейес узнал, что Бонапарт получил указ Совета старейшин, он послал приказ гвардии Директории сопровождать его в Тюильри, но обнаружил, что великолепного проезда в сопровождении эскорта по улицам Парижа не будет, поскольку гвардия теперь подчинялась Бонапарту.

Гойе, после того как его жена вернулась с улицы Победы, узнал, что его коллеги, директора Съейес и Роже Дюко, покинули Люксембургский дворец и вместе с Жаном Муленом отправились в Тюильри.

А Бонапарт тем временем столкнулся с неожиданным затруднением. Выяснилось, что указ старейшин о назначении его командующим военными силами Парижа приобретет силу закона, только когда его подпишет председатель Директории. Бонапарт пребывал в ярости, когда в Тюильри появился Гойе. Как только председатель Директории подписал указ старейшин, Бонапарт весьма грубо сообщил ему, что Директории более не существует. «Нет больше Директории? — переспросил Гойе. — Вы ошибаетесь, генерал. И кроме того, не забудьте, что сегодня вы обедаете с председателем Директории».

Разъяренный Бонапарт сказал, что Баррас подал в отставку, хотя о позиции Барраса ему ничего не было

известно, и что сам Гойе, а также Мулен, оставшиеся в меньшинстве, тоже должны немедленно подать в отставку. Но и Гойе, и Мулен отказались. Чтобы изолировать их, Бонапарт распорядился поставить вооруженную охрану у Люксембургского дворца и никого не впускать и не выпускать. К наступлению ночи сержанты уже стояли у всех дверей. Гойе жаловался, что один из них расположился в его спальне.

Иначе складывалась ситуация с Баррасом. Он оставался в своих апартаментах, ожидая приглашения от Бонапарта. Как и большинство членов правительства, он не сомневался ни минуты, что будет играть видную роль в перевороте. Представлялось невероятным, чтобы этот человек, руководивший переворотами 10 термидора, 13 вандемьера, 18 фрюктидора окажется не у власти. Во всяком случае его в этом убеждали Талейран, Сьейес, Бонапарт. В одиннадцать утра Баррас собрался сесть за завтрак, когда к нему приехали Талейран и адмирал Брюи. Они сообщили Баррасу, что четверо директоров подали в отставку (что не соответствовало истине), что Республика в страшной опасности и генерал Бонапарт призван защитить ее. Чтобы предотвратить беспорядки и кровопролитие, Бонапарт вынужден просить Барраса подписать свою отставку. Ему на стол положили бумагу, в которой всячески восхвалялся Бонапарт, и Баррас без всяких разговоров подписал ее. Одна любопытная деталь: Талейрану были выданы два миллиона франков, чтобы подкупить Барраса и получить его согласие на отставку. Но поскольку Баррас и так согласился, эти два миллиона остались в кармане Талейрана. А Баррас немедленно покинул Люксембургский дворец и уехал в свое имение в Гросбуа. Спустя год ему было приказано в двадцать четыре часа покинуть это имение и запрещено появляться в Париже. Предательство Бонапарта, Талейрана и особенно Жозефины, судя по всему, потрясли Барраса.

Теперь оставалось добиться, чтобы обе палаты в Сен-Клу проголосовали за ликвидацию Директории. Открытым оставался вопрос о том, как отреагирует армия, проникнутая республиканскими идеями, на предстоящие события.

Когда Бонапарт поздно вечером приехал на улицу Победы, его ждала Жозефина, изнывающая от желания узнать последние новости. Ее мучили угрызения совести в отношении Гойе. Сам Наполеон впоследствии прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Если бы Гойе приехал в тот день на завтрак, я заставил бы его ехать вместе со мной».

Перед тем как отойти ко сну, Бонапарт сказал Жозефине: «Сегодняшний день прошел хорошо. Посмотрим, что будет завтра», — и положил под подушку два заряженных пистолета. Все еще висело на волоске.

Бурьен, проезжая утром 9 ноября мимо того места на площади Революции, где стояла когда-то гильотина, обернулся к приятелю, сопровождавшему его, и сказал: «Завтра мы будем либо спать в Люксембургском дворце, либо кончим свои жизни здесь».

Талейран, остановившийся в Сен-Клу в доме своей приятельницы, приказал, чтобы карета, запряженная шестеркой лошадей, стояла наготове у дверей — никто не знал, чем кончится этот день.

Фуше тоже постарался обеспечить себя на любой случай. Как впоследствии узнал Наполеон, Фуше готов был арестовать генерала и его сообщников, если переворот не удастся.

10 ноября в доме на улице Победы с раннего утра толпились военные и гражданские участники переворота. Когда Бонапарт собирался уже уезжать, ему подали записку от Жозефины, которая просила его подняться к ней. Генерал был этим доволен. «Я поднимусь наверх, — сказал он, — но этот день не для женщин. Дело гораздо серьезнее».

А в Сен-Клу атмосфера с каждым часом все более накалялась. Старейшины поняли, что их обманули и заманили в ловушку. После долгих споров Совет принял резолюцию, призывавшую к избранию новой Директории.

Узнав об этом, Бонапарт пришел в ярость. В сопровождении нескольких офицеров и Бурьена он ворвался в зал, где заседал Совет пятисот, и произнес там путаную речь, заверяя собравшихся, что «как только опасность минует, я сложу с себя власть». Депутаты стали требовать, чтобы он назвал имена людей, готовивших переворот. Когда крики в зале приняли угрожающий характер, Бонапарт, показав на солдат у дверей, воскликнул, что они защитят его. «Не забывайте, что меня сопровождает бог войны и бог удачи!» В ответ раздались ругательства, депутаты вскакивали на скамейки, переворачивали стулья, некоторые бросились к генералу с криками: «Убирайся вон!», «Убить его!», — а потом кто-то выкрикнул страшные слова: «Объявить его вне закона!» Один из депутатов схватил Бонапарта за воротник и принялся трясти его. Мюрат и Лефебр бросились на выручку Бонапарту, за ними в зал ворвались солдаты. Четверо гренадеров окружили и почти вынесли генерала, который был близок к обмороку, — он всегда панически боялся толпы.

Бонапарт послал Жозефине записку, уведомляя ее, что все идет хорошо. На самом деле все шло совсем не так хорошо и вовсе не так, как он планировал.

Стало ясно, что всякие надежды на чисто парламентский переворот придется оставить.

Теперь все зависело от того, как поведут себя гвардейцы Директории, как они отреагируют на крики депутатов «объявить его вне закона!»

Спас положение Люсьен Бонапарт. Он покинул бурное заседание Совета пятисот и, не снимая с себя красной тоги, вскочил на коня, собрал солдат во дворе и приказал гвардейцам арестовать депутатов: «Наверное, эти мерзавцы подкуплены англичанами!»

Раздался бой барабанов, и солдаты с ружьями наперевес стали теснить протестующих депутатов. Генерал Леклерк приказал депутатам разойтись. Когда же они отказались, Мюрат скомандовал своим войскам: «Выбросьте отсюда этих людей!» Вскоре зал опустел, депутаты, путаясь в своих тогах, выпрыгивали из окон и исчезали в тумане. На следующий день их красные тоги были обнаружены висящими на деревьях или валяющимися на земле.

И опять выручил Люсьен. Понимая, что необходимо соблюсти хотя бы видимость законности, он приказал солдатам собрать оставшихся депутатов Совета пятисот. Солдаты нашли около пятидесяти промокших и дрожащих депутатов, вытащили их из парка, где они прятались, и из близлежащих винных лавок. В два часа ночи при мерцающем свете нескольких свечей среди перевернутых скамеек эти пятьдесят депутатов вместе с оставшимися членами Совета старейшин объявили конец Директории и принесли клятву верности триумvirату из трех временных консулов — Бонапарту, Сьейесу и Дюко.

Дело было сделано. Талейран отправился ужинать, Мюрат послал весточку о перевороте Каролине Бонапарт в пансион мадам Кампан, а Бенжамен Констан — последнее сообщение Жермене де Сталь в шведское посольство.

Жозефина пребывала в ужасе, до нее дошли слухи, что генерал Бонапарт убит. Но вот прибыл гонец, который доложил ей, что «генерал спас Республику, а дух Республики спас генерала».

Великий мастер дезинформации, Бонапарт продиктовал прокламацию, в которой безобразная сцена драки в Сен-Клу преподносилась следующим образом: «Двадцать вооруженных убийц набросились на меня, целясь своими кинжалами мне в сердце».

Бонапарт и Бурьен выехали в Париж только в три часа ночи. Когда они подъехали к дому на улице Победы, Бонапарт спросил Бурьена: «Я сегодня наго-

ворил много глупостей?» — «Очень много, генерал», — ответил Бурьен.

Жозефина бросилась навстречу мужу и засыпала его вопросами. Он рассказал ей о некоторых эпизодах прошедшего дня, а она спросила его о Гойе. «Моя дорогая, — ответил Бонапарт, — он дурак, он ничего не понял. Вероятно, мне придется его выслать». Бурьену он бросил знаменательную фразу: «Спокойной ночи, Бурьен, и, кстати, завтра мы будем спать в Люксембургском дворце».

На следующий день в десять часов утра чета Бонапартов покинула дом на улице Победы, чтобы не возвращаться туда никогда. Прелестные безделушки Жозефины, ее гардеробную всю в зеркалах, расписанную птицами и бабочками, элегантную современную мебель — все пришлось оставить и сменить на скромные апартаменты в Люксембургском дворце, которые ранее занимал Гойе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой речь пойдет о первых годах
консульства и о великой итальянской пе-
вице Грассини*

Итак, государственный переворот 18 брюмера был осуществлен. Директория ликвидирована, власть перешла в руки трех консулов. Теперь нужно было разработать новую конституцию, добиться, чтобы она была принята, и тогда приступить к осуществлению огромной программы государственных преобразований, идеи которых родились в голове консула Наполеона Бонапарта.

Прежде всего нужно было разобраться с консулом Сьейесом, который мнил себя главным в этой троице; консул Роже Дюко в счет не шел, он был явным ничтожеством.

Сьейес был сильным противником, опытным интриганом. Когда началась Революция, он отказался от своего духовного сана, стал одним из вдохновителей созыва Генеральных Штатов, членом Конвента, соавтором Декларации прав человека. Он пользовался славой великого знатока конституционного права. Он последовательно предавал сначала Дантона, потом Робеспьера, ему принадлежит знаменитый ответ на вопрос, что он делал во времена Террора: «Я выжил».

Бывший аббат чувствовал себя, как рыба в воде, в атмосфере заговоров и интриг. Как и большинство тех, кто голосовал за казнь Людовика XVI, он хотел сильного правительства, которое закрепит завоевания Революции и не допустит реставрации монархии.

Сьейес был идейным руководителем заговора с целью государственного переворота, он планировал убрать трех директоров, временно оставить Барраса и найти подходящего человека, который возьмет на себя командование внутренними войсками и с которым после переворота можно будет не считаться. На эту роль он избрал Бонапарта.

Союзниками Сьейеса в этом заговоре были Талейран, Фуше и Люсьен Бонапарт. Отношения Сьейеса с Баррасом были непростыми, он презирал своего коллегу директора, но в данный момент нуждался в нем. Баррас же только презирал толстого и трусливого бывшего аббата: Сьейес, боясь, что его убьют, ночевал в чулане около своей спальни в Люксембургском дворце. Кроме того, виконт Баррас не забыл, что это Сьейес после фрюктидора предложил, чтобы аристократы считались иностранцами и были исключены из политической жизни. Хотя это предложение сопровождалось обещанием сделать исключение для директоров и генералов, оказавших услуги Революции, Баррас тем не менее чувствовал себя неуверенно.

В начале октября все было готово для переворота Сьейеса, за исключением генерала на роль командующего внутренними войсками. Сначала Сьейес рассчитывал на генерала Жобера, чьи политические взгляды были ему известны. Но генерал Жобер погиб на итальянском фронте, и ставка была сделана на генерала Макдональда, но тот отказался участвовать в заговоре. Следующим кандидатом стал одержавший ряд побед над австрийцами генерал Моро, но он колебался.

14 октября Сьейес сидел в своем кабинете в Люксембургском дворце, поджидая Моро. Генерал утром этого дня вернулся из Италии, и Сьейес надеялся побороть его нерешительность. Именно в тот момент, когда в кабинет вошел Моро, прибыл курьер с известием, что Бонапарт высадился на южном побережье Франции и находится на пути в Париж. «Вот ваш человек. Он будет полезнее для вашего переворота, чем я», — сказал Моро.

Но вот переворот совершился, Директория уступила место триумvirату временных консулов, которым предстояло выработать новую конституцию.

Бонапарт с его кипучей энергией не хотел терять ни одного часа. Уже 11 ноября в двенадцать часов дня трое временных консулов встретились в Люксембургском дворце. Некоторые министры принесли присягу: Фуше — как министр полиции, Талейран — как министр иностранных дел. Назначая Мартина Годэна министром финансов, Бонапарт приказал ему в ближайшие два часа взять казначейство в свои руки и каждый вечер докладывать лично ему о состоянии финансов.

В последующие пять недель комиссия собиралась ежедневно в кабинете Бонапарта. Бонапарт с трудом терпел бесконечные рассуждения Сьейеса о предполагаемой конституции, которую бывший аббат разрабатывал уже давно. Бонапарт кусал от нетерпения ногти, изрезал подлокотник своего кресла перочинным ножом, убегал на несколько минут наверх в апартаменты Жозефины, чтобы дать выход своему раздражению.

В конце концов, в декабре Бонапарт пригласил всех членов комиссии, чтобы прочитать им свой проект конституции, который не имел ничего общего с первоначальным документом Сьейеса. Как он выразился однажды, конституция должна быть «краткой и туманной».

Единственная статья конституции, сформулированная предельно ясно, гласила: «Жалованье первого консула устанавливается в размере пятисот тысяч франков в год. Жалованье двух других консулов равно трем десятым жалованья первого». Сразу стало ясно, кто будет первым консулом. Конституция назначала — случай беспрецедентный — первым консулом гражданина Бонапарта, вторым и третьим консулами назначались граждане Камбасерес и Лебрен. Первый консул назначался сроком на десять лет. Второй и третий — сроком на шесть лет.

Бонапарт перехитрил Сьейеса, который намеревался сам стать первым консулом. Правда, Бонапарт не хотел приобретать в лице Сьейеса врага и предоставил ему высокооплачиваемую должность председателя Сената.

Бонапарт достиг своей цели — он получил полную и неограниченную власть над Францией. Теперь перед ним стояла титаническая задача реорганизации центрального правительства и местных мэрий.

Каждое утро в восемь часов Бонапарт покидал спальню Жозефины и счастливый, как никогда, поспысивая, одевался и с трудом мог дожидаться того момента, когда окажется в своем кабинете на нижнем этаже, чтобы наброситься на груды ожидавших его дел.

Весь его политический гений, незаурядные организаторские способности и потрясающая память были направлены на наведение в стране порядка. А это была задача невероятной трудности — война продолжалась, в стране царил хаос, повстанцы в Вандее снова взялись за оружие, казначейство было пусто. И вот перед лицом этих небывалых трудностей Бонапарт проявил свою потрясающую способность концентрироваться на одном каком-то деле. «Я никогда не видел, чтобы он отвлекался от одного дела на другое, — писал один из его сподвижников. — Никогда еще не было человека, который бы так погружался в самое необходимое».

Он работал в своем кабинете по восемнадцать — двадцать часов в сутки, урывая редкие минуты, чтобы взбежать наверх по лестнице и поговорить с Жозефиной.

Бонапарт и Жозефина прожили в Люксембургском дворце всего сто дней. Все это время они жили в апартаментах бывшего председателя Директории Гойе. Наверное, в эти дни Жозефина не раз вспоминала своего поклонника, уклонившегося от участия в государственном перевороте 18 брюмера. Кстати сказать, Гойе и в дальнейшем проявлял характер и упорство, от-

казываясь просить первого консула о каком-нибудь назначении. И только по истечении двух лет обстоятельства заставили Гойе обратиться к Бонапарту с такой просьбой. Жезефина просила за него своего мужа, и Гойе получил должность генерального комиссара в Амстердаме, где ему так понравилось, что он прожил там десять лет и жил бы и дальше, если бы эта должность не была ликвидирована в 1820 году.

Прошло сто дней с тех пор, как чета Бонапартов поселилась в Люксембургском дворце, и парижане прочитали в газетах, что первый консул поручил Давиду, известному художнику, установить в галерее Тюильри бюст Юния Брута, который в числе других сокровищ был вывезен из Рима. Понятливые парижане тут же догадались, что первый консул решил переехать во дворец Тюильри, резиденцию бывших французских королей.

В годы якобинского террора в этом дворце в апартаментах королевы Марии Антуанетты заседал наводивший ужас Комитет общественной безопасности. В саду, куда выходили окна этих апартаментов, комитетчики распорядились посадить деревья свободы. Теперь Бонапарт приказал их вырубить. Этот неистовый в прошлом республиканец распорядился также уничтожить фригийские колпаки и другие революционные символы, сказав при этом: «Убрать всю эту дрянь!»

Утром 10 февраля длинная вереница карет потянулась по улицам Парижа. Во главе ехала Жозефина, за ней консулы в сопровождении кавалерийского эскорта, потом члены Государственного совета. На эту процессию потребовалось такое количество карет, что пришлось брать наемные экипажи.

Карета консулов остановилась у въезда во дворец Тюильри со стороны Сены, там, где расположен Павильон цветов. Вспоминал ли в эти минуты первый консул, как всего четыре года назад он, безвестный капитан Бонапарт, в поношенном мундире и разваливающихся сапогах, каждое утро входил в эту дверь

и поднимался в помещение Топографического бюро Комитета общественной безопасности, куда его порекомендовал член Директории Поль Баррас?

В это утро Бонапарт принял перед дворцом Тюильри первый военный парад, которые потом станут регулярными. Затем отправился осматривать свои апартаменты. Следует отметить, что Наполеон вполне трезво смотрел в будущее. «Дело не столько в том, чтобы въехать сюда, — сказал он Бурьену. — Проблема в том, чтобы остаться здесь. — И, помолчав добавил: — Я видел, как брали штурмом Тюильри и как схватили этого доброго Людовика XVI, но я-то останусь здесь навсегда». Станным кажется в устах этого пламенного когда-то республиканца эпитет в отношении Людовика — «добрый». Пройдет не так много времени, и император Наполеон будет делать вид, что он законный наследник казненного короля.

Первый консул хотя и обосновался в апартаментах Людовика XVI, где ему была приготовлена королевская кровать, но ночевал он обычно в спальне Жозефины, где стояла кровать Марии Антуанетты. Надо заметить, что это обстоятельство сильно смущало Жозефину. Она жаловалась своей дочери Гортензии: «Я не создана для такого величия. Я никогда не буду здесь счастлива. Я чувствую, как призрак королевы вопрошает меня, что я делаю в ее постели».

Бонапарта же это отнюдь не смущало. В первую же ночь, когда они оказались вдвоем в Тюильри, он взял Жозефину на руки и понес в спальню, приговаривая: «Пойдем, маленькая креолка, полежим в постели твоих государей».

Первые два года Консульства остались в памяти Жозефины и Наполеона как самые счастливые годы их жизни. Жозефина вела себя как преданная и любящая жена. Благодарная мужу за то, что он простил ее и никогда не вспоминал о ее измене, она была пылкой любовницей, заботливой и нежной супругой, всегда готовой выслушивать бесконечные монологи Наполе-

она, которого обуревали грандиозные планы преобразования Франции, которому кружили голову самые честолюбивые замыслы.

Конечно, то обстоятельство, что Жозефина оказалась в роли первой дамы Франции, супруги первого консула, фактического правителя страны, значительно изменило ее образ жизни. Бонапарт начал вводить жесткий режим в своем дворце. Жозефина должна была теперь жить по строгому регламенту, установленному мужем. Днем она вместе с дочерью Гортензией занималась благотворительными делами, после обеда играла в карты с двумя другими консулами.

Посетители к Жозефине теперь допускались только по специальным пропускам, которые подписывал Бурьен, следуя распоряжениям Бонапарта. Первыми жертвами этого нового распорядка оказались ближайшие подруги Жозефины, которые еще недавно блистали вместе с ней в Люксембургском дворце, в «Хижине», на балах и званых обедах, в том числе и Терезия Тальен.

Бонапарт запретил появляться в его дворце женщинам, у которых была не совсем безупречная репутация. Он не мог забыть о том, каким огромным влиянием пользовались эти дамы — однажды, когда при нем кто-то упомянул об этих некоронованных законодательницах как в политике, так и в модах на дамские туалеты, он вспыхнул: «Мною не будут управлять шлюхи!» Он, в частности, объявил, что намерен не только объединить французскую нацию, но и возродить старинные семейные традиции, запретил дамам носить «прозрачные вызывающие одежды».

Теперь Жозефина появлялась вместе с мужем в театре в простом белом платье, без всяких драгоценностей, с одной только античной камеей на шее. Те времена, когда одна из подруг Жозефины сидела в ложе театра, обнаженная чуть не по пояс и усыпанная бриллиантами, ушли навсегда.

Отдыхала душой Жозефина в своем любимом Ма-

льмезоне, куда добраться из Парижа в легком экипаже можно было всего за час. Жозефина использовала каждую возможность, чтобы уехать туда.

Поначалу Мальмезон представлял собой обыкновенный сельский дом, где были неудобные и холодные спальни на третьем этаже, с небольшим участком земли. Теперь дом срочно перестраивали. Три маленькие комнаты на первом этаже были переделаны в зал заседаний правительства, члены которого приезжали в Мальмезон два раза в неделю. Украшением зала служили походная палатка генерала Бонапарта и различные военные эмблемы. Здесь же стоял стол, за которым работал первый консул. На столе красовалась модель парусника, на котором Бонапарт год назад бежал из Египта.

Модные декораторы развешивали в Мальмезоне бесценные работы великих художников Возрождения и расставляли мрамор и бронзу — все это было вывезено Бонапартом из Италии. Художнику Луи Жироде Наполеон заказал фрески на сюжеты поэм любимого им Оссиана, кельтского барда, придуманного мистификатором Макферсоном.

В глубине души Бонапарт был мелким корсиканским землевладельцем и потому скупил пять тысяч акров прилегающих к Мальмезону земель — леса, поля и виноградники. Возле дома построили конюшни, завели коров, овец, свиней и кур.

Жозефина с увлечением принялась за строительство оранжерей, где выращивала диковинные цветы, ранее неизвестные во Франции, — камелии, флоксы, мартиникский жасмин и многие другие. Она выписывала любимые ею гвоздики и луковицы голландских тюльпанов. При этом не забывала рассказывать своим гостям, что три цветка напоминают о военных победах Бонапарта: лилии с берегов Нила, фиалки из Пармы и розы из Египта.

К одной из оранжерей Мальмезона была пристроена ротонда, в которой среди цветущих кустов устраи-

вали обеды, играли в шарады и в бильярд, ставили домашние спектакли.

Конечно, все это стоило бешеных денег. Но Жозефина всю свою жизнь тратила деньги не считая. Как раз тогда Талейран сказал Бонапарту, что по Парижу ходят слухи о колоссальных долгах его жены. Наполеон тут же приказал Бурьену выяснить у Жозефины сумму ее долга и показать ему все ее счета. «Я не могу сделать этого, Бурьен, — призналась Жозефина. — Я знаю, каким он бывает неистовым, и боюсь его гнева». Сумма долгов столь велика, сказала Жозефина, что она может признаться только в половине долга — в шестистах тысячах франков. Напрасно Бурьен убеждал ее, что сумма в шестьсот тысяч разъярит Наполеона ничуть не меньше, чем в миллион двести тысяч. Однако Жозефина настояла на своем, и Бурьен предоставил Бонапарту счета на сумму в шестьсот тысяч франков. Эти двое мужчин — Наполеон и Бурьен — никак не могли взять в толк некоторые вещи, например зачем Жозефине за один летний месяц, когда Бонапарт был в Египте, а она поселилась в Мальмезоне, заказывать тридцать восемь шляп? Бонапарт приказал Бурьену оплатить половину всех счетов от торговцев и наивно решил, что с этим делом покончено.

Наполеон любил работать на свежем воздухе, и летом в саду устанавливали маленькую палатку, в которой ставили стол и стул. Наполеон говорил, что на природе «рождаются более великие идеи».

Да, Жозефина в первые два года Консульства была действительно счастлива. Тот кошмарный день, когда она стояла на коленях перед закрытой дверью, вымаливая у Бонапарта прощение, ушел в прошлое, а муки ревности, которые ей предстояло испытать, терзания, вызванные тем, что она не может от него зачать, угроза развода — все это было еще впереди, она обо всем этом еще не подозревала и наслаждалась тихими радостями семейной жизни.

А вот Бонапарт, излучавший, казалось бы, уверенность в себе, на самом деле был далеко не так спокоен за свое будущее. Он прекрасно знал, что его враги — и роялисты, и якобинцы, и отстраненные им сообщники по перевороту 18 брюмера — все спят и видят, как бы лишить его власти. Недаром он сказал Бурьену: «Моя власть зависит от моей славы, а моя слава зависит от моих побед». Надо было начинать новую военную кампанию, одерживать новые победы.

Франция по-прежнему находилась в состоянии войны с Австрией, Россией и Англией. Бонапарту нужна была хотя бы одна, но эффектная победа. И он задумал неожиданный ход — ударить по австрийским войскам, которые осаждали Геную, и вырвать запертую там французскую армию.

План этой операции Наполеон, как всегда, разрабатывал в глубокой тайне. По его словам, задуманный им план «требовал для своего осуществления быстроты, полной секретности и большой смелости».

Бонапарту и его сподвижникам удалось подготовить армию так, что противник и не подозревал об этом. Бонапарт нашел неожиданное решение — он формировал отдельные части армии в разных местах, что не вызывало подозрений у шпионов. Потом в назначенный день и в назначенном месте на границе со Швейцарией эти части должны были соединиться.

Оставались два других условия задуманной операции — быстрота и большая смелость. Бонапарт, конечно, мог повторить стратегический план кампании 1796 года и двинуть свою армию по тому же альпийскому Карнизу, но интуиция подсказывала ему, что надо искать новое, неожиданное решение. И он его нашел — повел свою армию через альпийские перевалы Сен-Бернар и Сен-Готард, расположенные на высоте более двух тысяч метров. Задача осложнялась тем, что в мае эти перевалы покрыты снегом и надо было поднимать тяжелые пушки на такую высоту и потом спускать их, увязая в снегу.

Бонапарт шел пешком впереди войск и только иногда садился верхом на мула.

Он уехал из Парижа 6 мая, в полной тайне, предупредив Жозефину, чтобы она никому не говорила, куда он отправился. Он уезжал тайком с тем расчетом, чтобы оставить своим врагам меньше времени на организацию заговоров. Он знал, как только в Париже станет известно, что он уехал, начнется суэта и паника.

Так и случилось. Дворец Тюильри стал центром пораженческих настроений и интриг, все гадали, кто станет наследником Бонапарта, если он потерпит поражение или погибнет в бою. Заговоры устраивали все — якобинцы, бывшие термидорианцы, роялисты. Съез со своей конституцией, Фуше, значительная часть участников переворота 18 брюмера. Каждая партия имела свой список нового правительства и своих кандидатов на пост первого консула. Называли Лафайета, Карно, Бернадота и герцога Орлеанского, Жозефина осталась совершенно одинокой в этой атмосфере интриг и недоброжелательства. Ее просто сбросили с счетов.

Однако ее муж генерал Бонапарт, как и в былые времена, слал ей с каждым курьером письма. Они уже не были такими страстными, как раньше, но по-прежнему, полны нежности. 15 мая он писал ей из Швейцарии: «От тебя нет писем... тысячи нежных мыслей о тебе, моя маленькая, сладкая». В следующем письме сообщал, что через двенадцать дней она сможет присоединиться к нему.

Любопытно, что в этот же день он отдает приказ, чтобы все женщины, следующие за войсками, вернулись в Париж. На их просьбу разрешить им сопровождать мужей и возлюбленных Бонапарт наложил свою резолюцию: «Вот пример, которому все должны следовать: гражданка Бонапарт остается в Париже». Всю следующую неделю он не получал от нее писем, но написал ей, что «надеется через десять дней оказаться в объятиях моей Жозефины».

Враги Бонапарта в Париже вовсю интриговали, рассчитывая, что он потерпит поражение и они никогда уже не увидят его в столице Франции. А Бонапарт тем временем обрушился с альпийских высот на австрийцев, его армия хлынула в Ломбардию, выйдя в тыл австрийским войскам и разгромила их. Уже 2 июня генерал Бонапарт во главе своих солдат вступил в Милан.

На следующий день завоеватель Ломбардии сидел в залитой светом зале оперного театра «Ла Скала» и рукоплескал чарующему голосу миланской примадонны Грассини. Он пожинал плоды своей победы. Самым сладким плодом стала Джузеппина Грассини.

Утром после торжественного концерта в «Ла Скала» Бурьен, следуя инструкции своего хозяина будить его только в случае дурных известий (хорошие новости могут подождать до утра, говаривал Бонапарт), вошел в спальню генерала с известием, что генерал Массена, командующий французскими войсками, запертыми австрийцами в Генуе, вынужден капитулировать, хотя и на весьма почетных условиях. В постели первого консула он застал мадам Грассини.

Надо отметить, что четыре года назад во время первого пребывания Бонапарта в Милане Джузеппина Грассини пыталась атаковать покорителя Италии, она явно ставила своей задачей соблазнить генерала и занять место Жозефины. Но тогда все ее старания не увенчались успехом — Наполеон был способен думать только о своей жене, не мог дожидаться ее приезда, чуть ли не ежедневно писал ей любовные письма. Он восхищался талантом Грассини, ее потрясающим голосом — голос действительно был божественный. Бонапарт вообще был очень чувствителен к женским голосам — голос Жозефины, например, действовал на него совершенно безотказно. Пение Грассини он мог слушать часами, но не более того. Не следует, между прочим, забывать, что, помимо голоса, Джузеппина Грассини обладала незаурядной красотой.

Теперь же она не преминула кокетливо напомнить Бонапарту, что четыре года назад, когда вся Италия была у ее ног, «я была в расцвете красоты и таланта, зажигала все сердца», — только он один остался холоден. «А теперь я не стою вас», — добавила певица, намекая, что ей уже двадцать семь лет.

Конечно, эти четыре года не прошли для нее бесследно. Она несколько пополнила, черты лица чуть-чуть поглубели. Но красота осталась. Джузеппина обладала типичной внешностью итальянок — огненные глаза, смуглая кожа, роскошные вьющиеся волосы. У нее было множество любовников, но как правило все эти связи оказывались быстротечными. Она славилась своим остроумием, любила крепкие выражения и соленые словечки.

Утром завтракали втроем — Бонапарт, Грассини и командующий итальянской армией генерал Бертье. За завтраком Бонапарт объявил, что Джузеппина лучший из трофеев, завоеванных им в Италии, что он хочет, чтобы ее голос славил его победы, что ей следует поехать в Париж и на празднике в День согласия 14 июля петь вместе с тенором Бианки. Договорились, что Грассини выедет в Париж раньше Первого консула. Министру внутренних дел тут же было направлено предписание безотлагательно заказать на тему «освобождение Цизальпинской Галлии и славы нашего оружия хорошую пьесу на итальянском языке с хорошей музыкой».

Казалось бы, все идет прекрасно, но опыт и чутье подсказывали Бонапарту, что главное сражение с австрийцами впереди. И действительно, 14 июня 1800 года у селения Маренго в Северной Италии австрийцы атаковали войска Бонапарта превосходящими силами. Австрийский командующий Мелас располагал сорока пятью тысячами солдат против двадцати трех тысяч солдат Бонапарта. Австрийская артиллерия во много раз превосходила французскую.

Сражение было кровопролитным. К середине дня

стало ясно, что французская армия терпит поражение. Бонапарт поставил на карту свое будущее и почти проиграл.

Но тут случилось нечто невероятное. Звезда удачи не подвела Бонапарта. Генерал Дезе, которого Бонапарт накануне сражения отправил с его дивизией по дороге в Нови с заданием отрезать путь австрийскому командующему Меласу, если тот будет отступать по этой дороге, услышал грохот пушек и повернул дивизию назад к Маренго.

Австрийский главнокомандующий, преисполненный гордости — как же, ему удалось то, что не удавалось ни одному австрийскому военачальнику — одержать победу над непобедимым Бонапартом! — уже разослал курьеров с известием, что сражение им выиграно и генерал Бонапарт разбит. Он был настолько уверен в итоге сражения, что уехал, приказав генералу Заху преследовать отступающую французскую армию.

И в этот момент подоспела свежая дивизия генерала Дезе. Как писали очевидцы, генерал Дезе, увидев поле боя, вынул часы, посмотрел на циферблат и хладнокровно сказал: «Первое сражение проиграно. Но еще есть время выиграть второе».

Солдаты генерала Дезе обрушились на оставшуюся без прикрытия австрийскую армию. Бонапарт, который до этого момента находился как бы в оцепенении, пришел в себя и начал командовать сражением. Такого поворота событий австрийцы не ожидали, после недолгого сопротивления ими овладела паника, и они обратились в бегство. В итоге сражения под Маренго австрийская армия потеряла шесть тысяч убитыми и ранеными, более семи тысяч солдат было взято в плен. Разгром был полный. Австрийцы запросили перемирия.

20 июня Жозефина устраивала прием для дипломатического корпуса членов правительства. Во время приема ей сообщили, что до Парижа дошли слухи о том, будто французская армия разбита, а генерал

Бонапарт убит. Все присутствовавшие на приеме уже слышали эту новость и с любопытством следили за тем, как поведет себя Жозефина. И она продемонстрировала свой характер, доказала, что является достойной супругой Первого консула, властителя Франции. Она продолжала высоко держать голову, делая вид, что ничего не произошло.

Прием уже заканчивался, когда неожиданно в зал ворвался курьер. Пройдя через весь зал, он торжественно положил к ногам Жозефины два изрешеченных пулями австрийских знамени. Все узнали, что генерал Дезе своим вмешательством спас славу французской армии и Первого консула Бонапарта, превратив поражение в блестящую победу.

Тем временем отношения Бонапарта с Джузеппиной Грассини продолжались. Ее приезд в Париж Наполеон хотел обставить так, чтобы не вызвать подозрений и ревности со стороны Жозефины. «В Бюллетене Итальянской армии» поместили — явно с той целью, чтобы увидела Жозефина, — такую информацию: «Главкомандующий и Первый консул присутствовали на концерте, который хотя и был импровизированным, прошел очень удачно. Итальянская музыка всегда имеет прелесть новизны. Знаменитые Биллингтон, Грассини и Маркези, по слухам, направляются в Париж, где выступят с концертами».

Все свободное время в Милане Первый консул проводил в обществе Грассини и наслаждался не только ее пением...

Джузеппина была на седьмом небе от счастья, она уже предвкушала, какую видную политическую роль будет играть во Франции. Она была уверена, что вытеснила из сердца Бонапарта всех других женщин, в том числе и Жозефину. В Париже ее поселили в маленьком домике на улице Шантерен. 14 июля в Соборе Дома инвалидов в присутствии Первого консула и всего официального Парижа Грассини вместе с тенором Бианки спели два дуэта на итальянском языке. Офици-

альная газета «Монитор» писала об их исполнении: «Кто мог прославить Маренго лучше тех, чей покой и благосостояние обеспечивает это событие?»

А вот надеждам Джузеппины на то, что она будет блистать в свете рядом с Первым консулом, не суждено было сбыться. По приказанию Бонапарта ее держали почти что взаперти в доме на улице Шантерен, и ей было запрещено появляться в общественных местах.

Естественно, что Джузеппина, которая никогда не была целомудренной затворницей, заскучала и быстро завела себе любовника. Им стал итальянский скрипач Род.

Бедняге Роду, конечно, льстила любовь такой примадонны, как Грассини, но он буквально трясся от страха, представляя гнев всемогущего Первого консула. Естественно, Бонапарту доложили, что Джузеппина изменяет ему с Родом, и он порвал с ней. Однако, как и в истории с Ипполитом Шарлем, Наполеон не стал мстить своему счастливому сопернику. Более того, он продолжал покровительствовать Грассини и ее любовнику, дважды предоставлял им для концертов зал в Театре Республики.

Грассини вернулась к своему прежнему образу жизни, с успехом выступала в Берлине, Лондоне, Милане, Генуе, Гааге. В 1807 году Наполеон пригласил Грассини в Париж, предложил ей тридцать шесть тысяч франков постоянного жалованья, пятнадцать тысяч ежегодных наградных и пятнадцать тысяч франков пенсии после ухода со сцены. Кроме того, он дал ей помпезное звание «первой певицы его величества императора и короля».

Каждый раз, когда Грассини появлялась в Париже, Жозефиной овладевало беспокойство. Так, она писала своей наперснице мадам де Крени, с которой делила квартиру после термидора, единственной подруге, с которой Бонапарт разрешил ей встречаться: «Я так несчастлива, дорогая. Бонапарт каждый день устра-

ивает мне сцены, причем без всякого повода... Я пыталась найти этому объяснение и узнала, что Грассини уже десять дней в Париже. По-видимому, она-то и служит причиной всего того горя, которое мне придется испытывать. Уверяю Вас, милая, если бы я была хотя бы немного виновата, то откровенно призналась бы Вам в этом. Пожалуйста, постарайтесь выяснить, где живет эта женщина и бывает ли он у нее или она у него».

Дальнейшая судьба Джузеппины Грассини складывалась вполне благополучно. С 1807 по 1814 год она получала от императора семьдесят тысяч франков в год, больше, чем зарабатывала концертами, — голос ее становился слабее, и публика уже не так рвалась слушать ее.

Когда наполеоновская Империя рухнула, Джузеппина, недолго думая, бросилась в объятия победителя — герцога Веллингтона. То ли ее на это толкнула нужда в деньгах — Грассини была заядлой картежницей, — то ли стремление быть близкой со знаменитыми людьми. А у Веллингтона была своя мания — он хотел во всем следовать Наполеону. Так, он выразил желание, чтобы великий художник Давид, много рисовавший Наполеона, написал и его портрет, на что Давид ответил, что рисует только то, что принадлежит Истории. Веллингтону оставалось утешиться только сорокадвухлетней бывшей любовницей Наполеона — Джузеппиной Грассини.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой повествуется о любовных отношениях между Первым консулом Бонапартом и несравненной французской актрисой мадемуазель Жорж

Победа при Маренго стала переломным моментом в истории правления Первого консула Наполеона Бонапарта. Если до сих пор Наполеон понимал зыбкость своей власти, ощущал готовность своих врагов, как роялистов, так и якобинцев, свергнуть его, а то и вообще убить, то теперь он чувствовал себя на коне, он получил всю полноту единоличной власти.

Когда в Париж пришло известие об исходе сражения при Маренго и о заключении перемирия с Австрией, столицу захлестнула волна народного ликования. Весь город высыпал на улицы, гремел пушечный салют, все окна были освещены, фейерверки взмывали в небо над Сеной. Как отмечал консул Камбасерес, «это был первый за девять лет праздник единения».

Популярность Первого консула необыкновенно возросла. Как вынужден был признать роялист Мэтью Мале, «никогда еще, за исключением Вашингтона в Америке, первое лицо в Республике не пользовалось такой всеобщей популярностью».

Французский народ верил, что после долгих лет войны наступает желанный мир. Когда Бонапарт вернулся в Париж, его приветствовали, как он сказал Бурьену, «столь радостно, что эта радость звучит у меня в ушах, как голос Жозефины».

Новая конституция давала первому консулу такую неограниченную власть, с которой не могли сравнить-

ся полномочия президента Соединенных Штатов или английского короля. Ощувив свою силу, Бонапарт вернулся во всю мощь своего политического таланта. За два года, прошедшие после Маренго, Первый консул осуществил ряд важнейших государственных реформ, на многие десятилетия определивших развитие Франции и многих европейских государств.

Он разработал и установил в стране централизованную администрацию, перестроил систему образования и судебную систему.

Самым крупным достижением Бонапарта-законодателя стал Гражданский кодекс, более известный под названием «кодекс Наполеона». Этот свод законов и установлений лег в основу нового строя в самой Франции и в зависимых от нее государствах большей части Европы.

Главным постулатом кодекса Наполеона стал лозунг «неприкосновенности собственности». «Собственники, — утверждал Наполеон, — самая прочная основа безопасности и спокойствия государства».

Особо следует отметить — тем более в плане отношения Наполеона к женщинам — то, как в Гражданском кодексе закреплялось правовое и имущественное положение женщин. Кодекс лишал женщин всех прав, которыми они обладали при старом режиме и во времена Революции. Бонапарт стремился утвердить семейные ценности, воспринятые им в отрочестве на Корсике: полное подчинение жены мужу, лишение ее всех прав на имущество. В одной из статей Кодекса было записано: «Жена должна поклясться во всем подчиняться в браке мужу и сохранять ему верность». Не воспоминания ли об измене Жозефины водили его пером, когда он писал эти слова?

И уж можно не сомневаться, что ненависть к таким женщинам, как Терезия Тальен, мадам де Сталь и другие, которые формировали общественное мнение в те годы, когда Бонапарт, нищий и никому не известный, бродил по Парижу в поисках покровителя, к женщи-

нам, от которых он терпел столько унижений, сжигала его сердце. Не случайно во время работы над кодексом он обронил такую фразу: «Нам нужно записать пункт о послушании, особенно для Парижа, где женщины уверены, что могут делать все, что им вздумается».

Наполеоновский Кодекс открыто прокламировал возрождение семейных ценностей, утверждение семьи как незыблемой ячейки общества. Правда, в параграфах Кодекса, касавшихся семьи, было одно исключение — разрешался развод. Французы отметили это обстоятельство и, памятуя о бесплодии Жозефины, решили, что Первый консул имеет свои соображения, делая такое исключение.

Важным актом в идеологической политике Бонапарта и явным отказом от принципов Революции стало примирение Бонапарта с церковью и утверждение католицизма как государственной религии. Заключая 15 июля 1801 года конкордат с папой Пием VI, Первый консул делал это, как он заявил представителям католической Вандеи, «не ради вас, а исходя из моих собственных интересов».

Идея восстановления католической церкви во Франции должна была вызвать — и вызвала — резкое неприятие со стороны оппозиционно настроенных по отношению к Первому консулу кругов, в первую очередь у тех, кто продолжал исповедовать идеи Революции. Люди, воспитанные на идеях вольтерьянства, свободомыслия, которые десять лет пребывали в убеждении, что церковь служит власти аристократов и что служители церкви враги Революции, не могли примириться с возрождением духовной власти католической церкви.

Конкордат с папой римским вызвал неудовольствие и в рядах армии, которая воспитывалась в республиканском духе. Генерал Ожеро, например, просил у Первого консула разрешения его войскам не посещать церковную службу, поскольку это «отрицание принципов Революции», на что Бонапарт грубо заявил, что генерал должен подчиняться приказу.

Весьма характерно поведение одного из генералов, который на вопрос Бонапарта, как он относится к церковной службе, ответил: «Единственное, чего здесь не хватает, это ста тысяч человек, которых убили за попытку уничтожить то, что вы сейчас восстановили».

Весьма отрицательно отнеслись к возрождению церкви и некоторые ближайшие сподвижники Первого консула. Бывший епископ Оттенский Морис Талейран, который в 1789 году внес в Конвент предложение отобрать у церкви все ее имущество, не мог рассчитывать на доброе отношение к себе со стороны церковников. Бывший священник Фуше, прославившийся как рьяный гонитель священнослужителей, тоже не мог ожидать ничего хорошего от восстановления католической церкви.

Тем не менее Бонапарт пошел на этот хитрый политический ход. Он справедливо полагал, что средним слоям населения, особенно крестьянству, религия нужна. Бонапарт высказался на эту тему достаточно цинично: «Мы, люди благородные, не нуждаемся в религии, но народу религия необходима, и я ее восстановлю».

Короче говоря, на Пасху 1801 года в Париже впервые за десять лет зазвонили колокола. Особенно выделялся знаменитый колокол собора Парижской Богоматери.

В семь утра первый консул выехал из Тюильри, чтобы посетить мессу в соборе, его сопровождал эскорт конных драгун, гусар, гренадеров, мамелюков, весь штаб Первого консула. Кучера и лакеи были облачены в новые зеленые ливреи с серебряными отворотами. Мадам Бонапарт ехала в отдельной карете, но в соборе сидела рядом с супругом.

Во время этой первой знаменитой мессы только два человека знали, когда надо совершать коленопреклонения, бывший епископ Талейран и бывший священник Фуше. Большинство вынуждено было смотреть на них и повторять их движения.

Жизнь Наполеона и Жозефины в Тюильри текла по определенному распорядку. В восемь утра Первый консул покидал постель своей жены, где спал каждую ночь, поднимался в свои апартаменты и выпивал чашку чая, затем погружался в ванну и слушал Бурьена, который читал ему донесения и газеты. Рабочий день Бонапарта длился восемнадцать часов, но в перерывах между совещаниями, диктовкой, занятиями делами армии он то и дело спускался по узкой лестнице, соединяющей его кабинет с апартаментами Жозефины, чтобы хоть немного отвлечься и расслабиться. «Если у него оказывалось несколько свободных минут, он приходил, чтобы провести их с Жозефиной», — вспоминала Клер де Ремюза.

«Жозефина до тонкостей знала все сложности моего характера», — заметил однажды Наполеон. Она действительно очень чутко улавливала перемены его настроения и научилась вести себя соответственно, потакала всем его капризам, всегда готова была оказать ему помощь. Когда Наполеон в задумчивости сидел у камина в ее будуаре, затянутом белой и синей тканью, Жозефина молчала, чтобы не мешать ему думать.

Она была ему реальной помощницей в осуществлении того, что Наполеон называл «политикой национального единения». Именно она, олицетворяя собой старый режим, оказывалась связующим звеном между Наполеоном и аристократией. На Святой Елене он продиктовал такую запись: «Моя женитьба на мадам де Богарне позволила мне установить контакт с целой партией, необходимой мне для установления „национального единения“ — одного из принципиальных и чрезвычайно важных пунктов моей администрации... Без моей жены я не мог бы достичь взаимопонимания с этой партией».

Конечно, Жозефина знала, что по-прежнему физически привлекательна для него, недаром он каждую ночь спит в ее постели. Но былого покоя в ее душе уже

не было. Она понимала, что не способна забеременеть и подарить Бонапарту ребенка, о котором он мечтает. Жозефину постоянно мучил страх, что какая-нибудь из любовниц Наполеона родит ему ребенка и он разведется с ней. Она вздохнула с облегчением, когда узнала, что Полина Форе, эта «Клеопатра Нила», вернулась во Францию, так и не забеременев, и что Бонапарт, хотя и одарил ее деньгами и устроил ей замужество, но не захотел встретиться с нею. Потом начались новые волнения, когда до нее дошел слух, что Бурьен в Милане обнаружил утром в постели Первого консула знаменитую певицу — и красавицу — Джузеппину Грассини. Затем Жозефине стало известно, что Бонапарт пригласил Грассини в Париж и снял для нее дом. Потом у нее отлегло от сердца: ей стало известно, что Наполеон порвал с Грассини.

Теперь жизнь Жозефины после относительной свободы на улице Победы оказалась втиснутой в жесткие рамки, установленные Бонапартом. Но вот от одной своей слабости Жозефина не могла отказаться, хотя и понимала, что это чревато опасностями. Она не могла удержаться от участия в сделках, связанных с поставками армии. Не прекращала она и писать рекомендательные письма для родственников и знакомых своих друзей. Во всяком случае известно, что она написала рекомендательное письмо для одного друга Ипполита Шарля. Сохранилось и ее письмо Ипполиту, в котором она его упрекает, что он не навестил ее. «Я ужасно сожалею, что не добилась успеха, — писала она, — поскольку я была бы счастлива доказать тебе, что ничто не изменило моих чувств в отношении самой нежной и нерушимой дружбы с тобой».

Однако больше она его не видела. Или видела? Ее письмо, в котором упоминается какой-то таинственный садовник, вызывает у ее биографов живой интерес. Письмо это адресовано мадам де Крени. Бонапарт не очень-то жаловал эту даму, но хотел ублаготворить ее любовника Денона, который сопровождал его в еги-

петской экспедиции, а теперь организовывал музей в Лувре.

Жозефина писала своей наперснице: «Бонапарт решил вчера вечером в шесть часов, что мы будем ночевать в Мальмезоне, и мы тут же уехали. Теперь я привязана к этому месту и не знаю насколько. Это меня до смерти огорчает. Мальмезон, который когда-то был так привлекателен для меня, в этом году представляет собой пустынное и скучное место. Вчера я уезжала в такой спешке, что у меня не было времени оставить записку садовнику. Поскольку я твердо решила написать ему, пожалуйста, скажи мне, что я должна написать. Я не знаю, о чем ты с ним договорилась. Помимо всего, я хочу выразить мое разочарование им, потому что, моя дорогая, это очень серьезно».

Жозефина славилась своей добротой. Теперь она радовалась тому, что ее положение жены Первого консула позволяло ей оказывать многим людям неоценимую помощь. «Первому консулу, — отмечал Паскье, — было удобно позволять своей жене пользоваться в таких делах определенным влиянием». Хотя Бонапарт не выказывал явно своих намерений, он поощрял стремление Жозефины принимать у себя бывших аристократов и предоставил ей право вычеркивать их фамилии из списка «врагов Революции». Он дал понять министрам, что им надлежит относиться к людям, которым покровительствует его супруга, снисходительно. Доброе сердце Жозефины ликовало, когда ей удавалось воссоединить разлученные семьи, и ей льстило, что некоторые знатные люди Франции умоляли ее о помощи. В ее знаменитом Желтом салоне они призывали благословение небес на своего «ангела доброты».

Жозефина заваливала министров и чиновников ходатайствами о возвращении конфискованного имущества бывшим эмигрантам и восстановлении их в гражданских правах. Она будет весьма обязана, писала она обычно, если гражданин министр найдет возможным ускорить дело графа такого-то или мадам такой-то.

В делах сотен возвратившихся эмигрантов сохранились петиции, написанные мадам Бонапарт, которая, видимо, никогда не уставала выслушивать истории о постигших их несчастьях. Успех ее усилий подтверждается множеством сохранившихся писем, в которых она «имеет честь передать свои комплименты» гражданину такому-то и сообщить ему, что «его фамилия вычеркнута из списков “врагов Республики”». Слухи о расположении супруги Первого консула к возвращающимся аристократам и о той помощи, которую она им оказывает, достигли далекой Польши, где нашел убежище будущий Людовик XVIII. Он был плохо осведомлен о настроениях во Франции и об амбициях Первого консула. Только этим можно объяснить письмо, которое он послал Бонапарту, предлагая ему использовать его шпагу для возвращения Бурбонов на трон. Жозефине, про которую ему говорили, что она роялистка по своим убеждениям, он написал, заверяя, что ее взгляды ему хорошо известны и что он уверен в силе ее влияния.

Бонапарт ответил, что брюмер был осуществлен «в моих собственных интересах» и ничьих иных. Кроме того, писал он, чтобы вернуться на трон, претенденту придется перешагнуть через сто тысяч трупов.

Когда Жозефина и Гортензия стали просить Наполеона пересмотреть свое отношение к предложению Бурбона, Первый консул только рассмеялся и сказал Бурьену: «Эти женщины сошли с ума. Их мозги повернуты в сторону предместья Сен-Жермен. Им следует вернуться к вышиванию и оставить меня в покое. Но я не сержусь на них».

Бонапарт сделал так, что его ответ Бурбону был напечатан в газетах раньше, чем было отправлено письмо, и этот ответ вполне успокоил республиканцев.

А вот Жозефину он вверг в панику. В этом ответе Людовику она увидела доказательство того, что Бонапарт сам домогается трона, а значит, захочет иметь наследника престола.

Между тем Бонапарт, вынашивая свои честолюбивые планы, стал готовить Жозефину к роли жены венценосца. Она присутствовала на официальных обедах, участвовала в приемах иностранных послов. Когда Жозефина снова отправилась на воды в Пломбье лечиться от бесплодия, на этот раз в сопровождении Гортензии и мадам Летиции Бонапарт, Наполеон приказал, чтобы за их каретой следовал кавалерийский эскорт и несколько его адъютантов.

Бонапарт распорядился, чтобы на водах давали балы и устраивали приемы. На одном таком балу Гортензия танцевала с Астолфом де Кюстином, сыном Дельфины, в которую ее отец, Александр де Богарне, был так нежно влюблен в тюрьме монастыря кармелитов, а Жозефина и Дельфина предавались воспоминаниям о страшных днях заключения.

От Бонапарта приходили нежные письма, хотя Жозефина вполне справедливо подозревала, что в ее отсутствие муж завел интрижку с одной актрисой. Тем не менее он писал ей: «Я люблю тебя так же, как и в первый день, потому что ты такая сладкая и восхитительная»... «У меня нет никаких известий от тебя... Мне очень грустно одному. Крепко целую тебя и шлю тебе мою любовь».

Уже не раз говорилось, что Бонапарт, человек суеверный, верил, что Жозефина приносит ему удачу. Накануне Рождества 1800 года случилось так, что благодаря Жозефине (вернее, не столько Жозефине, сколько своему живому интересу к ее туалетам) Бонапарт избежал покушения на его жизнь.

В тот день Жозефина, Гортензия и сестра Наполеона Каролина, недавно вышедшая замуж за генерала Мюрата, собирались ехать в Оперу на премьеру оратории Гайдна «Сотворение мира». Газеты сообщали, что Первый консул будет их сопровождать. Когда дамы уже были готовы выходить, Бонапарт, который всегда внимательно осматривал туалеты своей жены, стал возражать против кашемировой шали, утверждая, что

она не подходит к платью. Жозефина пошла выбрать другую шаль, а Бонапарт, который не мог больше ждать, уехал один в своей карете.

Эта маленькая задержка и спасла ему жизнь. Через несколько минут дамы отправились вслед за Первым консулом. Едва их карета выехала на улицу Сен-Никез, раздался сильный взрыв, который разбил их карету и убил одну из лошадей. Платье Гортензии оказалось залитым кровью, Жозефина и Каролина, которая была на восьмом месяце беременности, остались невредимы.

Впоследствии выяснилось, что бомба взорвалась как раз между двумя каретами, убив и ранив пятьдесят два человека из числа прохожих и конвоя.

Вернувшись в Тюильри, Бонапарт послал за Фуше и, когда тот явился, стал кричать на него, требуя, чтобы якобинцы, ответственные за это покушение, были расстреляны, а Франция очищена от этой заразы. Министр полиции холодно ответил, что попытка убийства дело рук роялистов, и он может доказать это. Фуше, как всегда, был прав. Двое заговорщиков были схвачены и гильотинированы, третьему удалось бежать в Америку. Тем не менее Первый консул, проигнорировав все доказательства, настоял на том, чтобы около ста якобинцев были высланы из страны.

Невозможность родить Бонапарту сына, который унаследует его власть, угнетала Жозефину. Она как никто понимала Наполеона, догадывалась о его затаенной мечте и знала, что Первый консул готовит себя — сознательно или еще неосознанно — к роли венценосца. А для нее это будет означать только одно — Бонапарт в своем стремлении создать династию не остановится и перед тем, чтобы развестись с ней и жениться на женщине, которая родит ему наследника. Этот кошмар постоянно преследовал ее, лишал покоя.

Жозефина знала, что семейство Бонапартов постоянно склоняет Наполеона к тому, чтобы он развелся с ней и женился на другой. И хотя никто из них,

включая самого Наполеона, не мог с уверенностью сказать, способен ли он зачать ребенка, семейство считало, что они упрочат свое влияние, как только освободятся от Жозефины и ее детей, и шансы на то, что их сыновья унаследуют все, чем владеет Наполеон, значительно увеличатся.

Попытки Жозефины обрести хотя бы одного союзника в семье Бонапартов успехом не увенчались. Когда Каролина Бонапарт объявила о своем намерении выйти замуж за Иоахима Мюрата — красивого, немного вульгарного, иногда смешного, но безумно храброго офицера, Бонапарт поначалу отказался дать свое согласие, и Жозефина встала на сторону Каролины. Она знала, что Бонапарт никогда не сможет забыть сплетню о знаменитом пунше, который, она якобы готовила Мюрату во время итальянской кампании, и что Наполеон не может заставить себя полюбить этого человека, несмотря на всю его легендарную храбрость. Сначала Бонапарт и слышать не хотел об этом браке. «Мюрат всего-навсего сын хозяина постоянного двора, — говорил он, — и в моем положении я не могу смешивать свою кровь с его кровью». Однако Жозефина выиграла это сражение, хотя и не завоевала благодарность Каролины.

Проблема престолонаследования настолько волновала Жозефину, ставки в этой игре были так высоки, что она решила пожертвовать своей горячо любимой дочерью Гортензией. Жозефина пыталась спасти свой брак и обеспечить преемственность, выдав дочь замуж за брата Наполеона Людовика Бонапарта. Наполеону очень понравилось это предложение, он давно подумывал о том, чтобы сделать Людовика своим наследником, игнорируя, по-видимому, тот факт, что когда-то обаятельный мальчик превратился в мужчину, страдающего манией преследования и «не поддающейся диагностированию» болезнью, про которую говорили, что это гонорей.

Гортензия с ее копной светлых волос, совершенной

гибкой фигурой и мягким характером была любимицей двора Тюильри. По наивности своей она верила, что ей позволено будет выйти замуж по любви, хотя ее брат Евгений предупреждал ее, что возвышение их отчима Наполеона делает это все менее вероятным. Гортензия отказала ряду поклонников и наконец нашла человека, которого хотела видеть своим мужем. Этим человеком был генерал Дюрок, один из самых доверенных адъютантов Бонапарта.

Однако произошла сцена, которую так описывает Бурьен. Однажды вечером Первый консул спросил Бурьена: «Где Дюрок?» — «Он поехал в оперу». — «Как только вернется, скажи ему, что он может получить Гортензию. Свадьба должна состояться не позже чем через сорок восемь часов. Я дам ему пятьсот тысяч франков и командование дивизией в Тулоне. Они должны отправиться туда на следующий день после свадьбы. Я не хочу видеть около себя зятя и хочу знать сегодня же вечером, устраивает ли его такой вариант».

Услышав об этих условиях, глубоко оскорбленный Дюрок выбежал с криком: «В таком случае он может оставить при себе свою дочь, а я отправлюсь в бордель!»

И вот теперь возникла идея брака Гортензии с Людовиком Бонапартом. Она не питала к своему будущему мужу никаких чувств и только ради благополучия матери готова была пожертвовать собой.

Сообщение об этом браке вызвало новый взрыв злобы со стороны семейства Бонапартов. Каролина Мюрат, самая безжалостная и тщеславная из всех сестер, особенно разъярилась, предвидя, что у сына Гортензии и Людовика будут наибольшие шансы стать наследником Наполеона, чем у детей других членов семьи Бонапартов. А Люсьен даже шепнул болезненно подозрительному Людовику, что Гортензия беременна от Наполеона.

Венчание проходило в обстановке ледящего холода в доме на улице Победы — свадебным подарком

Первого консула. Гортензия была блее своего подвенечного платья, с опухшими от слез глазами. Людовик был мрачен. После свадебного обряда Каролина и Иохим Мюрат тоже опустились на колени, прося благословения. Несмотря на уговоры Жозефины, Наполеон категорически отказался, чтобы и их брак был освящен церковью. Это только усилило подозрения Жозефины, что он оставляет себе открытой дорогу для развода.

В первую же ночь, как писала Гортензия в своих «Мемуарах», Людовик перечислил ей всех любовников ее матери и предупредил, что ни при каких обстоятельствах он никогда не разрешит ей ночевать под одной крышей с Жозефиной. Закончил он угрозой, что, если она родит ребенка хоть на один день раньше положенного срока, она никогда больше в жизни не увидит своего мужа.

А Бонапарт тем временем укреплял свою власть и свое положение первого человека в государстве. Популярность его в стране была поистине безгранична. Он был для народа автором Гражданского Кодекса, человеком, который «сохранил все завоевания Революции», сбалансировал бюджет (новый франк будет оставаться стабильным до 1914 года) и даровал Франции процветание.

В 1802 году Наполеон окончательно стал кумиром Франции, заключив мирный Амьенский договор с последней страной, с которой Франция оставалась в состоянии войны, — с Англией.

Первый консул понял, что наступил удобный момент для укрепления своей власти. Под его давлением Сенат утвердил за ним звание Первого консула пожизненно. Теперь до короны оставался один шаг. В Париже это событие было отмечено фейерверками и иллюминацией, а Жозефину ввергло в панику. Как отмечал Бурьен, «меланхолия Жозефины являла собой резкий контраст со всеобщим ликованием. Ей предстояло в тот вечер принимать делегацию сановников, и она проделала это с обычной своей грацией, несмот-

ря на глубокую депрессию. Она была уверена, что каждый шаг Наполеона к трону — это шаг от нее».

Тревожили Жозефину и любовные забавы Наполеона. А он пустился во все тяжкие. Полею его любовных игр стал театр. Не случайно биографы Бонапарта называют эти годы «периодом актрис».

Он всегда, с юности, любил театр, высоко ценил воздействие театра на умы и чувства его современников. Но ценил он отнюдь не все театральные жанры. Драмy он называл «второстепенным искусством», комедии и фарсы не только заставляли его скучать, но и раздражали. Его сердце было отдано трагедии, только трагедия была для него чем-то возвышенным, благородным. В персонажах трагедии — королях, героях, богах — он узнавал себя, свои мысли и чувства.

О том, как высоко ценил Бонапарт жанр трагедии, свидетельствуют его слова, обращенные в Гёте: «Трагедия должна быть школой для королей и народов; это — наивысшая ступень, которой может достичь поэт». В другом случае он бросил такую фразу: «Трагедия согревает сердце, возвышает душу, она может и должна создавать героев». И добавил: «Если бы Корнель был жив, я сделал бы его принцем».

Отсюда, наверное, и предпочтение, которое он отдавал трагедийным актрисам. В длинном списке его любовниц или просто мимолетных связей, которые зачастую длились всего одну ночь, нет ни одной танцовщицы, хотя в то время они были в большой моде, — балерина Клотильда получала от принца Пиньятели ежемесячное содержание в сто тысяч франков, а адмирал Мазаредо предлагал ей сверх этой суммы четыреста тысяч франков в год. В списке тех актрис, с которыми хоть раз переспал Наполеон, нет ни одной комедийной актрисы.

Вкусам Наполеона отвечали только трагические актрисы. Наиболее приметными среди них были Дюшенуа, Бургуйн и Жорж. Первые две не смогли удержать ся на роли любовницы первого консула.

Более других была оскорблена и обижена Тереза Бургойн. Мимолетная связь с Наполеоном стоила ей не только оскорбленного самолюбия, но и очень богатого любовника, которым она дорожила. Этим любовником был не кто иной, как министр внутренних дел Шанталь.

Он был уже немолод, ему перевалило за пятьдесят. Он всячески выставлял напоказ свою связь с этой молодой и красивой актрисой, обладавшей лукавой улыбкой, красивыми светлыми глазами, которые казались такими целомудренными, умевшей язвительно пошутить, не зря ее прозвали «богиней веселья и наслаждений». Пользуясь своим положением министра, Шанталь устроил Терезе Бургойн ангажемент в театре «Комеди Франсез».

Наполеон однажды зло подшутил и над ней, и над своим министром внутренних дел. У Наполеона была своя цель — он хотел вынудить Шанталь уйти с поста министра внутренних дел, чтобы отдать этот пост своему брату Люсьену.

Бонапарт пригласил к себе на вечер Шанталь и одновременно послал за Терезой Бургойн. Наполеон и Шанталь сидели в гостиной, когда Первому консулу громко доложили, что приехала мадемуазель Бургойн. «Пусть ждет», — распорядился Бонапарт.

Потом он отослал ее, но Шанталь этого уже не слышал. Когда доложили о приезде Терезы, он тут же собрал свои бумаги и уехал. В тот же вечер Шанталь написал Первому консулу письмо о своей отставке.

Тереза Бургойн никогда не простила Наполеону этой злой шутки. После заключения Тильзитского мира она была приглашена в Петербург и забавляла своих поклонников острыми эпиграммами на Бонапарта, которые доходили и до Парижа. В Эрфурте Наполеон оплатил мадемуазель Бургойн, рассказывая императору Александру I о ее несдержанности и болтливости. Это сильно повредило ее репутации жрицы любви. После реставрации Тереза во всю де-

монстрировала свои роялистские симпатии, тем более что оказалась в постели герцога Беррийского. Но когда герцог бросил Терезу, ее приверженность Бурбонам значительно уменьшилась.

В этом хороводе красавиц-актрис, в атмосфере плотских наслаждений совершенно особое место заняла мадемуазель Жорж. Это особое место она завоевала хотя бы тем, что оказалась одной из весьма немногочисленных его любовниц, которые не отрекались от Наполеона, когда рухнула его Империя, и всегда с благодарностью вспоминала о нем.

Некоторые биографы Наполеона считают, что если бы не мадемуазель Жорж, то «период актрис» у Бонапарта представал бы просто длинным списком случайных циничных интрижек, гораздо более характерных скажем, для Барраса или Талейрана, чем для Наполеона. Это ее незавершенные, отрывочные воспоминания, которые она набрасывала уже будучи старой, нищей и чудовищно толстой женщиной, позволили заглянуть в глубину души Наполеона, увидеть его сущность — сущность наивного и очаровательного мужчины.

Настоящее имя мадемуазель Жорж было Маргерит Жозефин Веймер. Имя своего отца — Жорж — она приняла в качестве театрального псевдонима, только когда завоевала себе известное положение на парижской сцене. Родители ее были провинциальными актерами, скитавшимися по городам и весям Франции. Она и родилась за кулисами театра в Байе, когда на сцене играли «Гартюфа». Все детство и отрочество Маргерит прошло в постоянных переездах с места на место в любую погоду; в душных и тесных зальчиках, куда набивалась равнодушная публика, на постоянных дворах, где труппа останавливалась на одну ночь, в изнуряющей бедности.

Она была еще ребенком, когда ее отец стал управляющим театром в Амьене, и здесь девочка впервые вышла на сцену, и здесь же ее заметила знаменитая

актриса Рукор, проезжавшая через Амьен и заглянувшая на спектакль. Ее поразили красота девочки и на редкость выразительный голос. Мадемуазель Рукор выступила в роли доброй феи и предложила, что возьмет Маргерит в ученицы. В результате в шестнадцать лет Маргерит уже играла ведущие роли в спектаклях «Комеди Франсез».

Мадемуазель Жорж была необыкновенно красива. Она обладала статной и в то же время очень чувственной фигурой, копной роскошных темных волос и чертами лица, которые могли служить образцом классической античной красоты. Люди, близко знавшие ее, поражались ее доброте, ее ровному характеру, детской непосредственности и полному отсутствию зависти.

Мадемуазель Жорж исполнилось семнадцать лет, когда состоялось ее знакомство с Наполеоном. В то время вокруг нее увивались двое поклонников, претендовавших на роль покровителя. Один из них был поляк князь Сапега. А другой был не кто иной, как Люсьен Бонапарт, брат Наполеона. Люсьен стал делать мадемуазель Жорж дорогие подарки — преподнес ей позолоченный серебряный чайник, в котором позвякивала сотня золотых луидоров. Он мог бы добиться желанной цели, но ему не повезло — пришлось уехать из Парижа. А князь Сапега был слишком ленив и неповоротлив, хотя тоже задаривал ее — в частности, подарил ей роскошный кружевной шарф.

И тут произошло событие, отодвинувшее всех поклонников мадемуазель Жорж на обочину. Однажды вечером после спектакля она вышла из театра, а у дверей ее поджидал Констан, камердинер и доверенное лицо Наполеона. Он сообщил ей, что Первый консул присутствовал сегодня на спектакле и ее игра произвела на него такое сильное впечатление, что он решил пригласить ее на следующий день в Сен-Клу, чтобы высказать ей свое восхищение.

В эту ночь Маргерит не сомкнула глаз. Ей надо было принимать решение, быть может, самое серь-

езное в ее жизни. Она прекрасно понимала, зачем Первый консул приглашает ее в Сен-Клу. Знала она и чем рискует, если откажется от его приглашения. Ее приглашал самый могущественный человек Франции, по одному мановению пальца которого ее могут вышвырнуть из театра, и ее карьере актрисы будет положен конец.

С другой стороны, если она поедет в Сен-Клу и станет любовницей Первого консула, она вызовет зависть других актрис «Комеди Франсез». Стоит ли так рисковать ради связи, которая может не продлиться и недели?

Надо признать, что менее всего, пожалуй, ее волновали проблемы морали. Хотя, как она писала в своих мемуарах спустя примерно сорок лет, она была тогда еще девственницей, и нет никаких оснований не верить ей. Она гордилась своей красотой, своим совершенным телом. Писатель Александр Дюма, который впоследствии стал ее любовником, вспоминал, что мадемуазель Жорж любила иногда принимать ванну в присутствии своих поклонников.

Ее беспокоило и то, что если она поедет в Сен-Клу, то тем самым даст отставку князю Сапеге, который продолжал осыпать ее подарками, требуя взамен только позволения целовать кончики ее пальцев, хотя, конечно, надеялся получить нечто большее.

Мадемуазель Жорж раздирали противоречивые чувства, и она решила поделиться своим сомнением со своей горничной Клементиной, которая, выслушав хозяйку, просто подняла ее на смех. Какие тут могут быть сомнения? Да любая актриса «Комеди Франсез» сойдет с ума от счастья, получив такое приглашение! Да мадемуазель Жорж будет просто ненормальной, если проигнорирует приглашение Первого консула или (а такая мысль у мадемуазель Жорж была) пошлет ему записку, что больна и не может приехать.

После бессонной ночи Маргерит согласилась с доводами своей горничной, однако когда вечером она

приехала в театр, то все актеры в том числе и великий Тальма, заметили, как она плохо выглядит. Слава Богу, что ей в тот вечер не надо было выходить на сцену.

В восемь часов в ложу, где сидела мадемуазель Жорж, заглянула горничная Клементина и сообщила своей хозяйке, что у дверей театра ее ожидает Констан. Поездка в Сен-Клу обернулась сумасшедшей скачкой. Кучер Наполеона Цезарь, славившийся в Париже тем, что никогда не падал с облучка, как бы пьян ни был, гнал лошадей, карету бросало из стороны в сторону, мадемуазель Жорж трясло, и это отнюдь не успокаивало ее. В конце концов она обратилась к сидевшему молча Констану и стала просить его повернуть карету, отвезти ее домой и доложить Первому консулу, что она себя плохо чувствует, и, если Первый консул согласится, она приедет к нему в другой день. Констан хмыкнул и сказал: «Вряд ли». Мадемуазель Жорж стала убеждать его, что она от страха не сможет вымолвить ни слова и Первый консул решит, что она полная идиотка. Констан расхохотался и заверил, что как только она окажется наедине с Бонапартом, то поймет, что ее страхи не имеют под собой никаких оснований. «Он не только ожидает вас с нетерпением, — успокаивал ее камердинер, — но вы увидите, что он очень добрый человек!»

Когда они прибыли во дворец, Констан провел ее через оранжерею к окну спальни, выходящему на террасу. Там их встретил Рустан, мамелюк Первого консула, его телохранитель, оказавшийся у Бонапарта в результате египетской кампании. Рустан поднял занавески, закрыл окно и вышел, чтобы сообщить своему хозяину, что мадемуазель Жорж приехала.

Оставшись одна в большой, богато украшенной комнате, семнадцатилетняя актриса ощутила новый приступ паники. Когда Наполеон переезжал из Мальмезона в Сен-Клу, он заметил, что «комнаты здесь лишены суровости и вполне подходят для пребывания

в них содержанок». У Маргерит было время убедиться в справедливости этого замечания. Она отметила зеленые шелковые шторы, большой диван перед камином, блики света от большой люстры и таких же больших канделябров и огромного размера кровать.

Вошел Наполеон в зеленом мундире и белых лосиных. Он приблизился к ней с чарующей улыбкой и сразу же снял с ее головы кружева — подарок князя Сапеги — и швырнул их на пол. Маргерит начала бить дрожь. Наполеон тут же заметил это.

«Вы боитесь меня? Я кажусь вас страшным? — спросил он с оттенком удивления. — Вчера я нашел вас удивительно прекрасной, и мне захотелось высказать вам это».

Известно, что Наполеон обладал редкой способностью очаровывать людей. Маргерит несколько успокоилась, они стали обмениваться ничего не значащими фразами, она, в частности, сказала ему, что ее настоящее имя Маргерит Жозефин. Наполеон заметил, что имя Жозефина ему нравится, но не уточнил почему, а объявил, что будет называть ее Жоржиной. С этого момента она стала для него Жоржиной.

Потом она набралась храбрости и призналась, что ей мешает слишком яркое освещение. Наполеон приказал Рустану приглушить свет.

Мадемуазель Жорж запомнила все подробности той ночи и спустя сорок лет записала их.

Первым делом Наполеон стал расспрашивать о ее прошлой жизни. Она рассказала ему все, не упустив и ухаживаний князя Сапеги. Наполеон похвалил ее за то, что она ничего не скрыла, а ведь он, готовясь к этой встрече, приказал полиции собрать о ней все сведения.

Этот сорокапятилетний мужчина пригласил семнадцатилетнюю девушку в свою спальню с целью затащить ее в постель, а вместо этого до пяти утра болтал с ней о всякой всячине.

«Он был ласков и деликатен, — вспоминала мадемуазель Жорж, — не оскорбил мою скромность слиш-

ком пылкими действиями и был доволен, встретив с моей стороны робкое сопротивление. О небо! Я не утверждаю, что он влюбился в меня, но было совершенно очевидно, что я ему нравлюсь. Я не сомневалась в этом. А иначе стал бы он выслушивать все мои детские глупости?»

В пять утра мадемуазель Жорж призналась, что устала, и Наполеон не стал ее удерживать. Она пообещала приехать на следующий день вечером, они встали, он накинул ей на голову кружевной шарф и поцеловал в лоб. И в этот момент неопытность мадемуазель Жорж толкнула ее на непростительную ошибку. Она громко рассмеялась и, когда Наполеон спросил о причине ее смеха, по глупости сказала правду: «Вы только что поцеловали шарф князя Сапеги!»

Наполеон страшно изменился в лице. Те, кто его близко знали, привыкли к этим внезапным приступам ярости. Вот и сейчас он сорвал с головы Жоржины кружева, разорвал их на куски и начал топтать ногами. Потом сорвал с ее руки кольцо с сердоликом и раздавил его каблуком. Девушка смотрела на него, лишившись от страха дара речи. И вдруг так же внезапно, как начался, этот пароксизм ярости угас. На лице Наполеона заиграла теплая улыбка. Он сказал: «Дорогая Жоржина, вы не должны носить ничего кроме того, что исходит от меня!»

Сонный Констан отвез ее домой, а она всю дорогу думала о том, что если уступит Первому консулу, то окажется в рабстве, в позолоченной клетке. Когда Констан сообщил ей, что приедет за ней в восемь часов вечера, она согласилась, но с условием, что он заедет в театр в три часа дня, чтобы узнать, не передумала ли она.

Днем мадемуазель Жорж решила посоветоваться с великим Тальма. Тот дал ей такой же совет, что и ее горничная, сказав, что с ее стороны будет полным сумасшествием отказаться от таких возможностей.

Вечером она снова была на пути в Сен-Клу. Напо-

леон встретил ее очень приветливо, но разговор начал с того, что отныне она не должна больше встречаться с князем Сапегой. Первый консул уже распорядился, чтобы пребывание Сапегы в Париже было прервано.

Мадемуазель Жорж признавала в своих воспоминаниях, что Наполеон, как и в первый вечер, был нежен, но и «более настойчив». Она же в смятении поняла, что начинает влюбляться в него, причем вовсе не как в покровителя, а как в мужчину! Он добивался ее, проявляя большую деликатность, и, когда она в смущении отворачивала от него свое лицо, сказал: «Жоржина, позвольте мне любить вас, я хочу, чтобы вы все знали. Вы действительно почти не знаете меня, но для того, чтобы полюбить, нужна какая-то минута. Это словно удар электрическим током. Скажите мне, вы хоть чуточку любите меня?» Жоржина ответила: «Боюсь, что я полюбила вас слишком сильно». На следующий вечер, играя в трагедии «Цинна», прежде чем начать свой монолог, мадемуазель Жорж взглянула на ложу Первого консула: она была пуста... Значение этого было для нее слишком ясно, она едва не забыла роль. И в этот момент Первый консул появился в своей ложе, и зал разразился овацией. В тот вечер мадемуазель Жорж превзошла себя. Спектакль стал ее триумфом, и занавес опустился под гром аплодисментов. Внизу ее ждал Констан, и она в третий раз поехала в Сен-Клу. В ту ночь она сдалась...

Впоследствии она вспоминала эту первую ночь: «Он мало-помалу начал раздевать меня. Он изображал горничную, причем так весело, с таким изяществом и достоинством, что сопротивляться ему было невозможно. Как можно было не восторгаться и не увлечься таким мужчиной? Чтобы порадовать меня, он вел себя, как ребенок. Он уже не был Первым консулом, он был просто влюбленным мужчиной, но в любви этого мужчины не ощущалось ни насилия, ни грубости. Он нежно обнимал меня, говорил ласково и просто. Находясь

рядом с ним, было невозможно не испытывать тех же чувств, которые испытывал он».

В семь утра пришла пора расставаться, и Жоржина, смущенная, что слуги увидят то, что она скромно назвала «прелестным беспорядком», попросила, чтобы Наполеон разрешил ей прибрать в спальне. Он притворился, что разделяет ее беспокойство. И вот Первый консул и его новая любовница застилают постель и торопливо наводят порядок, до того как в спальню явится прислуга. Такое поведение Наполеона произвело на мадемуазель Жорж более сильное впечатление, чем что-либо другое.

Эта игра продолжалась первые две недели их связи, и каждый раз веселила мадемуазель Жорж, но Первый консул умел развлекаться и быть галантным и иными способами. «Он одевал меня, — вспоминала она, — натягивал мне чулки и, не умея справиться с подвязками, начинал проявлять нетерпение».

В своих воспоминаниях она отнюдь не избегала описаний самых интимных моментов их любви. Она, например, писала: «В нашей любви не было ничего бесстыдного, не было неприличных слов. Он ронял прелестные фразы: «Ты любишь меня, Жоржина? Ты счастлива в моих объятиях? Я хочу тебя...».

Однажды Наполеон выразил желание видеть ее «при солнечном свете» и послал Констанана за ней утром. Он вел ее под руку по осеннему парку, отбрасывая ногами упавшие ветки, чтобы они не мешали ей. Он оказывал ей такие знаки внимания, какие может оказывать молодой муж своей жене в первые недели их брака, заботился о ее здоровье, о температуре в комнатах, и она полюбила эти проявления нежности, которых она с тех пор не видела со стороны ни одного из своих поклонников.

Будучи в его обществе, мадемуазель Жорж встречала многих видных людей, как, например, Талейрана, многих известных маршалов и других знаменитостей.

«Как скучны все эти люди, — заметила она, — со всех их величием, как они подобострастны и с какой легкостью они предадут».

Иногда, когда приближенные уж очень раздражали Наполеона, он делился с Жоржиной своими мыслями о них. Однажды он сказал ей про своего министра иностранных дел: «Этот дьявол Талейран хочет, чтобы все хромали, как он. Он мошенник, дорогая Жоржина».

Во время одного из их разговоров, обсуждая, как она играет роль матери в одной из пьес, Наполеон заметил, что было бы хорошо, если бы она сама стала матерью. Жоржина ответила, что «была бы счастлива», если бы такое случилось. Наполеон немедленно послал ее к одной женщине в Сент-Антуанском предместье, которая славилась тем, что учила молодых женщин, как забеременеть. К величайшему сожалению мадемуазель Жорж, этот визит ничего не дал.

Надо отметить, что Наполеон, известный своей подозрительностью и страхом, что враги хотят его убить (у него было достаточно доказательств этого), абсолютно доверял Жоржине, рассказывал ей обо всех своих предстоящих поездках.

Они много смеялись, когда бывали вместе, она помогала ему снимать напряжение, вызванное невероятной ответственностью, которую он на себя взвалил. Они часто увлекались чисто детскими играми, иногда он прятался от нее под грудой подушек, а она должна была отыскать его. Однажды, веселясь, она потребовала, чтобы Констан принес ей ножницы.

«Что ты собираешься отрезать?» — изображая испуг, спросил Наполеон. Когда она сказала, что хочет отстричь прядь его волос на память, он стал бегать от нее с криком, что у него и так осталось мало волос. Наполеон бывал не прочь пошутить. Когда Жоржина как-то попросила его подарить ей его портрет, он протянул ей золотой наполеондор, на котором был его

профиль, со словами: «Вот, говорят, что здесь я похож».

Однажды между ними произошла серьезная ссора. Наполеон стал уговаривать ее выйти замуж за одного из его генералов. Гордость мадемуазель Жорж была задета, и она обрушилась на любовника со всей силой своего темперамента. Впрочем, ссора кончилась смехом, и вопрос о том, чтобы найти ей мужа, больше не поднимался.

Все годы их любви мадемуазель Жорж решительно сторонилась политики. Однако был один случай, когда она едва не оказалась вовлеченной в большую политическую игру. Весной, вскоре после подписания Амьенского мирного договора с Англией, в Париже появился некий капитан Хилл, англичанин, о котором ходили упорные слухи, что он является агентом тайной службы главы британского правительства Питта. Хилл стал искать встреч с мадемуазель Жорж. Поначалу она отказывалась встретиться с ним, но он был настойчив. В актрисе взяло верх любопытство, и она в конце концов согласилась встретиться с капитаном Хиллом в Булонском лесу.

Он стал уговаривать ее уехать в Англию, сообщил, что принц Уэльский покорен ею и даст ей все, что она захочет, если она приедет в Лондон. Жоржина посмеялась над этим предложением и тут же рассказала о нем Наполеону. Первый консул согласился с ней, что это просто розыгрыш, но дал соответствующее распоряжение главе своей полиции Фуше. Дело заключалось в том, что прозорливые люди по обе стороны Ла-Манша отдавали себе отчет в том, что перемирие между Англией и Францией явление временное. Для британской разведки любовница Первого консула была бы бесценным приобретением. Фуше свое дело знал — капитан Хилл бесследно исчез из Парижа.

Связь Первого консула с мадемуазель Жорж давно уже была известна всему Парижу. И все отмечали

продолжительность этой связи. Это обстоятельство серьезно беспокоило Жозефину. Она ревновала и устраивала Наполеону бурные сцены. «Она волнуется больше, чем следует, — заметил Бонапарт. — И постоянно боится, чтобы я не влюбился серьезно. Она, очевидно, не знает, что любовь создана не для меня. Что такое любовь? Страсть, которая заставляет забывать всю вселенную, чтобы видеть только любимый предмет. Я же, несомненно, не создан для таких крайностей. Какое значение могут иметь для нее развлечения, не имеющие ничего общего с чувством любви?» Чему же верить — таким заявлениям Наполеона или свидетельствам того, как счастлив был он в своей любви к мадемуазель Жорж?

В ноябре 1804 года Наполеон предупредил мадемуазель Жорж, что предстоящее событие — он имел в виду коронацию его императором — не позволит ему некоторое время встречаться с ней. Мадемуазель Жорж восприняла это как намек на то, что приняв титул императора, он желает положить конец их отношениям. Такой поворот событий подействовал на нее так удручающе, что она не могла заставить себя отправиться на его коронацию в собор Парижской Богоматери и наблюдала за процессией из дома напротив моста Понт Неф.

Ее доброта и незлобивость проявились уже в том, как она написала в своих воспоминаниях о Жозефине, своей более удачливой сопернице: «Она выглядела прекрасно — была одета с безупречным вкусом и смотрела так благожелательно, что очаровала всех. На коронации она выглядела просто и восхитительно... Величие не испортило ее! Какое несчастье для Франции и для императора, что он впоследствии развелся с ней».

Через десять дней после коронации состоялось торжественное представление трагедии «Цинна». Когда императорская чета появилась в театре, им устроили шумную овацию. А несчастная мадемуазель Жорж

играла весь спектакль, стараясь не смотреть в сторону императорской ложи, — она знала, стоит ей встретится взглядом с Наполеоном, и она упадет в обморок. Она должна была справиться со своими чувствами, и добрый человек Тальма, понимая ее состояние, поспешил ей на помощь.

Когда занавес опустился, уборная мадемуазель Жорж оказалась заполненной возбужденными высокопоставленными гостями, среди которых находился и Талейран, который стал поддразнивать актрису, говоря, что она кокетничала. Талейран славился своим отвратительным чувством юмора.

Спустя пять недель после коронации мадемуазель Жорж была искренне удивлена, увидев Констанана, который передал ей приглашение в Тюильри. Он вез ее во дворец кружным и сложным путем. Император приложил все усилия, стараясь восстановить их отношения. Но его постигла неудача. Все его обаяние, которое он пустил в ход, не помогло ему разрушить возникшее между ними отчуждение. «Император изгнал Первого консула», — грустно заметила мадемуазель Жорж.

С той поры она перестала бывать в Тюильри.

Стена между ними возникла не только из-за его нового положения. Былую простоту своих вкусов Наполеон оставил на алтаре в соборе Парижской Богоматери во время коронации. Теперь он искал отдохновения среди более изысканных женщин, особенно предпочитая общество мадам Дюшатель, изящной и очень красивой блондинки.

Надо отметить, что мадемуазель Жорж тоже изменилась. Она стала принимать ухаживания русского богача Демидова и австрийского дипломата Меттерниха, у которого была скандальная репутация большого любителя женщин и который бахвалился, что у него никогда не бывало меньше полудюжины любовниц одновременно.

Впрочем, однажды мадемуазель Жорж все же ока-

залась в спальне Наполеона в Тюильри. В ту ночь у Наполеона случился эпилептический припадок. Такое с ним изредка бывало и раньше. На этот раз он впал в кому, и Жоржина решила, что он умер или умирает, и подняла такой крик, что сбежалась вся прислуга. Призывая на помощь, Жоржина не обратила внимания на то, что на ней одна только ночная сорочка. Среди тех, кто ворвался в спальню императора на бешеный звон колокольчика, была и Жозефина.

Когда Наполеон пришел в себя, то обнаружил, что спальня полна людей, а Жоржина в ночной рубашке мечется вокруг кровати. Он пришел в ярость и выгнал всех, после чего обрушил свой гнев на бедную Жоржину. Этого эпизода он ей никогда не простил и больше с ней не встречался.

Мадемуазель Жорж продолжала играть на сцене «Комеди Франсез». В мае 1808 года, нарушив контракт с театром, она сбежала в Россию с танцовщиком Дюпоном, который, боясь быть арестованным на границе, переделся женщиной. Поначалу все решили, что Дюпон был ее любовником, но вскоре выяснилось, что она уехала в Россию к своему настоящему любовнику, русскому дипломату Бенкендорфу, который обещал на ней жениться. Она была в этом так уверена, что подписывала свои письма «Жорж-Бенкендорф». В действительности мадемуазель Жорж, сама того не ведая, оказалась втянутой в дворцовую интригу. Бенкендорф намеревался представить ее императору Александру I, надеясь, что тот увлечется красавицей француженкой, за которой к тому же тянулась слава любовницы самого Наполеона. Расчет был на то, что Александр I, заведя интрижку с мадемуазель Жорж, бросит свою любовницу Нарышкину, а потом можно будет разрушить роман с актрисой и вернуть Александра I в постель его жены, царствующей императрицы.

Александр I принял мадемуазель Жорж, подарил ей роскошную, украшенную алмазами пряжку для по-

яса, пригласил ее в Петергоф, но этим все и ограничилось. А великий князь, который, увидев ее на представлении «Федры», сказал: «Ваша мадемуазель Жорж в своей области не стоит того, чего стоит в своей моя парадная лошадь», — теперь ежедневно посещал ее и, как она говорила, «любил ее, как сестру».

Жизнь в Петербурге пришлось мадемуазель Жорж по вкусу, и скорее всего она здесь и осталась бы, бросила сцену, благополучно вышла бы замуж, если бы в 1812 году не началась война между Францией и Россией. Ей, звезде парижской сцены, бывшей любовнице императора Наполеона, главного врага России, французской патриотке, пришлось бы нелегко, если бы не император Александр I, который распорядился не трогать мадемуазель Жорж.

Она тяжело переживала поражение французской армии и своего кумира императора Наполеона. Раздобыв паспорт, она отправилась на родину через Швецию. Здесь ее радушно встретили Бернадотт и его жена Дезире. Бернадотт был уже шведским кронпринцем и собирался выступить во главе шведской армии против французов. Однако его ненависть к Наполеону не распространялась на бывшую любовницу его врага, и он помог мадемуазель Жорж добраться до Дрездена.

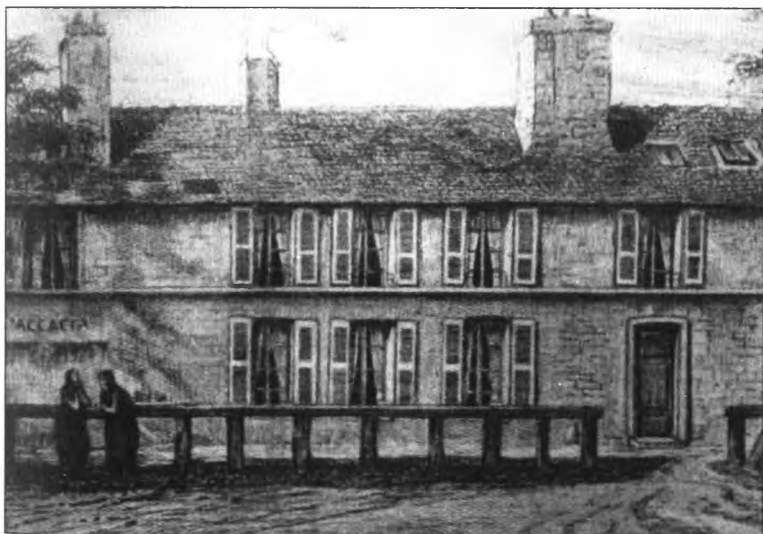
Наполеон распорядился восстановить ее в труппе театра «Комеди Франсез» и выплатил ей жалованье за все шесть лет ее отсутствия во Франции. Надо признать, что ее коллеги по сцене не могли ей этого простить.

Во время «Ста дней» мадемуазель Жорж сослужила добрую службу своему бывшему любовнику. Неизвестно каким образом, но в ее руки попали документы, сильно компрометирующие министра полиции Фуше, имевшего теперь титул герцога Отрантского. Она сообщила об этом Наполеону, который немедленно послал к ней надежного человека. Когда тот вернулся, Наполеон спросил его: «Она говорила

Терезия Тальен, близкая подруга Жозефины.

Дом Терезии Тальен («Хижина») на Елисейских полях.

Мария Валевская

Замок Финкенштейн в Восточной Пруссии. Приют любви Наполеона и Марии Валевской.

Портрет мадемуазель Жорж.
С картины Жерара.

Парижские моды

Мадемуазель Марс

Мадемуазель Дюшенуа

Тереза Бургон,
актриса «Комеди Франсез»

Итальянская певица Джузеппина
Грассини

Элиза Бонапарт,
сестра Наполеона

Люсьен Бонапарт, брат
Наполеона

Полина Бонапарт, сестра Наполеона

Людовик Бонапарт,
брат Наполеона

Жером Бонапарт,
брат Наполеона

Жозеф Бонапарт, брат Наполеона

Каролина, сестра Наполеона,
жена маршала Мюрата

Мария Луиза

Наполеон Бонапарт

Наполеон награждает русского солдата после битвы при Аустерлице

Встреча Наполеона и австрийского императора после битвы при Аустерлице. С картины Гро. Музей в Версале.

Офицер пехоты
французской армии

Барabanщик
французской армии

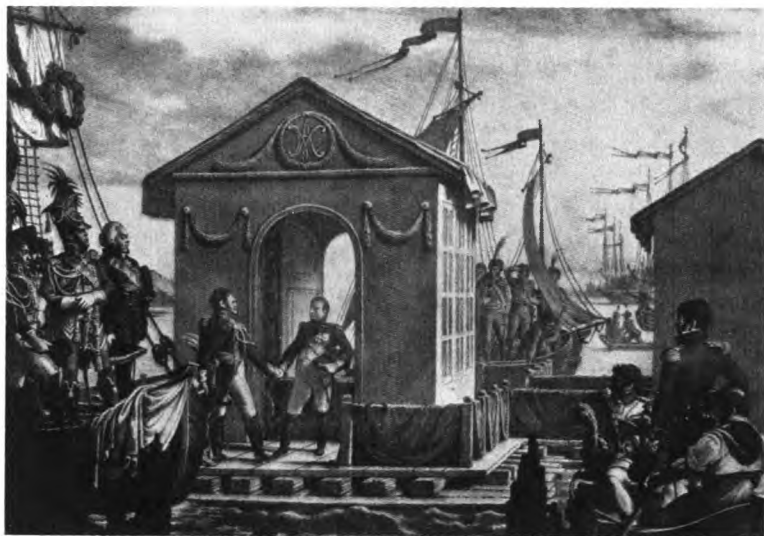

Въезд императора Наполеона в Берлин, октябрь 1806 г. Рисунок Дебре.

Встреча Наполеона с императором Александром I на плоту на Немане 25 июня 1807 г. Здесь был заключен союз Франции с Россией.

Вступление французской армии в Москву

Отступление французов из Москвы. С немецкой гравюры того времени.

Наполеон в Фонтенбло, 31 марта 1814 г.
С картины Делакруа. Лейпцигский музей.

Прощание с гвардией в Фонтенбло.
С картины Ораса Верне. Музей в Версале.

Дом Наполеона в Портоферрайо на острове Эльба

Наполеон в битве при Ватерлоо

Наполеон на острове Святой Елены

Посмертная маска Наполеона

тебе, что находится в весьма стесненных обстоятельствах?» Посланец сказал, что она ничего подобного не говорила. «Но я это знаю, — заметил император. — Коленкур сказал мне. Выдай ей двадцать тысяч франков из моей шкатулки».

После поражения Наполеона при Ватерлоо и ссылки его на остров Святой Елены вернувшиеся во Францию Бурбоны принялись мстить бонапартистам: маршал Ней был расстрелян, многие привержены отрешенного императора отправлены в ссылку. В это тяжелое время мадемуазель Жорж позволила себе продемонстрировать преданность бывшему императору и своему бывшему любовнику.

В годы Империи фиалка была ее эмблемой, и мадемуазель Жорж совершенно сознательно вызвала ярость управляющего театрами, появившись на публике с букетиком фиалок, приколотым к корсажу. Ее немедленно выслали из Парижа. Последующие пять лет она играла в провинции, потом, когда ненависть поутихла, снова вернулась в Париж, и постепенно между ней и Бурбонами установился мир. Она была слишком популярна, чтобы ее можно было открыто преследовать.

Отвоевав свое место на парижской сцене, она начала выступать в романтических драмах и пользовалась в них большим успехом, гастролировала по Италии, Австрии и России.

Погубило ее то, что она начала катастрофически толстеть, ей стало даже трудно двигаться. Она сопротивлялась изо всех сил, и только в 1849 году, когда ей исполнилось 62 года, мадемуазель Жорж ушла со сцены.

Когда-то через ее руки проходили миллионы франков и невероятное количество драгоценностей, но в старости она оказалась совершенно нищей и существовала на скромную пенсию, выделенную ей правительством.

В годы Второй Империи мадемуазель Жорж могла бы, наверное, получить от императора, племянника Наполеона I, все, что могла пожелать. Но она ненавидела просить и предпочла зарабатывать изданием своих мемуаров.

Умерла мадемуазель Жорж в 1867 году в возрасте 80 лет и была похоронена на кладбище Пер-Лашез среди могил множества знаменитых маршалов.

Перед смертью, когда она еще могла передвигаться, мадемуазель Жорж часто проходила мимо дворца Тюильри и смотрела на окна спальни, где более шестидесяти лет назад она занималась любовью с человеком, который теперь стал легендой...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой перед читателем предстанет
длинная череда парижских актрис и при-
дворных дам, выжидающих только слу-
чая, чтобы нырнуть в постель Первого
консула*

Наступление нового девятнадцатого столетия парижане, да и вся Франция, ожидали с радостными надеждами. Будущее действительно казалось прекрасным. Впервые за десять лет страна не находилась в состоянии войны, и французы рассчитывали, что мир и в дальнейшем будет царить на их земле. Они устали от революционных потрясений, от кошмара террора, и когда Первый консул Бонапарт заявил, что Революция завершена, и обещал французскому народу спокойствие и благоденствие, то его прямо-таки стали боготворить.

Париж за эти годы стал неузнаваемым. Аристократы, возвращавшиеся из эмиграции, с трудом узнавали так хорошо знакомый им в прошлом город, хотя, наверное, ежедневно проходили мимо того места, где были казнены члены их семей. Им трудно было поверить, что этот оживленный, полный развлечений и зрелищ, отличной еды, ресторанов, театров город — тот самый, что они в свое время покинули.

Иностранцы, во множестве посещавшие в эти годы Париж, поражались очарованию этого нового Парижа. Многие из них оставили довольно живые описания улиц и площадей, музеев и библиотек, парков и дворцов.

Революция причинила городу немалый ущерб, бы-

ло разрушено и повреждено много зданий. Но город начинал отстраиваться. Было известно, что Первый консул планирует проложить величественные проспекты, возвести новые мосты.

Под влиянием рассказов эмигрантов, вернувшихся из Лондона, на некоторых улицах пытались проложить тротуары. Но, поскольку их надо было прерывать у каждых ворот, откуда выезжали экипажи, эту затею отложили на будущее. Прохожим приходилось дожидаться, пока перебросят доски через потоки грязи, бегущие посередине улиц. Многие гравюры того времени запечатлели сценки, когда дамы перебирались через улицы, высоко поднимая юбки.

Иностранцы с удивлением обнаружили, что дворец Эгалите остался таким же центром развлечений, каким был до Революции. Сохранились даже маленькие лавочки, где продавали горячие вафли. На каждом шагу здесь попадались рестораны, игорные дома, лавки, в которых торговали гравюрами и книгами. Однако некоторые выставленные книги были таковы, что «даже в Содоме и Гоморре их запретили бы печатать», как писал один англичанин. Он же рассказывал, что не успел он войти во дворец Эгалите, как ему на ухо зашептали: «Не хочешь ли мсье купить книгу «Беспутная жизнь мадам Бонапарт»?»

Здесь по-прежнему процветала проституция, как и в 1787 году, когда капитан Бонапарт приобретал здесь свой первый сексуальный опыт. В окнах мезонинов виднелись девушки, которые пели, играли в карты и зазывали прохожих. Заметно было, что под облегающими платьями у них ничего не было, и эти платья, как писал немец Коцебу, «обрисовывают их задницы до мельчайших подробностей».

Театры Парижа каждый вечер были переполнены. «Французы не могут без развлечений, — писал один англичанин. — Парижанин сначала купит билет в театр и уже потом, если у него останутся деньги, пойдет выпить кофе и съесть бисквит. В Лондоне пинта хереса и бифштекс важнее театра».

Процветали лавки ювелиров и золотых дел мастеров. Тон тут задавал Первый консул. Он не только настойчиво подчеркивал важность индустрии роскоши, но и подавал пример, которому следовало все высшее общество. Каретники и портные трудились круглые сутки, в ту зиму было продано более миллиона ярдов атласа и тюля для платьев, в которые облачались дамы для участия в восьми тысячах балов и пяти тысячах парадных обедов.

Один из иностранцев писал, что «мастерские Якоба „Лучшая мебель“ изготавливают превосходную мебель для семьи Бонапарта. Никто уже не пользуется мебелью Людовика XIV или, того хуже, мебелью в стиле рококо. Мебельщики создают прекрасные изделия из красного дерева в стиле Консульства для банкиров и финансистов, но главным образом для семейства Бонапартов».

Конечной целью всех приезжих, после того как они испробовали удовольствия летних садов, ресторанов и военных парадов в полдень, было получить приглашение на прием в Тюильри. Обаяние личности Первого консула было настолько велико, что зачастую англичане приезжали в Париж утром, наблюдали парад, видели своего героя на другом конце двора и вечером уезжали обратно в Англию.

Попасть на прием в Тюильри было достаточно трудно, и посетители подолгу толпились около Тюильри и Мальмезона.

Ну а те, кому повезло попасть во дворец, с огромным интересом рассматривали убранство дворца. Темные комнаты с высокими потолками, затянутые гобеленами или украшенные росписью семнадцатого века, были увешаны зеркалами — в позолоченных рамках или задрапированными тканями.

Англичанка мисс Берри писала в Англию, что в спальне Первого консула и мадам Бонапарт, где «они действительно спят в одной постели», — что вызывало большое удивление в высшем обществе Анг-

лии, — гардеробная мадам Бонапарт «очень элегантна, с низким потолком и занавесями, расшитыми шелком. Между нею и красной спальней Гортензии расположено помещение для служанок-негритянок».

Первый консул Бонапарт был исполнен решимости сделать свой двор самым роскошным в Европе. Шведский граф Армфелт, который раньше бывал при дворе в Версале, был поражен «великолепием, какого не увидишь в наше время при большинстве королевских дворов». Прусский министр, чей король, подобно шведскому и английскому монархам, следовал моде, требовавшей простоты, писал, что по своей пышности Тюильри превосходит Версаль и что роскошь ливрей и экипажей просто невозможно себе представить.

Теперь иностранных послов приглашали вместе с видными людьми их государств, и когда их представляли Жозефине, то соблюдали этикет, принятый в свое время при представлении французской королеве.

На этих приемах, которые всегда устраивались в апартаментах Жозефины, она обычно выходила к собравшимся раньше мужа, опираясь на руку Талейрана, который представлял ей каждого из гостей. Потом появлялся Первый консул.

Приглашенные на еженедельные парадные обеды поднимались по лестнице Тюильри между шпалерами гренадеров и входили в Желтый салон Жозефины. В зале, избранном для обеда, Первый консул и мадам Бонапарт в сверкании бриллиантов сидели на возвышении, воздух был напоен запахом апельсиновых деревьев и роз, от которого кружилась голова.

«Все были единодушны в оценке изящества Жозефины и ее умения, как естественного, так и приобретенного в салонах времен Консульства, держать себя», — вспоминал камердинер Наполеона Констан. Но не было никаких сомнений, что в центре внимания всех гостей всегда оказывался Бонапарт.

Д. Рейнхардт, немецкий композитор, оставил описание своего визита в Сен-Клу. Он увидел, что милли-

оны были истрачены на устройство дворца — фонтаны, каскады, галереи, украшенные фресками. Во дворе посетителей встречал строй консульской гвардии. Над большой мраморной лестницей висели картина Давида «Наполеон переходит Альпы» и портрет Жозефины работы Жерара. Церемониймейстеры и фрейлины провожали приглашенных в зал приемов, где они ожидали выхода Первого консула. Он входил торопливо в сопровождении церемониймейстеров, которые все — это очень характерно — были ростом ниже его, задавал несколько вопросов и отходил, не ожидая ответов. За ним следовала Жозефина. В отличие от супруга она проявляла живой интерес к людям, присутствующим на аудиенции. Рейнхардт пишет: «Она показалась мне старше и более худой, чем я представлял, ее манеры были величественны и в то же время грациозны, она держалась более дружелюбно, чем полагалось по ее положению. Она разговаривала некоторое время с русскими и польскими дамами, но удивляло то, что самые ослепительные улыбки, самые кокетливые взгляды этих дам были обращены к Первому консулу; этим особенно отличались польские дамы с их томными и выразительными глазами, устремленными на их героя. Их интерес к его супруге хотя и оставался в рамках приличий, но был совершенно иным. Они только разглядывали ее диадему».

Посетители непременно записывали потом свое впечатление о Бонапарте. Многие были потрясены «магической силой выражения его лица»: «Он выглядит так, как никто другой во всем мире...» или «Самая обаятельная улыбка, какую я когда-либо видел». Редхед Йорк тоже был потрясен, увидев Бонапарта: «Его лицо становилось ужасным, когда он сердился. Он ведет себя, как человек, вынашивающий большие планы. Черты его лица выдают жестокие и убийственные амбиции, мрачные и бурные страсти».

Гораздо меньший интерес вызывала у приглашенных мадам Бонапарт. Мисс Берри, например, нашла

Жозефину старше, чем она выглядит на портретах, и записала, что Жозефина, усугубляет это впечатление, повесив слишком льстивый портрет работы Жерара в одной из своих приемных. Однако мисс Берри отдала Жозефине должное, отметив, что мадам Бонапарт «обладает необычной внешностью». Другой посетитель, который только видел Жозефину, но не разговаривал с ней, удивился, не обнаружив в ней ничего потрясающего: «Если бы случай не вознес ее на такую высоту, на нее никто не обратил бы внимания».

Несмотря на то что разные люди по-разному воспринимали Жозефину, все они сходились во мнении, что она совершенно естественно вошла в роль первой дамы Франции. «Ее знание света, — писал Меневаль, — ее исключительная вежливость, умение найти нужное слово и нужный жест, ее неотразимая привлекательность — все убеждает нас, что она была рождена для той роли, которую удача преподнесла ей». Ну а что касается Бонапарта, то он никогда не сомневался, что рожден для этой роли.

Приезжих иностранцев интересовали не только приемы в Тюильри, но и светская жизнь Парижа, которая была пестрой и безалаберной в результате Революции, возвращения эмигрантов, появления новой касты, образовавшейся в годы Директории и Консульства.

Иностранцы старались попасть на дневные приемы у Талейрана, проникнуть в салон Лауры Жюно, в дома семейства Бонапартов и рвались в салоны диссидентов — более всего на четверги к мадам Рекамье, — как на театральные спектакли.

Дом Жюльетты Рекамье был самым модным, в его интерьерах в изобилии воспроизводились античные мотивы, морды львов, лапы сфинксов. В салоне мадам Рекамье постоянно толпились члены правительства, братья и сестры Бонапарта, иностранные послы, придворные, возвратившиеся из-за границы эмигранты. Хозяйка встречала всех гостей словами: «Хотите по-

смотреть мою спальню?» — и тут же вела их туда, и гости громко восхищались роскошной постелью, стоявшей на возвышении в облаке белого муслина.

Мисс Берри была потрясена откровенной гордостью, с которой Жюльетта демонстрировал свою красоту. «Похоже, что она думает только о себе, а остальные ее совершенно не интересуют», — записала мисс Берри.

Некоторые из новых обычаев поражали иностранцев. В ту зиму во время бала в своем доме мадам Рекамье удалилась в свою спальню, легла в постель, «укрывшись муслиновыми простынями, отделанными кружевами, ее великолепные белые плечи были обнажены, на ней не было никакой одежды. Комната была полна мужчин».

Если мадам Рекамье еще не была занесена в список диссидентов, то враждебное отношение Первого консула к Терезии Тальен было широко известно. Несмотря на это она по-прежнему широко открывала двери своего дома для всех, кто не боится Первого консула. Возвратившиеся эмигранты были благодарны ей за ту роль, которую она сыграла в дни термидора, и они снова и снова просили ее рассказать, как она томилась в тюрьме и о том, как ее ненавидел Робеспьер.

Иностранные визитеры были «совершенно потрясены ее внешностью». Один из них записал: «Даже когда я еще не знал, что это она, я был очарован этой самой обаятельной улыбкой, какую я когда-либо видел... мягким выражением лица и ее кротостью... Не могу описать мое удивление, когда я услышал, что это пользующаяся дурной славой мадам Тальен, которую я представлял себе дерзкой, бесстрашной и ослепительной».

Полиция вскрывала всю переписку Терезии, все ее поездки прослеживались. Фуше не упускал случая обратить внимание Бонапарта на любые поступки Терезии, которые могли дискредитировать ее. Никто из дворца Тюильри не общался с нею. До нее доходили

слухи о грубых выходках Первого консула в отношении женщин при его дворе. Ее подруге Эми де Коиньи иногда случалось бывать в Тюильри. Терезия знала, что Бонапарт в присутствии многих гостей задал ей бестактный вопрос: «Вы любите мужчин как и прежде, мадам?» На что Эми де Коиньи ответила: «Да, когда они вежливы».

Презрение Бонапарта к интеллектуальным и независимым женщинам наиболее полно выразилось в его отношении к мадам де Сталь. К тому же теперь он видел в ней женщину, которая все еще верит в первоначальные цели Революции и позволяет себе критиковать порядки, установившиеся при Консульстве.

Первому консулу не нравилось, что в салоне Жермены де Сталь собираются люди самых разных политических мнений, бывают его министры и правительственные чиновники, члены клана Бонапартов, даже такие деятели, как Талейран и Фуше.

Когда Жермена узнала, что наконец-то увидит Бонапарта на званом вечере у генерала Бертье, она приготовилась высказать ему ряд своих идей и мнений. Но вновь потерпела поражение. Она, как всегда, была в платье с глубоким вырезом, открывавшем ее роскошную грудь. Бонапарт, проходя мимо нее и заметив эту выставку плоти, выпалил: «Вы, должно быть, кормите грудью всех ваших детей, мадам?» Шокированная и совершенно не ожидавшая такой выходки, Жермена окаменела и не нашлась что ответить.

Неприятная для Наполеона и Жозефины история произошла во время визита в Париж Чарльза Фокса, который одно время был министром иностранных дел Англии. Он считался человеком, настроенным профранцузски. Однако их встреча оказалась совсем не дружественной, и они расстались «недовольные друг другом». Впоследствии Фокс рассказал своему секретарю Троттеру, что у него состоялся долгий разговор с мадам Бонапарт.

— Каковы бы ни были ее прошлые ошибки, —

заклучил он, — она искупила их многими добрыми делами.

— Увы, — добавил Троттер, — ей приходится применять большое количество румян, чтобы скрыть разницу в годах со своим мужем.

Фокс и Троттер еще находились в Париже, когда лондонские газеты очень нелюбезно отзывались о Жозефине. Троттер записал в дневнике: «Бонапарт весьма рассержен статьями в «Морнинг пост» и «Кроникл». Мне кажется недостойным набрасываться на женщину за беду, которой каждая женщина хотела бы избежать, если бы могла, — становиться немолодой и некрасивой. Я думаю, в данном случае это тем более неуместно, ведь она так уважаема всеми за ее необыкновенную доброту и скромность».

О Первом консуле Троттер отозвался следующим образом: «Никогда еще не было человека, который так сочетал бы в себе величие и низость, который одновременно вызывал бы восхищение и презрение».

Что же касается английских газет, то ненависть Бонапарта к ним была широко известна. Его секретарь Бурьен отмечал, что «в отличие от англичан Бонапарт не мог заставить себя не обращать внимания на оскорбления газет и всегда старался отомстить им. Он всегда был неприкрытым врагом свободы печати. Ссора между Первым консулом и английскими газетами существовала всегда». Бонапарт, говорил Бурьен, просил канцлера Англии принять меры против безнравственных статей, которыми он недоволен, но «канцлер посоветовал относиться к этим оскорблениям с глубоким презрением». Бурьен не без оснований считал, что раздражение Бонапарта по отношению к английской прессе явилось одной из причин — конечно, не главной — его враждебных действий против Англии.

А пока что двор Первого консула наслаждался жизнью и безудержно предавался любви.

В созвездии красавиц, окружавших Наполеона, было столько звезд и звездочек, что перечислять их дол-

го, да и просто неинтересно. Все эти женщины рвались к повелителю, во власти которого было одарить их положением при дворе, деньгами (порой большими), выдать замуж за одного из генералов или высокопоставленных чиновников.

Но среди них надо выделить тех, кто сверкал ярче других, кто оставил свой след в сердце Первого консула и императора.

Везло не всем. Так, явная неудача постигла уже упоминавшуюся Терезу Бургойн. Еще большее унижение ожидало другую актрису — Катрин Дюшенуа. Однажды она получила приглашение посетить Первого консула в его личном кабинете в Тюильри, куда ее и провел верный камердинер Наполеона Констан. Но Первый консул был с головой погружен в работу. Мадемуазель Дюшенуа довольно долго ждала и наконец попросила Констана напомнить о ней. Наполеон, недовольный тем, что его отрывают от работы, буркнул: «Пусть раздевается». Катрин Дюшенуа послушно разделась и в таком виде, дрожа от холода, продолжала ждать. А Первый консул то ли увлекся делами, то ли вообще не был настроен заниматься в этот момент любовью, все не приглашал ее. Наконец совершенно окостеневшая актриса снова попросила Констана поторопить Наполеона. На что тот, рассердившись, буркнул: «Пусть одевается и убирается!»

Уже в годы Империи потерпела поражение мадемуазель Гильебо, младшая дочь банкира, дела которого шли из рук вон плохо. Его старшая дочь сумела добиться расположения принцессы Элизы, сестры Наполеона, и та хорошо выдала ее замуж, а младшая, которая, по слухам, не обошла своими милостями наполеоновских вояк Мюрата и Жюно, сумела понравиться королеве Гортензии — дочери Жозефины и жене Людовика, брата Наполеона.

На одном из костюмированных балов в Елисейском дворце, который устраивала Каролина Мюрат, Гортензия участвовала в танце весталок и пригласила

возглавить хоровод мадемуазель Гильебо, которая с бубном в руке изображала Страсть. Ревнивая Каролина, знавшая о ее связи с Мюратом, устроила скандал, и Гильебо выставили за дверь.

Желая отомстить Каролине, Гортензия представила мадемуазель Гильебо своей матери, и Жозефина взяла ее в чтицы. Когда двор находился в Байонне, Наполеон частенько навещал мадемуазель Гильебо в ее комнате. И все шло хорошо, пока главный директор почты Лавалет не обратил внимание на письмо, адресованное мадемуазель Гильебо. В этом письме мадам Гильебо давала дочери подробные инструкции, как та должна вести себя с императором, и умоляла, чтобы она обязательно обзавелась *живым* доказательством их связи. Лавалет счел необходимым показать это письмо Наполеону, тот пришел в ярость, и мадемуазель Гильебо незамедлительно отправили в Париж.

Впоследствии мадемуазель Гильебо вышла замуж за Сурдо, которого Наполеон назначил главным казначеем Франции. Там он растратил казенные деньги, и дело обернулось бы для него худо, если бы не крах Империи, вследствие чего он избежал тюрьмы. Его супруге реставрация тоже пошла на пользу: она нашла путь к сердцу герцога Беррийского, который говорил, что она «прелестна и что на свете нет глаз прекраснее, чем у нее», и в награду за прелести жены назначил ее мужа французским консулом в Танжере.

Не оставался без внимания Наполеона и театр «Комеди Франсез». В первые годы нового века на его сцене появилась новая звезда — мадемуазель Марс. О ее внешности люди, близко ее знавшие, отзывались по-разному. Один из современников говорил, что она «ужасно худая», а вот беспристрастная мадемуазель Жорж, много лет проработавшая рядом с мадемуазель Марс, вспоминала о ее фигуре как о «самой восхитительной, какую только можно себе представить».

О красоте ее лица никаких споров быть не могло.

Мадам Жюно, которая брала у нее уроки актерского мастерства, с восторгом вспоминала о ее глазах, великолепных зубах и очаровательном выражении лица, которое «выдавало ее чувства раньше, чем она их высказывала». Кроме всего прочего, она была яркой и значительной личностью.

Тем не менее, как это ни парадоксально, Наполеон, не раз видевший мадемуазель Марс на сцене театра в самых разных ролях, не обращал на нее особого внимания. Озарение произошло на военном параде во дворе замка Тюильри.

Эти парады занимали большое место в дворцовом ритуале Тюильри. Многие иностранцы, бывавшие в Париже, почти обязательно описывали эти яркие действия. Один англичанин, например, в восторге живописал, как Первый консул принимал приветствия различных родов войск, включая его личную гвардию в их зеленых доломанах и красных плюмажах: «Каждый солдат ростом не менее шести футов, в шапках из медвежьего меха, драгуны в блестящих шлемах... Потом на полном скаку на плац ворвалась кавалерия и с замечательной четкостью замерла».

Наполеон любил эти почти театральные представления и использовал их, чтобы завоевать еще большую популярность в войсках. Он зачастую прерывал ход парада, чтобы перекинуться несколькими словами с кем-нибудь из бородачей-ветеранов, потрепать его за ухо — проявление высшего расположения со стороны Наполеона, — облагодетельствовать очередной наградой.

Парижский высший свет тоже любил эти парады — это был прекрасный случай на других посмотреть и себя показать.

Вот на одном из таких парадов Наполеон и обратил внимание на мадемуазель Марс. Он направил своего коня сквозь кордон охраны прямо к тому месту, где стояла хорошенькая зрительница, и обратился к ней: «Значит, вы возвращаете нам визит за наши

визиты в «Комеди Франсез», визиты, которые доставляют нам такое наслаждение?»

От неожиданности такого обращения мадемуазель Марс растерялась и впервые в жизни не нашлась, что ответить. Так завязался новый роман Наполеона с еще одной звездой театра. Впрочем, связь эта длилась недолго, но Наполеон в отношении мадемуазель Марс был традиционно щедр. Летом 1803 года «Комеди Франсез» приехал в Дрезден, чтобы развлекать там скучающую без дела французскую армию, и Наполеон приказал управляющему театрами выплатить артистам денежное поощрение.

Любопытно, как по-разному оценивал император талант актрис. Мадемуазель Жорж, вернувшейся из России и вновь поступившей в труппу театра, он распорядился выплатить восемь тысяч франков, Тереза Бургойн, несмотря на ее непрекращающиеся оскорбительные выпады против Наполеона, получила шесть тысяч франков. А вот мадемуазель Марс была награждена десятью тысячами. Катрин Дюшенуа вновь оказалась забытой — ее имени в списке награжденных не оказалось.

Между тем интрижки Наполеона с придворными дамами из свиты Жозефины продолжались, что приводило ее в отчаяние. Она шпионила за ним, допрашивала лакеев, горничных, своих фрейлин. Императора эта слежка очень раздражала. В конце концов он попросил мадам де Ремюза помочь ему и поговорить с Жозефиной. «Жозефина, — сказал он, — беспокоится больше, чем надо. Она вечно боится, что я серьезно влюблюсь... Что такое любовь? Это страсть, которая кладет на одну чашу весов весь мир, а на другую любимого человека. Не в моем характере поддаваться такому подавляющему чувству. Почему она беспокоится по поводу моих прихотей, в которых мои чувства вовсе не замешаны?»

Сам он в таких случаях становился нетерпим и просто груб. Мадам де Ремюза вспоминала: «Как

только он заводил новую любовницу, он становился груб, агрессивен и безжалостен по отношению к своей жене. Он не задумываясь сообщал ей о новой интрижке и ужасно удивлялся, что она не одобряет таких развлечений, которые, как он считает, ему полезны... Когда же мадам Бонапарт плачет или жалуется, он набрасывается на нее с такой руганью, какую я не могу воспроизвести».

Впрочем, среди легких интрижек и мимолетных связей было и несколько серьезных увлечений. В начале лета 1804 года в штате фрейлин Жозефины появилась новая дама — мадам де Води. Жозефина вообще любила окружать себя молодыми красивыми женщинами веселого нрава, которые были способны развеселить ее, внести какое-то оживление в монотонную жизнь наполеоновского двора. Вот такой прелестной женщиной оказалась Элизабет де Води.

Это была высокая, очень красивая женщина, обладавшая блестящим умом, она прекрасно пела, отличалась и писательским талантом. Но главным ее качеством было великолепное владение мастерством интриги.

Элизабет де Води происходила из аристократической семьи, отец ее, Мишо д'Аргона, выдающийся военный инженер, служил при Бурбонах и стал одним из первых сенаторов в период Консульства. Она весьма удачно вышла замуж за богатого наследника старинного аристократического рода, владетельного сеньора Води, наместника Бургундии, при Империи ставшего сенатором.

Элизабет, подобно Жозефине, отличалась крайней расточительностью. Швырять деньги на ветер ей помогала страсть, которой, однако, не было у Жозефины, — карты. Эта страсть была так сильна, что мадам Води при себе всегда имела колоду карт и не упускала ни малейшей возможности затеять азартную игру с адъютантами или придворными в каком-нибудь укромном

уголке. Если под руками не было подходящего столика, она охотно предоставляла для игры собственные колени.

Наполеон узнал об этих карточных играх, происходящих по всем углам, и со свойственной ему решительностью положил этому конец. Но дама, виновная в этом пороке, привлекла его внимание, и во время пребывания двора в Экс-ла-Шапель Элизабет де Води стала его любовницей. Жозефина невольно способствовала этому, избрав мадам де Води своей наперсницей. Она рассказывала своей фрейлине об изменах Наполеона, которые он сам называл «сезонами случки», и о том, как груб он бывает с ней в такие периоды. («Любовь, — сказал он однажды, — первобытное чувство, оно превращает мужчину в животное. Я вхожу в такие «сезоны случки», как кобель».)

Впоследствии Элизабет де Води напишет о Жозефине: «Боюсь, что потребность императрицы открывать свое сердце, рассказывать все, что происходит между ней и императором, во многом лишает ее доверия Наполеона... Жозефина с ее щедростью, непосредственностью, с ее бурными эмоциями напоминает десятилетнего ребенка, она может расплакаться и уже через несколько минут совершенно успокоиться... Малообразованная, как все креолки, она научилась почти всему, слушая других, проведя значительную часть своей жизни в высших кругах, она обрела изящные манеры и умение вести беседу, которое в модном обществе зачастую заменяет остроумие».

Когда Наполеон неожиданно сообщил, что приедет в Экс и будет сопровождать Жозефину и ее двор в поездке по Рейну, Жозефина от радости расплакалась. Его письмо кончалось словами: «Я не могу дождаться, когда увижу тебя и покрою всю тебя поцелуями. Жизнь холостяка очень тяжела, и мне не хватает моей доброй, нежной и прекрасной жены».

Впрочем, когда они плыли по Рейну, Жозефине

потребовалось всего несколько дней, чтобы понять, что на самом деле Наполеону не хватало его любви. И, как всегда, первым признаком его нового любовного увлечения стало грубое обращение с женой.

А мадам де Води была уверена, что Наполеон теперь полностью в ее руках. По возвращении в Париж она решила, что пришло ее время, и, обставив свой дом с вызывающей роскошью, поспешила наделать столько же долгов, сколько в свое время делала Жозефина. Под нажимом торговцев, требовавших, чтобы она расплатилась с долгами, мадам де Води собрала все счета и послала их своему любовнику.

Вряд ли можно было найти мужчину, который был бы так снисходителен к капризам красивой женщины, как император Франции. Наполеон распорядился оплатить долги мадам де Води. Более того, когда она снова послала ему свои счета, он и на этот раз оплатил их. Но когда она в третий раз направила Наполеону список своих долгов, его терпение иссякло. «Почему я должен так дорого платить за то, что я могу получить где угодно гораздо дешевле?» — заметил он.

Мадам де Води была искренне удивлена его отказом, но духом не пала. Она написала ему жалобное письмо, объясняя своему любовнику, что для нее это «долги чести» и что, если она не добудет этих денег в течение двадцати четырех часов, она покончит с собой.

Наполеон не на шутку разволновался и немедленно послал в ее очаровательный дом в Отейле своего адъютанта генерала Раппа, который в седельном мешке вез требуемые деньги. Генерал ожидал увидеть даму в состоянии истерики, с пузырьком лауданума в руке и маленьким пистолетом на столике у постели. Какова же была его растерянность, когда он ворвался в дом и застал там веселящуюся кампанию за картами во главе с мадам де Воли! Вторжение посланца императора повергло хозяйку дома в некоторое смятение, но

она была дама хладнокровная и быстро взяла себя в руки. С веселым видом она забрала деньги и вернулась к карточному столу.

Генерал Рапп доложил все в деталях Наполеону, который по-настоящему пришел в ярость и немедленно послал мадам де Води записку, что она уволена со своей должности при дворе.

Когда мадам де Води поняла, что ее карьера фрейлины и любовницы кончена, она принялась писать мемуары, поливая Наполеона грязью. Он никак не стал на это реагировать, только запретил ей показываться при дворе.

С годами ненависть мадам де Води к Наполеону, который вел себя по отношению к ней столь великодушно, все больше возрастала, превратившись в неутолимую жажду мести. В 1814 году, когда император вынужден был отречься от престола, Элизабет де Води присоединилась к оголтелому хору злобных гонителей. Но этого ей было мало. В марте следующего года, когда Наполеон вернулся с Эльбы и с триумфом въехал в Гренобль, она обратилась к бежавшим в панике из Парижа Бурбонам с предложением убить Наполеона. Она сообщала, что ей не нужен ни пистолет, ни кинжал, а только карета и кругленькая сумма денег. К ее предложению не отнеслись серьезно.

Свою жизнь Элизабет де Води закончила совершенно нищей, полуслепой и полупарализованной попрошайкой.

А Наполеону предстояло пережить еще одно любовное увлечение, и опять же с придворной дамой Жозефины. Это была Адель Дюшатель, и, как заметил один из биографов, она стоила Жозефине больше слез и страданий, чем все актрисы парижских театров вместе взятые.

В 1803 году, когда Адель Дюшатель попала в число фрейлин Жозефины, ей было двадцать лет. Очаровательная блондинка с васильковыми глазами, прекрас-

ными зубами, гибкой фигурой, напоминающей фигуру Жозефины в молодости, она к тому же обладала изысканными манерами, отлично пела и играла на арфе. И самое главное, у нее был острый ум, неутолимое честолюбие, и она была неразборчива в средствах. И вот что любопытно, она, буржуазка по происхождению и воспитанию, от рождения владела искусством светского поведения, отличалась благородством манер.

Ее муж, на тридцать лет старше ее, был выдающимся государственным деятелем. Сферой его деятельности были финансы страны, и здесь он прослыл знатоком. При этом он был поглощен своей работой, с женой встречался крайне редко и предоставлял ей полную свободу, чем она широко пользовалась. Среди ее поклонников были маршал Мюрат и Евгений Богарне, сын Жозефины.

Никто, к сожалению, не зафиксировал в своих мемуарах, когда и при каких обстоятельствах вспыхнул этот огонь влюбленности.

Бонапарт действительно влюбился. Влюбился, как шестнадцатилетний мальчишка. На этот раз он вел себя весьма осторожно, боясь скомпрометировать предмет своей любви, чтобы, не дай Бог, не вызвать скандала, который мог бы привести к удалению мадам Дюшатель от двора. Он и вел себя, как мальчишка, что было ему совершенно несвойственно. Он стал чаще посещать салон Жозефины, любезно беседовал с ее фрейлинами, присаживался ненадолго за карточный стол (карточную игру он не любил), и все только ради того, чтобы быть рядом с Адель Дюшатель, любоваться ею.

Очень чуткая ко всем нюансам поведения своего мужа, Жозефина сразу же насторожилась. Теперь она следила не столько за карточной игрой, сколько за Наполеоном и своими фрейлинами. Кем на этот раз он увлечен? Откуда, с какой стороны грозит ей опасность?

Первое подозрение Жозефины пало на маленькую Аглаю Ней, очаровательную жену знаменитого маршала. Юная Аглая, только недавно вышедшая замуж и безумно влюбленная в своего мужа, почувствовала, как изменилось отношение к ней Жозефины, и пришла в отчаяние. Она обратилась за помощью к королеве Гортензии, своей соученице по школе мадам Кампан, уверяя ее в своей невинности и жалуясь на несправедливость императрицы. Гортензия, поняв, что Аглаю совершенно не в чем винить, убедила свою мать, что та ошибается.

Другой подозреваемой оказалась молодая жена генерала Жюно, впоследствии знаменитая герцогиня д'Абрантес, возможно не без причины, поскольку мадам Жюно не без удовольствия описывала довольно странную привычку императора рано утром заходить в ее спальню и раскладывать на столике у ее кровати полученную им почту. По словам Лауры Жюно, все было совершенно невинно, и единственная вольность, которую позволял себе Наполеон, состояла в том, что он поглаживал ее ногу через простыню.

Но в конце концов Жозефина выяснила, кто из ее фрейлин представляет для нее подлинную опасность, и решила выследить мужа и его любовницу и накрыть их с поличным, чтобы отрицать их связь было невозможно.

Это решение оказалось в высшей степени неразумным. Наполеон был не из тех мужчин, которых можно безнаказанно поставить в такое положение, когда приходится оправдываться. Любое вмешательство в его личную жизнь приводило его в ярость. Он не раз объяснял Жозефине, что он не обычный человек, обязанный соблюдать общепринятые нормы поведения. Ей бы вести себя так, как ведут себя разумные жены в подобных ситуациях, — делать вид, что ничего не происходит, и выжидать, когда увлечение умрет естественной смертью. Обычно Жозефина именно так

и поступала. Но на этот раз мудрость изменила ей. То ли она почувствовала, что опасность слишком велика, то ли чаша ее терпения переполнилась.

Во всяком случае она стала внимательнейшим образом следить за Наполеоном и мадам Дюшатель и выяснила, что в Сен-Клу над апартаментами Наполеона рядом с оранжереей есть небольшое тайное помещение, куда Констан приводит к Наполеону женщин.

Однажды перед ужином Жозефина заметила, что мадам Дюшатель ускользнула из гостиной, где все собрались, перед тем как проследовать в столовую. Наполеон тоже куда-то исчез. Жозефина решила проверить свои подозрения и вывести влюбленных голубков на чистую воду, о чем она шепнула Клер де Ремюза. Та, зная гораздо больше, чем Жозефина, об этой страсти, завладевшей Наполеоном, стала ее отговаривать, упирая на необходимость блюсти достоинство главы государства. Но Жозефина проявила на этот раз обычно не свойственное ей упрямство и отправилась на поиски. Через полчаса она вернулась бледная, вся в слезах, увела Клер де Ремюза в свою спальню и рассказала ей, что, не обнаружив мужа в его апартаментах, она поднялась по лестнице в комнату рядом с оранжереей. Дверь оказалась запертой, но, как поведала Жозефина своей наперснице, она приложила ухо к замочной скважине и услышала голоса Наполеона и Адель Дюшатель. Тогда она принялась колотить кулаками в дверь и кричать во весь голос, требуя, чтобы ей открыли. Дверь наконец распахнулась, и пред очами Жозефины предстали обнаженные Наполеон и Адель. Лицо Наполеона было просто черным от гнева.

Жозефине сообразить бы, какую ошибку она совершает, но первая дама Франции повела себя как рыночная торговка — она совершенно потеряла голову. «Я знаю, — признавалась она позднее Клер де Ремюза, —

что должна была держать себя в руках, но я не могла с собой справиться. Я разразилась градом упреков».

Наполеон не стал слушать ее, а тем более оправдываться. Он в неистовстве ломал мебель, утверждая свои права. Он снова и снова повторял, что он человек, отличный от всех других, и он отказывается подчиняться общепринятым нормам. «Ты должна соглашаться со всем, что приходит мне в голову! Я имею право отвечать на все твои вопросы тем, что я выше всех людей на земле!»

Он кричал, чтобы она убиралась из Сен-Клу, что он устал от ее слезки за ним, что он разведется с ней и женится на женщине, которая будет рожать ему детей.

Жозефина поняла, что ступила на неверный путь. Надо было исправлять положение. Она попросила Клер де Ремюза поехать к Гортензии, к которой Наполеон очень нежно относился, и передать, что мать умоляет ее вмешаться. Но Гортензия сказала, что ничем не может помочь матери, потому что ее муж Людовик запретил ей вмешиваться.

В тот же вечер, когда произошла эта скандальная сцена, Наполеон послал за Евгением Богарне, своим пасынком, которого искренне любил, и сообщил ему, что решил развестись с его матерью. При этом он добавил, что на положении и карьере Евгения это никак не скажется, на что тот гордо ответил, что в благотворительности не нуждается и что последует за своей матерью, куда бы она ни поехала, хотя бы на Мартинику.

Прошло несколько дней, и Наполеон сделал еще один шаг к разводу. Он прямо задал Жозефине вопрос: «Если я решу, что национальные интересы требуют, чтобы ты ушла от меня, уйдешь ли ты сама, тем самым избавив меня от болезненной необходимости отсылать тебя?»

У Жозефины хватило ума и такта ответить, что она

будет ждать от него приказа покинуть трон, на который он возвел ее. Благодаря ее «искусной мягкости, проявленной ею готовности и вообще позиции, которую она заняла, позиции несопротивляющейся жертвы, — писала Клер де Ремюза, — ей удалось взволновать Наполеона и посеять в нем сомнения в правильности его решения о разводе».

Вскоре после этого драматического эпизода Наполеону взбрело в голову перевести двор из Сен-Клу в Мальмезон. Стояла довольно суровая зима, Мальмезон был совершенно не подготовлен к пребыванию там, в комнатах было ужасно холодно, придворные мерзли, только Наполеон и мадам Дюшатель не жаловались на холод — они усиленно согревали друг друга в постели.

Вообще Наполеон в Мальмезоне перестал скрываться. Он не таясь гулял по заснеженным аллеям с Адель Дюшатель. Жозефина наблюдала за ними из окна, проливая слезы.

Развязка наступила совершенно неожиданно. Уже весной Наполеон пришел к Жозефине и сказал, что был сильно влюблен, но теперь все кончено. «Не плачь, — успокаивал он ее, — все это не имеет значения».

По свидетельству мадам Ремюза, которая является главным источником информации по поводу этого инцидента, он добавил: «Я причинил тебе боль? Тогда прости меня, и я все тебе расскажу».

Что же произошло? Почему оборвался такой красивый роман, когда Наполеон не просто удовлетворял свою похоть, а был серьезно влюблен? На этот вопрос ответа нет, можно только высказывать различные предположения. Одно из них самое примитивное — быть может, Адель Дюшатель стала ему надоедать. Другое представляется более вероятным — любовница захотела играть политическую роль. Этого Наполеон допустить не мог. «Я не желаю, — говорил он, —

чтобы при моем дворе власть была в руках женщин. Они причинили много зла Генриху IV и Людовику XIV. Мое ремесло много серьезнее, чем ремесло этих принцев, и французы стали слишком серьезны, чтобы прощать государю связи, выставляемые напоказ, и официально возвеличенных любовниц». Его настоящая любовница, говаривал он, это власть. «Я слишком много сделал для ее завоевания, чтобы позволить кому-нибудь похитить ее у меня или даже домогаться ее».

Любопытно, что Наполеон не захотел сам объясняться со своей любовницей и сообщать ей о разрыве. Он поручил эту миссию Жозефине. Можно представить, с каким удовольствием Жозефина вызвала Адель и прочитала ей длинную нотацию на тему о том, как «неразумно выставлять напоказ какую бы то ни было близость к Наполеону. Другие люди имеют склонность делать неправильные выводы, видя такую фамильярность». Надо полагать, что даже хладнокровная и выдержанная Адель Дюшатель изумилась, услышав такие слова из уст женщины, которая застала ее голой в постели с собственным мужем.

Следует отметить, что Адель Дюшатель восприняла свою отставку очень достойно. Впрочем, она и не была совсем уволена из дворцового штата. В отличие от других оставленных любовниц она не затаила обиды на Наполеона, а напротив, сохранила лояльность по отношению к нему. Она вообще была по натуре своей женщиной бескорыстной. Об этом свидетельствует, в частности, разговор Наполеона на Святой Елене с генералом Гуржо. «После обеда император рассказывал о своих любовных увлечениях. Мадам Д... всегда отказывалась принять что бы то ни было, даже бриллиантовое кольцо».

В ее пользу говорит и то, что она не стала, как некоторые другие, добывать деньги изданием мемуаров о своих близких отношениях с императором.

Тому могут быть два объяснения. Одно предполагает, что она была достаточно богата, чтобы пренебречь такой возможностью. Другое сводится к тому, что она не хотела разрушать иллюзии своего мужа относительно ее супружеской верности.

Тем не менее когда 26 июня Наполеон, побежденный в битве при Ватерлоо, готовился навсегда покинуть Францию, Адель Дюшатель одной из первых приехала в Мальмезон, чтобы засвидетельствовать поверженному императору свою преданность.

Так или иначе, но эта страница его жизни была перевернута.

А впереди Наполеона ожидали большие перемены.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой рассказывается о коронации
Наполеона и Жозефины*

Надежда Европы и, в частности, Франции на мир рухнули 13 марта 1803 года, когда Бонапарт на официальном приеме в Тюильри намеренно оскорбил английского посла, и этот поступок, как он и планировал, привел к аннулированию Амьенского мирного договора.

Английскому послу лорду Уитуорту жилось в Париже довольно тягостно. Когда он просил кого-либо из высокопоставленных чиновников о встрече, от него требовали огромные взятки. Жозеф Бонапарт, назначенный своим братом вести переговоры с английским послом, потребовал за аудиенцию довольно большую сумму, а цена, которую запросил Талейран, оказалась просто астрономической. Тем не менее лорд Уитуорт заплатил эти деньги без всяких разговоров.

А вот его американский коллега Ливингстон, не привыкший к европейским нравам, был потрясен, когда министр иностранных дел Талейран откровенно заявил ему, что торговый договор между Францией и США не может быть заключен меньше чем за два миллиона франков. Впрочем, Ливингстон был предупрежден самим Первым консулом, который на дипломатическом приеме приветствовал его словами: «Вы приехали из свободной и добродетельной республики в мир подкупа и взяток».

Следует отметить, что условия Амьенского договора обе стороны нарушали. Англия обвиняла Францию в том, что та продолжает свою политику захвата и оккупации (Голландия, Швейцария и Пьемонт оставались оккупированными французскими войсками). Франция, в свою очередь, обвиняла Англию в том, что та не выводит свои войска с острова Мальта и не возвращает этот главный остров Средиземного моря Мальтийскому ордену, как предусматривалось Амьенским договором.

Неприятное отношение Первого консула к английскому послу было вызвано и чисто личными мотивами. Бонапарт не любил высоких мужчин, а лорд Уитуорт был ростом шесть футов. Когда Первый консул выкрикивал ему в лицо оскорбления, причем в таких выражениях, которые посол не решился цитировать в официальном донесении, ему пришлось встать на цыпочки.

После этого инцидента лорд Уитуорт покинул Париж, а 18 мая 1803 года английский король Георг III объявил Франции войну.

Второй уже раз Бонапарт создавал армию для вторжения в Англию. В июне он уже был на берегу Ла-Манша, инспектируя военные лагеря, новые типы судов, предназначенных для переправки войск, лошадей и снаряжения через пролив. Он, видимо, забыл свои сомнения относительно французского флота, которые высказывал в донесении Директории, когда планировал первое вторжение в Англию, как забыл и то, что французская флотилия была разгромлена при Абукире. Теперь он был настроен весьма оптимистически, заявив: «При благоприятных обстоятельствах и туманной погоде я в течение трех дней могу стать хозяином Лондона, парламента и Английского банка».

Во время одной из таких поездок Бонапарт написал Жозефине письмо, на которое она ответила взволнованным посланием: «Вся моя грусть улетучилась, когда я прочитала Ваше трогательное письмо с выражени-

ем Ваших чувств ко мне. Как я благодарна Вам за то, что вы нашли время написать такое длинное письмо Вашей Жозефине. Вы не можете себе представить, сколько радости оно принесло женщине, которую Вы любите... Я всегда буду хранить это письмо, которое прижимаю к сердцу. Оно будет утешать меня во время Вашего отсутствия и направлять меня, когда Вы будете рядом, ибо я хочу всегда быть Вашей сладкой и нежной Жозефиной, вся моя жизнь посвящена только Вашему счастью.

Когда Вы счастливы или на какое-то мгновение грустны, излейте Вашу радость или грусть на груди Вашей преданной жены, чтобы я разделяла с Вами все Ваши чувства... Все мои желания сводятся к тому, чтобы порадовать Вас и сделать Вас счастливым... До свидания, Бонапарт. Я никогда не забуду последней фразы Вашего письма. Я спрятала ее в моем сердце. И с каким восторгом мое сердце откликается на нее! Да, о да, таково и мое желание — ублажать Вас и любить Вас, вернее — обожать Вас...»

Однако годы идиллии для Франции и для Жозефины кончались. Никогда еще опасения Жозефины относительно монархических и династических амбиций Бонапарта не были столь оправданны. Уже через несколько месяцев после разрыва Амьенского договора его деспотизм стал проявляться все отчетливее.

15 августа 1803 года в день, когда весь католический мир, как и в течение многих столетий, отмечал Успение Богородицы, Франция праздновала день рождения Первого консула, и день Святого Наполеона был объявлен праздником.

Все люди, окружавшие Бонапарта, видели, как власть увеличивает высокомерие Первого консула. Одним из таких проявлений стало его стремление подражать обычаям королевских дворов.

Прусский посланник писал в своем донесении в Берлин: «Теперь Первый консул увлекается охотой, и леса, где раньше охотились французские короли и прин-

цы крови, теперь отведены для него и офицеров его свиты». В Тюильри поговаривали, что Бонапарт, будучи весьма посредственным наездником, «получает удовольствие скорее от сознания того, что скачет по местам, где скакали короли, чем от самой охоты».

Жозефина острее, чем кто-либо другой, ощущала, как крепнет в Наполеоне желание возложить на себя корону, стать основателем династии. Она приходила в отчаяние от одной только мысли, что Бонапарт может влюбиться в какую-нибудь из своих случайных любовниц, особенно если та забеременеет, — тогда развод станет неизбежным. Хотя Гортензия родила сына, Наполеона Шарля, в положенный срок и хотя Первый консул, по всей вероятности, видел в нем своего возможного наследника, угроза развода все еще оставалась реальной.

Когда они переехали в Сен-Клу, Наполеон впервые предпочел спать в отдельной спальне. На Святой Елене он высказал довольно неожиданный взгляд на права жены: «Мы (Жозефина и я) были вполне буржуазной парой, нежной и неразлучной, мы спали в одной комнате, в одной постели. Это очень существенно для женатых людей, это обеспечивает влияние жены и зависимость мужа, поддерживает интимные отношения и мораль... Пока эта привычка существовала, ни одна моя мысль, ни одно действие не укрывались от Жозефины. Она знала все, и это порой оказывалось неудобным для меня. Это кончилось после одной ее сцены ревности. Я решил не возвращаться в зависимое положение». Впоследствии, когда он был женат во второй раз, он боялся, что Мария Луиза будет настаивать на том, чтобы спать с ним в одной постели, «поскольку не мог бы ей отказать: это подлинное право женщины».

Иногда по ночам, в халате, с головой, повязанной платком от холода, Наполеон пересекал коридор, разделявший их спальни в Сен-Клу, Констан освещал ему дорогу свечой. После того как Наполеон уходил от нее — обычно в восемь утра, Жозефина вызывала сво-

их фрейлин и сообщала им, что ее муж провел ночь с ней, и томно добавляла: «Поэтому я так поздно встаю».

Наполеон, как известно, был человеком импульсивным, неуравновешенным. Это яснее всего проявлялось в его отношениях с Жозефиной. Он сплошь и рядом бывал с ней резок, даже груб.

Примером может служить ужасная сцена в Мальмезоне, которую и Жозефина, и Лаура д'Абрантес запомнили на всю жизнь. Жозефина страдала от приступа мигрени, но не рискнула послушаться приказа Первого консула сопровождать его, чтобы осмотреть земельную собственность, расположенную неподалеку.

Ужасно страдая, она тем не менее послушно села в карету, а Бонапарт и Бурьен поехали верхом. Когда они оказались у глубокого ручья, который всадники преодолели на скаку, Жозефина стала просить Наполеона, чтобы он позволил ей выйти из кареты, пока та будет переплавляться через ручей. «Пожалуйста, Бонапарт, позвольте мне выйти», — умоляла она. Однако он назвал эту просьбу детским капризом и ударил форейтора хлыстом, чтобы тот ехал быстрее. Лошади рванулись, карета наскочила на камень и сломалась почти пополам. Наполеон заорал на свою конвульсивно всхлипывающую жену, что слезы делают ее уродливой. (Будучи на Святой Елене, он отрицал такой случай.) Но после этой ссоры, как отмечала Лаура д'Абрантес, «они вернулись к спокойным и нежным отношениям, более откровенным, чем когда-либо».

Бывали, конечно, и светлые, счастливые периоды в ее жизни. В 1804 году Первый консул отправился в поездку по северо-востоку Франции, намереваясь также посетить Бельгию, которая была теперь французским департаментом, Голландию — Батавскую республику и французский протекторат, он взял с собой Жозефину. Поездка длилась целый месяц и превратилась в подлинный триумф Жозефины. Куда бы они ни приезжали, их встречали овациями, приветст-

венными криками и речами, в которых имя Жозефины звучало так же часто, как и имя Наполеона. Ее приветливость и искренний интерес к каждому, с кем она разговаривала, ее чуткость и доброта запомнились на многие годы. «Когда я посетила эти места через пятнадцать лет, — писала мадам де Ремюза, — я обнаружила, что о ее грациозности и доброте все еще помнят».

На время этой поездки Наполеон дал Жозефине бриллианты французской короны. Он всегда проявлял интерес к тому, как она выглядит, считая, что роскошь играет важную политическую роль. Клер де Ремюза вспоминала, что Бонапарт приказывал Жозефине появляться на всех публичных встречах роскошно одетой.

Даже по меркам Тюильри Жозефина одевалась со сказочной роскошью. Достаточно вспомнить ее знаменитое розовое платье, все покрытое сотнями тысяч живых лепестков роз, но сидеть в этом туалете Жозефина не могла. Во время визита в дом Жозефа Бонапарта в Мортefonтене на ней было платье из перьев экзотических птиц, причем каждое перышко было закреплено жемчужиной.

Надо сказать, что вкус порой изменял Жозефине. Даже самые пылкие ее поклонники вынуждены были признавать, что она иногда заказывала для себя слишком яркие туалеты, подходящие разве что для молодых девушек. Так, на торжественную церемонию в связи с награждением Наполеона первым орденом Почетного легиона она явилась в платье из розового тюля, усыпанного серебряными звездочками, с ярким, почти театральным гримом, волосы ее были уложены короной и украшены бриллиантами.

Ее фрейлины нашли этот туалет не совсем подходящим. Тем не менее после утомительной церемонии на открытом воздухе «элегантность ее внешности, обаяние ее улыбки и очарование ее лица производили такое впечатление, — писала Клер де Ремюза, — что ей

устроили овацию, вся процессия и эскорт Первого консула замедлили движение, чтобы соответствовать неторопливым шагам мадам Бонапарт».

Жозефина знала, что ее влияние на мужа во многом основывается на его убежденности, что она является его талисманом, залогом его удач.

Англичане, посещавшие Париж, замечали это. Один из них писал: «Суеверность Бонапарта в отношении его жены необыкновенна. Когда он приехал из Сен-Клу совершенно больной, она приехала вслед за ним, чтобы удовлетворять его желания, и отправилась с ним в постель, как только прибыла в Тюильри».

Тем временем Бонапарт железной поступью шел к своей заветной цели — стать королем Франции. Жозефина, которую очень беспокоило его стремление к абсолютной власти, пыталась отговорить его. Однажды она зашла в кабинет в то время, когда Наполеон диктовал что-то своему секретарю. «Она приблизилась к нему в своей нежной и обольстительной манере, — писал Бурьен, — села к нему на колени и стала поглаживать его щеку и волосы. Она нежно и торопливо заговорила: „Бонапарт, я умоляю вас, не делайте себя королем. Это отвратительный Люсьен подсовывает вам такие планы. Пожалуйста, ну пожалуйста, не слушайте его“». Бурьен записал, что Бонапарт только улыбнулся и ответил: «Вы рехнулись, Жозефина, вы могли услышать такие дикие сказки только в предместье Сен-Жермен».

На самом же деле Бонапарт ждал только удобного случая, чтобы возложить на себя корону. Таким случаем стал заговор с целью покушения на жизнь Первого консула. В 1804 году в Париже был арестован предводитель вандейских повстанцев. Он признался, что он и его сообщники готовились убить Первого консула и «ждали только приезда принца королевской крови», который должен был возглавить заговор. Бонапарт и Талейран решили, что оправдание их преступным замыслам найдено. Наполеон на Святой Елене всячес-

ки отрещивался от этого преступления — похищения и убийства герцога Энгийенского, утверждая, что это дело рук Талейрана и Фуше. Талейран тоже отрицал свою причастность к этому преступлению. В 1814 году, когда войска антифранцузской коалиции вошли в Париж, он сжег все бумаги, которые могли его скомпрометировать. Однако спустя восемьдесят лет было обнаружено письмо, которое подтверждало то, в чем его подозревали тогда, в 1804 году, — он был замешан в убийстве ни в чем не повинного человека.

Герцог Энгийенский, которому было тридцать два года, был племянником Людовика XVI. Наполеон подозревал, что он и был тем принцем крови, которого ожидали заговорщики.

Герцог Энгийенский с начала Революции жил в нейтральном герцогстве Баденском. 14 марта 1804 года отряд французских драгун перешел границу, герцог был схвачен, переправлен через Рейн и тайно доставлен в венсенскую тюрьму недалеко от Парижа.

Как только во Франции стало известно о похищении, в Тюильри воцарился ужас. Фрейлина Жозефины роялистка Клер де Ремюза стала умолять Жозефину спасти герцога. Когда, по рассказу мадам де Ремюза, Жозефина в слезах упала на колени перед Бонапартом, умоляя пощадить невинного человека, он закричал: «Женщины не должны вмешиваться в государственные дела!» Позднее в тот день он вернулся к этому вопросу, заметив: «Вы вели себя как ребенок, вы ничего не понимаете в политике», — и запретил Жозефине заговаривать с ним на эту тему.

На Святой Елене Наполеон отрицал вмешательство Жозефины. Он сказал генералу Бертрону: «Как и все, Жозефина впоследствии плакала и утверждала, что разговаривала со мной по этому поводу, в то время как на самом деле она никогда не касалась в разговорах со мной этого вопроса».

Как писала мадам де Ремюза, в тот роковой вечер

Первый консул был мрачен. Потом спросил Клер де Ремюза, почему она такая бледная, и она ответила, что забыла подрумяниться. Он рассмеялся: «Вот с моей Жозефиной такого случиться не может! Она знает, что ничто так не украшает женщину, как румяна... и слезы». После этого, вспоминала Клер де Ремюза, он начал ласкать свою жену «более вольно, чем принято в обществе» и, как всегда, когда нуждался в том, чтобы успокоиться и расслабиться, провел ночь в спальне Жозефины.

В ту же ночь в поздний час герцога Энгиенского вывели во двор Венсенского замка, где для него уже была вырыта могила. По приказу Бонапарта без суда и следствия, без права на защиту герцог был расстрелян. Монархическая Европа никогда не простила Бонапарту этого бесчестного поступка.

Талейран, по словам Барраса, всегда хотел, чтобы «Наполеона и Бурбонов разделила река крови». Теперь те, кто голосовал за казнь Людовика XVI, вздохнули с облегчением: Бонапарт оказался одним из них, он тоже пролил королевскую кровь, реставрация Бурбонов невозможна.

Фуше, знавший о том, что Талейран серьезно запутан в этом деле, сказал: «Это хуже, чем преступление, это ошибка».

Бонапарт прекрасно понимал, что герцог Энгиенский ни в чем не виноват, но своих целей он добился. «Я заставил навсегда замолкнуть и роялистов, и якобинцев», — сказал он. Бонапарт считал, что, возродив право престолонаследия, положит конец всяким попыткам убить его.

Спустя три недели после убийства герцога Энгиенского Сенат по требованию Бонапарта провозгласил его «императором французов». 18 мая сенаторы прибыли в Сен-Клу, чтобы сообщить Наполеону об их решении провозгласить империю. Наполеон «встретил их спокойно, так, словно он всю свою жизнь имел

право на этот титул». Из всех присутствующих он, пожалуй, менее других был смущен, когда сенаторы путались, обращаясь к нему «гражданин консул», «гражданин император», «сир». Жозефина вздрогнула, впервые услышав обращение «ваше императорское величество». Возможно, в эту минуту она вспомнила гадалку на Мартинике, которая предсказала, что она вознесется «выше, чем королева».

На семейном обеде в тот вечер все честолюбие семейства Бонапартов выплеснулось наружу. Больше всех злилась сестры Наполеона Элиза и Каролина. Император поддразнивал свое семейство, обращаясь к каждому с новым титулом. Титул принца или принцессы получали только те члены семьи, которые имели право престолонаследия. Жозеф и Людовик Бонапарты получили титулы принцев, а Каролина разрыдалась, когда Наполеон обратился к Гортензии, назвав ее принцессой.

На следующий день Элиза и Каролина снова атаковали своего брата, обвиняя его в том, что он «обрекает их на безвестность и презрение, в то время как иностранцев облакает честью и достоинством». Кончилось тем, что Каролина в ярости бросилась на пол, и Наполеон не мог противостоять ее отчаянию. Десять дней спустя он дал обеим сестрам титул «императорских высочеств», в то время как их мужья остались обычными гражданами. Полина тоже стала «ее императорским высочеством», хотя была теперь замужем за итальянским принцем Боргезе и любила подчеркивать, что именно она является «настоящей принцессой». Однако это была не первая ссора в ряду колоссальных свар перед коронацией, самые серьезные будут по поводу престолонаследия и титула Жозефины.

Единственное, в чем семейство Бонапартов было едино, так это в вопросе о Жозефине — эту креолку не следует короновать и делать императрицей, после этого будет уже невозможно вытеснить «этих Богарне».

Бонапарт, вняв их убеждениям, наверняка в конечном счете разведется с ней.

Наполеон был удивлен резкой реакцией на провозглашение империи. Армия и большинство генералов были смущены. Андош Жюно, принципиальный республиканец, расплакался, услышав эту новость. В либеральных кругах и среди бывших конституционалистов царило горькое разочарование. Многие из них еще не так давно верили, что в лице Бонапарта они обрели наследника идей эпохи Просвещения и Революции. Жермена де Сталь возмущалась: «Для человека, который поднялся выше всех тронов, добровольно низринуться и оказаться среди королей!»

В самом правительстве Бонапарта не было веры в правильность происходящего. «То, что мы сейчас строим, долго не проживет. Мы воевали со всей Европой, чтобы принести ей Республику, дочь Французской Революции, а теперь мы будем снова воевать с ней, чтобы дать ей новых монархов, сыновей или братьев нашего императора».

По всей Европе реакция на эту новость была весьма негативной. В Германии Бетховен разорвал посвящение Бонапарту своей «Героической» симфонии. А Англии лорд Байрон излил свое разочарование в стихотворении «Защитник свободы».

Предстояла коронация Наполеона.

Бонапарт, этот великий организатор, начал загодя готовить столь торжественное событие, которое, по его мысли, должно было поразить своей пышностью, своим великолепием все царствующие дома Европы. Со свойственной ему дотошностью он до мельчайших подробностей разрабатывал все детали предстоящего действия.

Оставалась одна проблема, которую Наполеон долго не мог решить. Его душу раздирали сомнения — короновать ли Жозефину? С одной стороны, он знал, что Жозефина не может родить ему наследника, а идея

создания династии прочно владела его умом. А это означало, что ему когда-то придется развестись с ней. С другой стороны, он продолжал любить ее, по-прежнему нуждался в ее дружеской, чисто женской поддержке.

Кроме того, его раздражало непрекращающееся давление, оказываемое на него семейным кланом Бонапартов, которые все время интриговали, пытались настроить его против Жозефины и против ее детей — Евгения и Гортензии. А те, в отличие от братьев и сестер Наполеона, никогда ничего для себя не просили. Контраст между поведением этих двух семейств был слишком велик, и Наполеон не мог этого не замечать.

Жозефина, хотя видела колебания своего мужа и понимала, насколько от его решения будет зависеть ее дальнейшая судьба, к тому же вынужденная выдерживать нападки со стороны клана Бонапартов, внешне сохраняла спокойствие. Впрочем, это ей дорого стоило. Мадам де Ремюза отмечала, что Жозефина утратила беспечность и изящество, движения ее стали торопливыми, она начала худеть.

Наконец где-то в ноябре Наполеон, как писала мадам де Ремюза, «подталкиваемый и утомленный своим семейством, возмущенный их преждевременными ощущениями триумфа, как-то вечером неожиданно вошел в комнату Жозефины, обнял ее и стал гладить по голове, как ребенка... „Папа римский, — сказал он, — будет здесь в конце месяца. Он коронует нас обоих. Начинай готовиться к церемонии“».

Этому предшествовал разговор Наполеона с одним из приближенных, Пьером-Луи Рёдерером, который задал ему вопрос о возможном разводе с Жозефиной. Император ответил, что семья ревнует его к Жозефине, Евгению и Гортензии, а он любит падчерицу и пасынка, которые никогда ничего для себя не просили. И добавил: «Это только справедливо, чтобы Жозефина стала императрицей. Если бы меня бросили в тюрь-

му, вместо того чтобы короновать, я знаю, что она разделила бы со мной мои несчастья. Моя жизнь была бы непереносимой, если бы я не был счастлив и не отдыхал душой в моей личной жизни... Будет правильно, если она разделит со мной мое величие... Да, она будет коронована, даже если это будет стоить мне двухсот тысяч человеческих жизней».

Весьма странно — говорить о предстоящей коронации как о военном сражении, оценивать ее в сотнях тысяч человеческих жизней. Но Наполеон как полководец уже привык мыслить именно в таких масштабах.

Когда по дворцу Тюильри распространилась весть о том, что Жозефина будет коронована, семья Бонапартов пришла в ярость. Все бросились убеждать Наполеона, что этого делать нельзя, что даже Мария Антуанетта не короновалась. Но император оставался непреклонен.

Еще больше вознегодовали сестры Бонапарта, когда узнали, что на коронации им предстоит нести шлейф Жозефины — двадцать пять ярдов пурпурного бархата, украшенного золотыми пчелами и отделанного русским горностаем. Они подняли такой крик, что довели Наполеона до полуобморочного состояния. «Шесть суток, — признавался Наполеон, — я не мог заснуть. Только моя семья могла так подействовать на меня». В конце концов, измученный до предела, он согласился на компромисс: женщины семьи Бонапартов должны будут поддерживать мантию Жозефины во время церемонии, но у каждой из них будет собственный шлейф, который будут нести церемониймейстеры.

Ко 2 декабря, дню коронации, Париж был переполнен гостями, прибывшими на торжество со всей Европы, — королями, владетельными герцогами, их многочисленной свитой. Прибыл в столицу Франции и папа римский, чтобы возложить корону на голову императора французов.

Казалось бы, не так много лет прошло со времени Революции, отвергнувшей религию и утвердившую культ Разума, когда все, поголовно все стали атеистами, но как только Бонапарт заключил конкордат с римско-католической церковью и разрешил богослужение в храмах, так выяснилось, что большинство французов как были глубоко верующими католиками, так ими и остались. Бывшие якобинцы, террористы, рубившие на гильотинах головы католическим священникам, генералы Республики — все они старались пробиться в апартаменты папы римского во дворце Тюильри и получить у него благословение.

Попросила частной аудиенции у понтифика и Жозефина. 1 декабря, накануне коронации, папа принял Жозефину. Заливаясь слезами, она призналась, что из-за беспорядков, вызванных революцией, ее брак с Бонапартом не был освящен церковью. Пий VII был глубоко возмущен и сказал, что никогда не благословит мужчину и женщину, живущих в грехе.

Папа римский подвергался в Париже многочисленным унижениям вплоть до того, что вынужден был согласиться прийти в собор на церемонию коронации пешком, хотя было положено, чтобы его несли в паланкине, но в вопросе о коронации Жозефины он уперся: Жозефина в его глазах была не супругой императора, а его наложницей.

В окружении Наполеона поднялась паника. О предстоящей коронации раззвонили на всю Европу, пригласили несколько десятков коронованных особ, и вдруг церемония не состоится! Бонапарт понимал, что окажется посмешищем для всей Европы. Такого он допустить не мог и приказал своему дяде кардиналу Фешу совершить этой же ночью тайное венчание.

В полночь перед алтарем, сооруженным в кабинете Наполеона, кардинал Феш обвенчал Наполеона и Жозефину. Они обошлись без свидетелей, и в результате их церковное бракосочетание оказалось таким же не-

действительным, как и их гражданский брак восемь лет назад.

Жозефина тайком попросила кардинала Феша дать ей копию брачного свидетельства. Эта наивная женщина хотела верить, что свидетельство послужит ей гарантией, если Наполеон захочет развестись с ней.

Наполеон думал иначе. На Святой Елене он сказал, что, когда решил, что Жозефина должна быть коронована, уже твердо намеревался развестись с ней, «когда это понадобится; коронация не имела к этому никакого отношения».

День 2 декабря оказался холодным и дождливым, однако это не помешало парижанам с раннего утра толпиться на заледеневших улицах. По всей дороге от дворца Тюильри до собора Парижской Богоматери в три ряда стояли войска. Первой ехала карета Пия VII, которую сопровождали четыре эскадрона драгун, далее следовали шесть карет с кардиналами, епископами и священниками. Последний раз здесь видели такое количество священнослужителей, когда их везли в тележках на гильотину.

Звонили колокола, гремели пушечные салюты, катились кареты с государственными чиновниками, запряженные каждая шестеркой лошадей, впереди и позади каждой кареты скакали ливрейные лакеи и мамелюки. В окнах карет можно было рассмотреть развевающиеся плюмажи, сверкало золото на мундирах, орденских лентах Почетного легиона, на упряжи лошадей.

Открывал процесс Мюрат как губернатор Парижа. За ним следовали герольды в костюмах из сиреневого бархата, далее ехали кареты министров, послов иностранных государств, принцесс из семейства Бонапартов. Замыкали процессию гвардейцы-гренадеры.

В Тюильри все свечи были зажжены еще до рассвета. Некоторые придворные дамы спали всю ночь на стульях, чтобы не испортить прически. В шесть часов

утра во дворец приехал придворный художник и гример Изаби, чтобы наложить императрице грим на лицо и бросить последний взгляд на туалеты, которые он создавал.

Наполеон запаздывал, он одевался, будучи в прекрасном настроении, даже напевал что-то негромко. Его бархатная тога была усыпана бриллиантами, даже знаменитый огромный бриллиант «Регент» сняли с эфеса его шпаги и приколотли на грудь. Пунктуальная, как всегда, Жозефина в белом платье и шали из золотистого тюля, вышитой золотыми пчелами и украшенной бриллиантами, уже ожидала его.

Наконец с опозданием на два часа, под гром артиллерийского салюта императорская карета выехала из дворца. Роскошная карета была украшена эмблемами новой Империи — пчелами, звездами, лавровыми венками. Кучер Цезарь правил восьмеркой лошадей, сидя на козлах на высоте двенадцати футов, на одной из первых лошадей ехал грум, ливрейные лакеи шли у головы каждой лошади. Восемь окон кареты позволяли видеть Наполеона и Жозефину и сидящих напротив них Жозефа и Людовика Бонапартов, облаченных в белые костюмы, усыпанные бриллиантами.

Парижане рассматривали Жозефину и приветствовали главным образом ее. А Наполеона интересовало в основном настроение толпы. Полицейские донесения на следующий день льстиво утверждали, что парижане радостно приветствовали будущего императора. Наполеон же, как реальный политик, отметил на следующий день в письме: «Я заметил, что настоящего энтузиазма не было, но не случилось и ничего неприятного».

Один из яростных приверженцев Бурбонов особенно возмутился, глядя, как «три сестры Наполеона вылезли из карет и появились во всем блеске своих нарядов и бриллиантов, чтобы нести шлейф бывшей любовницы Барраса».

Когда императорская карета подкатила к собору Парижской Богоматери, из-за туч выглянуло солнце. Точно в тот же день недели и в тот же час, как отметит впоследствии Наполеон, засияло и «солнце Аустерлица» спустя год.

Под гром пушек и звон колоколов императорская чета вышла из кареты, столпившиеся вокруг зеваки могли беспрепятственно разглядеть ее. На императоре был бархатный плащ, из-под которого выглядывали панталоны буфами. «Быть может, этот костюм выглядел красиво на рисовальной доске, — отметила мадам де Бойн, — но он смотрелся ужасно на малорослом, толстеньком и неуклюжем императоре». Рядом с ним величественно выступала Жозефина, на лице которой сияло выражение счастья.

Наполеон и Жозефина проследовали в ризницу собора, чтобы переодеться. Теперь у Наполеона поверх белого костюма была наброшена пурпурная бархатная мантия, украшенная золотыми пчелами и отороченная соболями. В правой руке он держал скипетр, на голове у него красовался венок из золотых лавровых листьев. Как отметили некоторые, он напоминал «Цезаря на римских монетах».

Первой в собор вошла Жозефина в диадеме и императорской мантии. Она медленно шла под натянутым балдахином, ее тяжелую мантию поддерживали пять принцесс из семьи Бонапартов, чьи шлейфы, как было в конце концов договорено, несли гофмейстеры. Впереди Жозефины шествовали герольды, пажи, главный церемониймейстер, трое гофмейстеров. Мюрат нес на подушечке ее корону, гофмейстер нес ее кольцо.

Потом появились Наполеон и сопровождающие его лица. Корону и все императорские регалии несли перед ним гофмейстеры и кардинал Феш, пурпурную мантию поддерживали два брата императора.

Когда оба шествия втянулись в собор, четыре оркестра заиграли триумфальный марш. Наполеон и Жо-

зефина прошли до двух тронов, установленных перед алтарем, преклонили колени.

По окончании святой мессы папа благословил две короны и поставил их на алтарь. В наступившей тишине Наполеон шагнул к алтарю и, прежде чем папа успел протянуть руку, взял обеими руками большую корону, поднял ее и, обернувшись к собравшимся, медленно возложил себе на голову. Таким образом Наполеон продемонстрировал всему миру, что он никому не обязан короной, даже самому Господу Богу, а только самому себе.

Потом он взял другую корону и спустился со ступенек. Мадам де Ремюза так описала этот волнующий момент: «Жозефина была так естественна, так изящна, когда шла в алтарь, и опустилась на колени с такой элегантностью, что все были приятно удивлены этой картиной — воплощением элегантности и величия... Наполеон смотрел на императрицу с самодовольным видом, когда она подошла к нему и опустилась на колени, когда слезы, которых она не могла удержать, закапали на ее руки. Они оба наслаждались одним из тех высоких мгновений обоюдного счастья, которые редко кому выпадают в жизни. Император с изяществом выполнил все, что от него требовалось во время этой церемонии, но особенно примечательным было то, как он возложил корону на голову Жозефины. Взяв в руки ее корону, он сначала возложил ее на свою голову, а потом на голову Жозефины. Когда наступил момент возложения короны на голову женщины, которую в обществе считали его добрым ангелом, он выглядел почти веселым. Он с трудом возложил корону поверх диадемы Жозефины, потом снял и снова возложил, как бы обещая ей, что она будет носить ее изящно и легко».

Теперь императорская чета стала подниматься по двадцати четырем ступенькам лестницы, ведущей к двум большим тронам, установленным на возвыше-

нии. Вот этот-то момент сестры Бонапарта и выбрали для того, чтобы унижить Жозефину. Они уронили тяжелую мантию, и императрица едва не потеряла равновесие, когда эта тяжесть потянула ее назад. Наполеон сквозь зубы сказал своим сестрам что-то резкое, и они снова взялись за шлейф Жозефины.

Когда процессия возвращалась в Тюильри, уже начало темнеть, и шествие освещали пятьсот факелов, которые несли пешие и конные пажи и слуги. В саду и в самом дворце пылали тысячи светильников.

Наполеон распорядился, чтобы ему и Жозефине накрыли обед на двоих и чтобы никого из посторонних не было. Он попросил Жозефину оставить корону на голове, «потому что она ей так к лицу, и императрица выглядит такой красивой», и потому, что «никто не может носить корону с такой грацией».

Казалось бы, в императорской семье наступили мир и полное благолепие. Весной 1805 года Наполеон решил объявить себя королем Италии. Отправившись на коронацию в Милан, он взял с собой Жозефину, которая именовалась теперь «ее величество королева Италии». Сестры Бонапарт прямо-таки исходили желчью, глядя, как она сидит на троне рядом с Наполеоном на торжественном приеме. Император был в превосходном настроении, он, как и в соборе Парижской Богоматери, сам водрузил себе на голову железную корону, когда-то принадлежавшую императору Карлу Великому. Правда, при этом он сильно смутил участников церемонии тем, что после торжественного момента небрежно держал корону под мышкой, как шляпу. Вернувшись с торжественного приема в свои апартаменты, он веселился, изображая в лицах всех, принимавших участие в приеме, а потом принялся, играя, гоняться за Жозефиной, щекотал ее и пощипывал, пока она не взмолилась: «Прекратите, Бонапарт!»

Семейство Бонапартов пришло уж совсем в неопи-суюмую ярость, узнав, что Евгений Богарне будет вице-

королем Италии и что Наполеон намерен усыновить его. Каролина сослалась на нездоровье, чтобы не присутствовать на торжествах, а ее муж маршал Мюрат в припадке злости сломал свою шпагу о колено.

Мир в императорской семье был настолько прочным, что Жозефина не стала устраивать сцены ревности, когда узнала, что ее чтица мадемуазель Лакост побывала в постели ее мужа. Да и Наполеон не сопротивлялся, чтобы Лакост была отправлена из Милана в Париж.

Из Милана Наполеон, не заезжая в Париж, поехал на побережье Ла-Манша инспектировать армию, предназначенную для вторжения в Англию. Две с половиной тысячи транспортных судов были готовы пересечь пролив и высадить на английском берегу огромную французскую армию. Задержка была вызвана тем, что французский военный флот был заперт в Кадисе британской эскадрой.

Из Булонского лагеря Наполеон писал Жозефине любовные письма, правда, можно предположить, что за этой нежностью он пытался скрыть свою вину: он послал в Милан, чтобы ему привезли оттуда молоденькую итальянку, «чтобы время шло незаметно». Он писал Жозефине: «У меня здесь прекрасная армия и отличный флот, все, что мне нужно, чтобы время шло незаметно, мне не хватает только моей сладкой Жозефины... Но женщин лучше держать в напряжении, чтобы они не были уверены в своей силе. Тысячи поцелуев во все места...»

Тогда же летом в Булонском лагере Наполеон получил от Талейрана донесение, что Австрия готовится к войне с Францией. Австрийский император решил присоединиться к третьей антифранцузской коалиции вместе с Англией и Россией. Прусский король еще колебался и не был готов присоединиться к этому военному союзу.

И тут гениальный стратег Бонапарт принял неужи-

данное, как всегда, решение — он нанесет удар австрийцам и русским раньше, чем к ним присоединится Пруссия. А уж после этого вернется на берега Ла-Манша и покончит с Англией.

Жозефина умоляла императора взять ее с собой хотя бы до Страсбурга, где она будет ближе к нему и сможет быстрее получать его письма с театра военных действий. Ей удалось уговорить его. В ночь на 24 сентября она узнала, что Наполеон приказал к четырем утра приготовить его походную карету. Жозефина услышала шум, сбежала вниз, вскочила в карету и крепко обняла мужа. Через несколько минут Наполеон и Жозефина выехали из Тюильри и поскакали в Рейнскую провинцию. Они мчались без остановок пятьдесят восемь часов, на каждой почтовой станции на дымящиеся оси кареты выливали ковши воды, меняли загнанных лошадей.

Придворные императрицы догнали их только в Майнце, доставив туда в шести каретах сундуки с ее платьями, шляпами и шкатулками с драгоценностями.

В Страсбурге в бывшем епископском дворце, отведенном для императорской четы, Наполеон принял горячую ванну и тут же поскакал дальше. Мадам де Ремюза была свидетельницей их расставания. «Император, — вспоминала она, — никогда не держал свою жену в объятиях так долго, словно не желая отпускать ее... Он позволил себе заплакать, потом с ним случился нервный спазм и судорога, приведшая к рвоте».

В этой военной кампании успех во многом зависел от быстроты передвижения войск. Наполеон решил застать австрийцев врасплох, пока их русские союзники находились в нескольких днях марша и пока пруссаки не определились, вступят ли они в войну вместе с Австрией. Многие в легендарной скорости передвижения французской армии зависело от того, что она двигалась налегке. Фургоны с продовольствием не поспевали за войсками. Солдаты имели недель-

ный запас продуктов в своих ранцах, но случилось так, что им «приходилось обходиться одной жесткой галетой, висевшей на шнурке, обвязанном у солдата вокруг шеи». Когда они двигались по Германии, армия питалась за счет населения. Один австрийский офицер заметил, что французские солдаты «напоминают ходячую кладовку, они увешаны длинными ломтями бекона, на ремнях у них висят куски мяса».

Бросок через всю Европу был стремительным. Французская армия, переправившись через Дунай, обнаружила часть австрийской армии, которая ожидала соединения с русскими войсками. Командующий австрийской армией был уверен, что Бонапарт еще находился на берегу Ла-Манша. Австрийцы были окружены и разгромлены, сражение при Ульме завершилось их капитуляцией. «Я выполнил свое предназначение. Я разбил австрийскую армию... Я потерял только полторы тысячи человек. Это сражение останется в истории как самая короткая, самая удачная и самая блестящая из всех моих битв... До свидания, моя Жозефина, тысячу раз целую во все места», — торжествовал Наполеон, сообщая о своей победе.

Он писал ей регулярно каждые несколько дней, а она тем временем, выполняя его распоряжения, давала обеды, аудиенции, устраивала приемы и ужины и посещала госпитали для раненых французских солдат. В течение двух месяцев Страсбург был притягательным центром для всех, кто имел какие-то дела к императору. В Страсбурге Жозефина услышала новость, о которой Наполеон еще не знал: в тот день, когда он одержал победу при Ульме — 21 октября 1805 года, франко-испанский флот был разгромлен адмиралом Нельсоном при Трафальгаре. Когда это известие дошло до Бонапарта, он понял, что всякие надежды на вторжение в Англию рухнули.

В этой ситуации ему вдвойне нужна была полная победа на континенте. Ничто другое не помешает

Пруссии присоединиться к антифранцузской коалиции. (Наполеон, как и вся Европа, верил, что прусская армия все еще так же сильна, как во времена Фридриха Великого.) В следующем письме Бонапарт предупреждал Жозефину, что пять или шесть дней она не будет получать от него писем, и успокаивал ее: «Но я в добром здравии и люблю тебя. Я намерен идти на русских, они все равно что уже разбиты».

В ноябре продвижение Великой армии замедлилось из-за бесконечных дождей со снегом, лошади погружались в грязь до живота, но Бонапарт упорно шел на восток, преследуя ту часть австрийской армии, которая соединялась с армией русского царя.

По крайней мере до 1807 года выносливость Наполеона была необыкновенной: он мог не слезать с лошади по десять часов, не обращая внимания на дождь или снег. Император отказывался от своей кареты и походной кровати и спал в простой палатке или вообще под открытым небом на свернутой шинели. Его серый плащ весь промок, высокая шляпа превратилась в нечто бесформенное. Не удивительно, что его письма к Жозефине во время этого похода обычно начинались словами: «У меня небольшой насморк...».

Когда армия дошла до Моравии, снег шел не переставая. Наполеон знал, что русско-австрийская армия недалеко, понимал, что противник постарается воспользоваться тем обстоятельством, что его армия оторвана от своих баз, что линии снабжения слишком растянуты, обозы далеко отстали, солдаты истощены. Бонапарт был уверен, что противник вскоре попытается атаковать, стремясь разорвать коммуникационные линии французов. Ему предстояло принять отчаянное решение. Наполеон решил дать сражение на тех позициях, которые выберет он сам. Он хотел обмануть слишком уверенного в себе противника, убедив его, что готов отступить. Его уверенность в исходе сражения была абсолютной — он знал, что его талант пол-

ководца даст ему преимущество перед численным превосходством противника. Он сумел разгадать замысел противника, и это помогло ему выиграть первую великую битву девятнадцатого века. Как он сам оценил это сражение, это была его самая блистательная тактическая победа.

1 декабря Наполеон поджидал русско-австрийские войска у города Аустерлица. Была темная туманная ночь — как раз первая годовщина его коронации. Стояла такая тишина, что можно было слышать позвякивание шпор и упряжи в лагере противника. Император знал, что это означает: русско-австрийская армия попала в его ловушку и заняла те позиции, которые он ей предназначил. Наполеон знал, что исход сражения будет зависеть не только от его военного гения, но и от того, выглянет ли солнце ровно в восемь утра, развеется ли тяжелый плотный туман точно в этот час...

Утром 2 декабря вся местность была затянута молочно-белым туманом, который скрывал боевые позиции французской армии и концентрацию войск маршала Сульта в долине.

Но ровно в восемь часов утра большой красный солнечный диск — знаменитое «солнце Аустерлица»! — показался из-за серых облаков, как это было и в день его коронации. Этот знаменательный миг увековечил Лев Толстой, описывая Аустерлицкое сражение в романе «Война и мир».

Противник был уверен, что французы начали тактическое отступление, и был совершенно не готов к атаке ранним утром. Вместе с первыми лучами солнца по сигналу Наполеона его войска атаковали русско-австрийскую армию.

За три часа войска противника были разрезаны на две части. Уже почти стемнело, когда русские со своей кавалерией и пушками начали отступать по тонкому льду озера, и тогда Наполеон приказал открыть пушечный огонь по ледяной поверхности озера. Двадцать тысяч человек, по его утверждению, утонули.

Сам император оставался на вершине холма, наблюдая за ходом сражения. В письме к Жозефине он так оценивал это сражение: «Самое прекрасное из всех сражений, которые я проводил... Более тридцати тысяч убитых, ужасное зрелище!»

В ту ночь, завернувшись в свой плащ и улегшись на соломенную подстилку, Наполеон сказал Меневалю, который сменил Бурьена на посту его секретаря: «Это самый счастливый день в моей жизни».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой объявляется некая мадемуазель Денюэль и рождает Наполеону сына

13 декабря 1806 года, когда Наполеон во главе Великой армии, разбив пруссаков, барахтался в грязи польских дорог, вступая в стычки с русскими войсками, в Париже в доме номер 29 по улице Победы, в том самом доме, в котором Бонапарт когда-то провел свой короткий медовый месяц с Жозефиной, родился мальчик.

Его записали как «сына Элеоноры Денюэль, незамужней, имеющей самостоятельный доход, отец ребенка отсутствует, и имя его неизвестно».

В этой коротенькой и простой фразе содержался ряд неточностей. Мать ребенка не была незамужней женщиной в общепринятом значении этого слова. За восемь месяцев до описываемого события она была женой капитана драгунского полка. Отец ребенка действительно отсутствовал, но сказать о нем, что «имя его неизвестно», было бы полным абсурдом, поскольку это был самый известный человек в Европе.

Через восемнадцать дней, в последнюю ночь 1806 года, в штаб-квартиру Наполеона в Польше прибыл курьер с известием о том, что Элеонора Денюэль родила сына. Наполеон пришел в восторг. Он немедленно признал мальчика своим сыном и тут же распорядился, чтобы за ребенком была закреплена значительная сумма денег. Император понимал, что ребенок

этот незаконнорожденный, но главное заключалось в том, что теперь Наполеон знал, что может зачать ребенка. Его очень беспокоило то странное обстоятельство, что ни одна из многочисленных женщин, с которыми он спал, не забеременела от него. Это стало его большим местом. Неужели он бесплоден и никогда не сможет получить наследника?

По иронии судьбы, первой женщиной, которая родила ему сына, оказалась Луиза Екатерина Элеонора Денюэль де ла Плен, с которой у него и романа никакого не было, в отличие от других его любовниц — Форе, мадемуазель Жорж, Грассини, Дюшатель, к которым он испытывал какие-то чувства, быть может, даже был влюблен.

История Элеоноры Денюэль заслуживает того, чтобы ее вкратце рассказать.

Ее родители представляли собой довольно любопытную пару. Отец выдавал себя за рантье, а на самом деле был просто спекулянт, к тому же мало удачливым и постоянно путался в долгах. Мать была хорошенькой авантюристкой. Несмотря на свои долги и вообще сомнительную репутацию, родители Элеоноры снимали respectable квартиру на Итальянском бульваре, где принимали весьма пестрое общество. Однако годы шли, красотка-мать начинала стареть, ряды ее поклонников редели, отец все больше залезал в долги. Теперь все их надежды сосредоточились на дочери. Элеоноре исполнилось семнадцать лет, и она была очень хороша собой — высокая стройная брюнетка с отличной фигурой, красивыми черными глазами, живая и очень кокетливая. По расчетам родителей, Элеонора должна была найти себе богатого мужа и таким образом поправить материальное положение семьи.

Они отдали девочку в пансион мадам Кампан, славившийся тем, что там учатся дочери богатых и знатных родителей. Действительно, в то время, когда там воспитывалась Элеонора Денюэль, в пансионе мадам

Кампан обитали Гортензия Богарне и Каролина Бонапарт, младшая и самая живая из сестер Наполеона. Где еще дочь захудалого спекулянта могла обзавестись подругами из богатых и влиятельных семей?

Но мадам Денюэль была дамой нетерпеливой и решила поторопить события. Не имея доступа в великосветские салоны, она стала вывозить свою дочь в театры, надеясь там подцепить богатого жениха. Вот на этом она и поскользнулась. Однажды в театре «Газте» в ложу, где они сидели, вошел видный собой офицер. Он оказался весьма любезным кавалером, познакомился с дамами, представившись Ревелем, капитаном 15-го драгунского полка. Его ухаживания были приняты благосклонно.

Ревель оказался мошенником, который умел внушать доверие. Он убедил невесту и ее родителей в том, что он человек состоятельный и что перед ним в кавалерии открываются блестящие перспективы. Однако, когда его будущий тесть попытался занять у него деньги, Ревель деликатно, но твердо отказал ему. Такая попытка со стороны будущего тестя должна была бы вызвать у драгунского капитана кое-какие сомнения, но он посоветовался с мадам Кампан, и та успокоила его. Бракосочетание состоялось 15 января 1805 года в церкви Сен-Жермен, когда Элеоноре было семнадцать лет и четыре месяца.

На самом деле Ревель был квартирмейстером полка, в котором служил, вышел в отставку и говорил, что намерен заняться поставкой провианта в армию. В течение всего медового месяца он жил в долг в гостинице, явно рассчитывая в будущем больше на красоту своей жены, чем на собственные силы.

Семейная жизнь Элеоноры Денюэль и капитана Ревеля длилась недолго: через два месяца после свадьбы его арестовали за то, что он представил к оплате в своем полку подложный вексель, и осудили на два года тюрьмы.

Семейство Денюэль оказалось в весьма затруднительном положении. Элеонора обратилась за советом

к мадам Кампан, и эта практичная дама направила ее к своей самой знаменитой воспитаннице, соученице Элеоноры по классу, Каролине Мюрат, сестре императора и супруге самого популярного маршала.

Дело кончилось тем, что через какое-то время Каролина взяла Элеонору в свой дом, сначала в ее обязанности входило докладывать о гостях, потом ее перевели в чтицы. Каролина сразу же разглядела перспективность молодой красавицы. Как и все сестры Бонапарт, а может быть, сильнее, чем все остальные члены клана Бонапартов, Каролина ненавидела «эту Богарне», считая, что та вместе с ее родственниками отнимает у Каролины и ее мужа Мюрата принадлежащую им по праву власть. Каролина мечтала найти такую женщину, которую можно было бы подложить Наполеону в постель и которая родила бы от него. Элеонора Денюэль с ее красотой и честолюбием показалась ей подходящей кандидатурой. И она подстроила все так, чтобы Наполеон, вернувшись в Париж после Аустерлица и оказавшись в гостях у четы Мюратов, обратил внимание на чтицу Каролины.

В январе 1806 года Элеонору вызвали в Тюильри, и она провела в личном кабинете Наполеона два или три часа. Потом Каролина поселила Элеонору во флигеле дома Мюратов и в интересах, как сейчас сказали бы, чистоты эксперимента запретила ей выходить из дома, чтобы не могло возникнуть подозрение, будто помимо императора в этой затее принимал участие какой-нибудь другой мужчина.

Наполеон регулярно навещал ее там. Вскоре весь Париж знал об этом безлюбовном соглашении, как его называли, «будуарной воинской повинности». Элеоноре эти визиты императора так надоели, что она обычно переводила стрелки часов в своей спальне на полчаса вперед. Время, которое Наполеон отводил на подобные развлечения, было строго рассчитано. Поднимая голову, он смотрел на часы. «Уже!» — говорил он и торопился уехать.

Тем не менее на этот раз зачатие состоялось. Хотя злые языки говорили, что здесь дело не обошлось без маршала Мюрата, в доме которого жила Элеонора и который, как было широко известно, не пропускал ни одной хорошенькой женщины, но, когда мальчик родился, все подозрения отпали — он был поразительно похож на Наполеона.

Тем временем Элеонора в надежде на лучшее будущее решила укрепить свое положение в обществе. Уже 13 февраля, через две недели после того, как она в первый раз переспала с императором, Элеонора затеяла бракоразводный процесс с Ревелем. Развод был утвержден в апреле, к этому времени она уже была беременна.

Сообщая Наполеону о рождении сына, Элеонора просила у императора разрешения назвать мальчика Наполеоном, но император ответил, что разрешает использовать только половину своего имени. В результате мальчика назвали Леоном.

Наполеон, как всегда в таких случаях, вел себя великодушно и щедро по отношению к женщине, которая была его любовницей — пусть на короткое время. А в данном случае тем более это был особый случай, первый в его жизни — эта женщина родила ему ребенка. По отношению к своему незаконнорожденному сыну он проявил особую заботу — нянчить мальчика было поручено мадам Луар, кормилице Ахилла Мюрата, сына Каролины. Потом, когда Леону исполнилось семь лет, Наполеон распорядился образовать семейный совет, который назначил опекунами мальчика де Мовьера, мэра коммуны Сен-Форже и барона Империи, и Меневая, личного секретаря императора.

Заботился император и о материальном благополучии своего внебрачного сына. Помимо состояния, которое Наполеон подарил Леону сразу после его рождения, он, уезжая в 1814 году в армию, назначил мальчику ренту в двенадцать тысяч ливров, а в июне 1815 года добавил еще сто тысяч франков в виде акций. Не

забыл Наполеон о Леоне и в своем завещании, составленном на Святой Елене, определив ему сумму в триста двадцать тысяч франков на приобретение земли.

Вообще Наполеон не на шутку привязался к мальчику. Он посылал за ним, и Леона привозили в Тюильри, заезжал повидать сына и к своей сестре Каролине, играл с ним, дарил ему игрушки, угощал сладостями.

Дело дошло до того, что император всерьез подумывал о том, чтобы усыновить своего незаконнорожденного сына и сделать его наследником. Это разрешило бы большую для Наполеона проблему престолонаследия, и ему не нужно было бы разводиться с Жозефиной, которую он искренне любил. Наполеон не раз обсуждал этот вариант с Жозефиной, советовался со своими приближенными. Но замысел свой не осуществил.

Все, что мог Наполеон сделать для своего сына, это поручить своей матери мадам Летиции и своему дяде кардиналу Фешу заботиться о нем. Однако это оказалось задачей не из легких. У Леона обнаружился вздорный и в высшей степени авантюрный характер. Во-первых, он был азартным карточным игроком. Известно, что в 1832 году, когда Леону было уже 25 лет, он обещал кардиналу Фешу, что не будет больше проигрывать за одну ночь по сорок пять тысяч франков. Во-вторых, он стал бретером и вызывал на дуэль то одного, то другого. Потом он занялся политикой, спекулируя на том, что он сын великого Наполеона, сочинял всевозможные бредовые проекты, требовал от правительства субсидий, судился с собственной матерью. Он умер в 1881 году, будучи уже совершенно невменяемым.

Внимание, с которым Наполеон относился к своему незаконнорожденному сыну, отнюдь не распространялось на Элеонору, мать этого мальчика. Вернувшись из похода вскоре после рождения ребенка, император порвал какую бы то ни было связь с Элеонорой и отказывался ее видеть.

В 1807 году, когда она с ребенком на руках заявила в Фонтенбло, ее по распоряжению Наполеона не впустили и объяснили, чтобы она впредь не пыталась встречаться с императором.

Тем не менее Наполеон остался верен своей традиции заботиться о бывших любовницах. В 1808 году Элеонора вышла замуж за пехотного поручика, а потом кирасира Пьера-Филипа Ожье, и Наполеон подарил ей дом на улице Победы и ренту в двадцать две тысячи ливров. Элеонора сопровождала мужа, когда он отправился на войну в Испанию. Там он остался цел, а вот во время русской кампании попал в плен, где и умер от голода.

Спустя два года неугомонная Элеонора в третий раз вышла замуж, опять за военного — Шарля-Августа-Эмиля, графа Люксбурга, майора на службе баварского короля. Но в 1814 году, когда она с новым мужем вернулась в Париж, ее первый муж Ревель, изображавший из себя жертву тирана, пытался шантажировать ее, а когда выяснил, что Элеонора не из тех дам, которые уступают, то начал судиться с ней. Однако все судебные процессы против нее он проиграл и стал зарабатывать свои гроши, печатая скандальные памфлеты.

Элеонора прожила долгую и вполне обеспеченную жизнь и умерла в 1868 году в возрасте 80 лет.

Она никогда не стремилась играть какую-либо роль в политической и светской жизни, но свое скромное место в истории Франции и Европы она, как это ни странно, заняла, дав Наполеону доказательство того, что он способен зачать ребенка. А это повлекло за собой ряд важных его решений, повлиявших на судьбу Европы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой на сцену выходит польская
красавица графиня Мария Валевская*

Летом 1806 года прусский король Фридрих Вильгельм III подписал договор о союзе с русским царем Александром I. Пруссия, озабоченная созданием Рейнского союза, полагала, что ей угрожает французская армия, все еще расквартированная в подвластных Наполеону государствах Южной Германии. Россия и Пруссия заявили, что готовы присоединиться к Англии и образовать новую коалицию, если французские войска не будут выведены за Рейн. В августе Фридрих Вильгельм решил провести мобилизацию, хотя император Александр I вряд ли мог прийти к нему на помощь раньше чем через несколько недель.

В Сен-Клу Наполеону сообщили, что прусские войска приближаются к аванпостам французской армии. Он решил нанести удар немедленно, пока русские войска не присоединятся к своему союзнику, но на этот раз колебался, начинать ли новую военную кампанию. Клер де Ремюза считала, что «у него нет желания возвращаться к лагерной жизни, он слишком наслаждается роскошью, которая его окружает». Император действительно распускал такой слух, чтобы иностранные послы в Париже сообщали своим правительствам, что Наполеон вступает в войну против своего желания, «поднимая оружие для того, чтобы защищаться», как написал он прусскому королю.

В сентябре Наполеон в сопровождении Жозефины отправился в Рейнскую провинцию.

В Майнц они прибыли в состоянии глубокой депрессии. Наполеон все еще не был уверен, следует ли начинать эту кампанию, а Жозефина, охваченная грустью и страхом, предчувствовала, что впереди самое долгое расставание и, как следствие его, роковые перемены в ее отношениях с мужем.

1 октября император отбыл к своим войскам, а Жозефина, следуя его указаниям, давала балы, посещала оперу, принимала делегации, раздаривала великое множество часов и табакерок со своей монограммой из бриллиантов и устраивала приемы для немецких принцев и монархов. Возвращаясь в свои апартаменты, она бралась за карты, гадая, как сложится ее судьба. Она постоянно плакала — то ли от того, что предсказывали ей карты, то ли потому, что уже знала, что Элеонора Денюэль, которую Мюрат подсунул в постель Бонапарта, беременна на шестом месяце.

В октябре, инспектируя войска, дислоцированные в Южной Германии, Наполеон обнаружил, что солдаты отнюдь не преисполнены энтузиазма, как бывало раньше, но он отлично знал, как приободрить их и польстить им особой фамильярностью.

Он писал Жозефине, что все идет даже лучше, чем он предполагал, но «боюсь, что с Божьей помощью они окажутся гораздо хуже для бедного прусского короля, которого я люблю. Королева сопровождает его. Если она хочет увидеть сражение, она получит это жестокое удовольствие».

Французская армия начала свой поход на север, и, прежде чем русские войска смогли соединиться со своим союзником, Наполеон отрезал прусской армии путь на Берлин и разбил ее под Йеной. Жозефина еще более уверовала в предсказания карт, когда однажды ночью в середине октября сказала своим фрейлинам, что карты предсказывают «великую победу», а несколько минут спустя ворвался один из гонцов им-

ператора с письмом, сообщавшем о победе. «Прусской армии больше не существует», — писал Наполеон.

Письма Наполеона приходили регулярно. Теперь Жозефина не откладывала их в ящик секретера, чтобы прочитать потом, и не жаловалась, что ей трудно их читать. Теперь Наполеон диктовал свои письма к ней, в них были начало и конец, страницы не были перепутаны. Письма кончались почти всегда одинаково: «Люблю и обнимаю тебя» или «Люблю и хочу тебя». Иногда он писал по два письма в день, а если предполагал, что пару дней не сможет писать ей, то предупредил об этом.

Хотя его письма становились раз от раза все нежнее, Жозефину терзали дурные предчувствия. «Все на свете должно иметь свой конец, — писал он ей из Пруссии, — разум, чувства, само солнце, но что никогда не кончится, так это счастье, которое я обрел с тобой, бесконечная доброта и очарование моей Жозефины».

После того как Наполеон провел ночь в Сан-Суси, дворце своего идола Фридриха Великого, он вступил в Берлин, проехав под Бранденбургскими воротами в окружении маршалов и конных гренадеров императорской гвардии. Прусский король и королева Луиза нашли убежище в самых восточных провинциях своих владений. Говорили, что жестокость мирного договора во многом зависела от неприязни, которую император питал к красавице королеве. Было известно, что именно она подтолкнула колебавшегося короля мобилизовать свою армию против Франции. Когда королева рискнула заявить протест против суровых условий договора, Наполеон собственноручно приписал в официальный бюллетень следующую фразу: «Как несчастны эти принцы, позволяющие своим женам вмешиваться в дела государства».

Когда же Жозефина в письме из Майнца упрекнула Наполеона, что он оскорбляет королеву, он ответил ей: «Ты, похоже, недовольна тем, что я плохо отзыва-

юсь о женщинах. Это правда, что я презираю женщин, занимающихся интригами. Я привык к мягким, нежным и очаровательным. Это твоя вина — ты испортила меня».

Когда в Берлин приехал министр иностранных дел Талейран, который по дороге заезжал в Майнц, он рассказал Наполеону, что императрица все время плачет. Наполеон написал ей: «Мне очень жаль, что ты чувствуешь себя несчастливой в Майнце. Вероятно, ты сможешь присоединиться ко мне, поскольку противник стоит на другом берегу Вислы. Я буду ждать и посмотрю, как ты к этому отнесешься». В одном из последующих писем он пускался в философские рассуждения: «Я вижу, что ты потеряла свою маленькую креольскую голову. Я уже писал тебе, что ты сможешь приехать, как только будут определены наши зимние квартиры... Чем выше положение человека, тем меньше у него выбора и тем больше он зависит от событий и обстоятельств. Я скован, мой хозяин не знает жалости, этот хозяин — природа вещей».

А Жозефина продолжала волноваться, ее интуиция подсказывала ей, что в ее жизни предстоят осложнения. В письмах мужу она стала высказывать опасения, что он нашел женщину, которую может полюбить. Он ответил ей: «Ты говоришь, что твои сны заставляют тебя ревновать... Это заставляет меня думать, что ты действительно ревнуешь, и меня это радует. Во всяком случае ты ошибаешься. В этой замерзшей Польше не приходится думать о прекрасных женщинах... Для меня существует одна-единственная женщина. Ты ее знаешь. Могу нарисовать тебе ее портрет, но ты возгордишься... Зимние ночи такие длинные, а мне так одиноко».

А Жозефина продолжает тревожиться: он уже в который раз только обещает, что она сможет присоединиться к нему... Она умоляет, чтобы он разрешил ей приехать к нему в Варшаву, снова ревниво пишет о «польских дамах». Накануне Нового 1807 года он ей

отвечает: «Твое письмо заставило меня рассмеяться. Ты преувеличиваешь привлекательность полячек».

Однако, вопреки заверениям императора, интуиция не обманула Жозефину...

В канун 1807 года и в первый день Нового года произошли два события, оказавшие большое влияние на судьбу Наполеона и Жозефины.

О первом событии Наполеон узнал из письма своей сестры Каролины, жены Мюрата, которая сообщала ему, что Элеонора Денюэль родила от него сына. Теперь Наполеон поверил в то, что может зачать ребенка и обеспечить преемственность новой династии, основателем которой он таким образом становится. А это, в свою очередь, подталкивало его к решению развестись с Жозефиной и жениться на какой-нибудь девице из царствующих семей Европы.

А вот второе событие произошло спонтанно. После жестокой битвы, которая не принесла победы ни одной из сражавшихся сторон, Наполеон возвращался по обледеневшей дороге в Варшаву. Дорога была тяжелая, и на последней почтовой станции остановились, чтобы сменить лошадей. И тут к карете императора ринулась толпа восторженных поляков. Они жаждали поприветствовать государя и полководца, который громит войска Австрии, Германии и России, трех государств, лишивших Польшу независимости и расчленивших ее на три части. Среди поляков распространились слухи, что французский император, «сын Республики», обещал восстановить польское государство. Наполеон действительно давал полякам такие обещания — в обмен на их участие в боевых действиях в рядах его армии.

Генерал Дюрок стал протискиваться сквозь толпу, чтобы пройти в здание почты, как услышал умоляющий женский голосок, выкрикивавший по-французски: «Мсье, помогите мне выбраться отсюда и дайте мне хоть на мгновение увидеть его!» Дюрок обернулся и увидел в толпе простолюдинов двух дам. Та, которая

обращалась к нему, молодая, почти девочка, одетая просто, в шляпе с черной вуалью, была поразительно хороша, это можно было разглядеть и под вуалью: огромные голубые глаза, которые просто сверкали от восторга, нежное розовое лицо, золотистые волосы, к тому же у нее была стройная фигура, исполненная грации. Наметанный глаз Дюрока разом все это приметил. Он предложил девушке руку и подвел ее к карете. «Сир, — сказал он, — взгляните, она не побоялась вмешаться в толпу, только чтобы увидеть вас».

Наполеон высунулся из окна кареты и хотел что-то сказать девушке, но она в волнении перебила его. «Добро пожаловать, тысячу раз добро пожаловать на нашу землю! — воскликнула она. — Что бы мы ни сделали, ничто не сможет выразить того сильного чувства, которое мы питаем к вам, и той радости, которую мы испытываем, видя вас на земле нашей родины, ждущей вас!»

Император как зачарованный смотрел на это прекрасное лицо, озаренное неподдельным восторгом. Он вспомнил, что рядом с ним на сиденье кареты лежит букет цветов, схватил его и протянул девушке со словами: «Сохраните его как залог моих добрых намерений. Мы увидимся, я надеюсь, в Варшаве, и тогда я потребую благодарности из ваших прелестных уст».

Карета тронулась, Наполеон еще долго махал девушке на прощанье. Как только они оказались в Варшаве, император приказал Дюроку разыскать «крестьяночку с последней почтовой станции перед Варшавой».

Дюрок незамедлительно выполнил приказ — личность прекрасной незнакомки уже через день была установлена. Ею оказалась восемнадцатилетняя графиня Мария Валевская, жена графа Анастасия Колонна Валевича-Валевского.

Мария Валевская, урожденная Лачинская, родилась в старинной, но обедневшей шляхетской семье. Ее отец умер, когда она была еще маленькой девочкой. Какое-

то время она проучилась в пансионе, где ее немного учили французскому и немецкому языкам, музыке и танцам.

Она росла тихой и застенчивой девушкой, ее душой владели две страсти — она была фанатичной католичкой и пламенной патриоткой.

Ей исполнилось пятнадцать с половиной лет, когда она вернулась из пансиона в родной дом. Ее красота сразу же обратила на себя внимание мужчин, и немедленно объявились два претендента на ее руку, две завидные партии. Один претендент, как говорится, всем взял — был молод, красив, сказочно богат и знатен. Но в глазах Марии у него был один — но страшный — недостаток. Он был русским. Представителем той страны, которая участвовала в разделе и порабощении Польши. О том, чтобы выйти за него замуж, не могло быть и речи.

Оставался второй претендент — граф Валевский. Он тоже был богат: владел замком, большими землями. Также знатен — его род считался в Польше самым древним. Но и у него тоже был один недостаток — ему было семьдесят лет, он дважды уже овдовел, его старший внук был на девять лет старше Марии. Девушка попыталась возражать, но мать так прикрикнула на нее, что Мария поняла: всякое сопротивление бесполезно. Она заболела горячкой и четыре месяца находилась между жизнью и смертью. Она выжила, но как только выкарабкалась из болезни, ее повели под венец.

Три года она жила в пустынном замке графа Валевского. Единственной ее радостью стало рождение сына. Она мечтала, что ее сын будет жить в свободной Польше. Ее надежды, как и надежды других польских патриотов, были связаны с императором Франции Наполеоном. Он воевал — и более чем успешно — с державами, разделившими и поработившими Польшу. Он спасет эту несчастную страну, подарит ей независимость.

В такие дни, когда вот-вот должна решиться судьба многострадальной любимой родины, нельзя было больше оставаться вдали от центра событий, и Валевские переехали в Варшаву, где графу принадлежал богатый особняк. Старый граф начал понемногу вводить свою молодую жену в высшее общество.

И тут пронесся слух, что в Варшаву едет сам французский император. Волнение в обществе поднялось неслыханное. Наполеона надлежало принять так, чтобы он остался доволен, ибо от его доброго отношения зависит судьба отчизны. Это лихорадочное возбуждение завладело и Марией Валевской. Ей взбрело в голову, что она должна первой встретить и приветствовать его. Недолго думая, она взяла с собой одну из родственниц, села в карету и помчалась на встречу своей судьбе.

С этого все и началось.

Не прошло и нескольких дней, как в особняке Валевских появился первый вельможа Польши князь Понятовский. Он сообщил, что устраивает бал, на который обещал приехать сам Наполеон. Но дело в том, что император не почтит своим присутствием бал, если на нем не будет графини Валевской.

Мария наотрез отказалась. Понятовский настаивал, приведя самый сильный, на его взгляд, аргумент, играя на патриотических чувствах Марии: «Кто знает, быть может, небо изберет вас спасительницей отечества!».

Понятовский ушел ни с чем. Но не успела его карета отъехать от дома Валевских, как заявила целая делегация самых видных представителей польской знати. К ним присоединился и старик Валевский, муж Марии. Все стали уговаривать Марию принять приглашение Понятовского, упирая на то, какие последствия это может повлечь для Польши. Прибегли даже к примеру из Библии, напомнив Марии, что Эсфирь отдалась Ксерксу, пожертвовав собой ради своей страны. А муж уже не просил — он приказывал.

И Мария уступила. Она поставила только одно условие — поскольку все дамы, которые будут на балу, уже были представлены императору, то пусть ее не представляют отдельно, это смутит ее еще больше.

Наступил вечер бала. Валевская в гладком белом атласном платье приехала, когда бал был уже в разгаре. К ней тут же подлетел Понятовский сообщить, что император уже прибыл.

— Вас ждали с нетерпением, — сказал он. — Ваш приезд доставил императору большую радость. Ваше имя он повторил несколько раз, чтобы запомнить, а посмотрев на вашего мужа, пожал плечами, сказав: «Несчастливая жертва!» А мне приказал пригласить вас на танец.

— Я не танцую, — ответствовала она. — Мне совсем не хочется танцевать.

Но князь не отступал. Он объяснил Марии, что пожелания императора следует рассматривать как приказ и что успех бала целиком зависит от нее. Мария вновь решительно отказалась.

Однако Понятовский оказался не единственным кавалером, который хотел пригласить графиню Валевскую на танец. Блестящие французские офицеры из свиты императора не обошли своим вниманием прелестную полячку. Они наперебой приглашали графиню танцевать. Наполеону это не понравилось. И он прибег к решающему аргументу — к применению власти. Особенно активно ухаживал за Марией адъютант Наполеона Людовик де Перигор. Император подозвал своего начальника штаба Бертье и приказал немедленно отправить этого проводника в 6-й корпус в Пассарг. Но свято место пусто не бывает — на смену Перигору ринулся Бертран. Последовала та же реакция — Наполеон приказал Бертье немедленно отправить Бертрана в штаб принца Жерома под Бреславлем.

Между тем танцы приостановили, и император стал обходить салоны. Он хотел одарить всех присутствующих любезными словами, но мысли его были

заняты только одной из них, и он от рассеянности то и дело попадал впросак. У совсем юной девушки он спросил, сколько у нее детей, у одной старой девы поинтересовался, не ревнует ли ее, такую красавицу, муж, у толстухи спросил, любит ли она танцевать. Он бросал эти ничего не значащие фразы с единственной целью — подойти к этой необыкновенной красавице, видение которой явилось ему на последней почтовой станции перед Варшавой, и сказать ей несколько слов. Наконец он оказался перед ней и громко сказал:

— Белое не идет к белому, мадам.— А потом почти шепотом добавил: — Я имел право ждать иного приема после...

Она молчала, бледность покрыла ее лицо. Наполеон еще какую-то минуту смотрел на нее, потом отошел и почти тут же уехал.

Едва Мария успела войти в свою гостиную, как горничная принесла ей записку:

«Я видел Вас, я восхищался только Вами, я хочу только Вас. Немедленным ответом успокойте пылкое нетерпение страсти.

Н.»

Мария скомкала записку и приказала горничной передать, что ответа не будет.

Но Наполеон был не из тех мужчин, которые отступают. Он был удивлен и даже рассержен тем, что его отвергают, и написал новую записку, избрав на этот раз более вкрадчивый тон: «Я вызвал Ваше недовольство? Я надеялся на обратное. Моя страсть усиливается. Вы лишили меня покоя. Удостоите меня маленькой радости, маленького счастья, подарите его бедному сердцу, которое обожает Вас. Неужели так трудно ответить мне? Теперь за Вами два письма!»

Ответа на это письмо тоже не последовало. Тогда Дюрок привлек к этому предприятию князя Понятовского. Тот долго убеждал и уговаривал Марию, но совершенно напрасно. Разговор кончился тем, что Вальевская выставила Понятовского из своей комнаты

и наглухо заперлась там. Она отнюдь не собиралась дарить французскому императору маленькое счастье или маленькую радость.

Тут Наполеон решил ввести в дело тяжелую артиллерию, он начал играть на патриотических чувствах Марии. Его третье письмо к Валевской заканчивалось прямым намеком-обещанием:

«Бывают минуты, когда чрезмерная власть тяготит, и я испытываю это теперь. Как удовлетворить порывы сердца, которое хотело быть у Ваших ног, но которое удерживает тяжесть высших соображений, парализующая самые горячие желания? О, если бы Вы хотели!.. Только Вы одна можете устранить препятствия, разделяющие нас. Мой друг Дюрок облегчит Вам эту задачу.

О придите! Придите! Малейшее желание Ваше будет исполнено. Ваша родина будет мне дороже, если Вы сжалитесь над моим бедным сердцем... Всегда, когда я думаю о чем-то, что невозможно или чего очень трудно добиться, я еще сильнее желаю обладать этим. Ничто не может остановить меня... Я привык удовлетворять все мои желания. Ваше сопротивление покоряет меня. Я хочу заставить Вас, да, заставить Вас полюбить меня. Мария, я верну Вашей стране ее имя. Я сделаю гораздо больше.

Н.»

Сильнейшее давление на Марию оказывали и ее польские компатриоты. Даже ее старый муж оказался не на ее стороне. Хотя она никого не впускала в свои комнаты, граф Валевский настоял на том, чтобы она приняла делегацию польской знати, которая стала уговаривать ее, чтобы она согласилась быть представленной императору и присутствовать на званом обеде, который князь Понятовский устраивал в честь Наполеона.

Мария отказывалась, ссылаясь на мигрень. Тогда самый старый и самый уважаемый польский вельможа произнес такую речь:

— Мадам, необходимо всем поступиться перед лицом обстоятельств, имеющих такое огромное и такое важное значение для всей нации. Поэтому мы надеемся, что ваше недомогание пройдет к тому времени, когда состоится обед, от которого вы не можете отказать, если не хотите прослыть плохой полячкой.

А тут еще ей вручили письмо, подписанное видными представителями нации, членами временного правительства. В этом письме ее уже напрямую убеждали уступить домогательствам Наполеона: «Мадам, маленькие причины вызывают иногда большие последствия. Женщины во все времена имели большое влияние на мировую политику. История самых отдаленных эпох, как и история нашего времени, подтверждает эту истину. Пока страсть владеет мужчинами, вы, женщины, будете одной из самых страшных сил.

Будь Вы мужчиной, Вы отдали бы Вашу жизнь благородному и справедливому делу защиты отечества. Как женщина Вы не можете защитить ее физически, Ваша природа не позволяет этого. Но зато существуют иные жертвы, которые Вы вполне можете принести, и Вы должны взять их на себя, какими бы тяжкими они для Вас ни были.

Вы думаете, Эсфирь отдалась Ксерксу из любви? Ужас, который он ей внушал, поверг ее в обморок, это доказывает, что нежность была ни при чем в этом союзе. Эсфирь пожертвовала собой, чтобы спасти свой народ, и ей досталась слава этого спасения.

Да сможем же и мы сказать то же о Вашей славе и о Вашем счастье!

Разве Вы не дочь, не сестра, не супруга тех ревностных сынов Польши, которые соединяются в единый национальный союз, сила которого может быть увеличена только числом и согласием входящих в него членов? Выслушайте же, мадам, что сказал один знаменитый человек, святой и благочестивый служитель церкви Фенелон: «Мужчины, имеющие власть, не смо-

гут провести своими постановлениями ничего действительно благого в жизнь, если женщины не помогают им в этом». Внемлите же этому голосу, к которому присоединяется и наш голос, чтобы принести счастье двадцати миллионам человек».

В конце концов Мария Валевская уступила этому давлению. Сыграли свою роль ее патриотические чувства. А кроме того, есть ли на свете такая женщина, которой не будет лестна всепоглощающая страсть мужчины, обладающего такой невероятной властью?

Не следует забывать и того, что эта молодая женщина часть своей жизни провела в католическом монастыре с его суровыми порядками, а потом ее выдали замуж за старика, доброго, но бесконечно скучного, и она, живая, красивая и обаятельная, должна была влачить свои дни в одиноком доме в деревне. На нее не могли не произвести впечатления блеск и величие Наполеона.

Короче говоря, она дала себя уговорить, и однажды ночью ее отвезли во дворец, отведенный для французского императора. Но даже приехав к нему и оказавшись с ним наедине, она сопротивлялась и плакала. Наполеон разозлился и закричал: «Запомните, если вы будете отталкивать меня, само имя Польши и все ваши надежды будут раздавлены, как эти часы!» Он швырнул свои часы на пол и раздавил их каблуком.

В своих «Мемуарах», написанных главным образом для сына, Мария утверждала, что упала в обморок от страха, а когда очнулась, «то обнаружила, что император меня изнасиловал».

Версия Наполеона, высказанная им на Святой Елене, была несколько иной: «она не слишком сопротивлялась». Быть может, в этих наверняка несправедливых словах выразилось его раздражение по поводу того, что Мария Валевская, вместо того чтобы хранить верность Наполеону, снова вышла замуж.

Мария вспоминала, что, когда она пришла в себя после обморока, император вытер ей слезы и сказал:

— Вы можете быть уверены, Мария, что я выполняю все обещания, которые давал вам.

В два часа ночи в дверь постучали.

— Как, уже? — воскликнул Наполеон. — Ну, моя нежная, моя скорбная голубка, осуши свои слезы, иди отдохни. Не бойся больше орла, в твоём присутствии у него нет ничего, кроме страстной любви, любви, которой нужно прежде всего твоё сердце. Ты полюбишь его, потому что он будет для тебя всем, всем, слышишь?

Наполеон помог ей накинуть плащ, проводил до двери, но, положив руку на щеколду, заставил Марию поклясться, что она приедет на следующий день.

А утром, когда Мария ещё лежала в постели, представленная к ней дама принесла несколько футляров красного сафьяна и из одного из них извлекла цветок из алмазов. Мария вырвала цветок из её рук и швырнула его о стену. Она кричала, что её считают проституткой, которую можно купить, и потребовала, чтобы все подарки немедленно отправили назад. Но прислуживавшая ей дама распечатала письмо, приложенное к алмазному цветку, и прочитала ей вслух:

«Мария, моя нежная Мария, моя первая мысль — о тебе, мое первое желание — видеть тебя. Ты придешь опять, да? Ты мне обещала. Если нет, орел прилетит к тебе! Я увижу тебя за обедом, мой друг предупредил меня. Соболаговли принять этот цветок, пусть он станет таинственной связью, соединяющей нас. Среди людей, под их взглядами мы без слов сможем понимать друг друга. Когда я положу руку на сердце, знай, что оно целиком занято тобой, и в ответ ты прижмешь руку к цветку! Люби меня, милая моя Мария, и пусть никогда твоя рука не оставляет этот цветок!»

Польская шляхта была в восторге, все были уверены — и уверяли в этом графиню Валевскую, — что с её помощью заставят Наполеона гарантировать незави-

симось Польши, недаром ведь император бросил им фразу, что его миссия «спасти поляков от России». Нашелся только один умный патриот, который заметил: «Он не восстановит Польшу; он думает только о себе, он деспот. У него одна-единственная цель — удовлетворить свои желания». Этим прозорливцем был великий польский патриот Тадеуш Костюшко.

А пока произошло чудо, случилось нечто поразительное — Мария Валевская, с такой настойчивостью отвергавшая Наполеона, влюбилась в него. Она понимала, как написала впоследствии, что «его страсть преходяща», и тем не менее, пока император оставался в Варшаве, она каждую ночь приезжала к нему и появлялась вместе с ним на всех приемах. Если она не могла где-то присутствовать, Наполеон тоже отказывался ехать туда. Об их связи знала вся Варшава. Марию называли «польской женой» французского императора.

Во всяком случае, когда Наполеон уехал из Варшавы к своей армии в Восточную Пруссию, Валевская оставила мужа и маленького сына и уехала в имение своей матери, где ожидала, когда император вызовет ее к себе.

Следует отметить, что любовная связь Наполеона с Марией Валевской никак не отразилась на его переписке с Жозефиной. Он по-прежнему шлет ей нежные письма, полные любви.

«Поверь мне, — пишет он Жозефине из Варшавы, — что мне труднее, чем тебе, откладывать счастливые минуты нашей встречи... Порой я устаю от этих долгих ночей... Скажи себе: «Это доказательство того, что я дорога ему!..» А теперь возвращайся в Париж, таково мое желание. До свидания, будь весела, покажи свой характер и держись как императрица».

На следующий день он снова пишет ей — в последний раз — о том, как бы он хотел, чтобы она была с ним в эти длинные зимние ночи. При этом настаивает, чтобы она вернулась в Париж, вновь и вновь пугает

ее ужасными дорогами, по которым надо ехать от Майнца до Варшавы.

А Жозефина уже знала о «польской жене». Она привыкла к его изменам, но на этот раз заволновалась. Сведения, которые она получала, говорили о том, что это не просто очередное увлечение. Она понимала, что ее муж влюблен, как романтический юноша. Она не забыла горечь своих переживаний во время его романа с мадам Дюшатель, когда император заставил двор в разгар зимы переехать в холодный Мальмезон только ради того, чтобы иметь возможность чаще видиться со своей любовницей.

У Жозефины были все основания волноваться. Ни государственные дела, ни полки грозной русской армии, готовой сражаться за обладание Восточной Европой, не могли отвлечь Наполеона от любимой женщины. Начальник его штаба Бертье и штабные офицеры ворчали, что император забросил военные дела и это кончится плохо.

Обосновавшись в Восточной Пруссии, в старинном замке Финкенштейн, Наполеон вызвал туда Марию Валевскую. Их пребывание в замке являло собой настоящую семейную идиллию. Они вели замкнутый образ жизни, почти никого не принимали. Обедали вдвоем, обслуживал их простой лакей. Они проводили вместе долгие часы за неторопливыми беседами. Мария была прекрасной собеседницей, обладавшей даром внимательно слушать. О чем только они не говорили — о европейской политике, о дамских нарядах, о любовных интрижках при императорском дворе. Постоянной темой их разговоров оставалась судьба Польши.

«Ты хорошо знаешь, — говорил Наполеон Марии, — что я люблю твой народ, что в моих планах желание его полного возрождения. Я хочу помочь, защитить его права; все, зависящее от меня и не противоречащее моему долгу и интересам Франции, я несомненно сделаю; но подумай, слишком большое расстояние разделяет нас; то, что я могу установить сегодня,

завтра может быть разрушено. Мой первый долг — защита интересов Франции, и я не могу проливать кровь французов за дело, чуждое их интересам, и вооружать свой народ, чтобы мчаться вам на помощь каждый раз, когда это будет необходимо».

В те часы, которые император посвящал государственным и военным делам, Мария читала или вышивала. Ее единственным развлечением были военные парады, которые она наблюдала через прикрытые жалюзи. Можно сказать, что Мария Валевская была идеальной любовницей для императора — нежной, внимательной, нетребовательной, живущей только его делами, его интересами.

Она по-прежнему отказывалась принимать от императора какие бы то ни было подарки, драгоценности. Когда турецкий султан прислал Наполеону тридцать роскошных кашемировых шалей, Мария согласилась взять только одну — для своей подруги.

Когда Наполеону пришло время возвращаться во Францию, он умолял Марию тоже поехать в Париж, но она категорически отказалась, заявив ему, что удалится в глухую деревню и будет там молиться, чтобы император выполнил данные ей обещания.

Наполеон сказал: «Я знаю, что ты можешь жить без меня... Я знаю, что сердце твое не принадлежит мне... Но ты хорошая, добрая, твоя душа благородна! Неужели ты лишишь меня возможности проводить каждый день около тебя несколько минут блаженства? Только ты можешь их дать мне, а меня считают самым счастливым человеком на свете».

В его глазах была такая мольба, такое отчаяние, что Мария уступила и пообещала ему, что приедет в Париж. Она действительно приехала туда в начале 1808 года, и по распоряжению императора ей был предоставлен дом на улице Победы. Наполеон испытывал к этой улице особое чувство. Сюда, когда она еще называлась улицей Шантерен, он впервые приехал к Жозефине, здесь они провели два дня из их медового

месяца в 1796 году. На этой улице в доме номер 29 поселили Элеонору Денюэль, и здесь она родила Наполеону сына Леона.

В 1809 году, когда Наполеон вел военные операции в Австрии, Валевская переехала в Вену, где для нее приготовили роскошный дом неподалеку от Шенбруннского дворца, там она забеременела и после Венского мира поехала в Валечин, где в мае 1810 года родила сына, которому дала имя Флориан Александр Иосиф.

В конце 1810 года Мария вернулась с маленьким сыном в Париж, где в ее распоряжение предоставили дом на столь близкой сердцу Наполеона улице Победы. Император был в высшей степени внимателен к Марии, следил за ее здоровьем и здоровьем сына, пожаловал ей ежемесячную пенсию в десять тысяч франков.

Когда у императора выдавалась свободная минута, он заезжал к Марии или приглашал ее к себе вместе с сыном. Валевская и в Париже продолжала вести замкнутый образ жизни, настолько уединенный, что мало кто знал о ее связи с императором.

Бесконечные войны, тяготы управления не только Францией, но почти всей Европой, сложнейшие дипломатические игры все больше занимали ум Наполеона и не оставляли ему времени на женщин. Он реже видел Марию Валевскую и своего сына Александра. Но это отнюдь не означало, что он о них забыл. В начале 1812 года император готовился к войне с Россией и, не будучи уверенным, что вернется с этой кампании живым, издал в мае 1812 года уникальный по сути декрет, согласно которому имения, находящиеся в Неаполитанском королевстве и принадлежащие лично Наполеону, даруются графу Александру Валевскому, при этом ему жалуются титул графа Империи.

Особый пункт декрета гласил: «До совершеннолетия графа Валевского мы желаем, чтобы мадам графиня Мария Валевская, урожденная Лачинская, пользовалась всеми доходами и прибылями, получаемыми

с майората, с обязательством с ее стороны содержать и воспитывать сына согласно его положению, а также управлять упомянутыми именьями, как управлял бы ими добрый отец семейства, но без обязательства для упомянутой мадам Валевской давать какие-либо отчеты в прибылях и доходах с упомянутых имений, от каких отчетов мы ее освобождаем».

Другой пункт декрета должен был обеспечить Марии Валевской безбедное существование и в старости: «Начиная с совершеннолетия графа Валевского и вступления его во владение принадлежащим ему майоратом, мы обязуем его выплачивать упомянутой госпоже Валевской, его матери, ежегодную и пожизненную пенсию в пятьдесят тысяч франков».

Декрет предусматривал, что в случае возврата майората в личную собственность императора «упомянутая госпожа Валевская сохраняет до своей смерти полное владение доходами и прибылями от имений, составляющих майорат».

Как явствует из ведомости, приложенной к декрету, майорат состоял из шестидесяти девяти ферм и земельных участков, сдаваемых в наем различным лицам за сто шестьдесят девять тысяч пятьсот шестнадцать франков шестьдесят сантимов.

Но и Мария платила ему своей преданностью. В 1814 году, когда Наполеон, брошенный всеми, укрывался в Фонтенбло, именно Мария поспешила туда и всю ночь провела в передней, ожидая, не позовет ли ее император. Но он, обессиленный физически, измученный духовно, вспомнил о ней только через час после того, как она уехала. «Бедная женщина, — сказал он, — она будет думать, что ее забыли».

После той ночи Мария написала ему письмо. Наполеон ей ответил:

«Мария, я получил твое письмо от 15-го. Чувства, которые ты испытываешь, глубоко трогают меня. Они достойны твоей прекрасной души и твоего доброго сердца. Если, устроив свои дела, ты отправишься на

воды в Люк или Пизу, я с большим удовольствием повидаю тебя, как и нашего сына, по отношению к которому мои чувства всегда останутся неизменными. Будь здорова, не огорчайся, вспоминай обо мне с любовью и никогда не сомневайся во мне.

Н.».

Когда Наполеона сослали на Эльбу, она отправилась туда вместе с сыном, сестрой и братом и провела день рядом с бывшим императором. В 1815 году, узнав о возвращении Наполеона в Париж, она одной из первых приветствовала его.

Однако после того как Наполеона сослали на остров Святой Елены, Мария Валевская почувствовала себя свободной от всех обязательств по отношению к своему бывшему любовнику.

Муж ее, граф Валевский, умер в 1814 году, и в 1816 году она вышла замуж за двоюродного брата Наполеона, генерала, графа д'Орнано, отставного полковника гвардейской кавалерии, одного из самых блестящих офицеров Великой армии.

Этот брак очень огорчил Наполеона. Один из его спутников, бывший с ним на Святой Елене, писал: «Император всегда сохранял необычайно нежные чувства к мадам Валевской, и не в его характере было позволять тем, кого он любил, любить еще кого-нибудь».

Однако в новом браке Мария прожила недолго. В 1817 году она родила ребенка, они с мужем получили от Бурбонов разрешение вернуться из Льежа в Париж, а 15 декабря 1817 года Мария умерла в своем доме на улице Победы.

Остается добавить, что сын Марии Валевской и Наполеона сделал при своем родственнике императоре Наполеоне III блестящую карьеру дипломата и политического деятеля.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*грустная, поскольку речь в ней пойдет
о разводе Наполеона с Жозефиной
и о том, как окончилась ее жизнь*

К середине 1807 года слава Наполеона — гениального полководца, государственного деятеля, дипломата — достигла своего зенита. Позади были великие сражения и великие победы при Ульме, Аустерлице, Йене и Ауэрштедте. Две главные военные державы противостоящие Франции на европейском континенте — Пруссия и Австрия, — поставлены на колени. Оставалась, правда, такая грозная военная сила, как Россия. С императором Александром I надо было договариваться.

Встреча Наполеона с Александром I состоялась 25 июня 1807 года. Это был триумф Наполеона-дипломата. Вчерашний грозный враг, Россия становилась союзником. Наполеон полностью отдавал себе отчет в значении этого шага. «В согласии с Россией, — сказал он, — нам нечего бояться».

Когда Наполеон, заключив Тильзитский мир, вернулся триумфатором в Париж, то придворным во дворце Сен-Клу бросилось в глаза, что перед ними другой человек. Его переполняло ощущение полной и неограниченной власти. Он не скрывал своего презрения к окружающим. Как тонко подметил Талейран, император «в восхищении от самого себя».

А неслыханное величие, как известно, требует невиданного великолепия. Наполеон решил, что его им-

ператорский двор в Тюльери должен затмить своей пышностью все королевские дворы Европы. Он с величайшей тщательностью, вообще ему свойственной, разрабатывает протокол придворных церемоний, мельчайшие детали этикета. По его приказанию министр полиции Фуше разыскивает оставшихся в живых за годы Революции придворных, служивших в Версале при Людовике XVI, и император часами расспрашивает их о всех подробностях дворцовых церемоний. Он хотел, чтобы его императорский двор превосходил по своей пышности двор последнего короля Франции. Наполеон отстранял своих бывших соратников и окружал себя представителями старой аристократии. «Не буду отрицать, — писал один из современников, Клод де Меневаль, — что император питал пристрастие к старой аристократии, хотя и пытался это скрывать».

К тому же Наполеон хотел создать новую аристократию, из числа людей, обязанных ему всем — карьерой, богатством, властью. В 1804 году, став императором, Наполеон присвоил четырнадцати своим генералам звание маршалов Империи. Более ста придворных получили титулы принцев, герцогов и баронов Империи. Титулы он им присваивал по местам своих побед. Лаура д'Абрантес описывала комическую и в чем-то трогательную сцену в Тюльери, когда семнадцать придворных дам узнали, что отныне они жены герцогов и принцев, и она бегала от одной жены к другой, чтобы выяснить, какой титул, по какому из мест сражений получили их мужья. Ее муж Жюно должен был получить титул герцога Назаретского — по месту сражения во время египетской кампании, но император побоялся, что Андоша будет называть «Жюно из Назарета», и дал ему титул герцога д'Абрантес.

Высокие титулы получили и приближенные Наполеона, занимавшие высокие правительственные

должности. Талейран стал князем Беневенским, министру полиции Фуше был присвоен титул герцога Отрантского.

Даровались не только титулы, раздавались огромные земельные владения и целые состояния.

И все это творил человек, который в 1791 году так горячо приветствовал решение Конвента о лишении французской аристократии всех прав на титулы и феодалные привилегии.

Но глубоко в сознании Наполеона после его общения в Тильзите с русским императором Александром I таилось ощущение, что все эти европейские венценосцы, чьи родословные уходят далеко в прошлое, составляют нечто вроде замкнутой масонской ложи, куда сторонние никогда допущены не будут. Наполеон мог объявить себя французским императором, мог громить войска этих царствующих особ, мог перекраивать карту Европы и лишать властителей их корон, но понимал, что в этот избранный клан, где, кстати говоря, все были связаны родственными узами, его никогда не допустят. А он так хотел создать династию, превратить Францию в наследственную монархию.

Наполеон видел только один выход — развестись с Жозефиной и жениться на принцессе одного из самых древних царствующих домов Европы, желательно императорских. Сын, рожденный от такого брака, в жилах которого будет течь не только кровь мелкопоместного корсиканского дворянина Бонапарта, но и кровь таких древних родов, как, скажем, русские Романовы или австрийские Габсбурги, сможет войти в эту замкнутую элиту, оказаться с ними на равных и претендовать на утверждение наследственной монархии.

На пути к достижению этой цели Наполеону нужно было преодолеть два препятствия — развестись с Жозефиной и найти принцессу из царствующего дома Европы, которая согласится выйти за него замуж.

На Святой Елене Наполеон будет утверждать, что,

вернувшись из Тильзита в Париж, был «настолько уверен в своем предназначении, что понимал: развод и новый брак неизбежны».

На самом деле все обстояло далеко не так просто. Наполеон долго, в течение двух лет не мог решиться сказать Жозефине о своем решении развестись с ней. «Она этого не перенесет, она умрет от этого», — говорил он. Однако причина его нерешительности заключалась не только в опасении причинить Жозефине боль.

Он ее любил. Наверное, она была единственной женщиной в его жизни, которую он по-настоящему любил. Любил плотской любовью, жаждал физической близости с ней, Жозефина всегда оставалась для него желанной и привлекательной женщиной.

Но одной только сексуальной стороной дело не ограничивалось. Жозефина на протяжении всей их совместной жизни была Наполеону верным и чутким другом, она как никто другой разбиралась в перепадах его настроений, знала, что ему нужно в данный момент, умела выслушать его, поддержать в нем уверенность в себе. Более того, Наполеон верил, что Жозефина приносит ему удачу. Когда Фуше в разговоре с Наполеоном однажды коснулся деликатной темы развода с Жозефиной, император ответил, что привязан к своей жене как привычкой, так и «неким суеверием» и что больше всего на свете боится сказать ей о своем решении развестись с ней.

Тогда Фуше решил взять дело в свои руки. Бурьену Фуше бросил такую фразу: «Остается надеяться, что императрица умрет. Это избавило бы нас от многих проблем». В устах всемогущего министра полиции такая реплика звучала угрожающе. Тем более если она исходила от Фуше, который в годы Революции во времена Террора прославился как человек, для которого человеческая жизнь (чужая) не стоила и сантима. Это он залил кровью Лион, взбунтовавшийся против якобинского правительства. Кстати, именно прошлое

Фуше — якобинца и террориста, к тому же голосовавшего за казнь короля Людовика XVI, — определяло опасения министра полиции перед возможным возвращением Бурбонов. Его беспокоила возможная смерть Наполеона. Ведь уже было несколько покушений на жизнь императора. Одно из них могло и удасться. В этом же разговоре с Бурьеном Фуше сказал: «Братья Наполеона не способны занять престол, ни один из них, это совершенно очевидно, и мы должны не допустить возвращения Бурбонов».

Отсюда такая озабоченность Фуше проблемой престолонаследия. Он был тесно связан с Жозефиной деловыми отношениями — известно, что он регулярно снабжал ее деньгами из фондов министерства полиции, — но, как говорится, своя рубашка ближе к телу, и Фуше не задумываясь решил предать Жозефину, способствовать разводу с ней императора и браку Наполеона с какой-нибудь венценосной принцессой, которая родит ему наследника.

Фуше решил попробовать пустить пробный камень. В одно из воскресений в Фонтенбло после церковной мессы он отвел Жозефину в сторонку и намекнул, что было бы хорошо, если бы она выступила инициатором «неизбежной жертвы» — развода, поскольку только новый брак Наполеона и рождение сына может обеспечить продолжение династии.

Жозефина залилась краской, потом побледнела и напрямик спросила Фуше:

— Это император поручил вам сказать мне это?

Фуше стал заверять ее, что такого приказа не получал. Тогда Жозефина сказала как отрезала:

— Я не обязана отвечать вам. Я воспринимаю свою связь с императором как написанную на скрижалях судьбы. Я никогда не стану обсуждать этот вопрос ни с кем, кроме него, и никогда не предприму ничего без его приказания!

Хитрая Жозефина решила использовать эту ситуацию и обернуть ее себе на пользу, укрепить свое

положение. Она тут же подошла к мужу и в лоб спросила его, говорил ли Фуше с ней с его согласия. Наполеон стал отнекиваться:

— Фуше не в меру усерден, и его нельзя обвинять. Мы просто должны игнорировать его совет. Ты прекрасно знаешь, что я не могу жить без тебя.

Однако Наполеон тоже решил не упускать такого удобного случая и спросил Жозефину, что она сама думает о предложении Фуше и может ли она «взять на себя инициативу и помочь ему, пойдя на такую жертву», если он сочтет это необходимым.

Нерастерявшаяся Жозефина нашла самый правильный ответ. Она сказала, что никогда не сможет предложить ничего такого, что разлучило бы ее с ним:

— Наша совместная судьба слишком необыкновенна, и ее может решать только Провидение. Мою судьбу можешь решать только ты. Я слишком боюсь навлечь на нас обоих злой рок, если по своему желанию отделию мою жизнь от твоей.

Что и говорить, Жозефина знала слабые места Наполеона. Он, обливаясь слезами, обнял ее. При дворе стало известно, что после этого инцидента император какое-то время проводил каждую ночь в постели Жозефины, «каждый раз клянясь в вечной привязанности».

Но ввести ушлых придворных в заблуждение было не так-то просто. Новый австрийский посол во Франции князь Меттерних докладывал в Вену, что в Париже все убеждены, что Фуше никогда не решился бы зайти так далеко, не имея разрешения, хотя бы молчаливого, самого императора. Сам министр полиции, прожженный политикан, заметил: «Я тогда понимал, что император втайне уже решил развестись, иначе он пожертвовал бы мной, вместо того чтобы просто отречься от моего демарша».

Надо признать, что в отношении Жозефины Наполеон вел себя предельно непоследовательно, демон-

стрируя свою нерешительность, двойственность своей натуры. И такое суждение приходится выносить в отношении человека, прославившегося тем, что на полях сражений он никогда не колебался, всегда действовал быстро, энергично, принимая по ходу битвы неожиданные и стремительные решения.

Находясь вдали от Парижа, от Жозефины, он как будто утверждался в своем намерении развестись с ней. Он испытывал постоянное и жесткое давление со стороны клана Бонапартов, своих братьев и особенно сестер, которые не упускали ни одного случая, чтобы не очернить в его глазах «эту креолку», неспособную родить ему наследника. Их влияние на императора нельзя недооценивать.

Но стоило ему вернуться в Париж, оказаться рядом с Жозефиной, ощутить ее сексуальную привлекательность, ее нежность, привязанность к нему, как вся его решимость улетучивалась, и он, понимая, что не в силах сказать ей о разводе, оказывался с ней в постели. Но помимо физического влечения, он испытывал настоящую привязанность к жене, нежность, в его душе жили воспоминания о прошлом, о том, как она отдала ему свое роскошное изысканное тело, одарила своей страстью и нежностью.

И все начиналось сначала. Клер де Ремюза отмечала в своем дневнике: «После возвращения из Тильзита император снова стал испытывать к Жозефине влечение, которое она всегда возбуждала в нем и которое зачастую создавало для него некоторое неудобство и вызывало ощущение смятения, когда он огорчал ее».

А Жозефина умело поддерживала такое отношение императора к себе. Фрейлина мадемуазель Аврильон записала в своем дневнике: «Жозефина была неизменно и неприменно мила с императором, приспособляясь к любому изменению его настроения, к каждому его капризу с такой готовностью, какую я никогда не

видела ни у кого другого в мире. Изучив малейшие изменения в выражении его лица или голоса, она предлагала ему то единственное, что он в данном случае хотел от нее».

Вероятно, эти ее качества как супруги были столь же важны в его глазах, как и все другие ее достоинства. Удивительно, что Жозефина, которую ничто в ее прошлом, в ее воспитании не готовило к этой роли, оказалась лучше к ней приспособлена, чем многие королевские жены. Она от природы обладала даром быть естественной, нравиться людям, умела проявить интерес и внимание, найти нужное слово. Наполеон высоко ценил эти ее качества, ее умение привлекать сердца нужных ему людей, создать при его дворе определенную атмосферу.

Однако вновь вспыхнувший после Тильзита сексуальный интерес к Жозефине не мешал императору иметь одновременно еще несколько связей с красивыми молодыми женщинами.

Одной из таких была мадам Гадзани, уроженка Генуи. Однако ни чисто физическое наслаждение, которое она способна была доставить, ни ее необыкновенная красота не смогли надолго привязать к ней Наполеона.

Другой оказалась мадам де Баррал, одна из самых хороших женщин при дворе императора. Про нее говорили, что никто не умеет носить шлейф с таким изяществом и достоинством.

Она была дамой неглупой и умела себя подать. Мадам де Баррал регулярно показывалась в Фонтенбло на каждой императорской охоте. Наполеон обратил на нее внимание на завтрак на природе во время охоты и распорядился поставить ее в известность об этом. Был слух, что он якобы даже написал ей записку. Мадам де Баррал намек поняла, и окно ее комнат на первом этаже, выходящее в сад Дианы, оставалось по ночам открытым и вполне доступным для венценосного посетителя.

С этим окном связано одно почти комическое про-

исшествие. Наполеон поручил своему камердинеру Констану, доверенному лицу в сексуальных эскападах императора, известить мадам де Баррал, что ее этой ночью собираются навестить. Констан оступился на подоконнике открытого окна и свалился в сад с сильным шумом, разбудившем всех поблизости, и разбил себе при этом локоть и голову.

Вернувшись к хозяину, Констан рассказал ему о случившемся, ожидая, что Наполеон выразит ему сочувствие, но Наполеон вместо этого принялся хохотать, а потом сказал, что они дадут мадам де Баррал час времени, чтобы оправиться от испуга, и предпримут еще одну попытку. Констан за этот час перебинтовал свои раны, проводил императора к желанному окну и помог ему вскарабкаться туда без происшествий. Дама оказалась вовсе не такой напуганной, как предполагал Наполеон, окно было открыто, и император провел у дамы весь остаток ночи.

Муж мадам де Баррал, бывший в далеком родстве с Богарне, благодаря чему и получил место при дворе, был человек уже немолодой и предельно наивный. Он был очень доволен своей женой. «Моя жена, — сказал он однажды в одном из салонов Фонтенбло, — изумительная и очень изобретательная женщина. Мы не богаты, но благодаря ее способностям кажемся богатыми. Она настоящее сокровище». Мадам де Баррал действительно оказалась подлинным сокровищем: благодаря ее стараниям ее муж получил должность камергера при одном из братьев императора и стал бароном Империи, а она сама баронессой. Однако барону де Барралу недолго пришлось радоваться своему положению — роман его жены с императором оказался недолговечным, кроме того, у мадам де Баррал возникла ссора с одной из принцесс из-за некоего молодого и блестящего офицера. В результате барон де Баррал и его супруга были удалены от двора и вынуждены были поселиться в своем сельском имении. Офицер же получил приказ отправиться на театр воен-

ных действий в Испанию и был там тяжело ранен. Впоследствии, он вернулся во Францию, мадам де Баррал развелась с мужем и вышла за него замуж.

Еще одной красивой женщиной, привлечшей внимание императора, оказалась жена главы полиции Савари. По словам мадам Жюно, мадам Савари обладала такой изумительной фигурой, какой ей никогда больше не доводилось видеть. Рассказывали, что Наполеон однажды принялся обсуждать с Савари добродетельность его жены (или ее отсутствие) и посоветовал ему не обращать внимания на проступки жены. По всей видимости, глава тайной полиции разделял взгляды императора на измены жен. «Это малозначительное обстоятельство, когда мы о нем знаем, и вообще ничего не значащее, когда мы о нем не знаем», — бросил однажды такую фразу Наполеон.

Промелькнула в эти годы еще одна дама, состоявшая при принцессе Полине. Придворные никак не могли понять, чем она могла понравиться Наполеону. Мадам де Матис, по словам одного из современников, «была маленького роста, блондинка, круглая, как шар, однако свежая, как роза». Другой вспоминал, что это была «маленькая, довольно полная блондинка, в которой я не видел ничего особенного, и никогда не мог понять чувств императора к ней».

Мадам де Матис прожила долгую жизнь. И те, кто видел ее в зрелом возрасте — на голове завитой белокурый парик, который казался слишком большим даже для ее тела, такого полного, что она с трудом передвигалась на своих коротеньких ножках, — не могли понять, что привлекательного находил в ней император. Но тому существуют письменные доказательства.

Самое удивительное, что, ложась вечером в постель Жозефины, Наполеон сообщал ей, с какой дамой он сегодня занимался любовью, и подробно рассказывал ей все физиологические подробности. Может быть, это возбуждало его? Хотя, судя по всему, он в дополнительных стимулах не нуждался.

Жозефина мирилась с наличием этих любовниц. Весной 1807 года она писала своему сыну Евгению Богарне:

«Для меня имеет значение только сердце императора. Если мне суждено потерять его, все остальное меня мало трогает... Моя защита только в том, чтобы жить безупречной жизнью. Я больше не выезжаю, у меня нет никаких радостей. Люди удивляются, как я могу вести такой образ жизни, я, которая привыкла к независимости».

Она знала, что император завел себе новую любовницу, но писала в другом письме Евгению: «Теперь нет ревности, нет сцен... Мои желания свелись к одному — к обладанию его сердцем».

В ноябре 1807 года Наполеон уехал в Италию, не предложив Жозефине сопровождать его, и она даже не протестовала, хотя желала поехать с императором, чтобы повидаться с Евгением. Она не знала, что Наполеон везет с собой список всех подходящих невест Европы из коронованных семей. Правда, были подозрения, что Наполеон затеял эту поездку, чтобы посмотреть на принцессу Шарлотту Баварскую, золовку Евгения Богарне. Ее называли в качестве возможной невесты французского императора. Но принцесса ему не понравилась.

А у Жозефины, пока Наполеон находился в Италии, появилась возможность отомстить ему за все его бесконечные измены. Ей стал оказывать знаки внимания Фридрих Людовик, кронпринц герцогства Мекленбург-Стрелиц, молодой красавец двадцати с небольшим лет, вдовец, приехавший в Париж на торжества по случаю свадьбы Жерома.

Жозефина была так запугана Наполеоном, что держалась с этим кавалером, как отмечала Клер де Ремюза, «подчеркнуто сдержанно». Тем не менее император, даже если находился вдали от Парижа, всегда был в курсе всего, что происходит в столице. Полицейские ищайки Фуше служили исправно, и конные курьеры

ежедневно отправлялись к императору. Вот и на этот раз курьер привез в Италию донесение, в котором Наполеона извещали, что императрица Жозефина появилась в театре и в ложе с ней было несколько немецких принцев, в том числе и Фридрих Людвиг Мекленбург-Стрелицкий.

Наполеону это не понравилось. Он немедленно разразился гневным письмом, сравнивая ее «скандальное поведение» с поведением Марии Антуанетты. Тот же курьер привез министру иностранных дел Талейрану приказ выдворить кронпринца из Парижа в течение двух дней.

А сам император продолжал мучиться от собственной нерешительности. С одной стороны, он твердо решил развестись с Жозефиной, а с другой стороны, его безумно пугала перспектива менять что-то в своей семейной жизни. Он задавал Талейрану вопрос, кто, кроме Жозефины, может заполнить его жизнь таким покоем, кто, кроме нее, так досконально знает его привычки и вкусы? «Я лишусь всей прелести, которую она вносит в мою личную жизнь... Она подчинила свои привычки моим и всегда до тонкостей понимает меня... Я проявлю величайшую неблагодарность, если так отплачу ей за все, что она сделала для меня».

Для душевных метаний Наполеона очень характерен эпизод, имевший место весной 1808 года.

Утром Талейран сообщил супругам Ремюза, что император принял окончательное решение о разводе и сегодня вечером на большом приеме объявит об этом.

Однако Наполеон и Жозефина на приеме не появились, собравшимся сообщили, что «император не очень хорошо себя чувствует, и их величества не будут присутствовать».

После приема Клер де Ремюза направилась в апартаменты императора узнать, в чем дело, и ей сказали, что в восемь часов Наполеон лег в постель вместе

с Жозефиной. Позднее Клер де Ремюза восстановила картину того, что произошло. Жозефина в вечернем туалете, в короне и бриллиантах ожидала, когда выйдет император, чтобы вместе с ним проследовать в Желтый салон. Тут ей сообщили, что он себя плохо чувствует. Она поспешила в его покои и нашла его в постели. Он лежал полностью одетый, заливаясь слезами и жалуясь на острые спазмы в животе и нервное расстройство. Он притянул ее к себе на постель, обнял и в промежутках между конвульсивными всхлипываниями бормотал: «Моя бедная Жозефина, я не могу оставить тебя». Ничто не может успокоить его, заявил он, кроме одного — если она ляжет с ним в постель. «Это была ночь любви, перемежаемая урывками беспокойного сна», — сказала Жозефина Клер де Ремюза.

«Почему, черт возьми, этот человек не может, наконец, принять решение?» — в ярости воскликнул Талейран.

Летом 1808 года на судьбу Жозефины трагическим образом повлиял кризис в Испании. Наполеон уже давно точил зубы на эту страну. В 1807 году он подписал с испанским королем Карлом IV договор, согласно которому французским войскам разрешался проход по испанской территории.

Наполеон послал небольшую армию под командованием Жюно с задачей взять Лиссабон: Португалия отказалась присоединиться к континентальной блокаде и сохраняла союзнические отношения с Англией. Ее надлежало наказать и превратить в вассальное государство.

В марте 1808 года в Испании произошло восстание, король Карл IV отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда. Король с королевой и премьер-министр Годой, который к тому же был любовником королевы, бежали из Мадрида. Карл IV обратился к Наполеону «за советом». Император тут же решил воспользоваться этой ситуацией и разыграть сложную

шахматную партию, в результате которой надеялся посадить на престол одного из своих братьев. Он пригласил испанскую королевскую семью в Байонну. Сам император прибыл туда с целью обмануть испанцев.

Уезжал он из Парижа с твердым намерением решиться на развод с Жозефиной. Но, оказавшись в Байонне, Наполеон понял, как ему не хватает там Жозефины. Не хватает ее умения общаться с людьми, добиваться их доверия и расположения, очаровывать их. Он не мог забыть той роли, которую сыграла в свое время Жозефина, помогая ему при подготовке переворота 18 брюмера. И Наполеон, скорый на решение, вызвал Жозефину в Байонну.

Дни, проведенные ими в замке Марран на берегу Атлантического океана, стали последними счастливými днями их супружеской жизни.

Жозефина легко вела светские разговоры, ухаживала за испанской королевой, некрасивой, потасканной женщиной, которая к тому же бежала из Мадрида, бросив там все свои туалеты и драгоценности. Жозефина одолжила ей свои туалеты и драгоценности, даже собственного парикмахера.

Жозефина оказалась просто незаменимой помощницей своему властному супругу. Она всегда была готова к выходу, умела с приветливой улыбкой на устах сказать что-нибудь приятное, снять с себя какую-нибудь драгоценность (специально для этого приготовленную) и подарить своей собеседнице. Казалось, она создана для того, чтобы оттенять женственностью и мягкостью жестокость своего супруга.

2 мая в Мадриде вспыхнуло новое восстание. Солдаты маршала Мюрата потопили восстание в крови, а Наполеон воспользовался ситуацией, чтобы запугать короля Испании, который тут же отрекся от престола в пользу французского императора.

Испанская королевская чета и бывший премьер-министр Годой были отправлены во Францию, а Наполеон и Жозефина получили редкую возможность

отдохнуть и развлечься. Они веселились, как дети, устраивали пикники на берегу океана, купались. Однажды Наполеон, играя, повалил Жозефину на песок, схватил ее туфли и забросил их в воду. А потом настаивал, чтобы она села в карету босиком, «и тогда он сможет любоваться ее прелестными ножками».

Эти недели останутся в памяти Жозефины как последние счастливые дни ее замужней жизни. Она писала сыну Евгению: «Ты знаешь, в каком напряжении я жила. Я платила за это мучительными головными болями, но император проявлял такую заботу обо мне, он зачастую по четыре раза за ночь вставал, чтобы посмотреть, как я себя чувствую. В последние полгода он был по отношению ко мне просто безупречен, так что когда сегодня утром я видела его отъезд, то испытывала грусть от расставания, но никак не беспокойство относительно наших отношений».

Когда Жозефина пишет в этом письме об отъезде императора, она имеет в виду отъезд Наполеона в Эрфурт на свидание с императором Александром I. Необходимость этой встречи была обусловлена несколькими обстоятельствами.

Когда Наполеон и Жозефина прибыли в Сен-Клу, их там ожидали дурные новости. В Испании Жозеф Бонапарт, ставший испанским королем, бежал из Мадрида, после того как французская армия под командованием опытного генерала Пьера Дюпона 23 июля была разбита испанскими войсками под Байленом.

В Португалии армия Жюно вынуждена была капитулировать перед восставшим народом, который был поддержан английским экспедиционным корпусом.

Но главным событием, конечно, стало поражение наполеоновских войск под Байленом. Эхо этого поражения прокатилось по всей Европе, вызвав в странах Европы бурю восторга — французская армия утратила ореол непобедимой. Впоследствии Наполеон скажет об Испании: «Эта гноящаяся язва разрушили мою Империю».

В этой ситуации Наполеону необходимо было подтверждение союза с Россией. Укрепление союза Франции и России, по замыслу Наполеона, должен был способствовать его брак со старшей сестрой императора Александра I Екатериной, которая по возрасту более других русских великих княжон подходила на роль супруги французского императора. Такой брак вполне отвечал страстному желанию Наполеона жениться на представительнице одного из самых древних и благородных царствующих домов Европы, чтобы она родила ему наследника и тем самым решился бы вопрос утверждения династии.

Наполеон сказал Талейрану, который уже не был министром иностранных дел, но которому император по-прежнему поручал ему кое-какие деликатные дела: «Прежде чем начать переговоры, я хочу, чтобы император Александр был ослеплен демонстрацией моего могущества».

Всем вассальным королям Баварии, Саксонии, Вюртемберга, всем герцогам и принцам Рейнского союза: было приказано приехать в Эрфурт как доказательство того, что вся Европа, за исключением только Британии, Швеции и Испании, находится под его пятой. Театр «Комеди Франсез» во главе с великим актером Тальма тоже был вызван в Эрфурт, чтобы играть перед столь избранным обществом. Для свиты русского императора были подготовлены роскошные апартаменты, украшенные картинами, бронзой и гобеленами, привезенными из Парижа. Французские повара готовили блюда к банкетам. Ни один день не проходил без приемов или охоты.

Наполеон изо всех сил старался понравиться Александру I. Но и русский император умел быть очаровательным. В письме Наполеона к Жозефине, посланном из Эрфурта, есть весьма странная фраза, вызывающая недоумение: «Я удовлетворен позицией Александра, и он доволен мной. Если бы он был женщиной, думаю, что я сделал бы его моей любовницей».

С этой репликой корреспондируется фраза, оброненная им на Святой Елене. Наполеон признал, что его дружба с красивыми мужчинами обычно начиналась с физического волнения «в чреслах и в том члене, который я не хочу называть».

Самую главную роль в шахматной партии под названием «Встреча в Эрфурте» Наполеон возложил на Талейрана. В один из вечеров Наполеон задержал Талейрана, собиравшегося уже уходить. «Он был явно взволнован, задавал вопросы, не ожидая на них ответов, он совершенно очевидно хотел что-то сообщить мне», — писал впоследствии Талейран в своих «Мемуарах». Наполеон попросил, чтобы Талейран помог ему получить согласие русского императора на его брак с его сестрой. «Скажи ему, что я соглашусь на любое его предложение насчет раздела Турции. Используй любые аргументы, какие захочешь. Я знаю, что ты стоишь за развод. Жозефина тоже это знает».

В разговоре с Луи де Коленкур, французским послом в Санкт-Петербурге, который был другом и поклонником Жозефины, Наполеон прибег к другому аргументу: «Это будет доказательством того, действительно ли Александр является моим другом и заботится о будущем Франции, потому что с моей стороны это будет большая жертва. Я люблю Жозефину и никогда ни с кем не буду так счастлив, как с ней. Но моя семья, Талейран и Фуше, все политики настаивают на этом во имя блага Франции».

Вести эти весьма деликатные переговоры Наполеон поручил Талейрану, и это оказалось одной из его роковых ошибок.

У Талейрана был свой взгляд на европейскую политику. Он, в частности, был уверен, что безопасность Франции лежит в союзе с Австрией, которая должна быть бастионом против России, поскольку «поражение, — был убежден Талейран, — придет в Европу с Востока». История ближайших лет показала, что Талейран был прав. Но были у Талейрана и личные причины.

Когда Наполеон еще был Первым консулом, он заставил своего министра иностранных дел жениться на любовнице — Катрин Гранд, славившейся своей глупостью. Он приказал Талейрану жениться в течение двадцати четырех часов, ссылаясь на то, что дипломатический корпус в Париже недоволен этой незаконной связью. Талейран был глубоко оскорблен. Одно дело иметь в своей постели красивую, но глупую блондинку, и совсем другое — иметь ее в качестве жены. Как сказал с горечью Талейран, «человеку, который однажды любил мадам де Сталь, предстояло любить идиотку».

Однако, судя по одному факту, Катрин Гранд была не так уж глупа. Как супруга министра иностранных дел она была приглашена на прием в Тюильри. И тут Первый консул устроил очередной спектакль, на которые был мастер. В присутствии множества гостей он принялся кричать на молодую жену Талейрана, что она должна заставить всех забыть свое безнравственное поведение и держаться с достоинством. Катрин не растерялась и во всеуслышание заявила: «В этом случае как и в других, я не знаю ничего лучше, как брать пример с мадам Бонапарт».

Так или иначе, но Талейран приехал в Эрфурт полный решимости предать Наполеона. Его задача облегчалась тем, что Наполеон потребовал, чтобы Талейран встречался с императором Александром в неофициальной обстановке, располагающей к конфиденциальным разговорам. Так оно и происходило: Талейран ежедневно встречался с Александром Павловичем за чаем у сестры прусской королевы, дамы из близкого окружения русского императора. Именно здесь Талейран раскрывал планы Наполеона и давал советы Александру, как противостоять его требованиям.

Что касается предполагаемого брака Наполеона с сестрой Александра Екатериной Павловной, то русский император, наверное, и без подсказок Талейрана знал, как вести себя. Он дал Талейрану уклончивый

ответ, сказав, что если бы это зависело от него одного, он был бы рад дать свое согласие, но «надо получить и согласие других». Речь шла, конечно, не о том, согласится ли Екатерина Павловна соединить свою судьбу с французским императором. У русских великих княжон, как и у австрийских эрцгерцогинь, согласия на брак не спрашивали. Но была вдовствующая императрица, мать Александра Павловича и Екатерины, которая и представить себе не могла, что ее любимая дочь может выйти замуж за «корсиканское чудовище».

Не без согласия Александра I вдовствующая императрица разыграла свою партию безупречно: всего через месяц после встречи в Эрфурте было объявлено о помолвке великой княжны Екатерины Павловны с герцогом Ольденбургским.

Вернувшись из Эрфурта, Наполеон провел в Париже всего десять дней, прежде чем отправиться в Испанию и принять там на себя командование войсками. Он, одурманенный ощущением своего величия, не понимал, что его популярность во Франции сильно упала. А вот клан Бонапартов это ощущал. Не случайно сестра Полина, узнав, что император уезжает на войну, в истерике кричала, что если Наполеона убьют, то всех Бонапартов вырежут.

В эти десять дней, проведенных в Париже, Наполеон испытывал некоторое смущение, общаясь с Жозефиной. Он не знал, известно ли Жозефине о том, что он просил у русского императора руки его сестры, а она не затрагивала в своих разговорах с ним эту болезненную для нее тему. Ее сдержанность настораживала императора.

Уезжая в Испанию, император не предложил Жозефине сопровождать его, и это ее очень огорчило. Однако перед тем как отправиться в путь, он как обычно, зашел к жене, чтобы она поцеловала его на счастье.

— Когда ты кончишь воевать? — с надрывом в голосе спросила Жозефина.

— Не я направляю ход событий, — ответил Наполеон. — Я только подчиняюсь ему.

Вскоре после его отъезда Жозефина сообщила ему в письме, что, по слухам, распространяющимся в Париже, австрийцы готовятся к войне. Но на этот раз Наполеон, обычно чутко воспринимавший всякие слухи, отнесся к ним довольно-таки безразлично. «Ты в дурном настроении, — отвечал он Жозефине. — Австрия не начнет воевать против меня... И Россия не предаст нас. Народ в Париже просто сошел с ума. Здесь все идет великолепно».

На самом же деле военная обстановка в Испании обстояла далеко не великолепно. Боевой дух французской армии сильно упал, дело дошло до того, что во время снежной бури войска отказались двигаться вперед. Эта новость с быстротой молнии облетела всю Европу.

Тем не менее Наполеон все же пробился к Мадриду. Но вместо того чтобы ударить по английским экспедиционным силам, продвигавшимся из Португалии, решил срочно ехать в Париж: он получил донесение, что Австрия действительно готовится к войне.

Другой тревожной новостью, заставившей императора заторопиться в Париж, было сообщение о том, что давние враги Талейран и Фуше вдруг спелись и явно демонстрируют свою дружбу, прогуливаясь под ручку по залам Тюильри.

Публично обвинять Фуше император побаивался, он знал, что могущественный министр полиции, располагающий к тому же архивами своего ведомства, ни перед чем не остановится. Тем не менее Наполеон пригрозил, что публично напомнит о том, что якобинец Фуше голосовал за казнь Людовика XVI. На что невозмутимый Фуше ответил: «Да, сир, это была первая из многих услуг, которые я имел честь оказать вашему величеству».

А вот Талейрану император устроил публичную экзекуцию во всю мощь своего темперамента. В тече-

ние трех часов Наполеон упрекал Талейрана, что он осыпал своего министра иностранных дел благодарениями, а тот его предал. Не забыл упомянуть и о роли, которую сыграл Талейрана в убийстве герцога Энгийенского: «А кто уговорил меня убить этого несчастного человека? Кто сообщил мне, где он скрывается?» Этот спектакль Наполеон закончил широко известным оскорблением: «Вы не что иное, как дерьмо в шелковых чулках!»

Талейран бесстрастно выслушал все оскорбления и сразу после аудиенции отправился в австрийское посольство. Там он сказал недавно назначенному австрийскому послу Клеменсу Меттерниху: «Время настало». За свои будущие заслуги он попросил миллион франков, которые ему тут же выдали.

Надо сказать, что у Меттерниха были свои весьма надежные источники информации. Приехав в Париж, он вскоре стал любовником Лауры д'Абрантес, дамы, хорошо осведомленной обо всем, что происходит при дворе Наполеона. Еще более ценного осведомителя Меттерних обрел в лице Каролины Мюрат, которая залезла к нему в постель.

Обстоятельства, складываясь неблагоприятно для Наполеона, играли на руку Жозефине. Наполеон признавался своему министру полиции Фуше: «Этот год — неподходящее время, чтобы потрясти общественное мнение сообщением об отречении императрицы. Меня уже не любят. Она является связующим звеном между мной и множеством людей, и это она привлекает ко мне парижское общество, а в ином случае все отвернутся от меня».

Жозефина, наверное, понимала, что это только отсрочка. Наполеон теперь не предлагал ей сопровождать его в военных походах.

В апреле 1809 года пришло известие, что австрийцы вторглись в Баварию. Наполеон в тот же вечер решил ехать на театр военных действий. Он ничего не сказал Жозефине, и в час ночи ему подали карету. Он не

предупреждал императрицу, но она услышала шум, выскочила из постели и побежала вниз по лестнице, а затем, во двор в комнатных туфельках и без чулок. Плача, как дитя, она вскочила в карету императора. Она была почти не одета, и Наполеон, накинув ей на плечи отороченный мехом плащ, распорядился, чтобы багаж Жозефины выслали ей вслед.

Это было последнее их совместное путешествие.

Наполеон оставил Жозефину в Страсбурге, а сам поспешил преследовать австрийцев. Через некоторое время к Жозефине приехала ее дочь Гортензия.

После смерти своего маленького сына Наполеона Шарля Гортензия на короткое время помирилась со своим мужем, и у нее снова родился мальчик, названный Луи Наполеоном. Он родился на восемнадцать дней раньше того срока, который вычислил Людовик, и это дало тому основания подозревать, что Луи Наполеон не его сын. Тем более что в тот период, когда Гортензия отчаянно горевала, потеряв своего первого сына, мужчин, желавших утешить ее, было хоть отбавляй. Так или иначе, но этот мальчик стал императором Франции под именем Наполеона III. Возможно, он и не был племянником Наполеона I, но уж внуком Жозефины — наверняка.

После ряда сражений Наполеон вошел в Вену, заставив Габсбургов бежать из своей столицы, занял дворец Шенбрун, который издавна был резиденцией австрийских императоров.

Жозефина тосковала в Страсбурге, огорчаясь, что Наполеон стал ей редко писать и что письма его утратили былую теплоту. А император в это время вызвал в Вену Марию Валевскую. Она сама написала ему, прося разрешения приехать. Он ответил ей: «Мария, я прочитал твое письмо с удовольствием, которое всегда вызывает во мне любое воспоминание о тебе. Да, приезжай в Вену. Я буду рад выказать тебе новые доказательства нежной дружбы, которую питаю к тебе».

Камердинер Констан каждый день привозил во дворец графиню Валевскую. А в сентябре она забеременела. Гордости Наполеона не было границ. Никаких сомнений в отцовстве у него быть не могло. А это означало, что он способен зачать наследника, женившись на какой-нибудь представительнице царствующего дома.

Участь Жозефины была решена. Она вернулась в Мальмезон. Там она узнала о том, что графиня Валевская находится в Вене, а через некоторое время до Жозефины дошло известие, что Валевская беременна. Ее охватило отчаяние. Когда ее посетила Лаура д'Абрантес с маленькой дочкой, Жозефина призналась ей: «Я, которая никогда никому не завидовала, понастоящему страдаю, когда кто-нибудь из вас приводит ко мне своих детей. Я знаю, что буду с позором изгнана человеком, который короновал меня, но Бог свидетель, я люблю этого мужчину больше своей жизни и гораздо больше, чем трон».

А Наполеона одолевали мысли о новой женитьбе. Предполагая, что Александр I, согласившись на брак своей сестры с французским императором, поставит условие, чтобы русский престол получил свободу действий в Польше, Наполеон решил упредить Александра и направил ему срочное послание. Он писал русскому императору, что целиком согласен с ним, что слова «Польша» и «польский» должны быть изъяты не только из всех документов, но и из «самой истории».

Так он, не задумываясь, предал свою любовницу Марию Валевскую, будущую мать его сына. Теперь ему предстояло предать свою любимую жену Жозефину. Он пытался найти оправдание, повторяя: «Всю мою жизнь я жертвовал всем — покоем, счастьем — ради моего предназначения», и «это предназначение требует новой жертвы»: он должен пожертвовать своей любовью к Жозефине.

Наполеон послал ей записку, назначая свидание в Фонтенбло, рассчитав при этом, что приедет туда

раньше Жозефины. Когда она приехала, он не вышел ее встречать, как обычно, а оставался в своем кабинете. Он что-то писал и едва приподнял голову, когда она вошла, сказав только: «А, наконец-то ты». Новый сюрприз ожидал Жозефину в ее заново отделанных апартаментах — дверь между ее спальней и спальней Наполеона была наглухо заделана. Ей сказали, что такой приказ пришел еще из Вены.

Последующие три недели в Фонтенбло стали самыми несчастными в жизни Жозефины. Она страдала оттого, что Наполеон теперь никогда не оставался с ней с глазу на глаз. Впервые за всю их совместную жизнь при каждой их трапезе присутствовал кто-нибудь из семейства Бонапартов. По вечерам сестра Наполеона Полина, вышедшая замуж за князя Боргезе, устраивала у себя приемы, на которые Жозефину не приглашали.

Наполеон вел себя по отношению к Жозефине отвратительно, он испытывал чувство вины, злился из-за этого и срывал свое раздражение на ней. Камердинер Наполеона Констан отметил «необычную холодность императора... вспышки гнева возникали по совершенно ничтожным поводам». Дочь Жозефины Гортензия вспоминала: «Больше не было нежности, внимания к моей матери... Он был несправедлив, мучил ее».

Императора, надо полагать, злило, что он не может набраться решимости объявить Жозефине о своем решении развестись с ней. Он искал, кто бы мог это сделать, освободив его от этой мучительной обязанности. Наполеон пытался уговорить сделать это свою падчерицу Гортензию, сказав ей: «Ничто не заставит меня отступить, ни слезы, ни мольба». Гортензия, обладавшая тактом и достоинством своей матери, спокойно ответила: «Вы здесь хозяин, сир. Никто не может противоречить вам. Если ваше счастье зависит от этого, значит, так оно и будет. Не удивляйтесь слезам моей матери. Было бы более удивительно, если бы

после тринадцати лет вашего союза она не плакала бы. Она подчинится вашему решению, и мы все уедем, увозя с собой память о вашей доброте к нам».

Услышав эти слова, Наполеон побледнел и прерывающимся от рыданий голосом закричал: «Что? Вы собираетесь покинуть меня? Вы хотите предать меня?» Видимо, только в этот момент он осознал, что теряет не только Жозефину, но и своих падчерицу и пасынка, которых искренне любил. Гортензия возразила, что у нее есть долг перед матерью. «Мы больше не можем жить около вас. Эту жертву необходимо принести, и мы ее принесем».

Тогда Наполеон вызвал из Италии Евгения Богарне.

Наконец, 30 ноября 1809 года Наполеон заставил себя пойти на разговор с Жозефиной. Он начал объяснять ей про «обязывающее величие», говорить про их общий долг «пожертвовать своим личным счастьем ради интересов Франции».

Жозефина ждала этого разговора уже давно, знала, что бессильно переубедить Наполеона, и все-таки прибегла к своему последнему испытанному средству — она издала пронзительный вопль и упала в обморок.

Наполеон приоткрыл дверь, позвал находившегося в соседней комнате придворного Боссе и спросил, хватит ли у него сил отнести императрицу в ее апартаменты. Боссе заверил его, что все сделает как надо. Император взял подсвечник с зажженной свечой, и они стали спускаться по узкой лестнице. У перепуганного Боссе немного отлегло от сердца, когда Жозефина, которую он нес на руках, прошептала ему на ухо, так, чтобы император не слышал: «Вы слишком сильно меня прижимаете». А Наполеон тем временем бормотал что-то про национальные интересы, про политическую необходимость, что «дочь должна была ее подготовить».

Перепуганный Наполеон послал за Гортензией. Та принялась как могла утешать мать. «Мы уедем с то-

бой, — говорила она. — Я знаю, что мой брат поведет себя точно так же. Впервые за все время, вдали от суеты и двора, мы заживем подлинной семейной жизнью и познаем настоящее счастье».

Из Италии прискакал Евгений. Наполеон старался убедить его, что они все трое не должны покидать его, и даже заговорил, что готов остановить дело о разводе. Однако Евгений и Гортензия сказали, что теперь слишком поздно, все знают, «что у него на уме и императрица не будет с ним счастлива». Император предложил Евгению полный суверенитет Итальянского королевства, но тот отказался, сказав, что «не может принять ничего, что будет выглядеть как компенсация за несчастье его матери».

Когда этот нарыв лопнул, Жозефина испытала даже некоторое облегчение — ушло напряжение последних тягостных недель. Теперь она была озабочена тем, какие выгоды можно извлечь из создавшегося положения. А Наполеон готов был на все, лишь бы не выглядеть в глазах общества и самой Жозефины извергом. Он щедро одарил ее: она получила Елисейский дворец в качестве городской резиденции, Мальмезон, Наваррский замок, содержание в размере трех миллионов франков в год, все ее долги были оплачены, она получила право пользоваться тем же почетом, что и раньше, за ней останутся ее титулы, охрана, эскорт, весь внешний декорум царствующей императрицы. Но когда император предложил ей княжество в Италии с Римом в качестве столицы, она разразилась слезами. Для нее жить вне Парижа, вне Франции было не меньшей трагедией, чем потерять мужа.

Однако обещания императора в отношении статуса Жозефины как разведенной императрицы отнюдь не оправдались — он отдал приказ, чтобы Жозефина не принимала участие ни в каких официальных церемониях. Когда в соборе Парижской Богоматери праздновали годовщину коронации, Жозефина была в короне, но ей не было дозволено сидеть рядом с императором

ни в карете, ни в соборе. На банкет, который давал по этому поводу парижский магистрат, Наполеон приехал со своей сестрой Каролиной, а Жозефину, императрицу, никто не встретил у входа, и она в одиночестве прошла к помосту. «Она поспешно села, — вспоминала Лаура д'Абрантес, — ноги у нее просто подгибались, она, наверное, хотела бы провалиться сквозь пол и тем не менее выдавила из себя улыбку».

Эти последние дни до объявления о разводе были для Жозефины особенно тягостными, но она держалась на редкость достойно. Паскье, будущий канцлер, вспоминал, как благородно играла она свою роль на этих последних праздниках, когда все глаза были устремлены на нее. «Сомневаюсь, — писал Паскье, — могла ли какая-нибудь другая женщина выступить с таким достоинством и таким изяществом. Наполеон держался значительно хуже, чем его жертва».

Приглашения на церемонию развода были разосланы, как на светский прием, в Тронном зале горело столько свечей, как на балу. Присутствовал весь императорский двор, дамы были в драгоценностях, мужчины при орденах. «Бонапарты злорадствовали, — вспоминала Гортензия. — Они пытались скрыть свою радость, но их выдавало выражение удовлетворения и триумфа».

Жозефина в простом белом платье, бледная и спокойная, вошла, опираясь на руку Гортензии. Ее сын Евгений стоял, скрестив руки, весь дрожа.

Наполеон начал зачитывать заранее подготовленную речь, потом отбросил листок с текстом и стал говорить: «Один Бог знает, сколько стоит это решение для моего сердца. Я нашел мужество для этого только в убеждении, что мое решение служит высшим интересам Франции. Я должен выразить мою благодарность, преданность и нежность моей любимой жене. Тринадцать лет она украшала мою жизнь, память о этом времени навсегда останется в моем сердце».

Когда он заканчивал говорить, слезы катились у него из глаз.

Жозефина смело начала свою речь. «Мой долг объявить, что поскольку я не надеюсь более иметь детей и не могу удовлетворить политические нужды моего мужа и соответствовать интересам Франции, я счастлива, что могу предложить ему самое большое доказательство привязанности и преданности, какое можно предложить мужу. Я всем обязана его доброте, он своей рукой короновал меня... Я всегда буду лучшим другом императору».

Тут у нее перехватило дыхание, она замолчала. В Тронном зале стояла мертвая тишина. Потом, будучи не в силах продолжать, она передала листок со своей речью адъютанту, который и дочитал текст до конца. Жозефина более всего боялась упасть в обморок на глазах торжествующего клана Бонапартов.

После того как император, императрица и члены семьи подписали официальный документ о разводе, Наполеон поцеловал Жозефину, предложил ей руку и повел в ее апартаменты «подобно тому, как раненого солдата уносят с поля боя». Евгений Богарне так разволновался, что, выходя из Тронного зала, упал в обморок.

А в два часа ночи дверь спальни Наполеона отворилась, и он увидел, что в ногах его постели стоит Жозефина. Теперь в ее фигуре не было и тени величия — волосы растрепаны, лицо искажено. Она упала на колени, он вскочил и обнял ее за плечи. Жозефина начала всхлипывать. «Ты должна быть храброй, — уговаривал он ее. — Ты ведь знаешь, что я всегда буду тебе другом!»

Так они сидели, наверное, час, и в конце концов успокаивать пришлось Наполеона.

Утром Жозефине предстояло навсегда покинуть Тюильри. Наполеон спустился по своей личной лестнице, обнял Жозефину и ушел на смотр военного караула. Жозефину провожала плачущая толпа дворцовых служителей. Сама Жозефина не проронила и слезинки, она прошествовала к карете, исполненная

достоинства, гордая и величественная. Лил проливной дождь, словно Париж оплакивал отъезд бывшей императрицы.

Жозефина отбыла в Мальмезон, ее сопровождала вереница карет с фрейлинами, церемониймейстерами, с багажом, собаками и птицами в клетках.

Спустя час после отъезда Жозефины Наполеон уехал в Версаль, где ничто не напоминало ему о бывшей жене. Однако на следующий день он отправился в Мальмезон, где они с Жозефиной долго гуляли под дождем, занятые своим разговором. Так продолжалось целую неделю, он ежедневно приезжал в Мальмезон, и они вместе гуляли. Наполеон никогда не входил в дом, они всегда оставались на глазах людей. Дождь лил не переставая...

Надо отдать должное императору, он продолжал заботиться о Жозефине, отправил ей денег сверх положенного содержания, написав: «Это чтобы ты могла сажать в Мальмезоне все, что тебе захочется», заказал для нее в Севре дорогой обеденный сервиз, с присущей ему дотошностью просмотрел четырнадцать страниц, на которых перечислялись «туалеты ее величества». Десять страниц занимала опись «придворных туалетов», одних только туфель числилось двести восемьдесят пар. Побеспокоился он и о том, чтобы она не оказалась в одиночестве. Он то и дело спрашивал своих придворных: «Вы посещали императрицу?» Чуткие придворные поняли намек: как писала Клер де Ремюза, «невзирая на дожди, дорога от Парижа до Мальмезона превратилась в нескончаемый поток карет с придворными, торопившимися засвидетельствовать ей свое почтение».

Приезжала к Жозефине с визитом и жена австрийского посла, которая была искренне удивлена, когда в середине февраля 1810 года бывшая императрица обронила такую фразу: она надеется, что брак между Наполеоном и дочерью австрийского императора, которой она, Жозефина, устроила, «подтвердит, что

жертва, которую она должна была принести, будет того стоить». Трудно предположить, чем руководствовалась Жозефина, выдавая такую небылицу, — надеялась ли на благодарность и дружбу будущей императрицы или хотела обеспечить себе место при дворе; во всяком случае, жена посла была потрясена и поспешила вернуться в Париж, чтобы рассказать об этом разговоре мужу.

Но это еще впереди, а пока что Наполеон развил бешеную деятельность, решив без промедления найти себе новую жену из старинного императорского рода.

5 февраля Наполеон получил депешу от своего посла в Санкт-Петербурге, который сообщал о нерешительности императора Александра, который явно не хочет выдавать свою пятнадцатилетнюю сестру Анну за Наполеона. Французский император понял, что российский император вовсе не намерен породниться с ним, и ввел в действие запасной план.

Он вызвал в Париж своего пасынка Евгения Богарне и поручил ему отправиться в австрийское посольство и потребовать (именно не просить, *потребовать*.) для императора Наполеона руки дочери австрийского императора. Это брачное предложение скорее напоминало требование о капитуляции, посланное после разгромного сражения. Ситуация была беспрецедентная: посол должен был, не имея времени связаться с Веной, принять предложение и на следующий день подписать брачный контракт. Посол, которого срочно вызвали с охоты, не знал, что ему делать, но в конце концов вынужден был согласиться.

Наполеон, по словам Евгения Богарне, «радовался, как сумасшедший». Наполеон немедленно отправил депешу в Санкт-Петербург, в которой извещал русского императора, что решил отказаться от брака с юной сестрой Александра. На следующий день в Санкт-Петербург поскакал второй курьер. Послание, которое он вез, извещало царя, что французский император же-

нится на австрийской эрцгерцогине. А навстречу этим двум курьерам скакал курьер Александра с извещением, что русский император отказывается отдать свою сестру в жены Наполеону.

А Жозефина начинала ощущать, насколько меняется её положение. Наполеон, который был к ней так внимателен первые недели после развода, теперь все реже находил время для нее. Он был поглощен приготовлениями к новому бракосочетанию. В Тюильри по этому поводу шла чередá праздников. Жозефину на эти торжества не приглашали — она узнавала о балах, обедах, причём от своей дочери Гортензии.

Наполеон пошел еще дальше — он распорядился, чтобы Жозефина уехала из Парижа раньше, чем австриячка ступит на землю Франции. Он сообщил, что дарит своей бывшей жене Наваррский замок в Нормандии, и предлагает ей уехать туда. Огромный, пустой, обветшавший охотничий замок, в котором дождь и ледяной ветер врывались сквозь плохо заделанные окна, камин дымили, навевал тоску. Придворные дамы Жозефины роптали, все их мысли были в Париже, где можно блистать на балах, веселиться. Некоторые фрейлины, совсем уже потерявшие совесть, просили Жозефину снабдить их рекомендательными письмами к новой императрице, чтобы та взяла их в свой штат. Жозефина им не отказывала и такие письма писала. Когда-то жанр рекомендательных писем был ее любимым. Но все это осталось в прошлом.

Самым страшным для Жозефины оказался слух, что ее намерены выслать из Франции. Из Парижа друзья сообщали ей, что в столице распространяются слухи, будто новая императрица высказывает недовольство тем, что Жозефина живет слишком близко от Парижа и что Мальмезон следует у нее отобрать. Говорили, что Наполеон не хочет, чтобы она возвращалась в Париж. И действительно, когда она обратилась к императору с просьбой разрешить ей вернуться в Мальмезон, Наполеон ответил холодным письмом

с неохотным разрешением. Жозефина послала ему трогательное письмо. Оно начиналось официальным обращением: «Сир», но на середине вдруг прорвались обуревавшие ее чувства: «Бонапарт! Ты обещал не бросать меня! Мне нужен твой совет, ты мой единственный друг... Я боюсь, что совершенно исчезла из памяти Вашего величества... Ваше величество может быть уверено, что в Мальмезоне я буду жить так, словно нахожусь за тысячи миль от Парижа, и Ваше величество не будет обеспокоено в своем счастье какими бы то ни было выражениями моего сожаления... Памятуя о чувствах, которые Ваше величество когда-то испытывали ко мне, я не прошу новых тому доказательств, но надеюсь на справедливость, живущую в Вашем сердце».

Наполеон ответил ей таким же проникновенным письмом, но спустя несколько месяцев Клер де Ремюза, явно выполняя приказ Наполеона, написала Жозефине, что Мария Луиза беременна и что император выражает пожелание, чтобы его первая жена сейчас была подальше от Мальмезона. Мадам де Ремюза писала ей: «Ревнивый характер Марии-Луизы... Среди этих великолепных праздников Вы можете почувствовать себя забытой всей нацией... Император заботится о своей молодой жене, хотя все еще испытывает к Вам чувства... Он просит Вас о еще одной жертве... Не напишите ли Вы императору, что намерены зиму провести в Италии?» А когда Жозефина попросила Наполеона, чтобы он разрешил ей встретиться с новой императрицей, император отказал ей, подсластив свой отказ таким кисло-сладким комплиментом: «Нет, она думает, что ты старая. Если она увидит тебя и почувствует твое очарование, она будет обеспокоена. Она будет просить меня отправить тебя подальше, и я должен буду согласиться».

Целый год Жозефина путешествовала по Швейцарии и Савойе. Когда же Наполеон разрешил ей вернуться в Мальмезон, между ними завязалась новая переписка. Его письма были полны любви и заботы

о ней. Жозефина же не переставала высказывать ему свою нежность и преданность.

В Мальмезоне Жозефина установила настоящий культ Наполеона, она не разрешала никому трогать что-либо в его комнатах, сама вытирала там пыль. И никогда не высказывала ни одного осуждающего слова в его адрес.

Когда Мария Луиза родила сына, Наполеон поспешил известить об этом Жозефину, послав ей записку: «Мой сын пухленький и здоровенький... Я надеюсь, что он будет достоин своего предназначения». Жозефина от всего сердца поздравила его.

В течение двух лет она просила императора разрешить ей увидеть его сына. В конце концов Наполеон придумал такой план: она как бы случайно повстречает на прогулке мальчика с его гувернанткой. Целый час Жозефина провела с ребенком и со слезами рассталась с ним. Марии Луизе, конечно, донесли об этом эпизоде, и она добилась от императора обещания, что ни они, ни его сын никогда больше не посетят Мальмезон.

Жозефина обожала всех своих внуков. Когда она целый год прожила в Милане у своего сына Евгения, она с радостью общалась с его детьми, но самым большим ее любимцем был сын Гортензии Луи Наполеон, будущий император Франции.

Ее личная жизнь продолжала живо интересоваться парижан. Никто не хотел верить, что эта все еще привлекательная женщина, которой всего сорок семь лет, спит в своей постели одна. В окружении Жозефины тоже сплетничали о ее отношениях с двадцатисемилетним камергером Теодором Ланселотом де Тюрпин Криссе, который был единственным мужчиной при дворе бывшей императрицы и который не скрывал своего обожания. Летом 1810 года Жозефина инкогнито отправилась в Экс, ее сопровождали Ланселот, Клер де Ремюза и еще одна подруга. Мадам де Ремюза вскоре вернулась в Париж, а остальные отправились в путешествие по Швейцарии и Савойе.

В Савойе Жозефину навестила Гортензия. Ее муж был вынужден отречься от голландского престола, и Наполеон разрешил им жить порознь. Здесь, в Савойе, к ним присоединился Шарль де Флао, сын Талейрана от его знаменитого морганатического брака с Адель де Флао. Здесь вспыхнула страстная любовь между Шарлем и Гортензией, продолжавшаяся долгие годы.

А тем временем Наполеон шел навстречу своей судьбе. Мы не будем здесь вдаваться в подробности межгосударственных отношений в Европе в те годы. Достаточно напомнить читателю, что 24 июня 1812 года Великая армия Наполеона форсировала Неман и вступила на земли Российской империи. История русского похода французского императора хорошо известна, Великая армия потеряла 540 тысяч солдат. Быть может, стоит упомянуть, поскольку эта глава посвящена в основном Жозефине, что ветераны старой гвардии, участники итальянской кампании и египетской экспедиции, ворчали, что «старуха» приносила им большие удачи, чем австриячка, и что Наполеон «не должен был бросать свою старуху».

5 декабря Наполеон покинул свою отступающую армию и в сопровождении одного Коленкура поспешил в Париж. О том, как реагировала армия на дезертирство императора, можно судить по письму одного французского офицера своей семье: «На следующий день на рассвете армия все узнала. Впечатление, которое произвело это известие, невозможно представить. Многие солдаты начали богохульствовать и проклинать императора, который бросил их».

Жозефина была в отчаянии. Она боялась за жизнь Наполеона и своего сына Евгения. Она узнала, что после отъезда Наполеона командование армией было поручено Мюрату, но он дезертировал, сославшись на то, что заболел желтухой, и во главе отступающей, развалившейся армии вынужден был встать Евгений Богарне.

«Никто не знает императора, — уверяла она своих фрейлин, — его характера так, как я. Он верит в то, что судьба его predetermined, и будет встречать удары судьбы с такой же стойкостью, как на поле сражения». Однако она верила в то, что называла предчувствием катастрофы. Ее опять, как когда-то, начали мучить мигрени. Ее близкая подруга считала, что это ощущение надвигающегося несчастья сломило ее дух, подорвало здоровье и привело к смерти в следующем году.

Когда Жозефина узнала, что после ряда неудачных сражений Великая армия в октябре 1813 года потерпела поражение под Лейпцигом, она написала императору прекрасное и любящее письмо: «Сир, хотя я не могу разделять Ваши радости, Ваши огорчения будут и моими... Я не могу противиться потребности высказать Вам это, как не могу и перестать любить Вас всем сердцем».

Дурные предчувствия не обманули Жозефину. 11 апреля 1814 года Наполеон согласился отречься от престола. Войска антифранцузской коалиции находились в Париже.

Уезжая из Фонтенбло на Эльбу, Наполеон написал Жозефине: «Они предали меня. Да-да, все предали, кроме нашего дорогого Евгения, достойного меня и тебя... Прощай, моя дорогая Жозефина. Подчинись обстоятельствам, как это делаю я, и никогда не забывай того, кто никогда не забывал и не забудет тебя».

В Наварре Жозефина узнала, что Талейран встал во главе временного правительства, и обратилась к нему с письмом: «Мы живем, убитые горем... Я ожидаю решения Сената и вручаю судьбу мою и моих детей в Ваши руки... Я с полным доверием последую Вашему совету».

Великий интриган Талейран решил, что Жозефина может оказаться хорошей картой, которую можно будет разыграть, и ответил ей письмом, сообщая, что ей будет определена ежегодная пенсия в один миллион франков и четыреста тысяч будет получать Гортензия.

Талейран оказался не единственным деятелем, полагавшим, что Жозефина может быть полезной для их политических планов. Русский император тоже писал Жозефине в Наварру, уговаривая ее вернуться в Мальмезон. Он даже послал в Наварру конный конвой для ее охраны.

Когда Жозефина и Гортензия вернулись в Мальмезон, их ожидало послание от Александра I, он просил разрешения в тот же день навестить их, дабы засвидетельствовать им свое почтение. Император был очарован Жозефиной и еще больше Гортензией.

Вот так случился еще один — на этот раз последний — поворот в судьбе Жозефины. Император Александр каждый день приезжал в Мальмезон, гулял с Жозефиной, пил чай с ней и Гортензией, обещал им сохранить за ними их титулы и содержание. Он даже предложил Жозефине дворец в Санкт-Петербурге, хотя и выражал опасение, что климат Северной Пальмиры покажется ей слишком суровым. Он добился, чтобы Гортензия получила титул герцогини Сен-Лю. По его просьбе король Людовик XVIII после возвращения Евгения Богарне поздравил его в связи «со всем тем добрым, что сделала его мать во Франции».

Вновь Жозефина оказалась в центре внимания светского Парижа. Посещать Мальмезон стало модным, все иностранные принцы, дипломаты, генералы считали своим долгом приехать сюда, чтобы поцеловать руку бывшей императрицы. Она и Гортензия гуляли по аллеям Мальмезона с прусским королем, с русскими великими князьями, за ней ухаживал ее давний поклонник принц Мекленбургский. Жозефина показывала им свои оранжереи, зверинец, сад. Один только австрийский император прислал ей вежливое письмо, в котором объяснял, что не посещает ее из боязни причинить ей боль. Жозефина прокомментировала это письмо без остроумия: «Но ведь он не меня лишил трона, а свою дочь!»

Она принимала у себя в Мальмезоне европейских

коронованных особ, которые были раньше вассалами Наполеона и теперь предали его. Бонапартисты упрекали ее за такой оппортунизм, но их претензии к Жозефине не имели достаточных оснований. Вот уж она не предала Бонапарта, хотя он и поступил с ней жестоко и несправедливо. Можно не сомневаться, что она говорила вполне убежденно, когда заявляла своим приближенным дамам, что «помчалась бы сквозь оккупированный Париж в Фонтенбло, чтобы никогда не расставаться» с Наполеоном, если бы еще была императрицей Франции.

Жозефина была абсолютно искренна, когда сказала одной из приближенных дам Гортензии: «Иногда меня охватывает такая меланхолия, что я могу умереть от отчаяния. Я не смогу смириться с судьбой Бонапарта». Она ужасно переживала за судьбу Наполеона, «павшего с такой высоты величия, сосланного на остров, брошенного Францией». К тому времени она уже знала, что бывшего императора ссылают на остров Эльбу и что в Париже распространился слух, что, уезжая из Фонтенбло, Наполеон воскликнул: «Жозефина была права — то, что я бросил ее, принесло мне неудачу».

Она не терпела даже малейшего намека на то, что она может изменить своей привязанности Наполеону. Когда в Париж после долгого изгнания вернулась мадам де Сталь, она навестила Жозефину и спросила ее: «Вы все еще любите Наполеона?», Жозефина молча встала и вышла из комнаты, подчеркивая тем самым всю бестактность подобного вопроса. Потом она поделилась с одной своей приятельницей: «Ты знаешь, мадам де Сталь имела наглость спросить меня, люблю ли я все еще императора. Задавать такой вопрос мне, которая никогда не переставала любить его в дни его славы! Разве я могу любить его меньше теперь?»

В середине мая Жозефина простудилась, гуляя с императором Александром, и слегла. Гортензия умоляла мать не выходить к обеду, на котором должны были присутствовать русский царь и прусский король.

Но Жозефина была не из тех женщин, которые пренебрегают своими светскими обязанностями. Она не только отобедала со своими гостями, но и открыла бал в паре с императором Александром. Потом она предложила Александру прогуляться по саду, сказав, что хочет вдохнуть аромат сирени и лилий.

После этого ее стало лихорадить. Так продолжалось несколько дней. В последнюю ночь, когда дети вышли из спальни Жозефины, сиделке показалось, что Жозефина прошептала: «Бонапарт... Эльба... Римский король...»

На следующее утро она уже не могла говорить. Гортензия, будучи не в силах видеть агонию своей любимой матери, выбежала из спальни. Жозефина Таше де Ла Пажери, в замужестве виконтесса де Богарне, во втором браке госпожа Бонапарт, бывшая императрица Франции, тихо скончалась на руках своего сына Евгения де Богарне, «встретив смерть так же спокойно, как она встречала жизнь».

Наполеон на Эльбе узнал о смерти Жозефины из английских газет. Вернувшись в Париж после бегства с Эльбы и триумфального проезда по Франции, он сказал: «Жозефина была чудная женщина и очень умная. Я горячо оплакивал ее потерю. День, когда я узнал о ее смерти, был несчастнейшим днем моей жизни».

Так ушла из жизни Наполеона Бонапарта единственная женщина, которую он страстно любил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой главным действующим лицом становится Мария Луиза, дочь австрийского императора, вторая жена Наполеона, вторая императрица Франции

Итак, 5 февраля 1810 года император Наполеон принял решение — он берет в жены дочь австрийского императора Франца Габсбурга Марию Луизу. Поскольку надежды на брачный союз с русской императорской семьей, самым могущественным царствующим домом в Европе, рухнули, он обратил свои взоры на самый старинный род — Габсбургов. Наполеон не подозревал, что идея такого брака принадлежит министру иностранных дел Австрии Меттерниху. Еще 30 ноября 1809 года — за три месяца до решения французского императора жениться на Марии Луизе — австрийский посол в Париже князь Шварценберг получил от Меттерниха секретное послание, в котором ему поручалось сделать все возможное, но, конечно, в глубокой тайне, чтобы император Наполеон остановил свой выбор на австрийской эрцгерцогине Марии Луизе. А через несколько недель император Франц, действуя по совету Меттерниха, намекнул своей старшей дочери, что, возможно, она будет призвана пойти на некоторые жертвы ради блага своей страны. Ее согласия или хотя бы мнения никто не спрашивал.

Трудно представить ужас, охвативший девятнадцатилетнюю Марию Луизу при этом известии — она с детства воспитывалась в ненависти к Франции и к «корсиканскому чудовищу». Ее воспитательница

графиня Колоредо, французская эмигрантка, ненавидевшая Республику, часто рассказывала Марии Луизе, как отрубили голову ее двоюродной бабке Марии Антуанетте, что Бонапарт является воплощением Зла, что у него раздвоенные копыта Сатаны.

Впрочем, когда Марии Луизе исполнилось четырнадцать лет, ей довелось испытать, что такое нашествие наполеоновской армии. В октябре 1805 года французы разгромили австрийскую армию генерала Мака при Ульме, и Наполеон за три недели дошел до Вены. Императорская семья бежала из столицы, а Наполеон, проведя двое суток во дворце Шенбрун, двинулся на север, преследуя австрийскую армию.

2 декабря он наголову разбил русско-австрийскую армию при Аустерлице, союзники потеряли 23 тысячи убитыми и ранеными, 20 тысяч было взято в плен. Был подписан позорный для Австрии мирный договор, согласно которому Австрия утратила все свои владения в Италии и должна была выплатить Наполеону контрибуцию.

Мария Луиза остро переживала унижения, которым подвергалось семейство Габсбургов. Мало кого из них не коснулась тяжелая десница французского императора, он беспощадно лишал их тронов, усаживая на них своих братьев, сестер, родственников.

Летом и в начале осени 1805 года Мария Луиза, понимая, что новая война неизбежна, свято верила, что на этот раз Господь Всемогущий встанет на сторону ее отца. Графиня Колоредо, чей муж возглавлял провоенную клику, внушала своей воспитаннице, что победа неминуема, поскольку австро-русская армия превосходит численностью войска Наполеона в три раза.

«Нет никаких сомнений, — записывала Мария Луиза в своем дневнике, — что папа победит и наступит, наконец, момент, когда «узурпатор» будет разгромлен».

Однако «узурпатор» разбил все ее надежды. Холодным сентябрьским утром Мария Луиза была разбуже-

на шумной суетой в обычно тихих коридорах замка Хофсбург. Она выглянула в окно и увидела большие тяжелые экипажи, которые с лихорадочной поспешностью загружались всевозможным дворцовым скарбом. Царила откровенная паника. Командовала всем графиня Колоредо, которая на вопрос Марии Луизы, что происходит, прямо ответила, что войска «корсиканского чудовища» приближаются к Вене. Единственное спасение в бегстве. Куда бежать? Куда угодно! Если будет необходимость, то даже в Москву.

Теперь Мария Луиза, изнеженная эрцгерцогиня, испытала на себе все тяготы бегства от наступающего врага. Ей приходилось ночевать на постоялых дворах, где кормили плохо, а постели кишели клопами и блохами. Вернулись в Вену только в декабре 1805 года.

Пройдет четыре года, и Австрия снова начнет вооружаться и готовиться к войне с Францией. Однако Наполеон опять разбил австрийскую армию, и снова императорская семья должна была бежать из Вены. На этот раз в Венгрию. Там они узнали новость, взбудоражившую всю Европу, — «корсиканское чудовище» развелся со своей королевой Жозефиной и присматривает себе новую жену.

Мария Луиза впала в панику, она понимала, что политические соображения могут указать на нее как на будущую супругу императора Франции.

Она писала графине Колоредо: «С тех пор как я узнала о разводе Наполеона, я внимательно просматриваю все франкфуртские газеты в надежде прочесть там имя той, которая станет его женой, и, должна признаться, что промедление очень меня тревожит. Я отдаю свою судьбу в руки Провидения, которое только одно знает, что лучше для нашего счастья. Но если, к величайшему несчастью, жребий падет на меня, я готова пожертвовать моим счастьем ради блага моей страны, будучи убеждена, что подлинное счастье можно обрести, только выполняя свой долг, даже жертвуя своими чувствами. Я не хочу думать об этом, но мое

сознание подсказывает мне, что это будет болезненная жертва. Молитесь, чтобы этого не случилось...»

Понимали весь ужас ее положения и некоторые другие. Так, австрийский посол в Париже князь Шварценберг высказал Меттерниху свое мнение, что, учитывая вражду между Францией и Австрией, не говоря уже о памяти Марии Антуанетты, эрцгерцогиня вряд ли положительно отнесется к замужеству с французом, на что Меттерних ответил: «Наши принцессы не имеют обыкновения выбирать себе мужей по велению своего сердца, а то уважение, которое такая хорошо воспитанная девушка, как наша эрцгерцогиня, испытывает к своему отцу, заставляет меня надеяться, что она не причинит нам трудностей».

Тем не менее охваченная паникой Мария Луиза готова была схватиться за любую соломинку. Ей пришло в голову, что она может избежать ужасной участи, если будет обручена — а еще лучше, если выйдет замуж, — до того, как «корсиканское чудовище» сделает свой выбор. Она выросла, практически не общаясь с мужчинами, — смешно сказать, но стерильность ее воспитания доходила до того, что она не знала, чем мужчины отличаются от женщин. Одним из немногих молодых людей, с которыми ей позволено было разговаривать, был эрцгерцог Фердинанд, брат ее мачехи. Можно не сомневаться, что между ними не было и намека на флирт, и тем не менее Мария Луиза отправила своему отцу, императору Францу, письмо явно продиктованное страхом. Она признавалась отцу, что приходит в ужас при одной мысли, что Наполеон может рассматривать ее как свою будущую жену. «Вы всегда заверяли меня со своей обычной добротой, что никогда не заставите меня выйти замуж помимо моей воли. Будучи в Офене, я встретила там эрцгерцога Фердинанда. Я уверена, что он обладает всеми качествами, чтобы сделать меня счастливой. Я призналась моей дорогой матушке (Мария Луиза имела в виду свою мачеху, третью жену императора

Франца), она разделяет мое доверие к этому молодому человеку и предложила мне написать Вам о чувствах, которые я к нему испытываю. Зная, что я не могу вручить мое будущее счастье в лучшие руки, чем Ваши, я буду ждать Вашего решения.

Ваша любящая и послушная дочь».

Ответа на это письмо не последовало.

Император Франц поручил это деликатное дело Меттерниху. Он не без доли лицемерия сказал ему: «Конечно, окончательное решение должна принять моя дочь. И я должен, прежде чем определю, в чем мой долг как государя, знать ее мнение. Отправляйтесь, поговорите с эрцгерцогиней и сообщите мне, что она скажет».

Такое поручение было вполне в духе Меттерниха. Он прочитал Марии Луизе длинную лекцию о долге императорской дочери не только перед отцом, но и перед страной, и только после этого попросил высказать свое мнение. Она ответствовала ему как подобает героиням трагедий Корнеля: «Когда на карту поставлены интересы моего отца и моей страны, то решающее слово за ними, а не за моими чувствами. Передайте моему отцу, чтобы он исходил из своего долга государя и ни в коей мере не думал обо мне».

Дело было сделано.

Вскоре Мария Луиза получила от своего будущего мужа первое письмо, отправленное из Рамбуйе и датированное 23 февраля 1810 года:

«Дорогая кузина,

Блестящие качества, делающие Вас столь выдающейся личностью, подвигли нас на желание служить Вам и чтить Вас, и мы обратились к Вашему отцу императору с просьбой доверить нам счастье Вашего Высочества. Можем ли мы рассчитывать, что Ваше Высочество разделит те чувства, которые толкнули нас поступить таким образом? Можем ли мы льстить себя надеждой, что Ваше Высочество руководствуется не только дочерним послушанием? Если Ваше Высочест-

во испытывает хоть какие-то дружеские чувства к нам, мы будем их лелеять и поставим своей целью завоевать Ваше расположение. Таково наше намерение и мы молимся, чтобы Ваше Высочество доброжелательно отнеслись к нашей решимости.

Мы молимся, чтобы Господь Бог всегда благословлял Вас и не оставлял своей заботой.

Ваш брат Наполеон».

Это письмо произвело на Марию Луизу благоприятное впечатление. У нее в душе забрезжила надежда, что в Париже она будет играть определенную роль, а не будет только приспособлением для рождения детей.

А Наполеон, как всегда, приняв решение, заторопился. Уж очень он был нетерпеливым человеком, этот французский император. Маршал Бертье уже скакал в Вену, чтобы официально просить от имени Наполеона руки эрцгерцогини, а потом представлять императора на церемонии бракосочетания, так сказать по доверенности. Во время этой официальной церемонии капитан, командовавший эскортом французских гусар, преподнес Марии Луизе на алой бархатной подушечке с золотыми кистями шкатулку, инкрустированную бриллиантами, в которой лежал миниатюрный портрет Наполеона в оправе из двенадцати больших бриллиантов. Мария Луиза с радостью отметила, что лицо, изображенное на миниатюре, принадлежит отнюдь не чудовищу, как она себе представляла.

Брачный контракт, подписанный маршалом Бертье от имени Наполеона, предусматривал, что Мария Луиза получит двести тысяч флоринов (четыреста тысяч франков), что она отказывается от всех своих прав на трон Австрии и всех государств, сохранившихся в составе Австрийской империи.

Одновременно с маршалом Бертье в Вену прибыл обоз с подарками Наполеона своей новобрачной. Венский двор был довольно беден, и эрцгерцогиня Мария Луиза не была избалована дорогими нарядами и дра-

гоценностями. Дары Наполеона поразили ее воображение. Одни только платья стоили более четырехсот тысяч франков. В их числе были восемь платьев, усыпанных жемчугом и расшитых золотом, шесть бальных платьев из лучшего тюля, тоже украшенных золотым и серебряным шитьем. Личный сапожник Наполеона изготовил сорок восемь пар туфель. Веера были украшены бриллиантами и изумрудами. Два сундука были забиты кашемировыми шальями, общая стоимость которых составляла баснословную сумму почти в сорок тысяч франков.

Но венцом всего оказался, конечно, туалетный набор из тысячи трехсот предметов. Там было все — ручные зеркала, щетки, гребни — все из золота. Практически мыслящий Наполеон не забыл и таких необходимых предметов, как обеденные сервизы, кофейники и чайники, супницы и даже такие интимные вещи, как ночные горшки.

Что касается драгоценностей, то их стоимость достигла трех с половиной миллионов франков, среди которых самыми ценными были тиара из 1239 бриллиантов и ожерелье из жемчуга, которое обошлось французской казне в пятьсот девять тысяч семьсот франков.

Утром 13 марта 1810 года Мария Луиза простилась со своей семьей и длинный кортеж карет тронулся к австро-германской границе. Здесь, в местечке Брюнау, ее передали с рук на руки французам и переделали во все французское. Всем командовала теперь Каролина, сестра Наполеона и жена Мюрата. То, что Наполеон выбрал ее для этой миссии, оказалось не самым удачным поступком с его стороны. Каролина была женщиной вздорной, тщеславной и завистливой. И хотя она в течение нескольких лет, пока Меттерних был австрийским послом в Париже, была его любовницей, она не любила все австрийское, а будущая жена ее брата, происходившая из старинного императорского рода Габсбургов, вызывала у нее озлобление.

В Мюнхене Марии Луизе доставили новое письмо от Наполеона:

«Мадам,

Я надеюсь, что Ваше Высочество получит это письмо в Брюнау. Я считаю мгновения, дни кажутся слишком длинными, и так будет, пока я не обрету счастье увидеть Вас. Мой народ разделяет мое нетерпение. Мне сказали, что Вы будете любящей матерью для французов. Вы найдете в них, мадам, любящих детей, которые будут лелеять Вас. Я надеюсь, что Вы не сомневаетесь в искренности моей привязанности. Вы не можете желать большего, но хочу убедиться, что Вы отвечаете мне взаимностью. Поверьте мне, на земле нет человека, который любит и хочет любить так же сильно, как я.

Наполеон».

Император Франции действительно с нетерпением ждал встречи со своей будущей женой. Всю жизнь он любил красивых женщин, и мысль, что Мария Луиза может оказаться уродливой, нескладной девушкой, возмущала его до глубины души.

Один современник описывал Марию Луизу как «очаровательную девушку, блондинку с белой кожей и нежным румянцем, с широким низким лбом, очень похожую на своего отца, особенно широко расставленными глазами и нижней губой, тяжелой и отвислой, настоящей губой Габсбургов».

Другой современник отмечал, что ее лицо было несколько испорчено оспой, которую она перенесла, когда ей было два года. Эти оспины грозили превратиться в красные пятна. Однако, далее писал он, у нее «прекрасный бюст, узкие бедра, худые ноги, но очень узкие ступни».

Наполеон, сгорая от нетерпения, ожидал Марию Луизу в Компьене. Он был раздражен и мрачен. Его, в частности, бесило, что его посланец, видевший накануне новобрачную, не мог толком описать, как она выглядит, хороша ли она собой. Молодой квалерист только смущался и заикался.

— Ты понимаешь, — жаловался Наполеон Мюрату, — я с трудом вытягивал из него слова. Наверное, моя жена ужасна. — Он передернул плечами. — Ладно, если она подарит мне хороших сыновей, я постараюсь любить ее так, как если бы она была прекрасна.

В конце концов терпение Наполеона лопнуло, и, когда прискакал очередной курьер с сообщением, что кортеж Марии Луизы добрался до Витри, он вызвал своего камердинера Констан и приказал приготовить ванну и одежду. Констан принес тканый золотой мундир, специально сшитый для этой встречи, однако Наполеон распорядился подать ему простой серый стюртук, который был на нем в сражении при Ваграме.

Потом он вызвал Мюрата, приказал ему приготовить легкую карету и без всякого эскорта ехать вместе с ним встречать новобрачную.

Лил проливной дождь, но это вовсе не портило настроения Наполеону. Он посмеивался над Мюратом, который славился своей беззаветной храбростью на поле боя, но очень плохо переносил бытовые неудобства и сидел, мрачно забившись в угол кареты.

— Не унывай, — сказал ему император. — Развеселись. Сегодня мы оба проведем ночь, прижимаясь к нашим женам.

Когда они добрались до деревни Курсель, начало темнеть. Наполеон приказал остановиться около церкви, откуда видна была дорога на Витри. Здесь, укрывшись от дождя под навесом церковного крыльца, они вглядывались вдаль. Наконец, показался конный эскорт, за ним вереница карет. Одна из них была запряжена восьмеркой лошадей — в ней должна была ехать Мария Луиза. Наполеон выскочил под дождь и бросился наперерез этой карете, приказывая остановиться. Тут подскочил командир эскорта с обнаженной шпагой, готовый растоптать этого возмутителя спокойствия, но, опознав знакомую фигуру, соскочил с коня и распахнул дверцу кареты, выкрикнув, как на парад: «Император!».

Наполеон просунулся внутрь кареты, Каролина взвизгнула от неожиданности, но он не обратил на нее никакого внимания. Его взор был прикован к девушке, чьи ярко-синие глаза расширились от изумления. Много лет спустя, уже на Святой Елене, Наполеон вспоминал, какое приятное впечатление произвела на него Мария Луиза. Он готовился к худшему. Конечно, в полутьме кареты оспины на ее лице не были заметны. Зато бросались в глаза нежная персиковая кожа, роскошная грудь, а главное — маленькие ступни. Наполеон панически боялся женщин с большими руками и ногами.

С трудом переведя дыхание, Наполеон выдавил: «Мадам, я рад видеть вас». И не дожидаясь ее ответа и не обращая внимания на Каролину, заключил Марию Луизу в объятия и принялся целовать ее с пылкостью юноши. Теперь он хотел одного — как можно скорее оказаться в Компьене наедине со своей очаровательной новобрачной. Он приказал командиру эскорта двигаться со всей возможной скоростью, нигде не останавливаясь. Лошади рванули с места, а Мария Луиза в этот момент пробормотала: «Вы даже красивее, чем на портрете», чем подала императору сигнал для новых страстных объятий. А курьер во весь опор поскакал вперед, чтобы предупредить главного церемониймейстера императорского двора, что Наполеон и Мария Луиза вот-вот придут. Один австрийский дипломат, наблюдавший эту сцену, описывал ее так: «Все забегали. Лестницу поспешно застилали коврами. Запылало бесконечное количество факелов. Били барабаны, гремели оркестры... Я видел, как императрица легко выпрыгнула из кареты и пошла вверх по лестнице, опираясь на руку своего малорослого супруга. Зрелище довольно комичное, так как она по крайней мере на полголовы выше его».

Другой очевидец писал: «Это походило не на свадьбу, а на похищение. Наполеон, явно сгоравший от

нетерпения, торопил процедуру представлений, поклонив, любезностей, объявив, что императрица хочет сразу же проследовать в свои апартаменты. По пути Мария Луиза прошептала одной из сопровождавших ее дам: «Император просто очарователен. Я думаю, что буду очень сильно любить его».

Тем временем Наполеон приказал Меневалю накрыть ужин на троих в его апартаментах и, не прощаясь с многочисленными гостями, поспешил наверх вслед за дамами. За столом, поощряемый благосклонными взглядами, которые бросала на него Мария Луиза, и ее раздурявшимися щечками — она впервые в жизни пила шампанское, и оно ей очень понравилось, — Наполеон тихо спросил:

— Мадам, перед тем как уехать из Вены, вы получили какие-нибудь наставления?

На что новобрачная с обезоруживающей наивностью ответила:

— Мне сказали, что я должна вся принадлежать вам и подчиняться вам во всем...

Реакция Наполеона была столь же молниеносной, как бывало на поле боя. В первый раз за весь вечер обратившись к Каролине, он приказал ей проводить Марию Луизу в спальню. Как шушукались придворные, Наполеон, «оставшись с новобрачной, набросился на нее, как нетерпеливый солдат на проститутку».

Утром император просто сиял. Одному из своих адъютантов он бросил такую фразу: «Женись на немецкой девушке. Из них получают лучшие в мире жены. Они добры, наивны и свежи как розы».

Завтрак был сервирован в спальне: Мария Луиза лежала в постели, император сидел рядом. Они обменивались взглядами, у императрицы был весьма довольный вид. Своему отцу она написала: «Я нахожусь рядом с императором все время с нашего приезда, и он действительно любит меня. Я ему более чем благодарна и отвечаю на его любовь совершенно ис-

кренне. Чем больше узнаешь его, тем больше он очаровывает: в нем есть привлекательность, он возбуждает, и сопротивляться ему невозможно».

1 апреля состоялась церемония бракосочетания. А вскоре официальный правительственный бюллетень оповестил мир, что императрица Мария Луиза беременна.

19 марта 1811 года она родила сына, названного Наполеоном и сразу же при рождении получившего титул короля Римского. Роды были очень тяжелыми, жизнь Марии Луизы оказалась под угрозой. Был даже момент, когда встал вопрос, за чью жизнь бороться — ребенка или матери.

«Спасайте мать», — приказал Наполеон. И тут же этот неисправимый прагматик пояснил свою позицию: «Мы сможем иметь еще детей».

Но в общем все обошлось относительно благополучно.

Наполеон был безмерно счастлив и приказал отметить это событие салютом из ста одного орудия. Как вспоминала Гортензия, любимая его падчерица, когда она подбежала к императору, чтобы на радостях обнять его, он был так взволнован, что оттолкнул ее. «Меня так переполняет счастье, — сказал он, — что, мне кажется, я не выдержу. Моя бедная жена так ужасно страдала».

Им владели честолюбивые мечты, он сравнивал себя с Филиппом, царем Македонским, отцом Александра Македонского. «Счастливый ребенок! — восклицал Наполеон. — Слава лежит у его ног, в то время как мне приходилось добывать ее. Я Филипп, он будет Александром. Чтобы взять весь мир, ему достаточно только протянуть руку».

А Мария Луиза писала своему отцу:

«Вы не можете себе представить, как я счастлива. Я никогда не поверила бы, что могу испытывать такое счастье. С того момента, как я родила сына, моя любовь к мужу все возрастает и, когда я думаю о его

нежности, я с трудом удерживаюсь от слез. Даже если бы я не любила его раньше, ничто не могло бы помешать мне любить его теперь... Император проявляет к своему сыну поразительный интерес. Он носит его на руках, играет с ним... Мой дядя (великий герцог Вюрцбургский) рассказывал мне, как я мучилась в течение двадцати четырех часов, но я забыла про эту боль от радости ощущать себя матерью».

Год 1811 год, когда родился король Римский, был пиком славы и могущества императора Наполеона. Северные провинции Испании, Каталония, Арагон и Наварра, были изъяты из-под юрисдикции испанской короны и управлялись непосредственно из Парижа. Голландия тоже стала частью французского государства. Ганзейские города Гамбург, Любек и Бремен, а также великое герцогство Ольденбургское постигла та же участь. К этому следует добавить, что Наполеон объявил себя королем Италии, примирителем Швейцарии, протектором Рейнской конфедерации, а короли Испании, Вестфалии, Вюртенберга, Баварии, Саксонии и Неаполя стали его вассалами.

«Никогда ни одному человеку так не благоприятствовала Судьба,— писал историк Обри.— Все, даже его ошибки, служило его успеху. Все трепетали перед его взором. Он был хозяином Европы. Восемьдесят миллионов человек были его подданными».

Однако за фасадом этой великой империи не все было в порядке. Испания по-прежнему оставалась гнойной раной империи.

Война на Пиренейском полуострове опустошала ряды армии Наполеона, подрывала боевой дух военачальников. Господство британского флота на морях постоянно угрожало его владычеству. Союз с Россией, столь дорогой его сердцу, явно становился фикцией. Более того, в самой Франции то и дело прорывалось недовольство.

Тот же историк Обри писал: «Сельское хозяйство, которому не хватало рабочих рук, приходило в упадок.

Промышленность и коммерция, торговый флот оказались парализованными континентальной блокадой. Налоги росли. Буржуазия, лишившаяся политического воодушевления, не слышала фанфар боевой славы и сожалела о свободе».

Даже такое радостное событие, как рождение сына и наследника престола, имело свою оборотную сторону. Как только Мария Луиза оправилась после родов и стала появляться на людях, придворные с их наметанным глазом, особенно дамы, сразу же отметили, что императрица сильно подурнела. Она утратила свою свежесть, розовая кожа лица поблекла, она начала толстеть.

На физическом и душевном состоянии императрицы сказывалось и то обстоятельство, что еженощные интимные игры с мужем остались в прошлом. Огромная империя, единоличным строителем и единовластным хозяином которой он был, требовала ежедневно — даже, можно сказать, ежечасного внимания. Император привык вникать во все мелочи, решать все сам, не передоверяя никому. Он допоздна сидел в своем кабинете, склонившись над картами, донесениями, депешами, диктовал указы, распоряжения, письма. Спал он тут же, на походной койке.

Была еще одна причина, почему Наполеон прервал сексуальные отношения с Марией Луизой. Придворный медик Корвисар, принимавший роды у Марии Луизы, а император считал его лучшим врачом на всем белом свете, предупредил, что новая беременность императрицы может закончиться фатально. Следуя этому совету, Наполеон воздерживался от физической близости с женой.

А она от этого очень страдала. Теперь все ее сексуальные инстинкты, разбуженные любовью Наполеона, оставались неудовлетворенными, и она проводила долгие бессонные ночи, предаваясь фривольным мечтам.

Вот в ту пору и возник на дальнем горизонте ее

жизни генерал, граф Адам Альберт фон Нейперг. Знакомство между императрицей Марией Луизой и графом фон Нейпергом носило чисто официальный характер и никакой близости не предполагало.

Отправляясь в русский поход, Наполеон разрешил Марии Луизе поехать в Прагу повидаться со своими родными. Там, в Праге, император Франц дополнил ее и так уже огромную свиту, придав ей двенадцать знатных камергеров. В их числе оказался и фон Нейперг.

Между тем граф фон Нейперг был личностью примечательной. О нем следует рассказать подробнее, поскольку впоследствии он сыграет в судьбе Марии Луизы весьма значительную роль.

Он происходил из старинного швабского рода. Его прадед был австрийским фельдмаршалом, отец, Леопольд фон Нейперг, был дипломатом и австрийским послом в Париже до Революции. Он увлекался механикой, изобрел первую пишущую машинку, а жена его тем временем влюбилась в молодого и красивого французского офицера, по всей видимости, от него и родила будущего генерала Адама фон Нейперга. Еще в молодости Адам, несмотря на то что в его жилах текла французская кровь, отличался своей ненавистью к Франции и французам. Сражаясь в рядах австрийской армии против французов, он был тяжело ранен и потерял правый глаз. Потом он сменил военный мундир на фрак дипломата и был австрийским послом в Стокгольме. Он был человеком высокообразованным, увлекался поэзией и музыкой. Но главным полем деятельности, где он блистал, было любовное поле. Мадам де Сталь, познакомившаяся с графом Нейпергом в Стокгольме, отметила, что он «со своим единственным глазом может завоевать женщину в два раза быстрее, чем иной мужчина с двумя глазами», она называла его «Немецким Баярдом» и написала, что «ему очень подходит титул «Рыцарь без страха и упрека», ибо он так же отважен в любви, как был бесстрашен на войне».

В Италии он прославился рядом громких скандалов, связанных с замужними дамами. Графиня Тренто бросила своего мужа, чтобы выйти замуж за своего одноглазого любовника. Но, прежде чем это случилось, она ему надоела, и он завел роман с графиней Терезой Разондини, которая ради него сбежала из мужниного дома в Мантуе. Нейперг увез ее в Милан. В конце концов они поженились — после того как она родила ему пятерых детей. Их брак длился до 1814 года.

В Праге Мария Луиза не обратила никакого внимания на графа Нейперга, он в ее глазах был всего лишь одним из австрийцев, которые временно вошли в ее свиту. А графа она вообще не заинтересовала как женщина. Он считал ее просто некрасивой и, кроме того, предпочитал маленьких брюнеток.

Но вся эта история еще впереди, а пока что Мария Луиза возвращается в Сен-Клу и погружается в свои мнимые болезни, порожденные сексуальной неудовлетворенностью. В ней проявляется неуравновешенность. На второй день после приезда были собраны высокие официальные лица, которые должны были приветствовать Марию Луизу, но после довольно длительного ожидания им было объявлено, что императрица утомлена и церемония переносится на следующий день. Один из присутствовавших заметил: «Если бы *та* (он имел в виду Жозефину) даже умирала, она все равно появилась бы с улыбкой и приветливыми словами для каждого».

А из России приходили бодрые письма от Наполеона, сообщавшего императрице об очередных победах, и слухи, основанные на письмах французских офицеров их семьям, из которых явствовало, что русская кампания терпит полное поражение. Как писал один из современников, Мария Луиза была, наверное, единственным человеком во Франции, не понимавшим, что Наполеон эту войну проиграл, что Великая армия погибла в снегах России. Быть может, она что-то

поняла, когда в полночь 18 декабря в ее спальню вломилось двое мужчин, настолько закутанных в меха, что их почти невозможно было узнать. Перепуганная Мария Луиза выскочила из постели, дрожа в своей ночной рубашке и не зная, что делать, куда спастись. И тут в одном из вторгшихся, в том, который был поменьше ростом, она узнала своего мужа Наполеона, императора Франции. Оказывается, он бросил свою отступающую армию и в сопровождении одного только Коленкура помчался во Францию. За 18 дней бешеной гонки он пересек всю Европу, и вот он уже в Тюильри.

Наполеон немедленно развил бешеную деятельность. Он продолжал утверждать, что его армия насчитывает двести или сто тысяч человек. Но ведь не кто иной, как его начальник штаба маршал Бертье, известный своей осмотрительностью и точностью, доложил ему коротко и сухо: «Армии больше не существует».

Наполеон, конечно, знал историю, облетевшую весь Париж: 15 декабря в ресторан, где обедали офицеры французской армии, вошел бродяга в рваной одежде, с бородой, закрывавшей его лицо, грязный, страшный, и, прежде чем его успели вышвырнуть за дверь, громогласно заявил: «Не торопитесь! Вы не узнаете меня, господа? Я — арьергард Великой армии. Я — маршал Ней!»

Для Марии Луизы эта катастрофа, взбудоражившая всю Европу, означала только одно — ее муж, ее Наполеон снова с ней. «Я уверена, — писала она своему отцу, — что вы разделяете мою радость видеть мужа после разлуки, длившейся более семи месяцев. Я не представляю себе более счастливого начала Нового года».

Теперь она видела его реже, чем прежде, но само сознание, что он рядом, поблизости, придавало ей сил и уверенности в себе, мучительное одиночество отстало позади. Мария Луиза повеселела, на ее щеках вновь играл румянец. Наполеон, поняв, что нельзя

оставлять ее в неведении, объяснил ей суровую правду нынешнего его положения.

За долгую скачку от Сморгони до Парижа он успел многое передумать, и первая фраза, которую он бросил своим министрам при первой встрече, звучала так: «Подумал ли кто-нибудь из вас, господа, о том, что будет с королем Римским?» Живя среди постоянных опасностей войны, император пришел к убеждению, что императрица должна быть официально провозглашена регентшей и что и она, и король Римский должны быть коронованы папой римским. Он полагал, что эти меры послужат консолидации его династии, укреплению союза с Австрией и лишат Бурбонов, как и республиканцев, всяких надежд.

Наполеон не мог допустить, чтобы австрийский император предал свою дочь и собственного внука. Он просил Марию Луизу писать отцу веселые письма, и в них почаще упоминать о любви, которую питает французский император к своему тестю, и о том, как преданы французы своему императору и маленькому королю Римскому.

Но звезда Наполеона неумолимо клонилась к закату, и в глазах Марии Луизы образ ее мужа — «Всегда Победителя» — начал тускнеть.

А финал драмы был совсем уже близок.

31 марта 1814 года войска антифранцузской коалиции во главе с российским императором Александром I вступили в Париж. Наполеон находился в Фонтенбло, где строил планы дальнейшей борьбы. 4 апреля он вызвал к себе маршалов Нея, Удино, Лefевра, Макдональда, Монсея. Там же присутствовали Бертье, Маре и Коленкур. Наполеон изложил им свой план похода на Париж. Маршалы молчали.

— Я призыву армию! — выкрикнул Наполеон, начиная понимать, что маршалы не намерены дальше сражаться за него.

— Сир, армия не сдвинется с места, — отозвался маршал Ней.

— Армия повинуется мне! — запальчиво выдвинул свой довод Наполеон.

— Сир, армия повинуется своим генералам.

— Чего же вы хотите, господа? — спросил император.

— Отречения! — в один голос ответили Ней и Удино.

Наполеон все понял и не стал возражать. Подошел к столу и написал акт отречения от престола.

Наполеон принял решение покончить жизнь самоубийством. Еще со времени бегства из Сморгани в Париж он держал в ладанке на шее цианистый калий.

11 апреля в Фонтенбло появился барон де Боссе. Он привез Наполеону известие о том, что бывшему императору предоставляют в качестве марионеточного государства остров Эльбу, сохраняют за ним титул императора, а Мария Луиза получит герцогство Пармское.

Наполеон знал, что Марии Луизе не разрешили присоединиться к нему в Фонтенбло, но теперь надеялся, что императрице и их сыну будет позволено жить вместе с ним на Эльбе.

Прощаясь с Боссе, Наполеон произнес знаменитые слова: «Вот что такое судьба! Во время сражений я мог не раз принять героическую смерть. Пули свистели у меня над головой, но ни одна из них не поразила меня. Для меня умереть от собственной руки было бы трусостью. Самоубийство противоречит принципам, той роли, которую я играю на мировой сцене. Я человек, приговоренный к жизни».

И вот в ту ночь лакей заметил, что император встал, высыпал что-то в стакан, налил немного воды, выпил ее и снова лег в постель.

Вскоре слугу разбудили странные звуки и стоны. Он в испуге побежал за врачом. Когда пришел врач, Наполеон пробормотал, что нужна была более сильная доза.

Догадавшись, что произошло, врач постарался вы-

звать у Наполеона рвоту. Пришел Коленкур, и совершенно растерявшийся врач, сказав, что ничем больше помочь не может, покинул комнату. Наполеона долго и сильно рвало, затем он перестал стонать и затих.

— Даже смерть предает меня,— произнес он слабым голосом и, обращаясь к Коленкуру, повторил ранее сказанные слова: — Я приговорен к жизни...

В эти часы его покидали самые, казалось бы верные люди. Ушли Ней и Бертье. Даже камердинер Констан и мамелюк Рустан, в преданности которого Наполеон был так уверен, покинули его. С ним оставался только Коленкур. Наполеон не переставал повторять ему: «Моя жизнь стала непереносима».

Вот тогда, ночью, Наполеон написал письмо Марии Луизе, которое передал Коленкуру в три часа утра, сказав, что попытается заснуть.

«Моя дорогая Луиза,

Я получил твое письмо и одобряю твое решение уехать в Рамбуйе, поскольку твой отец присоединится там к тебе. Наверное, это единственное для тебя утешение в этот период наших несчастий. Твой отец был введен в заблуждение и принес нам много горя, но он все равно будет хорошим отцом для тебя и дедушкой для твоего сына. Приехал Коленкур. Вчера я послал тебе копию соглашения, подписанного им, в отношении твоего будущего. Прощай, моя Луиза. Тебя я любил больше всех на свете. И мои несчастья угнетают меня только потому, что они огорчают тебя. Поцелуй нашего сына. Прощай, моя Луиза.

Твой навсегда Наполеон».

Мария Луиза мало что понимала в происходящем, но, приехав в Рамбуйе, почувствовала страх. Сады вокруг замка были полны русскими солдатами. Резиденция напоминала скорее хорошо охраняемую тюрьму, чем королевский дворец.

Встревоженная Мария Луиза потребовала встречи с отцом, но князь Эстергази довольно грубо объяснил

ей, что ее отец придет по крайней мере через три дня и пока ей лучше не покидать дворца, поскольку он «не может отвечать за поведение русских солдат». Вот теперь Мария Луиза поняла, что она пленница.

А тем временем в Вене министр иностранных дел Меттерних задумал циничный план и приступил к его выполнению. Ему было недостаточно только разлучить Марию Луизу с Наполеоном, необходимо было заставить ее отречься от мужа.

Орудием гнусного заговора стала приближенная дама Марии Луизы — злобная герцогиня Монтебелло. Используя сведения, предоставленные врачом Корвисаром, она поведала Марии Луизе обо всех любовных похождениях ее супруга, не забыв, рассказать о незаконнорожденных детях. А чтобы эта грязная работа была завершена, то, по приказу Меттерниха, повествование герцогини Монтебелло было подкреплено показаниями «верного» камердинера Наполеона Констана, а потом и свидетельствами де Боссе, который сообщил бывшей императрице, что ее супруг болел венерическими болезнями.

Спустя три дня император Франц в сопровождении Меттерниха прибыл в Сен-Клу. Состоялась мелодраматическая встреча отца с дочерью, закончившаяся тем, что австрийский император убедил Марию Луизу вернуться вместе с ним в Вену.

Меттерних мог торжествовать — бывшая французская императрица согласилась вернуться в Вену вместе со своим сыном, который с точки зрения Меттерниха был гораздо более важной фигурой, чем его мать. Хотя мальчику было только три года, он представлял собой живое воплощение наполеоновской славы, олицетворяя будущее бонапартизма, и Меттерних предпочитал, чтобы он навсегда остался в Вене.

Мария Луиза чувствовала себя в Вене, своем родном городе, среди родственников, в родной семье, неуютно. Ей все казалось, что над ней посмеиваются,

злорадствуют. Ее подозрения, конечно, не были лишены оснований.

Трудно сказать, что повлияло на охлаждение Марии Луизы к мужу, разоблачения герцогини Монтебелло или опасение за свою будущую судьбу. Во всяком случае, ее позиция в отношении переезда к Наполеону на Эльбу резко изменилась. Это явствует и из ее письма в Париж герцогине Монтебелло, в котором она с раздражением пишет о желании Наполеона, чтобы она присоединилась к нему на Эльбе. «Я боюсь, — писала она, — что его письма приведут к тому, что мне не разрешат уехать в Парму. Однако я дала Меттерниху и Талейрану самое святое слово чести, что у меня нет ни малейшего желания сейчас или когда-либо в будущем отправляться на этот остров. Вы знаете лучше, чем кто-либо другой, я не испытываю такой потребности, но император человек безответственный и эгоистичный...»

В Вене Мария Луиза чувствовала себя как в тюрьме. С огромным трудом она добилась от Меттерниха разрешения поехать в Экс-ан-Прованс на воды. Условие было одно: она должна ехать одна, без сына. Он оставался заложником.

Начало путешествия было превосходным. Мария Луиза впервые почувствовала себя свободной, никто ей не приказывал, никто не контролировал каждый ее шаг. Она наслаждалась своей свободой, красотами Швейцарии. На последнем отрезке пути от Женевы до Экса, перед самым въездом в город Мария Луиза увидела всадника в форме генерала австрийской армии, который весьма достойно поклонился ей и повернул своего коня, чтобы сопровождать ее. Без сомнения, она в тот момент была бы искренне удивлена, если бы кто-нибудь сказал ей о той роли, которую этот мужчина сыграет в ее жизни. Этому человеку было сорок два года, он был на девятнадцать лет старше Марии Луизы. Черная повязка прикрывала пустую глазницу, лицо мужественное. Это был генерал граф фон Нейперг, который в 1812 году во

время ее пребывания в Праге был камергером при ее особе. Тогда она вряд ли обратила на него внимание.

Сейчас она увидела перед собой хорошо сложенного, уже немолодого мужчину с вьющимися волосами. Его внешность ее мало интересовала — она догадывалась, что ее свободе пришел конец, что этот вежливый генерал прислан для того, чтобы шпионить за ней. Мария Луиза не ответила на его приветствие и забилась в угол кареты.

За два года, прошедшие с момента их первой встречи в Праге, утекло много воды. Фон Нейперг после успешного завершения своей миссии в Стокгольме вернулся в армию, блестяще проявил себя в сражениях при Рейхенбахе, Столпене и Лейпциге. В награду он получил звание фельдмаршала и почетную миссию отвезти донесение о победе в Вену. Когда кончилась война, фон Нейперг вернулся к дипломатической деятельности. В январе 1814 года он оказался в Неаполе, сумел убедить Мюрата — в обмен на обещание австрийского двора поддержать его претензии на неополитанский престол — предать своего благодетеля и включить неаполитанскую армию в состав союзных войск. Успешно выполнив эту миссию, фон Нейперг вернулся в Вену. Меттерних, обладавший даром угадывать нужных людей послал его в Мантую, к Евгению де Богарне, с письмом от его тестя короля Баварии, который предлагал ему последовать примеру Мюрата, поскольку карьера Наполеона кончена. Евгений отказался наотрез. Но тут как раз пришло сообщение, что Мария Луиза вместе с сыном перешла к австрийцам. Теперь не было ни регентши, ни наследника престола, которых нужно было защищать.

Нейперг находился в Павии и раздумывал над своим будущим, когда получил от князя Шварценберга приказ присоединиться к свите Марии Луизы, путешествующей под именем герцогини Коломбо, и сопровождать ее на воды в Экс, где она собирается провести несколько недель.

В инструкции было сказано: «Графу фон Нейпергу

предписывается удерживать герцогиню Коломбо, насколько возможно тактично, от попыток поехать на Эльбу. Он должен любыми способами удерживать ее от подобной затеи, а если его усилия окажутся тщетными, то последовать за герцогиней на остров Эльба».

Нейперг был весьма недоволен этим поручением. Он рассчитывал на пост посла в какой-нибудь европейской столице, а выступать в роли шпиона или соглядатая ему представлялось недостойным. В то же время он обратил внимание на формулировку «любыми способами» и однажды в разговоре обронил такую фразу: «Могу гарантировать, что через шесть месяцев она будет моей любовницей».

Первоначально на эту роль предназначался пожилой уже князь Эстергази. Однако Шварценберг, который, подобно Меттерниху, был тонким психологом, имел подробный разговор с доктором Корвисаром, и тот заверил его, что большинство недугований бывшей императрицы, как действительных, так и воображаемых, происходит от сексуальной неудовлетворенности. Решение этой проблемы, по мнению Шварценберга, было совершенно простым. Не стареющий Эстергази, а знаменитый австрийский донжуан должен стать официальным куратором Марии Луизы.

Постепенно Мария Луиза привыкла к обществу графа Нейперга. Он покорил ее своими изысканными манерами, своей ненавязчивой заботливостью. Она, еще не признаваясь себе самой, начинала влюбляться в него.

Когда Мария Луиза после долгого путешествия по Швейцарии вернулась в Вену, Нейперг решил, что его миссия завершена, и попросил разрешения отбыть к своему полку. Мария Луиза, узнав об этом, пришла в отчаяние. Она умоляла графа не оставлять ее, говорила, что он ее единственный друг. Нейперг не был совсем уж циником, в нем билась рыцарская жилка, и он не смог сопротивляться ее мольбам, которые к тому же

были поддержаны канцлером и императором, ее отцом. Он отказался от мысли вернуться в Павию.

А Мария Луиза, проявив недюжинное упрямство, добилась у своего отца согласия на то, чтобы фон Нейперг был рядом с ней, когда она отправится в Парму. Император Франц уступил дочери, и граф фон Нейперг был назначен главным камергером герцогини Пармской, командующим армией этого карликового государства, министром иностранных дел и одновременно министром внутренних дел.

7 марта 1816 года Мария Луиза выехала из Вены в Парму в сопровождении графа Нейперга. Там начался самый счастливый период ее жизни, который длился тринадцать лет, вплоть до смерти Нейперга 22 февраля 1829 года. Мария Луиза очень тяжело переживала утрату своего любовника, ставшего впоследствии ее мужем, — после смерти жены фон Нейперг тайно обвенчался с Марией Луизой. Осталось загадкой, почему тайно.

Однако Мария Луиза принадлежала к тому типу женщин, которые не могут долго спать в одиночестве. Об этом позаботился и Меттерних, который поручил место главного камергера при Марии Луизе графу Шарлю Рене де Бамбелю. Мария Луиза писала своему отцу: «Мое здоровье весьма улучшилось. Уже четыре года я не чувствовала себя так хорошо, как сейчас. Не знаю, как выразить тебе мою благодарность за твой выбор, — граф де Бамбель безупречен. С любой точки зрения невозможно подобрать более подходящего человека на должность мажордома».

17 февраля 1834 года Мария Луиза и граф Бамбель обвенчались, тоже тайно.

Умерла Мария Луиза в 1847 году.

Оглавление

ПРОЛОГ, <i>он же эпилог, поскольку речь идет о бесславном конце этой необыкновенной, блистательной жизни. И о тех женщинах, которые сопровождали этот печальный закат. И о тех, чьи тени являлись Наполеону в последние годы и дни его жизни</i>	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ, <i>в которой рассказывается о корсиканских корнях Наполеона Буонапарте, о первой юношеской влюбленности, о том, как он потерял невинность с проституткой в садах Пале-Рояля, и о том, как нищий лейтенант искал невесту с хорошим приданым или богатую вдову, на которой можно жениться</i>	18
ГЛАВА ВТОРАЯ, <i>повествующая о том, как встретил послетермидорианский Париж Наполеона Бонапарта, бригадного генерала без должности</i>	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, <i>в которой описывается жизнь Роз Таше де Ла Пажери, в замужестве виконтессы де Богарне, до ее знакомства с генералом Бонапартом</i>	59
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, <i>в которой повествуется о блистательных победах на полях сражений в Италии и о предательстве в тылу (семейном)</i>	107
ГЛАВА ПЯТАЯ, <i>посвященная египетской экспедиции Бонапарта, «маленькой французской Клеопатре», тому, как Наполеон чуть было не развелся с Жозефиной, а также перевороту 18 брюмера</i>	135
ГЛАВА ШЕСТАЯ, <i>в которой речь пойдет о первых годах Консульства и о великой итальянской певице Грассини</i>	179

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой повествуется о любовных отношениях между Первым консулом Бонапартом и несравненной французской актрисой мадемуазель Жорж	196
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой перед читателем предстанет длинная череда парижских актрис и придворных дам, выжидающих только случая, чтобы нырнуть в постель Первого консула	227
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой рассказывается о коронации Наполеона и Жозефины	251
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой объявляется некая мадемуазель Денюзель и рождает Наполеону сына	276
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой на сцену выходит польская красавица графиня Мария Валевская	283
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, грустная, поскольку речь в ней пойдет о разводе Наполеона с Жозефиной и о том, как окончилась ее жизнь	303
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой главным действующим лицом становится Мария Луиза, дочь австрийского императора, вторая жена Наполеона, вторая императрица Франции	341

Грибанов Борис Тимофеевич
ЖЕНЩИНЫ НАПОЛЕОНА

Редактор Е. Смирнова

Художественный редактор В. Горин

Технический редактор Л. Бирюкова

Корректоры А. Яковлев, Е. Орлова

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96.

Сдано в набор 03.12.99. Подписано в печать 30.12.99.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.

Тираж 5000 экз. Изд. № 99-527-ЛЖ. Заказ № 444.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

В серии «Любовь в их жизни» перед читателями предстанут великие люди прошлого и настоящего, навеки вписавшие свои имена в анналы истории. Их жизнь, полная взлетов и падений, и любовь, всепоглощающая

и страстная, превратились в легенду, над которой время не властно.

Тиран и узурпатор, перед которым трепетали народы и склонялись государства, он был не только гениальным полководцем, завоевавшим полмира, но одерживал победы над самыми прекрасными женщинами своего времени. Список его любовных побед не менее блестящ, чем побед военных. Его любили аристократки и дамы полусвета, знаменитая итальянская певица Джузепина Грассини и юная польская графиня Мария Велевская, великая актриса мадемуазель Жорж и известная писательница мадам де Сталь. Что привлекало их в этом человеке — обаяние его личности или сияние его славы? Но сам Наполеон говорил: «Моя настоящая любовница — это власть», и в жертву ей он принес свою самую большую любовь, свою счастливую звезду, свою Жозефину...

28196

Жанщины Наполеона (Любовь в их жизни)

20

18.03.2000

ОЛМА-ПРЕСС